

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

1959

P Law 620.5 ($\frac{188}{9}$)

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

1880

05
p89

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ.

СЕНТЯВРЬ.

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
пл. Мясницкая, 3.

№3576 ж.ф.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ И ЛИТОГРАФИЯ В. В. КОМАРОВА. ФОНТАНКА, 74.
1887.

Δ 1887

Рслан 620.5 ($\frac{1887}{9}$)
✓

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 1 сентября 1887 г.

61 * 2

ДЕНЬЩИКЪ.

(Повѣсть).

Люби, покуда любитя,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И Богъ тебѣ судья.

Зеленый шумъ (И. Некрасова).

Негулялъ съ кистенемъ я въ дремучемъ лѣсу,
Не лежалъ я ворву въ непроглядную ночь;
Я свой вѣкъ загубилъ за двѣцу красу..

Огородникъ (И. Некрасова).

I.

Алексѣй Сергѣевичъ Ястребовъ, штабсъ-капитанъ N** драгунскаго полка, проснулся ранѣе обыкновеннаго и, по привычкѣ, не любя долго нѣжиться въ постели, немедленно всталъ и облекся въ бухарскій халатъ и туфли. Это былъ мужчина выше средняго роста, сухощавый, стройный, съ правильными, пріятными чертами лица. Отъ матери молдаванки онъ унаслѣдовалъ смуглый цвѣтъ кожи, большіе, темные, впалые глаза, и бѣлые, какъ снѣгъ, ровные зубы. Отецъ его, изъ старинной великорусской семьи, оставилъ сыну въ наслѣдство нѣсколько толстоватый носъ, да свое добродушіе и честную прямогу характера. На видъ Алексѣю Сергѣевичу казалось лѣтъ подь пятьдесятъ; въ черной, какъ смоль, бородѣ его, красиво расчесанной на двѣ стороны, и въ черныхъ, слегка вьющихся волосахъ, коегдѣ уже пробивались сѣдинки. Въ дѣйствительности же

ему только-что исполнилось тридцать шесть лѣтъ. Не смотря на свою красивую наружность, штабсъ-капитанъ Ястребовъ никогда не числился въ легіонѣ провинціальныхъ донъ-Жуановъ и ловеласовъ. Для этого онъ былъ слишкомъ скромнень, нелюдимъ и серьезень. Сынъ небогатыхъ родителей, съ самыхъ малыхъ лѣтъ оторванный отъ семьи и отданный въ одинъ изъ корпусовъ, Алексѣй Сергѣевичъ прошелъ всю трудную жизнь небогатаго кадета, безъ связей и протекцій. Родители его умерли, когда Ястребовъ только-что перешелъ въ старшіе классы. Юношу на свое попеченіе взялъ дядя, братъ отца, мрачный, суровый старикъ, котораго Ястребовъ никогда въ глаза не видалъ. Всѣ заботы дядюшки ограничивались высылкою дважды въ годъ, къ Рождеству и Пасхѣ, небольшихъ деньжонокъ и короткихъ, въ высшей степени лаконическихъ записокъ, въ такомъ родѣ:

«Другъ мой милый, Леша, я здоровъ, чего отъ души и тебѣ желаю. Учись, не шали и помни всегда, что ты сынъ не какого-нибудь маркера, а потомственнаго дворянина,—помни это и поступаай такъ, чтобы никогда не пришлось краснѣть за свои поступки.

«Обнимаю, любящи тебя твой дядя Урванъ Ястребовъ».

Алексѣй Сергѣевичъ, хотя въ душѣ и питалъ влеченіе къ лошадямъ и конному строю, но, не имѣя средствъ, рѣшилъ по окончаніи курса выйти въ пѣхоту но передъ самымъ послѣднимъ выпускнымъ экзаменомъ онъ получилъ извѣстіе о неожиданной смерти дяди. Алексѣй Сергѣевичъ былъ единственнымъ его наслѣдникомъ. Тотчасъ послѣ экзаменовъ онъ взялъ отпускъ и поскакалъ въ Семихолмное, имѣніе дяди.

Имѣніе это, стоившее, по крайней мѣрѣ, тысячь шестьдесятъ, онъ продалъ черезъ посредства какого-то фактора за сорокъ тысячь, да и тѣ получилъ такими бумагами, при реализованіи которыхъ пришлось еще потерять тысячи четыре. Но для него и тридцать пять тысячь казались огром-

нымъ состояніемъ. Онъ перевелся въ одинъ изъ драгунскихъ полковъ. Съ молодю неизбалованный, привыкшій жить скромно, Алексѣй Сергѣевичъ и въ полку велъ жизнь скромную и умѣренную. Нѣкоторые изъ товарищей называли его скупымъ, но Ястребовъ не былъ скупъ, а просто, не имѣя прежде въ своемъ распоряженіи большихъ денегъ, онъ пріучился относиться къ нимъ бережно и не любилъ мотать безъ толку. Къ тому же и характеръ у него былъ нѣсколько угрюмый: онъ избѣгалъ шумныхъ и веселыхъ обществъ. Любимымъ препровожденіемъ времени его было лежать на кушеткѣ и читать. Впрочемъ, Алексѣй Сергѣевичъ пользовался въ полку всеобщою любовью и уваженіемъ; онъ никогда не выставлялся на показъ, не лѣзъ съ совѣтами и правоученіями, какъ дѣлаютъ многіе, относился ко всѣмъ одинаково добросердечно и ласково, ни къ кому не напрашивался въ дружбу, но и никого не избѣгалъ; всегда былъ радъ помочь товарищу, чѣмъ могъ. Никто никогда не слышалъ, чтобы онъ злословилъ кого-нибудь, или передъ кѣмъ-либо унижался и подличалъ.

И подчиненные его любили.

«Голубь-человѣкъ», прозвали его солдаты,—и говорили о немъ: «Это — нашъ», эпитетъ, который они даютъ не всякому.

Русскій солдатъ очень чутокъ къ истинной человѣчности въ обращеніи съ нимъ. Сентиментальничаньемъ его не проведешь; онъ изумительно тонко умѣетъ подмѣчать всякую фальшь, всякую дѣланность. За то искреннюю, истинную любовь къ себѣ, онъ умѣетъ цѣнить и платить за нее искреннею, горячею привязанностью, доходящею до самозабвенія.

Ястребовъ, не искавшій популярности, тѣмъ не менѣе, очень скоро пріобрѣлъ ее между подчиненными. Не выходя изъ рамокъ строгой дисциплины, Алексѣй Сергѣевичъ не только никогда не дрался, но избѣгалъ грубой брани, а между тѣмъ, его слушались больше, чѣмъ кого-либо. Онъ

былъ чрезвычайно сдержанъ, но по тому, какъ иногда, въ минуты гнѣва, загорались его черные, глубокіе глаза, какъ нервно сжимались тонкія губы и рдѣло румянцемъ худощавое, выразительное лицо, можно было заключить, что подъ этою сдержанностью таится страстная натура, способная на сильныя порывы. Этому взгляда его боялись солдаты.

— И смотреть же онъ, братцы мои, кажись, въ самое нутро залѣзаетъ... Ажъ жутко станеть!—говорили они.

Не боялся этого взгляда только одинъ его деньщикъ, Степанъ; но это было существо совсѣмъ особаго рода.

Въ то утро, съ котораго начинается нашъ рассказъ, Алексѣй Сергѣевичъ всталъ не въ духѣ.

— Степанъ!—крикнулъ онъ.

Отвѣта не послѣдовало. Офицеръ съ досадою прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ и, подойдя къ письменному столу, нажалъ пуговку звонка; но и на звонокъ никто не откликнулся.

— Степанъ!..

Та же гробовая тишина. Ястребовъ быстрымъ шагомъ подошелъ къ двери и съ досадою схватился за ручку, но въ ту же минуту дверь распахнулась, и на порогъ появилась высокая, угрюмая фигура деньщика Степана.

— Чего надоть?—проворчалъ онъ, изъ подлобья взглядывая на штабсъ-капитана.

— Чего надоть! Чего надоть! — передразнилъ его Ястребовъ.—Гдѣ ты шляешься?.. Зовешь, зовешь—не дозовешься!

— А ты бы, ваше благородіе, еще раньше поднялся,—сыронизировалъ Степанъ,—подумаешь, дѣла какія приспичили; пѣтухи, чай, и то не всѣ еще встали...

— Ну, ты много не разсуждай. Самоваръ готовъ?

— Сейчасъ... Я его еще съ вечера поставилъ; всю ночь караулилъ, уголья подкладывалъ, зналъ, что вамъ до свѣту понадобится.

— Экій скотъ! Иди же ставь скорѣй, да давай мнѣ умыться!

— Ладно, успѣется, не на тревогу!.. — Ворчалъ Степанъ, переставляя мебель и перекладывая съ мѣста на мѣсто вещи.

Алексѣй Сергѣевичъ не на шутку началъ сердиться.

— Послушай ты, болванъ, пойдешь ты ставить самоваль, или нѣтъ?!

— Да чего его ставить, онъ и такъ стоитъ,—огрызнулся Степанъ, но тотчасъ же прибавилъ болѣе снисходительнымъ тономъ:—давайте ключи-то, что-ли, али сами погребецъ достанете, у меня за самоваромъ дѣло не стоять; я думаю, ужь онъ закипѣлъ таперича.

— Самъ достану, ты самоваръ-то неси!

Степанъ исчезъ.

— А вотъ что, ваше благородіе, хочу я тебя спросить,—снова началъ Степанъ, возвращаясь съ небольшимъ самоварчикомъ, и ставя его на столъ;—коли ежели, къ примѣру, я таперича напьюсь и приду пьянъ, что ты мнѣ, ваше благородіе, на эфто скажешь?

— Скажу, что ты скотина, пьяница!

— Вотъ то-то и оно; ну, а ежели ты, ваше благородіе, придешь, какъ вчера, что я долженъ сказать?

— Ахъ ты, пряничная форма, да какъ ты смѣешь!..

— А ты, ваше благородіе, пожди ругаться-то, не къ спѣху; а ты мнѣ лучше скажи, что это съ тобой нониче случилось, николи ты допрежь того этими дѣлами не занимался, а таперича зачалъ?

— Какими такими дѣлами?

— Да извѣстно какими, нехорошими. Допрежь того, ты, ваше благородіе, не пилъ; вотъ уже, почитай, шестой годъ живу я у тебя, а николи невидаль выпимши, а нониче—что ни вечеръ, то навеселѣ, нѣшто это резонъ?

— Да тебѣ-то что за дѣло? Скажи ты мнѣ на милость, что я, дитя, что-ли?

— Мнѣ, вѣстимо дѣло—начхать, по мнѣ хошь на карачкахъ полвай, не меня осудятъ.

— Ну, стало быть, и молчи!

— Ну и молчу.

Оба замолчали. Прошло минутъ пять. Ястребовъ съ наслажденіемъ прихлебывалъ чай. Степанъ стоялъ, прислонясь къ косяку двери, и слегка почесывалъ спину.

— Ваше благородіе, а ваше благородіе, — началъ онъ снова, — не ладныя про васъ дѣла слышалъ!

— Ну, что еще тамъ?

— Быдто бы вы ахтерку завели? Правда это?

Ястребовъ вспыхнулъ и немного смутился.

— Дуракъ ты, братецъ, — проворчалъ онъ, — мелешь, самъ не зная что!!..

Степанъ какъ-то особенно поглядѣлъ на Алексѣя Сергѣевича, хотѣлъ что-то сказать, но удержался. Въ эту минуту дверь отворилась и въ комнату вошелъ красивый, молодой прапорщикъ Волгинъ. Ястребовъ несказанно обрадовался его приходу, прервавшему разговоръ, начинавшій тяготить его.

— Степанъ, подай еще стаканъ!

— Знаю и безъ васъ; вѣстимо не изъ умывальника чаемъ поить будете.

— Вотъ грубіянь-то! Повѣрите-ли, Иванъ Яковлевичъ, онъ просто мнѣ жизнь отравляетъ! Я, по милости его, наименесчастнѣйшій человѣкъ! Вы представить себѣ не можете, сколько я выношу отъ него грубостей и непріятностей!

— Да вы бы его перемѣнили?

— Да привыкъъ я къ нему, чортъ его возьми. Человѣкъ-то онъ совсѣмъ особенный. Вы слышали его исторію съ поросенкомъ?

У капитана была слабость рассказывать всѣмъ и каждому, и встать и не встать, эту исторію.

— Нѣтъ, а что?

— Можете представить, какую онъ разъ штуку удраль. Въ послѣднюю кампанію нашему эскадрону пришлось какъ-то цѣлую недѣлю прикрывать конную батарею и часть саперъ. Турки обстрѣливали насъ со всѣхъ сторонъ. Впрочемъ, какъ батареи, такъ и прикрытія, благодаря мѣстности, находились въ сравнительной безопасности. Бомбы и гранаты ихъ или перелетали черезъ наши головы, или не долетали. Не имѣя возможности особенно вредить намъ, турки всю свою ярость обращали на дорогу, ведущую отъ мѣста расположенія нашей бригады къ намъ на позиціи. Дорогу эту по истинѣ можно было назвать «убійственной». Стоило только кому-нибудь показаться, чтобы по немъ немедленно отерывался самый отчаянный огонь. Сидимъ мы какъ-то вечеромъ и, отъ нечего дѣлать, любуемся окрестностью... Глядь, кто-то идетъ по дорогѣ; идетъ не торопится... Турки, какъ только завидѣли его, давай, по обыкновенію, жарить во всю ивановскую... Кому, думаемъ, пришла охота мишень живую изъ себя разыгрывать?.. Охъ, пропадетъ парень ни за грошъ; глядимъ, а сердце такъ и замираетъ: вотъ свалится, вотъ свалится... Однако, нѣтъ, Богъ милуетъ, идетъ себѣ, все ближе, ближе... Батюшки свѣты, да это Степанъ мой... «Ты зачѣмъ, такой сякой?» — «А я, ваше благородіе, вѣчерасъ поросенкомъ раздобылся, добре дюжій поросенокъ, вотъ мнѣ и вздумалось, давно ты, ваше благородіе, поросенка съ кашей не ѣдалъ (а надо вамъ сказать, я это кушанье очень люблю), я, значить, поросенка зажарилъ и приволокъ: у васъ тутъ, я чай, не ахти какія фрыкасеи». А чего ужъ, почти, всю недѣлю одними сухарями питались. «Ахъ ты, дуралей! Да, вѣдь, тебя, дурья голова, и съ поросенкомъ твоимъ увокопшить бы могли за милую душу». — «Я и то, признаться, боялся: выбьютъ, думаю, черти, посудину, аль самого попортятъ; поросенокъ ни за нюхъ табаку загибъ бы, ну да, слава Богу, не вдарило ни одно, хоша и близко лопались, гдѣ имъ, гололобымъ!»

— Какъ вамъ это нравится, а? «Поросенокъ бы загибъ»!
Ну, не шутъ-ли онъ послѣ этого!

— Буде языкомъ-то околочивать, разговоръ какой
нашли!—пробурчалъ Степанъ, ставя стаканъ на столъ.

— А ты какъ смѣешь, невѣжа, въ офицерскій раз-
говоръ вмѣшиваться?

— Да какой это охвицерскій разговоръ, нѣшто охви-
церы о такой пустяковинѣ говорятъ? Только и свѣта въ
окошкѣ—о деньщикахъ судачить!

— Ну вотъ, толкуйте съ подобнымъ идиотомъ! — съ
выраженіемъ комическаго ужаса развелъ руками Ястре-
бовъ.

Волгинъ хохоталъ, какъ сумасшедшій.

— Обнаковенно дѣло,—невозмутимо продолжалъ Сте-
панъ,—и всякій скажетъ, что не слѣдъ охвицерамъ изъ
пустаго въ порожнее переливать.

— Пшелъ вонъ!

— Не гони, и самъ уйду!

И, ворча что-то себѣ подъ носъ, Степанъ неторопливо
вышелъ изъ комнаты, громко хлопнувъ дверью.

— И это каждый день! Нѣтъ, положительно этотъ че-
ловѣкъ доведетъ меня когда-нибудь Богъ знаетъ до чего!

— Переимѣните, отправьте въ эскадронъ, а себѣ возъ-
мите другаго,—опять посовѣтовалъ Волгинъ.

Совѣтъ былъ не по сердцу Ястребову и, очевидно, не
понравился ему.

— Всѣ они одинъ другаго лучше,—недовольнымъ то-
номъ замѣтилъ онъ;—этотъ, по крайности, никогда не пьетъ,
и самой высокой честности.

— А признайтесь, вы любите вашего Степана, оттого
и разстаться съ нимъ не желаете?

— И полноте, что за вздоръ, просто привыкъ... да и
за что любить такого остолопа?

— Отчего же, когда кто-нибудь бранить его или грубо
съ нимъ обходится, вы принимаете это, какъ личную обиду?

— Отчего?.. Какъ бы это вамъ объяснить, — замылся Ястребовъ; — оттого, что... ну, да что объ этомъ толковать...

— А у меня къ вамъ дѣло, — переѣмили разговоръ Волгинъ. — Сухотинъ приглашаетъ меня съ нимъ на медвѣжью охоту, не дадите-ли вы мнѣ вашъ ланкастеръ, а то мое ружье въ починкѣ?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Эй, Степанъ! Впрочемъ, ну его, опять что-нибудь сгрубить, я лучше самъ схожу.

Съ этими словами Ястребовъ всталъ, вышелъ въ другую комнату, и черезъ минуту вернулся съ большимъ ящичкомъ чернаго дерева. Онъ осторожно нажалъ секретную пружинку, крышка, щелкнувъ, откинулась, и глазамъ Волгина представились красиво расположенныя части дорогого ружья.

— Вы, я думаю, сумѣете собрать его? — спросилъ Ястребовъ, невольно самъ любясь изящною, артистическою работой и яркимъ блескомъ никеллированной стали.

— Еще бы! Очень, очень вамъ благодаренъ; за цѣлостъ и сохранность можете быть спокойны.

— Я и не сомнѣваюсь! — ласково улыбнулся Ястребовъ.

Волгинъ вскорѣ ушелъ. Алексѣй Сергѣевичъ поспѣшно, безъ помощи Степана, одѣлся и тоже вышелъ, стараясь уйти незамѣченнымъ. Но все же ему не удалось избѣжать встрѣчи.

— Опять до ночи! — проворчалъ угрюмо Степанъ, сталкиваясь съ нимъ въ самой калиткѣ. Охвицеръ, оквицеръ, а словно котъ мартовскій бѣгаетъ... Тьфу! — И энергично сплюнувъ, деньщикъ, не оглядываясь, побрелъ на крыльцо. Ястребовъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ столь нелестнаго для себя сравненія, и поспѣшилъ за ворота.

II.

Странный человекъ былъ Степанъ.

Первое впечатлѣніе, производимое его наружностью было безусловно не въ его пользу. Ростомъ почти въ сажень, съ плоскою, даже нѣсколько ввалившеюся грудью, — отчего онъ казался сутуловатымъ (явленіе часто встрѣчаемое у старыхъ кавалеристовъ), — съ чрезвычайно сильно развитыми мускулами и длинными, сравнительно тонкими, ногами, что особенно бросалось въ глаза, благодаря непомѣрной ширинѣ плечей и груди. Большая неуклюжая голова его, коротко остриженные волосы, цвѣта побурѣвшей соломы, и длинные щетинистые усы той же масти, придавали его широкоскулому, нѣсколько рябоватому лицу, сходство съ какимъ-то лѣснымъ звѣремъ. Сходство это еще болѣе выдѣлялось, благодаря его неуклюжей, тяжелой походкѣ. Прибавимъ къ этому угрюмый изподлобья взглядъ и глухой голосъ, и читатель согласится, что наружность Степана едва-ли могла быть названа привлекательной. Стоило однако попристальнѣе взглянуть въ его большіе, сѣрые глаза, свѣтящіеся какою-то внутреннею теплотой, подмѣтить его добродушную улыбку, изрѣдка появлявшуюся на толстыхъ губахъ, чтобы неприятное впечатлѣніе исчезло и уступило мѣсто другому, вполне противоположному. Степанъ былъ по природѣ чрезвычайно добрый и мягкосердечный человекъ, но, странное дѣло, сознание этой мягкосердечности и доброты больше всего мучило и беспокоило его; онъ стыдился проявить ее чѣмъ бы то ни было при людяхъ. Причина этого заключалась въ томъ, что Степанъ съ самаго поступленія своего въ военную службу вообразилъ себѣ, что истинный, бравый солдатъ долженъ непремѣнно походить не то на машину, не то на какого-то окаменѣлаго истукана, лишенаго всякихъ человѣческихъ чувствъ. Проявлять сердечную теплоту — это, по мнѣнію Степана, недостойное и несовмѣстимое, съ понятіемъ о настоящемъ солдатѣ качество — онъ называлъ «бабиться», и всѣми силами, какъ преступленіе, скрывая отъ всѣхъ теплоту своей души, нарочно принималъ суровый, угрюмый видъ, ру-

гался и грубилъ безъ всякаго повода, а рядомъ съ этимъ, гдѣ-нибудь въ укромномъ, скрытомъ отъ посторонняго глаза уголкѣ воспитывалъ и вскармливалъ или подшибленнаго щенка, или больнаго котенка, или осиротѣлаго галченка. Онъ по цѣлымъ часамъ терпѣливо возился съ ними, кормилъ ихъ съ пальца молокомъ, нянчился, укутывалъ и все это въ величайшемъ секретѣ.

Съ Ястребовымъ у Степана сложились весьма своеобразныя, довольно странныя отношенія. Шестой годъ живетъ онъ у штабсъ-капитана и все это время ведетъ съ нимъ непрерывную ожесточенную войну; съ перваго взгляда можно подумать, что Ястребовъ и его дѣвѣцки непримиримые враги, глубоко ненавидящіе другъ друга. У Степана былъ циклъ его ежедневныхъ и постоянныхъ обязанностей, исполняемыхъ имъ неукоснительно; все же, что требовали отъ него сверхъ этаго, онъ встрѣчалъ отчаянною бранью, и въ большинствѣ случаевъ или совсѣмъ не исполнялъ, или, если исполнялъ, то послѣ долгихъ препирательствъ и кое-какъ, лишь бы съ рукъ сбыть.

Переругиваясь съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ въ глаза, Степанъ не терялъ случая и за глаза ругать его и клясть на всѣхъ перекресткахъ. Но горе было тѣмъ, кто, желая поддѣлаться къ нему, принимался вторить Степану и, въ свою очередь, непочтительно отзываться о штабсъ-капитанѣ. Степанъ, тотчасъ же перемѣнялъ тонъ, нахмуривалъ щетинистыя брови, и вдругъ огорошивалъ собесѣдника:

— А какое такое право имѣешь ты, собачье ухо, говорить такія слова про его благородіе?

— Да, вѣдь, ты же самъ только-что ругалъ его!—пробуетъ защищаться опѣшенный собесѣдникъ.

— Мало-ли что я! На то я его дѣвѣцки, а ты что? Не, братъ, въ другой разъ такъ бока намну, что ногъ не унесешь!

И Степанъ такъ выразительно сжималъ свой исполинскій кулакъ и такъ внушительно потрясалъ имъ около

носа пріятеля, что тотъ считалъ за лучшее немедленно ретироваться.

Обладая недюжиннымъ бессознательнымъ мужествомъ, Степанъ въ то же время былъ врагъ войны, и не понималъ храбрости въ смыслѣ военной доблести.

— И штой-то право, — разсуждалъ онъ иногда въ минуты хорошаго расположенія духа, — ровно и Богъ вѣсть какое дѣло дѣлають — другъ друга убивають. Тѣсно, что-ли, всѣмъ-то вмѣстѣ?

— Да ты пойми, — ввязывался въ разговоръ, какой-нибудь бравый унтеръ, съ «крестомъ» на груди, — вѣдь, то турки.....

— Ну, что же, что турки, а нѣшто турокъ не такой же человекъ? И у турки тоже, чай, душа, какъ и у тебя, и живетъ онъ хона по своему, а и у него, поди, дома жена есть и ребятенки. Каково-то имъ таперича, горемыкамъ?

— А онъ не бунтуй, — замѣчалъ унтеръ.

III.

Злобой дня и темой разговоровъ въ городѣ Z былъ пріѣздъ небольшой труппы бродячихъ, или какъ они сами себя величали — «гастролирующихъ» актеровъ. Антрепренеръ труппы, Осипъ Самуиловичъ Рабиновичъ, маленький, шаровидный, еврейскаго типа, черненькій, необычайно юркій и подвижной господинъ, облекся въ черный, нѣсколько потертый фракъ, и съ цилиндромъ въ рукѣ объѣхалъ всѣхъ вліятельныхъ и капитальныхъ людей города, съ покорнѣйшими просьбами — почтить его труппу благосклоннымъ вниманіемъ и оказать ему содѣйствіе и поддержку. Осипъ Самуиловичъ такъ умѣло и тонко повелъ дѣла, что предводитель дворянства предоставилъ ему бесплатно залъ уѣзднаго земскаго собранія, городской голова отдалъ на все время представленій имѣющіеся у него въ думѣ вѣнскіе стулья для партера, наконецъ, богатая вдова Софья Сергѣевна

Ремезова, позволила брать для изображеній убранства богатыхъ барскихъ гостиниыхъ часть своей дорогой мебели.

Первая пьеса, разыгранная прїѣхавшею труппой г. Рабиновича, была комедія Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ».

Театръ, или, лучше сказать, залъ земскаго собранія былъ полонъ. Въ числѣ зрителей первыхъ рядовъ присутствовали всѣ офицеры N-скаго драгунскаго полка и между ними нашъ знакомый — Ястребовъ.

Какъ это обыкновенно бываетъ съ мелкими провинціальными труппами, персоналъ артистовъ былъ ниже всякой критики: трагикъ Угрюмовъ неистово потрясая своею сѣдою безконечною бородой въ роли Безсуднаго, ужасно вращалъ глазами и грозно тыкалъ въ воздухъ кулакомъ. «Анна!!—ревѣлъ онъ замогильнымъ голосомъ,— ты, смотри, не разбуди во мнѣ бѣса!!»

При этомъ Угрюмовъ, забывая свой гигантскій ростъ и по малой мѣрѣ восьми-пудовой вѣсъ, съ такою стремительностью, ураганомъ носился по сценѣ, что вся она, вмѣстѣ съ декорациями и съ суфлерскою будочкой включительно, что называется, ходуномъ ходила, ежеминутно угрожая разсыпаться. У комика Несуразова было два недостатка: во-первыхъ, ноги его были такъ устроены, что никакъ не могли пройти мимо красной вывѣски, безъ того, чтобы не занести туда своего хозяина, отчего сей послѣдній и находился въ вѣчномъ состоянїи болѣе или менѣе солиднаго опьяненія; во-вторыхъ, лицедѣйствуя иногда въ трактирномъ буфетѣ, передъ разношерстною публикой, онъ не стѣснялся въ выборѣ выраженій и жестовъ, затѣмъ, играя на подмоскахъ передъ заправскою публикой, очень часто смѣшивалъ театръ съ буфетомъ, отчего происходили болѣе или менѣе печальныя недоразумѣнїя. Такъ, напри- мѣръ, играя пьянаго купчика Непутеваго, онъ доходилъ до такого реализма въ своемъ изображенїи налимониившагося грубаго самодура, и такъ живо входилъ въ его роль,

что присутствующія барышни не знали куда глядѣть и краснѣли, какъ маковъ цвѣтъ. Первый любовникъ, игравшій роль Миловидова, скорѣе годился въ парикмахеры въ настоящему Миловидову, что, впрочемъ, не мѣшало ему считать себя обворожительнымъ. Но если мужской персональ труппы г. Рабиновича, по справедливости, могъ быть названъ «горе мое горькое», то уже женскій и совсѣмъ былъ изъ рукъ вонъ плохъ. Какъ ни была снисходительна публика провинціального городка, но и она, въ концѣ концовъ, возмутилась бы, если бы не одно обстоятельство, заставившее закрыть глаза на недостатки актрисъ: онѣ были очень и очень недурны собою. Особенно красива была Дарья Семеновна Шигалина: роста выше средняго, стройная, съ нѣжнымъ цвѣтомъ кожи, бѣлокурыя, съ золотистымъ отливомъ волосы... Но увы, что это была за актриса! Не говоря уже о томъ, что она вовсе не понимала своей роли, и вмѣсто скромной, влюбчивой, довѣрчивой и невинной Аннушки Островскаго, преподносила зрителямъ Богъ знаетъ что, она къ тому же и слова своей роли заучила съ пятого на десятое. Монологи она отчитывала однимъ духомъ и однимъ тономъ, какъ гимназистъ латинскія исключенія на is.

Другая актриса, Синицына, сравнительно съ Шигалиной, играла довольно сносно, тѣмъ болѣе, что и наружность ея какъ нельзя болѣе соответствовала роли разбитной, ко всѣмъ ласковой хозяйки постоялаго двора. Толстенкая брюнетка, съ живыми бойкими глазами, съ задорно вздернутымъ носикомъ, съ пышною, бѣлою, нѣсколько излишне открытою грудью, она катышкомъ каталась по сценѣ въ своемъ яркомъ сарафанѣ и бойко тараторила, мѣстами довольно вѣрно передавая роль (особенно въ «ласковыхъ» сценахъ).

По окончаніи комедіи, въ видѣ сюрприза и такъ сказать на закуску, комикъ Несуразовъ, въ костюмѣ оборванца, пропѣлъ куплеты: «Графинчикъ, канашка!» чѣмъ

привелъ въ неистовый восторгъ публику попроче. Послѣ Несуразова на подмосткахъ появилась Дарья Семеновна Шигалина, въ парадномъ цыганскомъ костюмѣ. Прекрасные волосы ея, перекрученные серебрянными нитями, золотистымъ, волнующимся каскадомъ падали на плечи: она граціозно драпировалась въ ярко-пеструю шаль, перекинутую черезъ плечо; на широкой голубой лентѣ висѣла гитара. Подойдя къ рампѣ, Дарья Семеновна остановилась и съ граціознымъ полупоклономъ обвела своими темными глазами публику... Раздался громъ рукоплесканій... Не то самодовольная, не то полупрезрительная улыбка чуть тронула углы ея губъ; она слегка откинулась головой и всѣмъ корпусомъ и, перебирая струны граціознымъ движеніемъ обнаженной по самое плечо бѣлой и полной руки, запѣла избитѣйшій романсъ:

«Мѣсяцъ плыветъ по ночнымъ небесамъ»...

Голосъ ея сначала тихій и нѣжный, становился все громче, сильнѣй.. Онъ то звенѣлъ, то переходилъ въ чуть слышный шепотъ... Безмысленныя слова, пошлѣйшаго романа въ устахъ ея принимали, особенно для провинціальной публики, чарующую силу... Неумѣлая актриса была забыта, въ эту минуту она становилась кумиромъ этой толпы, и когда кончила романсъ, толпа заревѣла. Щеки пѣвицы покрылись яркимъ румянцемъ, глаза сверкали изъ подъ темныхъ, густыхъ рѣсницъ, самодовольная улыбка скользнула на губахъ. Она граціозно кланялась на всѣ стороны, причемъ слегка позвякивали серебрянныя монеты и цѣпочки ея головнаго убора. Когда, наконецъ, крики затихли, пѣвица снова вскинула гитару, и смѣло ударивъ всею рукой по струнамъ, весело и задорно начала:

Ахъ, ты, Ванюшка, удалая башка,

Тебѣ, молодцу, жениться пора

Ой, жги, жги, жги, жги, говори!..

Мгновенно вся фигура ея оживилась и пришла въ движеніе, она поводила плечемъ, лихо встряхивала голо-

№ 3576 ж. ф.

ной и рукой, причемъ весело бряцали въ тактъ музыкѣ ея серебрянныя украшенія, она вызывающе оглядывалась вокругъ, словно говоря: «а ну-ка, добрые люди, полюбуитесь-ка!» По мѣрѣ того, какъ учащался темпъ пѣсни, движенія ея становились порывистѣе, тонкіе, красивые пальцы съ кольцами изъ поддѣльныхъ брилліантовъ молніей искрились по струнамъ, и казалось всѣ суставы ея красиваго стройнаго тѣла трепетали отъ порыва бѣшеннои страсти.

Никогда ничего подобнаго не доводилось видѣть и слышать скромнымъ жителямъ города Z. Правда, и къ нимъ изрѣдка наѣзжали цыгане, но ихъ пѣсни, дигія и визгливыя, сопровождаемыя гиканьемъ, свистомъ и какимъ-то конскимъ топотомъ, были далеко не то. Дарья Семеновна соединяла цыганскую удаль съ шикомъ шансонеточной пѣвицы; недаромъ два года подвизалась она на сценахъ загородныхъ увеселительныхъ заведеній обѣихъ столицъ.

Послѣ плясовой, Дарья Семеновна, или, будемъ ее называть просто Даша, поощряемая неистовыми рукоплесканіями, спѣла пресловутое морсо «изъ Прекрасной Елены»:

«Боги, ужель васъ веселить...»

Восторгъ публики былъ полный! Съ этой минуты успѣхъ труппы Самуила Осиповича Рабиновича былъ обезпеченъ. Дашу вызывали, вызывали безъ конца...

Отуманенный вышелъ и Алексѣй Сергѣевичъ Ястребовъ изъ залы... Въ ухахъ его звенѣлъ бархатный голосъ, а передъ глазами носился страстный, нѣсколько нахальный образъ Даши.

— Боже мой, какъ хороша! — шептала онъ. — И какой голосъ! И какъ жаль, что ей приходится пѣть такія пошлости!

Всю ночь проворочался онъ съ боку на бокъ, а вечеромъ опять сидѣлъ въ театрѣ, въ первомъ ряду, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидая появленія Даши. Шель

веселенькій водевиль «Скандалъ въ благородномъ семействѣ». Даша, играя «Лизу», была, какъ и вчера, въ роли Аннунки, такъ же вяла, безцвѣтна и неестественна, путала и перевирала реплики и совершенно не знала, куда дѣвать руки. Но публика не видѣла и видѣть не хотѣла ея недостатковъ: вчерашняя пѣвица заставляла забывать сегодняшнюю актрису, и во все продолженіе ея невозможной игры Дашу осыпали апплодисментами и криками «браво», точно желая задобрить впередъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали девертиссента. Наконецъ, водевиль кончился. Послѣ непродолжительнаго антракта снова взвился размалеванный занавѣсъ, и на подмосткахъ появился Несуразовъ, въ красной рубахѣ, плисовой поддевкѣ и съ гармоніей въ рукахъ. Съ двусмысленными улыбками и подчеркиваніями онъ, довольно сишлымъ голосомъ, спѣлъ:

Ванька парень былъ пригожій,
 Не дурень собой...
 А Матрешка была тоже
 Баба—ой, ой, ой!

И на бисъ:

Ахъ, ты береза, ты моя береза!

Несуразову хлопали, кричали «браво». Наконецъ, онъ удалился за кулисы. Прошло минутъ пять, но Даша не появлялась; нетерпѣніе публики возрастало, топотня и хлопанье становились все громче и настойчивѣе; слышался ропоть... Но Даша не смущалась этимъ. Спрятавшись за одну изъ кулисъ, она осторожно выглядывала оттуда.

— Пусть подождутъ, чего ихъ баловать,—отвѣтила она режиссеру.

Даша, въ бытность свою въ Москвѣ въ числѣ простыхъ хористокъ, видала, какъ такимъ образомъ поступала любимица публики, знаменитая въ то время шансонеточная пѣвица Литовская, и вотъ теперь ей вздумалось дѣлать то же, а зачѣмъ? Она и сама не знала! Подождая еще минуты три, Даша, наконецъ, вышла. На этотъ разъ на ней былъ

костюмъ опереточной пейзажистки: коротенькая шелковая юбочка, малиновый бархатный лифъ, голыя до самаго плеча руки и кокетливый бѣлый накрахмаленный чепчикъ. Грудь, конечно, до послѣдней возможности декольтирована.

Она съ вызывающею улыбкой бойко спѣла известную шансонетку изъ «Корневильскихъ колоколовъ»:

Смотрите здѣсь, глядите тамъ,
Правится-ль все это вамъ?

При этомъ такъ кокетливо слегка приподнимала двумя пальчиками край своей темно-малиновой юбочки, такъ плутовато подмигивала, что мужчины окончательно растаяли и сидѣли, блаженно улыбаясь.

Въ тотъ вечеръ, кромѣ восторженныхъ похвалъ, Даша получила кое-что болѣе существенное: огромный, дорогой букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, вставленный въ массивный золотой браслетъ. Что касается Ястребова, она произвела на него сегодня гораздо меньшее впечатлѣнiе. Его рѣзали по сердцу нахальные, двусмысленные жесты, циничныя, вызывающія улыбки и пошловатые мотивы.

IV.

На другой день, утромъ, къ нему забѣжалъ прапорщикъ Волгинъ.

— Алексѣй Сергѣевичъ! — закричалъ онъ еще въ дверяхъ, — одѣвайтесь скорѣе и идемъ.

— Куда?

— Къ Дарьѣ Семеновнѣ Шилагиной, я съ нею вчера познакомился, и она звала меня къ себѣ сегодня на чай, утромъ; кстати, просила привести и васъ съ собой.

— Ну, это ужъ вы врите! Какъ она могла просить привести меня, когда даже и не знаетъ вовсе?

— Вотъ то-то и штука, что знаетъ, и даже очень вами заинтересована.

Ястребовъ сомнительно покачалъ головой.

— Нечего головой-то трясти, я вѣрно говорю. Слушайте: вчера, послѣ представленія, собрались мы кое-кто въ ея уборной. Меня ей представилъ Носовъ, а она тутъ же и спрашиваетъ меня: «Скажите пожалуйста, какъ зовутъ того офицера, который сидѣлъ сегодня рядомъ съ вами, такой смуглый съ черною бородой?» — Алексѣй Сергѣевичъ Ястребовъ, — говорю; — штабсъ-капитанъ нашего полка. А позвольте узнать, чѣмъ онъ обратилъ на себя ваше милостивое вниманіе? — «Глаза у него, — говоритъ, — какіе-то... чудной взглядъ». — Чѣмъ же, сударыня, не нравится вамъ взглядъ моего достоуважаемаго товарища и сосѣда? — «Съ чего вы взяли, — говоритъ, — что не нравится: напротивъ, вашъ товарищъ очень красивый мужчина, и все же глаза у него, хотя и красивые, а взглядъ странный!» — Такъ я и не добился, почему чудной? На прощанье звала къ себѣ чай пить: «вы и вашего товарища, мусье Ястребова, приведите съ собой, слышите? Непременно приведите!» — «Сочту за честь исполнить ваше приказаніе!..» Ну что, все еще не вѣрите, Ома невѣрующій?!

— Ну, положимъ, вѣрю, а все же не нахожу причины, зачѣмъ мнѣ идти?

— Какъ, не находите причины? — воскликнулъ Волгинъ, съ выраженіемъ неподдѣльнаго изумленья: — Красивая женщина, можно сказать, богиня красоты, зоветъ его къ себѣ, интересуется имъ, а онъ, изволите-ли видѣть, не находитъ причины! Ахъ, вы, дикарь; ну, да что съ вами растобарывать, я обязался васъ доставить и доставлю, живаго или мертваго... Степанъ, подавай его благородію одѣваться!..

Ястребовъ попытался было протестовать, но Волгинъ и слушать ничего не хотѣлъ. Дѣлать нечего, пришлось уступить, и, поборовъ свою застѣнчивость и нелюдимость, Ястребовъ рѣшился, наконецъ, идти къ Дашѣ.

Дарья Семеновна занимала два большихъ номера въ

одной изъ гостинницъ города Z. Въ одномъ у нея была спальня и уборная, другой, побольше, исправлялъ должность гостиной и столовой. Волгинъ и Ястребовъ застали у Даши довольно большое общество. Кромѣ товарища, поручика Носова, тутъ былъ извѣстный богачъ и буянъ, Сеня Сорокинъ, купеческій сыночекъ, недавно получившій и теперь прожигающій огромное наслѣдство; онъ-то вчера и поднесъ Дашѣ букетъ съ браслетомъ; Миловзоровъ, состоявшій чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ; Сямгинъ—дворянинъ безъ дѣла, и, наконецъ, князь Олихадзе, за скандалъ высланный изъ столицы и временно прикомандированный къ какой-то канцеляріи. Сама хозяйка была въ утреннемъ дезабилье: на ней былъ ситцевый пестрый капотъ, волосы кое-какъ собраны, изъ подъ короткихъ рукавовъ выглядывали бѣлыя, пухлыя руки, украшенныя браслетами. Она сидѣла у стола и сама разливала чай, весело болтала, и то и дѣло громко, закатиисто смѣялась. Увидя вошедшихъ, Дарья Семеновна крикнула имъ съ своего мѣста:

— А, здравствуйте, господа, милости просимъ, садитесь, гдѣ угодно, и будьте какъ дома.

Пришедшіе поздоровались со всѣми и усѣлись: Волгинъ на диванъ, подлѣ хозяйки, а Ястребовъ нѣсколько поодаль, у окна. Онъ какъ сѣлъ, такъ все время ни на минуту не спускалъ глазъ съ Дарьи Семеновны. Чувствуя на себѣ его взглядъ, она нѣсколько разъ оглядывалась въ его сторону, и ласково улыбалась ему, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядъ этотъ беспокоилъ ее: никогда никто не глядѣлъ на нее такимъ образомъ. Она уже давно привыкла выдерживать на себѣ пристальные взгляды мужчинокъ и не смущаться ими, но во взглядѣ Ястребова она успѣла подмѣтить какое-то новое, незнакомое ей выраженіе. Она, эта много видовъ видавшая женщина, невольничалась и робѣла, и, въ свою очередь, то и дѣло и взглядывала на своего страннаго посѣтителя.

Послѣ чаю гости пристали къ Дарьѣ Семеновнѣ, прося ее спѣть что нибудь. Она, послѣ недолгихъ отнѣкиваній, согласилась, предоставивъ имъ самимъ выбрать пѣсню. Но тутъ, какъ и слѣдовало ожидать, произошла разногласица. Сеня Сорокинъ просилъ спѣть «Деревенскіе мужики», Миловзоровъ — «Глядите здѣсь, смотрите тамъ», а Олихадзе желалъ послушать «Зацѣлуй меня до смерти». Въ виду такого разногласія, Волгинъ проектировалъ спѣть всѣ эти романсы и пѣсни сразу и одновременно, причемъ предлагалъ аккомпанировать на самоварной трубѣ. Одинъ только Ястребовъ молчалъ, по прежнему не спуская съ хозяйки своего пристального, задумчиво-загадочнаго взгляда. Дашѣ захотѣлось узнать и его выборъ.

— Алексѣй Сергѣевичъ, — весело крикнула она, — а вы что же не говорите, что бы вы желали, чтобы я спѣла? Ястребовъ слегка покраснѣлъ.

— Спойте что-нибудь заунывное, за душу берущее, — произнесъ онъ своимъ тихимъ голосомъ, — только не шансонетку.

— Вы развѣ не любите шансонетокъ?

— Нѣтъ, отчего-же, и шансонетка ничего, но, вѣдь, шансонетки можетъ пѣть всякая безголосая трактирная арфистка... А съ вашимъ голосомъ хоть концерты давать.

— Ну, ужъ куда намъ, съ суконнымъ рыломъ, да въ калачный рядъ! — засмѣялась она.

«Суконное рыло» неприятно рѣзнуло ухо Ястребова. Вообще ему не нравились манеры и нѣкоторыя словечки Дарьи Семеновны.

А она, между тѣмъ, вынесла изъ другой комнаты свою гитару и перебрала струны, стала въ позу...

ЛУЧИНА МОЯ, лучинишка березовая...

УНЫЛЫМЪ, ТИХИМЪ ГОЛОСОМЪ

СЛЕГКА АККОМПАНИРУЕТЪ НА САМОВАРНОЙ ТРУБѢ. ТОТЪ...

6-
Ю-
кля
ъ на
бе ин-
ль. Она

чиво склонивъ голову на руки, и пристально глядѣлъ куда-то въ уголь.

Добрая хозяйшка не высушила,
Лютая свекровьюшка водой подлила...

— неслись рыдающіе, трепещущіе звуки...

Всѣ примолкли, даже Сеня Сорокинъ затихъ и сидѣлъ, тупо вытаращивъ посоловѣлые, мутные глаза. Ястребовъ чувствовалъ, какъ что-то подступило и защекотало у него въ горлѣ.

Волненіе охватило Дашу, выраженіе беззаботности и нѣсколько нагловатый блескъ глазъ исчезли и смѣнились другимъ, болѣе глубокимъ, томнымъ выраженіемъ... Грустная мелодія проникла въ ея душу и она, казалось, сама заслушивалась звуковъ, вылетающихъ изъ ея усть.

Послѣ «Лучинушки», и только поддаваясь неотступнымъ просьбамъ, Даша спѣла веселенькую малороссійскую думку:

Ой лідь трещить!»

И уже больше ничего не хотѣла пѣть, отговариваясь тѣмъ, что ей надо поберечь свой голосъ на вечеръ. Просидѣвъ еще часа три, компанія, наконецъ, стала расходиться. Алексѣй Сергѣевичъ ушелъ однимъ изъ послѣднихъ. Прощаясь съ нимъ, Даша тихо шепнула:

— Заходите завтра ко мнѣ, я все утро буду дома.

Ястребовъ машинально кивнулъ головой и вышелъ, охваченный новымъ, незнакомымъ ему чувствомъ.

V.

— Отчего вы вчера вечеромъ не были въ театрѣ? Я всѣ глаза просмотрѣла, васъ отыскивала!

Такимъ вопросомъ встрѣтила Даша входившаго къ ней Ястребова, на другой день, утромъ.

— Я не хотѣлъ испортить впечатлѣнія, оставшагося послѣ вашего утренняго пѣнія.

— Какъ такъ?—удивилась она.—Я не понимаю, что вы говорите?

— Трудно мнѣ будетъ объяснить вамъ это,—задумчиво сказала Ястребовъ.—Вы что вчера утромъ пѣли?

Она недоумѣвающе оставила на него свои глаза.

— Что я вчера пѣла? Неужто вы забыли? «Лучинушку», а потомъ, кажется, «Ой лидъ трещить».

— А вечеромъ?

— Вечеромъ? Пойдите, дайте припомнить, ахъ, да,—оживилась она,—я пѣла изъ «Прекрасной Елены»

Когда супругъ
Захочетъ вдругъ
Домой случайно поспѣшить...

— Ахъ, какъ это у меня сегодня хорошо вышло, ужаси просто! Вѣрите-ли, полчаса аплодировали... Я думала, ко мнѣ на сцену влѣзутъ. Два раза слѣть заставили.

— А еще что пѣли? — спросилъ хмуро Ястребовъ, не раздѣляя ея восторга.

— Еще—

Юностью воспѣтый
Нашъ каскадный мѣръ.

Это тоже многимъ понравилось...

— А еще?

— Больше ничего, и то я устала, какъ собака. Да что вы меня нынче исповѣдуете? Вы не духовный отецъ, а мнѣ не послѣдній конецъ,—разсмѣялась она.

— Я не исповѣдую, а отвѣчаю на вашъ вопросъ. Вы спрашивали, отчего я не была: оттого, что послѣ «Лучинушки» нѣтъ никакого удовольствія слушать разныя «Когда супругъ» и т. п.

Дарья Семеновна какъ-то изподлобья, пристально скосила на него свои глаза и на мгновеніе задумалась, какъ бы стараясь вникнуть въ смыслъ его словъ; на губахъ ея скользнула неопредѣленная улыбка: очевидно,

она не могла понять того, что онъ хотѣлъ сказать ей.

— А мнѣ вчера опять букетъ поднесли,—начала она, послѣ небольшого молчанія, —большой, изъ бѣлыхъ розъ, а на лентѣ золотая брошь наколота; это опять Сенька, уродъ противный; онъ мнѣ просто проходу не даетъ.

— А вы зачѣмъ же его принимаете?

— А какъ же мнѣ не принимать его, когда онъ мнѣ подарки такіе хорошіе дарить.

— Да вы и ихъ не берите, пошлите ему ихъ обратно.

— Какъ, подарки-то обратно послать? — Даша такъ удивилась, что даже назадъ отшатнулась немного. — Кто же это дѣлаеть?

И она недоумѣвающе развела руками. Подобный поступокъ казался ей не только ни съ чѣмъ несообразнымъ, но прямо невозможнымъ.

Ястребовъ холодно усмѣхнулся.

— Дѣлають! — произнесъ онъ словно бы про себя.

Даша слегка качнула головой и замолчала.

«Какой онъ чудной!»! — подумала она.

«Она совершенно неразвита, — въ свою очередь промелькнуло въ головѣ Ястребова, а жаль: дѣвушка безспорно хорошая, въ ней много души, не даромъ она поетъ такъ; жаль, жаль, пропадетъ ни за грошъ». И онъ грустно задумался.

— Не спѣть-ли вамъ что-нибудь? — предложила вдругъ Дарья Семеновна и, не дожидаясь отвѣта, схватила валявшуюся на диванѣ гитару.

Въ движеніяхъ ея замѣчались двѣ крайности, или, — это обыкновенно случалось тогда, когда она была передъ публикой, — они были чрезвычайно медленны, плавны, очевидно, заучены; или, — когда она была у себя дома, въ кругу близкихъ, — порывисты, нервны, быстры. Она загѣла:

Ходила я, дѣвица, по долинкѣ,
Наколола ноженьку на былинкѣ

Болятъ моя ноженъка, да не больно,
Любилъ меня миленькій, да не долго!

— Вы, впрочемъ, такія пѣсни не любите,—обратила она свое веселое, смѣющееся личико къ Ястребову,—для васъ я спою другую!

И, настроивъ гитару, она съ чувствомъ начала:

Гуде вѣтеръ вельми въ полѣ...

По мѣрѣ того, какъ она пѣла, лицо ея становилось серьезнѣе и задумчивѣе; шаловливая улыбка сбѣжала съ губъ, глаза расширились и приняли печальное выраженіе.

Ястребовъ глядѣлъ на нее, слушалъ ея симпатичный, глубокий голосъ и въ то же время въ головѣ его, быстро смѣняя одна другую, проносились тревожныя мысли.

Онъ прекрасно видѣлъ, кокого сорта женщина была эта Дарья Семеновна; совершенно необразованная, быть можетъ, и даже навѣрно, далеко небезупречная въ нравственномъ отношеніи, но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ видѣлъ въ ней истинно-поэтическую душу. Онъ былъ увѣренъ, что подъ грубою внѣшностью, созданной условіями жизни, таится прекрасное женское сердце, отзывчивое на все доброе; что при иныхъ обстоятельствахъ, въ другой сферѣ, она немедленно преобразится; темныя, непривлекательныя, наносныя черты ея характера исчезнутъ и уступятъ другимъ, болѣе свѣтлымъ и чистымъ.

А между тѣмъ Даша была далеко не то, чѣмъ казалась. Весьма плохая актриса на сценѣ, она, тѣмъ не мѣнѣе, была прекрасная, впрочемъ, болѣе бессознательная, чѣмъ сознательная, актриса въ жизни. Постоянно окруженная толпой поклонниковъ, она привыкла всѣмъ нравиться. Желаніе нравиться и производить на всѣхъ пріятное впечатлѣніе также было у нее болѣе инстинктивнымъ, чѣмъ преднамѣренно-разсчитаннымъ. Она

сама не отдавала себѣ отчета, для чего это надо ей, и это было своего рода кокетство, самолюбіе красивой, избалованной жепцины. Стремясь всѣмъ нравиться, она, не смотря на свою ограниченность, также инстинктивно, сообразительностью хитраго звѣрька, весьма скоро и безошибочно угадывала вкусы тѣхъ, съ кѣмъ ей случалось сталкиваться. Иногда вкусы эти ей были совершенно непонятны, но и не понимая, и не раздѣляя этихъ вкусовъ, она весьма ловко умѣла поддѣлываться къ нимъ.. Сразу понявъ, что на Ястребова нельзя произвести впечатлѣнія ни коротенькими юбочками и откровенными лифами, ни двусмысленными шансонетками, Дарья Семеновна, по отношенію къ нему, начала держать себя иначе. Она замѣтила, что ему нравится, когда она поетъ грустныя, задумчивыя пѣсни, и хотя не совсѣмъ ясно понимала этотъ вкусъ, но, тѣмъ не менѣе, пѣла... пѣла, какъ птица, не отдавая самой себѣ отчета. Если во время пѣнія въ ней и пробуждалось кой какое чувство увлеченія, то настолько слабо, что оно тотчасъ же, съ замираніемъ послѣдняго аккорда, безслѣдно исчезало. Во всякую минуту, даже тогда, когда голосъ ея начиналъ дрожать, а на глазахъ навертывались слезы, когда со стороны можно было подумать, что она вся проникнута чувствомъ, она могла мгновенно прервать пѣніе, и тутъ же самымъ обыденнымъ голосомъ сказать какую-нибудь пошлую сальность или глупость. Ея поведеніе съ Ястребовымъ не было сознательнымъ притворствомъ: для того, чтобы обдуманно дойти до такого актерства, она была слишкомъ неразвита, — нѣтъ, это была просто техника. Какъ при пѣніи «Ахъ ты Ванюшка, удалая башка», требуется лихо встряхивать рукой и головой и вздрагивать плечами, какъ при — «Взгляните здѣсь, смотрите тамъ», необходимо слегка поднимать юбочку и высовывать на показъ свои икры, а при «Боги, неужель васъ веселить» — дѣлать двусмысленныя, скабрзные жесты, такъ при пѣніи «Лучинушки» нужно, чтобы голосъ дрожалъ, глаза

становились туманными, и проч., и проч. И вотъ эту-то технику Ястребовъ, по простотѣ душевной, призналъ за искру Божью, за поэтическое стремленіе, и, основываясь на ней, вывелъ свои обманчивыя предположенія. Въ немъ боролись два взаимно смѣнявшіяся чувства. Когда Даша брала гитару граціознымъ, заученнымъ жестомъ, и откинувшись нѣсколько назадъ своимъ стройнымъ, гибкимъ тѣломъ, начинала пѣть, вся душа его проникалась восторгомъ; онъ не могъ глазъ отвести отъ нея, и любовался ею съ замираніемъ сердца. Въ эти минуты она казалась ему идеально прекраснымъ, особеннымъ, необыкновеннымъ существомъ, и онъ ей мгновенно прощалъ все—и грубость, и двусмысленное ремесло арфистки; но какъ только пѣніе умолкало и Даша снова принималась «разговоры говорить», въ душѣ его поднималось ѣдкое чувство досады и сожалѣнія. И чѣмъ чище, чѣмъ возвышеннѣе казалась она ему нѣсколько минутъ передъ этимъ, тѣмъ больнѣе рѣзали его ухо грубыя, циничныя слова и выраженія: «интересный мужинка», «воздакторъ», «Захудай Иванычъ» и тому подобные mots кафе-шантаннаго лексикона.

«Въ этой женщинѣ, положительно, два разнородныхъ существа», — думалъ онъ, вглядываясь въ ея почти дѣтское лицо, хотя уже успѣвшее принять неувимый оттѣнокъ, присущій подобнымъ женщинамъ.

Алексѣй Сергѣевичъ просидѣлъ у нея довольно долго, но почти все время молчалъ и только слушалъ, какъ она бойко тараторила, живописуя ему разные эпизоды своей бродячей балаганной жизни, причемъ то и дѣло заливалась веселымъ, звонкимъ смѣхомъ.

По уходѣ Ястребова, Дарья Семеновна сѣла на диванъ съ ногами, — это была ея любимая поза, — и задумалась.

Ее чрезвычайно интересовалъ или, вѣрнѣе, удивлялъ этотъ странный, непонятный ей человекъ. Въ толпѣ окружающихъ ее доселѣ мужчинъ ей никогда не случалось сталкиваться ни съ чѣмъ подобнымъ, ни одинъ изъ ея

знакомыхъ не былъ похожъ на Алексѣя Сергѣевича. Дарья Семеновна чувствовала, что между Ястребовымъ и тѣми, что толпятся въ ея уборной, навязываются на знакомства, и ухаживаютъ за ней—неизмѣримая разница; что онъ совершенно другой человѣкъ; и она съ перваго раза, инстинктивно догадалась, что Алексѣй Сергѣевичъ долженъ быть гораздо лучше, добрѣе, душевнѣе и благороднѣе ихъ. Съ «тѣми» она не робѣла, третировала ихъ свысока, грызлась съ ними, и дурачилась; передъ нимъ же она не то чтобы робѣла, а такъ, словно бы стѣснялась. Даша скорѣе чутьемъ догадывалась, что манеры ея ему не особенно по сердцу и что,—странное дѣло,—«ему» больше всего не нравится то, отъ чего приходятъ въ восторгъ «тѣ». Порой, замѣчая на его лицѣ легкую тѣнь, она сдерживала себя и въ первый разъ въ жизни обдумывала свои слова. вмѣстѣ съ этимъ, она ясно видѣла, что онъ увлеченъ ею, что она ему очень нравится, и это льстило ей. «Влюбленъ въ меня, ей Богу! Только какъ то по особенному! Чудной!» Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, ей вспомнилась одна ея бывшая товарка, Сашка-Кривоногова, которая вышла замужъ за генерала... «Положимъ, подумала она,—ейный генералъ штатскій и ему болѣе семидесяти лѣтъ, а за то богачъ то какой... Тыфу, ты, и съ чего это мнѣ въ голову влѣзло!»

VI.

Замѣчательно, что всѣ тѣ женщины, которыхъ судьба столкнула съ прямой дороги и бросила въ водоворотъ разгульной жизни, постоянно мечтаютъ рано или поздно выдти на прежнюю дорогу. Идея выдти когда-нибудь замужъ и жить, «какъ всѣ», развита у нихъ до болѣзненности и составляетъ своего рода *idée fixe*. Онѣ стремятся къ этому, хотя при случаѣ не прочь поглумиться надъ порядочною женщиной. Многимъ изъ нихъ случается достигнуть своего завѣтнаго желанія, но едва-ли многія изъ нихъ надолго измѣняютъ свой образъ жизни. Это обсто-

ительство, такъ не гармонирующее съ завѣтными ихъ мечтами, объясняется, во-первыхъ, привычкой къ безпорядочной жизни, а во-вторыхъ тѣмъ, что женятся на подобныхъ женщинахъ или слишкомъ неопытные юнцы, одураченные ловкою авантюристкой, которые вскорѣ же послѣ свадьбы сознаютъ свою ошибку и начинаютъ отчаяннѣйшимъ образомъ въ ней раскаяваться, или же старички со слабостью головного и спиннаго мозга. При такихъ условіяхъ даже и трудно спрашивать «домашняго очага» и «семейныхъ добродѣтелей». И вотъ, вышедшая замужъ камелія, кокетка, или арфистка продолжаетъ по прежнему свои похождения, горько сѣтуя на свою «разбитую» «неудачную жизнь», и увѣряя всѣхъ и каждого, и себя первую, что если бы она вышла замужъ за кого-нибудь другаго, а не за своего «идола», то, навѣрное осуществила бы идеаль скромной, послушной, добронравной жены, честной матери и вѣрной подруги; что она только и мечтала о тихомъ, скромномъ семейномъ счастьи съ любимымъ человѣкомъ и т. д. Варьянці на эту тему бываютъ безконечны. У Даши это стремленіе «остепениться» и сдѣлаться «порядочною дамой» было особенно сильно. Вотъ уже третій годъ, какъ она только объ этомъ и мечтаетъ. Страстное желаніе это вспыхнуло въ ней съ особенною силой по слѣдующему поводу. Три года тому назадъ, находясь въ труппѣ другаго антрепенера, она очутилась вмѣстѣ съ прочими актерами труппы въ губернскомъ городѣ Т. Тамъ въ нее влюбился нѣкій юноша, сынъ весьма богатыхъ родителей. Дашѣ, въ свою очередь, очень нравился молодой и красивый баринъ, безумно въ нее влюбленный; она начала съ нимъ заигрывать и очень скоро съумѣла такъ вскружить ему голову, что онъ, не долго думая, предложилъ ей и руку, и сердце. Родители тотчасъ же узнали объ этомъ; дали знать кой-кому, власть имущему. Власть имущій, въ свою очередь, сдѣлалъ должное распоряженіе, въ силу котораго въ одно прегра-

ное утро, въ квартиру, занимаемую Дашей, явились нѣкіе люди, и предложили слѣдовать въ ихъ компаніи, а черезъ двадцать четыре часа Даша очутилась болѣе чѣмъ за полтора ста верстъ отъ города, гдѣ жилъ ея Боря, причемъ ей было весьма серьезно внушено, что буде она вздумаетъ вновь явиться въ городъ Т., ее постигнетъ сугубая неприятность.

Даша отъ природы была чрезвычайно самолюбива; она простить не могла того, что ее, словно какую-нибудь букашку, взяли да и сдунули, и съ этихъ поръ она настойчиво стала стремиться къ своей цѣли—выйти замужъ.

«Небось, тогда не посмѣютъ выслать, словно бы какую безпаспортную бродягу!»

Послѣ этого недобровольнаго путешествія, результатомъ котораго было почти двухъ-мѣсячное бѣдствованіе въ одномъ провинціальномъ городишкѣ, откуда она, послѣ цѣлаго ряда мытарствъ, насилу, насилу выбралась и еле-еле добралась до Москвы, она окончательно была возстановлена противъ незавиднаго и далеко не почтеннаго званія мелкой провинціальной актрисы.

Но случая выбраться изъ этого положенія съ тѣхъ поръ не представлялось. Правда, во время ея скитаній по провинціямъ, случалось, многіе ей предлагали свое сердце и свой кошелекъ, но, впрочемъ, безъ руки.

Надо замѣтить, что во все время пребыванія своего въ Z, Даша держала себя до извѣстной степени строго и недоступно. Не смотря на то, что она была буквально почти съ утра до ночи осаждена толпой ухаживателей, что вся половина не прекраснаго пола города Z чуть-ли не безсѣбно дежурила при ней, къ большому негодованію и отчаянію своихъ матерей, супружницъ, сестеръ и невѣсть,—никто не могъ похвастаться особенною близостью къ ней; она со всѣми была въ высшей степени любезна, кокетничала, дурачилась на пропалую, но была граница, которой никому не удавалось переступить. Сравнительнымъ пре-

имуществомъ и особенной благосклонностью пользовались только двое: Сеня Сорокинъ и Ястребовъ. Впрочемъ, перваго Даша только терпѣла ради его дорогихъ подарковъ и безумныхъ тратъ, которыя онъ не задумывался дѣлать, лишь бы исполнить малѣйшую ея прихоть. За то Алексѣй Сергѣевичъ, не смотря на то, что за все время ни разу и не подумалъ даже преподнести ей что-либо, и даже, повидимому, не особенно за ней ухаживалъ, пользовался очевиднымъ предпочтеніемъ. Предпочтеніе это не на шутку раздражало Сеню. Впрочемъ, надо отдать справедливость, Даша сумѣла бы вывести изъ себя и болѣе благоразумнаго и сдержаннаго человѣка, чѣмъ опалѣвшій отъ безпросыпныхъ кутежей Сеня. Она принимала отъ него подарки, сама давала ему всевозможныя порученія и постоянно держала его въ состояніи ожиданія; но какъ только Сеня, окончательно терявшій рассудокъ и самообладаніе, покушался переступить заколдованный кругъ, Даша очень ловко и тонко умѣла въ ту же минуту осадить его, она или мгновенно принимала такой холодный, недоступный видъ, что Сеня невольно терялся, или шутками и смѣшками, незамѣтно, отклоняла отъ себя его ухаживанія. Словомъ, она играла съ нимъ, какъ иной разъ проворный, граціозный котенокъ играетъ съ неуклюжимъ, дворовымъ псомъ... Товарищи Сени отлично видѣли всю эту игру и отъ души смѣялись надъ нимъ и дразнили его. Это еще пуще распаяло непривыкшаго къ противорѣчіямъ купчика.

— Во что бы то ни стало, хоша бы всего капитала рѣшиться, а поставлю на своемъ!—кричалъ Сеня, сидя съ пьяною компаніей своихъ постоянныхъ собутыльниковъ, — а ежели не пойдетъ на капиталы, я и на вѣнецъ согласенъ.

— И подъ вѣнецъ съ тобой она не пойдетъ.

— Какъ не пойдетъ?—вскочилъ Сеня, и, разставивъ для поддержанія равновѣсія свои чурбанообразныя ноги и

ударяя кулакомъ въ грудь, завопилъ:—за меня не пойдеть? За меня—Семена Семеновича Сорокина, купца первой гильдіи? Да какого же ей опосля того чорта надо?

— Какого бы тамъ ни было, а только не такого, какъ ты!

— Не, это ужъ дудки! Стоитъ только свиснуть!

— Ну, вотъ ты и свисни, попробуй.

— А нешто нѣтъ? Вотъ на зло же, давай на пари!

— Давай, на что?

— На поль-дюжинку шипучки.

— Стоитъ!.. Нѣтъ, ужъ коли держать, такъ на весь ящикъ, чтобы на всѣхъ шестерыхъ по четыре бутылки на рыло...

— Ходить! Сейчасъ ѣду!

— Куда тѣ понесетъ, лѣшаго, третій часъ ночи, всѣ уже спать давно; ѣзжай завтра. Теперь она тебя и не пустить.

— Ну, инъ быть по вашему! Завтра, такъ завтра, мнѣ все единственно.

На другой день утромъ, Сеня, уже успѣвшій, по своему обыкновенію, какъ слѣдуетъ зарядиться, явился къ Дашѣ. Та только-что собралась куда-то уходить, и была уже одѣта въ изящную, бархатную шубку и соболью шапочку. Столь ранній визитъ Сени покоробилъ ее.

— Я къ вамъ, Дарья Семеновна, по дѣлу, — объявилъ онъ, вваливаясь къ ней въ комнату и внося при этомъ присущій ему запахъ виннаго погреба.

— По дѣлу? По какому?—спросила Даша, останавливаясь среди комнаты и сама не садясь, и не приглашая садиться своего гостя.

Сеня замаялся и машинально опустился на первый попавшійся стулъ.

— Я, то-есть, мнѣ...—забормоталъ онъ, — значить, того, къ примѣру... опосля того, значить, нонѣ я человѣкъ женатый... тѣфу, то бишь, холостой... такъ мнѣ бы таперичи

бы, значить, къ примѣру... а если къ тому и при капиталѣ, а при всемъ томъ родителей нѣтуту никого, и опять-таки, значить, вольный человѣкъ... Ну и, значить, того... пришелъ спросить васъ, какая ваша на то резолюція, а мнѣ начхать, что такъ, что подъ вѣнецъ—это намъ все единственно... Ну и, значить, какъ же, то-ись, какъ ваше на то мнѣніе?

Съ этими словами Сеня, въ ожиданіи, уставился на Дашу выпуклыми рачьими глазами. Та нетерпѣливо пожала плечами.

— Ничего не поняла! Что это вы бормочете, или со вчерашняго еще не прочухались, такъ пойдите, промойте глаза, а то бредить что-то, и самъ не понимаетъ—что!

Сеню нѣсколько задѣло это, столь нелестное отношеніе къ его особѣ.

— Мнѣ нечего просыпаться, и я вовсе не брежу,—заговорилъ онъ недовольнымъ тономъ,—а мое значить желаніе такое.

— Какое? Тюлень вы этакій!—Скажете-ли вы, наконецъ, по человѣчески, что вамъ отъ меня надо?

— Мнѣ? Мнѣ собственно ничего не надо, а я пришелъ только спросить васъ: желаете-ли вы быть моею супругой?

Даша съ изумленіемъ вскинула на него свои большіе, выразительные глаза.

— Какъ такъ супругой?

— А такъ, какъ обнаковенно бываетъ... Обвѣнчаемся съ вами, какъ быть слѣдуетъ, въ церкви; ну, а опосля того жить станемъ, какъ всѣ.

Даша серьезно и пристально глядѣла на него нѣсколько минутъ, и вдругъ разразилась самымъ веселымъ, неудержимымъ смѣхомъ.

— Встаньте,—крикнула она, покатываясь отъ хохота и таща его за рукавъ.

Тотъ бессознательно повиновался, недоумѣвая, въ чемъ

дѣло. Даша подтащила его къ трюмо и указала ему пальцемъ на его же лицо въ зеркалѣ.

— Женихъ! Вотъ такъ женихъ!—крикнула она ему въ самое ухо, и съ этими словами, громко хохоча, проворно выскочила изъ комнаты.

Сеня нѣсколько минутъ постоялъ передъ трюмо, тупо разглядывая свое красное, широкое лицо, съ мутными отъ перепоя глазами и съ всклокоченною, жиденькою бородею.

— Тьфу! Проклятая баба, чтобъ ей пусто было!—проворчалъ онъ, наконецъ, и, съ досадою плюнувъ, побрель вонъ, громко стуча косолапыми ножищами.

Впрочемъ, если Даша и отказалась наотрѣзъ выдти замужъ за Сеню, то причиной этому была отнюдь не его непредставительная фигура. Даша была слишкомъ практична, чтобы обращать вниманіе на красоту тѣлесную. До этого ей было мало дѣла. Въ данномъ случаѣ ею руководили болѣе существенныя соображенія. Она отлично видѣла, что за человѣкъ Сеня Сорокинъ, и лучше его самого понимала тѣ побужденія, которыя заставляли его дѣлать ей предложеніе. Какъ ни было мало завидно положеніе провинціальной каскадной актрисы и пѣвицы, но и положеніе жены спившагося, ополоумѣвшаго, грубаго купчика, полу-дивяра, который со второго же дня свадьбы не преминулъ бы начать колотить ее и всячески издѣваться надъ нею, было не въ примѣръ хуже. Къ тому же, ей былъ безъизвѣстенъ и тотъ фактъ, что состояніе Сени Сорокина было уже настолько сильно расшатано, что вопросъ о полнѣйшемъ раззореніи былъ только вопросомъ времени. Но главная, самая важная причина, побудившая ее, не задумавшись ни на минуту, отвергнуть Сеню, былъ Алексѣй Сергѣевичъ Ястребовъ. Алексѣй Сергѣевичъ каждый день бывалъ у Даши и просиживалъ у нея довольно долго. Обыкновенно онъ сидѣлъ до тѣхъ поръ, покуда къ ней набирались постоянные ея гости. Тогда онъ вставалъ,

вѣжливо, но сухо со всѣми раскланивался и уходилъ. Вечеромъ онъ являлся на каждое представленіе, занималъ свое мѣсто въ первомъ ряду креселъ, и въ продолженіи всей игры не спускалъ ни на минуту съ Даши своего задумчиваго, серьезнаго взора. Не смотря на то, что между ними ни разу не возбуждался разговоръ о любви, Даша все больше убѣждалась, что Алексѣй Сергѣевичъ влюбленъ въ нее, и что любовь его совершенно иного рода, чѣмъ та, о которой случалось пѣть Дашѣ:

Любовь, любовь
Волнуеть нашу кровь!

Однако, чего никакъ не могла понять Даша, это того, что Ястребовъ такъ упорно молчить, и ни единымъ словомъ не говорить ей о своихъ чувствахъ. Но Алексѣй Сергѣевичъ поневолѣ молчалъ: что ему было говорить? Онъ былъ слишкомъ сильно и глубоко влюбленъ въ Дашу, чтобы удовлетвориться «мимолетными увлеченіями», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и слишкомъ разсудителенъ, чтобы рѣшиться безъ долгаго размышленія замѣнить ея костюмъ *madame Angot* подвѣчнымъ уборомъ.

VII.

Прошло мѣсяца полтора. Труппа Осипа Самуиловича Рабиновича собралась уѣзжать. Весь необширный репертуаръ разученныхъ ею пьесъ давно былъ сыгранъ. Публика уже успѣла охладѣть. Театръ, вначалѣ полный, съ каждымъ разомъ пустѣлъ все болѣе и болѣе.

— Послѣ завтра мы уѣзжаемъ, прощайте, не поминайте лихомъ!—говорила Даша Ястребову, сидя съ нимъ въ своемъ номерѣ за вечернимъ чаемъ. Лицо ея было грустно, глаза смотрѣли задумчиво.

— Неужели такъ скоро?—спросилъ Ястребовъ, и голосъ его слегка дрогнулъ.

— Гдѣ же скоро, мы и такъ пробыли здѣсь почти два

мѣсяца; мы нигдѣ такъ долго не останавливались. Кстати, завтра кончается срокъ моему контракту, — прибавила она, какъ бы вскользь; — не знаю, возобновлять-ли, или въ Москву ѣхать; меня уже давно зовутъ туда.

И она искоса взглянула въ лицо Ястребову; тотъ сидѣлъ, понуривъ голову, и, повидимому, не обратилъ вниманія на ея послѣднія слова. Наступило тягостное молчаніе. Даша машинально взяла гитару и перебирала струны:

Чась разлуки бьетъ, прости!
 Аешнянка, возврати
 Другу сердце и покой,
 Иль оставь его съ собой.

Напѣвала она въ полголоса, склонивъ слегка на бокъ свою хорошенькую головку и мечтательно устремивъ глаза на мелькающій огонекъ лампы. Свѣтъ лампы, проникая сквозь розовый абажуръ, придавалъ ея фигурѣ и всей обстановкѣ какой-то особый, изящный колоритъ. Даша сидѣла словно въ забытѣ, не замѣчая ничего, что вокругъ нея дѣлается, вся отдавшись нахлынувшимъ на нее думамъ.

— Спойте мнѣ мою любимую! — тихо произнесъ Ястребовъ.

Она медленно вскинула на него бархатистый, томный взглядъ, слегка, чуть-чуть улыбнулась, и сыгравъ предварительно какую-то прелюдію собственной фантазіи, тихо начала:

Ахъ, морозъ, морозецъ...

Когда Даша дошла до словъ:

Ты озябъ, мой милый,
 Прислони головку,
 Я тебя прикрою...

Она вдругъ понизила голосъ, и въ немъ послышался звукъ такой страсти и тоскливой нѣжности, что у самага

черстваго человѣка шевельнулось бы сердце. И никогда не пѣла Даша съ такимъ страстнымъ одушевленіемъ. Простыя, но глубоко поэтичныя слова пѣсни увлекали за собою. Ястребовъ глядѣлъ на нее и ощущалъ какое-то еще небывалое чувство. Ему хотѣлось и рыдать, и въ то же время смѣяться...

Погляжу на глазки—глазки искры сыплютъ,
 Погляжу на щечки,—огонекъ пылаеть...
 Такъ вотъ ретивое
 Попымемъ охватить...

* * *

Ахъ, морозъ, морозецъ,
 Гдѣ жъ теперь красотка?
 Спать въ землѣ глубоко
 Подъ напѣвы вьюги!

Ястребовъ не выдержалъ...

— Радость моя! Жизнь моя! — воскликнулъ онъ, быстрымъ движеніемъ схватилъ ея руки и припалъ къ нимъ плавающимъ лицомъ.

Даша осторожно высвободила свои пальцы изъ его руки, отбросила въ сторону гитару, крѣпко обняла его шею и осыпала его голову страстными поцѣлуями. . . .

Было очень рано, когда Ястребовъ вышелъ отъ Даши, и пошелъ къ себѣ домой. На душѣ его было свѣтло и покойно, какъ у человѣка, принявшаго, наконецъ, послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній, окончательное рѣшеніе. Съ Дашей у него уже было все рѣшено. Такъ долго смущавшій и угнетавшій его вопросъ былъ разрѣшенъ какъ нельзя болѣе разумно, и къ обоюдному, полному удовольствію...

«И какъ она скоро и разумно поняла меня,—думалъ Ястребовъ, сладко улыбаясь.—Нѣтъ, я черезчуръ преувеличивалъ, она далеко не такъ неразвита, какъ я думалъ... Неразвитая женщина не могла бы такъ скоро усвоить

себѣ взглядъ, который, признаться, мнѣ и самому быть не вполнѣ ясенъ... И какъ она любить меня... Положительно, эта женщина гораздо лучше многихъ и многихъ... Другая на ея мѣстѣ непремѣнно настаивала бы на томъ, чтобы свадьба была назначена немедленно... А она, при первомъ моемъ словѣ... какое при первомъ словѣ, просто сама первая предложила мнѣ отложить вѣнчаться хотя бы и на полгода. «Я къ вамъ привыкну, а вы ко мнѣ, тогда и обвѣнчаемся!!..» Какъ это просто сказано, и сколько въ этомъ истиннаго благородства!..»

Но Алексѣй Сергѣевичъ напрасно такъ превозносилъ великодушнѣ Дашу. Въ ея легкомъ согласіи повременить свадьбой былъ расчетъ. Даша, съ проникательностью, свойственною въ подобныхъ случаяхъ женщинамъ, поняла, что Алексѣй Сергѣевичъ изъ тѣхъ, которые, давъ слово, свято исполняютъ его. Заручившись обѣщаніемъ жениться на ней, она была вполнѣ спокойна на этотъ счетъ, и ей самой была безвыгодна нѣкоторая отсрочка. Теперь, когда давнишнее завѣтное желаніе ея такъ неожиданно готово было исполниться, Даша какъ будто чего-то испугалась. Неизвѣстность и неумѣніе сразу приноровиться къ новому положенію, совершенно противоположному тому, въ которомъ она доселѣ находилась, смущали ее, и она рада была тому, что эта новая жизнь не наступитъ сразу, а исподволь. Къ тому же, какъ ни была она самоувѣрена и легкомысленна, но странность характера Ястребова, его серьезность и прямота немного пугали ее; она инстинктивно поняла, что съ этимъ человѣкомъ шутить нельзя, и рѣшилась раньше, чѣмъ связать себя съ нимъ навѣки, постараться осмотрѣться и примѣниться къ нему.

VIII.

На другой же день послѣ объясненія съ Дашею, Ястребовъ, согласно договору, и не смотря на отчаянное, можно сказать, героическое, сопротивленіе Степана, пере-

брался на другую, гораздо большую квартиру. Новая квартира его состояла, въ сущности, изъ двухъ квартиръ, и занимала собою весь флигель. Обѣ квартиры выходили окнами на одну и ту же улицу, и имѣли смежныя комнаты, но были раздѣлены площадкой съ примыкавшею къ ней лѣстницей. На эту площадку выходили одна противъ другой входныя двери обѣихъ квартиръ. Такое расположеніе было тѣмъ удобнѣе, что, имѣя непосредственное сообщеніе внутри, квартира эта снаружи представляла два, якобы, отдѣльныя помѣщенія съ особыми ходами. Такимъ образомъ, официально, Даша для Ястребова была ничто иное, какъ пріятная сосѣдка. Надо сказать, что всякіе виды, такъ называемыхъ, гражданскихъ браковъ въ полкахъ весьма рѣдки, и если терпимы, то только при условіи соблюденія самаго строгаго внѣшняго приличія и благопристойности.

Благодаря энергіи Алексѣя Сергѣевича, обѣ квартирки, въ теченіи какихъ-нибудь трехъ дней, были отдѣланы и очень мило и уютно устроены. Алексѣй Сергѣевичъ не скупился на расходы, и, благодаря этому, новое помѣщеніе его приняло весьма комфортабельный видъ. Степанъ бранился, ворчалъ, на зло всѣмъ мѣшалъ и все путалъ, изо всѣхъ силъ старался затормозить работы, но сдѣлать этого ему, при всемъ его горячемъ желаніи, не удалось. Вліяніе его на Алексѣя Сергѣевича теперь было вполнѣ бессильно. Наконецъ, онъ окончательно озлился, плюнулъ и ушелъ изъ дому, чѣмъ доставилъ Ястребову несказанное удовольствіе. Впрочемъ, Алексѣй Сергѣевичъ нашелъ во всякомъ случаѣ необходимымъ посвятить своего вѣрнаго слугу, хотя бы отчасти, въ свои будущіе планы, и между имъ и Степаномъ произошелъ вечеромъ того дня, въ который окончена была послѣдняя уборка, слѣдующій разговоръ.

— Знаешь, Степанъ, — началъ Алексѣй Сергѣевичъ,

стараясь придать себѣ независимый тонъ, — зачѣмъ мы переѣхали на новую квартиру?

— Знаю!—угрюмо проворчалъ Степанъ.

— Знаешь?—удивился Ястребовъ, въ простотѣ душевной воображавшій, что никто ничего не знаетъ, тогда какъ весь городъ только и толковалъ объ его отношеніяхъ къ пріѣзжей актрисѣ.

— Знаю!—съ тѣмъ же свирѣпымъ видомъ повторилъ Степанъ.

— Ну, а зачѣмъ?

Степанъ мрачно покосился на своего барина.

— Эхъ, Алексѣй Сергѣевичъ, что тутъ толковать, — досадливо махнулъ онъ рукой, — шила въ мѣшкѣ не утаишь... а только не дѣло это ты, ваше благородіе, затѣваешь, вѣрь моему слову, не дѣло.

— Чѣмъ же не дѣло?

— Какъ, чѣмъ? — одушевился вдругъ Степанъ. — Гоже ли ахвицеру съ ахтеркой возжаться, да еще и въ одной квартирѣ жить? Ну, побаловался, коли такая блажь пришла, да и на сторону, играй отбой, а чтобъ такую обузу на шею себѣ накоплять — эвто ужъ совсѣмъ не резонъ, кого хочъ спроси, всякій скажетъ!

— Нечего мнѣ спрашивать, — загорячился Ястребовъ, досадую на явную оппозицію со стороны своего деньщика, которую онъ, впрочемъ, заранѣе предвидѣлъ; — я самъ знаю, что дѣлаю; ты, дуракъ, ничего не смыслишь.

— Не всѣмъ быть такимъ умнымъ, — невозмутимо возразилъ Степанъ; — вотъ вы, видно, съ большаго то ума невѣсть, что надумали — ахтерку замѣсть жены взять.

— Не вмѣсто жены, а какъ настоящую жену: черезъ два мѣсяца я и совсѣмъ женюсь на ней!

Степанъ взглянулъ на него съ выраженіемъ глубокаго изумленія.

— Что это ты, ваше благородіе, толкуешь, я что-то

въ толкъ не возьму; какъ это такъ «женюсь на ней»? Не въ церкви же, прости Господи, вы вѣнчаться будете.

— А то гдѣ же?—засмѣялся Ястребовъ,—конечно, въ церкви.

— И какъ быть слѣдуетъ? — допытывался Степанъ, все еще не вѣря и думая, что штабсъ-капитанъ шутить.

— Какъ слѣдуетъ быть.

— Ну, это ты, ваше благородіе, пугаешь! Николи не повѣрю!—рѣшительно заявилъ Степанъ.

— Да почему?

— Какъ почему? Чтобъ ахвицеръ, штабсъ-капитанъ, да еще съ Егоремъ, женился на какой-то тамъ, прости Господи, шлюхѣ? Да, вѣдь, у нее, почитай допрежъ того, да и таперича, что ни сутки, то новый мужъ, а то и по двое...

— Молчи, животное!—сверкнулъ глазами Ястребовъ, грозно приподнимаясь и судорожно сжимая кулакъ. — Не твоего ума дѣло!

Но Степана унять было трудно; вообще совершенно отвыкшій отъ чиновочтанія, онъ вдругъ, въ свою очередь, озлился и, задыхаясь отъ злобы, прошипѣлъ:

— А ежели да такъ, не ахвицеръ ты послѣ этаго, а бабій хвостъ...

Страшный ударъ кулакомъ въ лицо не далъ ему докончить; какъ ни былъ силенъ Степанъ, но и онъ не выдержалъ и закачался, кровь алою широкою струей хлынула изъ носа и изо рта, заливая подбородокъ и грудь ситцевой рубахи.

— Вонъ, мерзавецъ!—прохрипѣлъ Ястребовъ и, схвативъ все еще не пришедшаго въ себя Степана, повернулъ его налѣво кругомъ, и какъ малаго ребенка, вышвырнулъ за дверь.

Весь день пролежалъ Степанъ на своей жесткой постели. Онъ лежалъ тихо, не шевелясь. Наступила ночь. Степанъ по прежнему лежалъ, не перемѣняя позы; каза-

лось, что это лежит не живой человекъ, а трупъ. Наконецъ, къ утру онъ очнулся, поднялся съ постели и потихоньку побрелъ въ конюшню, убирать коня. Завидя своего стараго пріятеля, «Соколь» весело заржалъ и по привычкѣ принялся чесаться лбомъ о его плечо.

Ласка коня словно пробудила старика отъ его апатіи.

— Милый, голубчикъ, «Соколикъ» ты мой ясный, — зашепталъ вдругъ Степанъ, страстнымъ порывомъ обхвативъ руками сухую, красивую голову лошади и прижимаясь къ ней лицомъ: — обидѣли насъ, голубчикъ, кровно обидѣли! — Степанъ глухо и болѣзненно зарыдалъ. — Никогда, никогда, шесть лѣтъ служу у него, никогда допрежъ того не билъ онъ меня, «Соколикъ», роденькій мой, никогда, вотъ тебѣ Христось, никогда, — увѣрялъ онъ, сквозь слезы, крѣпко цѣлуя бархатистую кожу на ноздряхъ лошади.

«Соколь», повернувъ голову и настороживъ уши, пристально и умно глядѣлъ на него своими красивыми черными глазами и, слегка похрапывая, осторожно старался поймать мягкими губами его носъ или уши.

Наплакавшись вволю, Степанъ обмылъ лицо холодною водою изъ ведра и принялся чистить лошадь. Но работа на этотъ разъ не спорилась, скребница ежеминутно вываливалась изъ рукъ, и онъ нѣсколько разъ, не замѣчая принимался снова тереть уже вычещинныя мѣста.

— Какъ роднаго любилъ я его, служилъ, какъ Богу служить, — жаловался онъ въ слухъ «Соколу», словно товарищу, — и вдругъ такая обида, и зря, главное дѣло зря... а все-же сердца у меня на него нѣтъ, не сержусь я на него — да и на, поди! Видитъ Богъ, не сержусь, а только очень ужъ мнѣ эфто обидно...

«Соколь», въ другое время весьма щекотливый и не спокойный на уборку, на этотъ разъ съ изумительной терпѣливостью выносилъ, порой весьма неловкія, причинившія ему даже боль, движенія скребницы и щетки на

своей гладкой, чувствительной кожѣ. Онъ какъ будто раздѣлялъ горе своего друга, и то и дѣло оборачивался назадъ и поглядывалъ на него своими выразительными глазами. Когда какой-нибудь слишкомъ неловкій толчекъ причинялъ ему особенно сильную боль, онъ нетерпѣливо трясъ головой, какъ бы желая сказать:

— Ахъ, довольно, оставь, голубчикъ; ты чистить не чистишь, а только тиранить меня!

Окончивъ кое-какъ уборку лошади, Степанъ прямо изъ конюшни отправился къ барину. Ястребовъ только-что проснулся. Увидя входящаго Степана, онъ покраснѣлъ и опустилъ глаза. Совѣсть его мучила, и онъ дорого бы далъ, чтобы не было того, что случилось. Когда же вновь поднялъ глаза и взглянулъ на грустное лицо Степана, за одну ночь страшно осунувшееся и поблѣднѣвшее, ему сдѣлалось невыразимо жаль его.

— Что тебѣ, Степанъ?—спросилъ онъ его какъ можно ласковѣе.

— Я, ваше благородіе, къ вамъ съ просьбой,—вытянувшись и держа руки по швамъ,—чего онъ никогда прежде не дѣлалъ,—доложилъ Степанъ:—отпустите меня въ эскадронъ.

— Совсѣмъ?—глухо спросилъ Алексѣй Сергѣевичъ.

— Такъ точно, а къ себѣ возьмите хоша бы Котикова; онъ дюже добрый солдатикъ.

Ястребовъ задумался; была минута, онъ готовъ былъ встать и обнять своего слугу и друга, и чистосердечно и прямо попросить у него прощенія, но, съ одной стороны, военная дисциплина не могла допустить такого отношенія офицера къ нижнему чину, а съ другой Алексѣй Сергѣевичъ понималъ, что уступивъ въ этомъ, пришлось бы или уступать въ «остальномъ», или снова заводить неприятныя и бесполезныя препирательства. «Пускай пока уйдетъ—подумалъ онъ,—это еще лучше; потомъ, когда все устроится, я снова возьму его».

— Хорошо, — сказалъ онъ сухо, — я распоряжусь!

Степанъ повернулся налѣво кругомъ и вышелъ. Въ тотъ же день къ вечеру онъ уже былъ отчисленъ въ эскадронъ, на мѣсто его къ Ястребову былъ прикомандированъ смиренный и въ высшей степени кроткій новобранецъ, Максимъ Котиковъ, а на другой день утромъ Даша переѣхала въ свое новое жилище. Узнавъ объ этомъ, полковой командиръ немного поморщился, но такъ какъ приличіе было соблюдено, онъ не нашелъ возможнымъ вмѣшаться въ это дѣло; о томъ же, что капитанъ думаетъ жениться, никто, конечно, и не догадывался. Единственный человѣкъ, знавшій что-либо, Степанъ — хранилъ обо всемъ глубокое молчаніе.

IX.

Верстахъ въ тридцати отъ города Z, на скатахъ невысокихъ холмовъ, раскинулось довольно обширное село «Малиновое». Старая каменная церковь, съ высокою колокольней, отчетливо бѣлѣлась на самой вершинѣ холма, уходя золоченнымъ сіяющимъ крестомъ въ вышину голубаго прозрачнаго неба. Рѣка широкою серебряною лентой огибала подошву холма и весело извивалась, сверкая по зеленому бархату заливныхъ луговъ. Шелъ май. Все было еще такъ молодо, такъ свѣжо: и яркій зеленый коверъ луговъ, и недавно только вполнѣ распутившаяся листва деревь, и даже желтый песокъ дорогъ и обрывовъ, только-что просохшій и весело золотившійся подъ яркими, но еще не палящими лучами солнца.

За рѣчкой, охватывая большой полуокругъ и подходя къ самому берегу, тянулась длинная незатѣйливая изгородь. Внутри ея бродили табуномъ статные, одномастные кони, жадно выщипывая невысокую, но густую, сочную майскую траву, и порой веселымъ громкимъ ржаньемъ задорно перекликались съ крестьянскими лошадьми, пасшимися на другомъ берегу. Но какая разница была между

этими двумя табунами! Крестьянскія лошади, страшно заморенныя, отоцвавшія за зиму, съ непомѣрно раздутыми, отъ соломы животами и выпяченными ребрами, еле бродили по выгону. Статные и сытые кони принадлежали стоявшему эту весну въ «Малиновомъ» на травѣ¹⁾ 1-ому эскадрону N драгунскаго полка. Кромѣ 1-го лейбъ-эскадрона, въ «Малиновомъ» находился также штабъ полка и трубаческая команда.

Остальные эскадроны расположены были въ окрестныхъ деревушкахъ. Канцелярія полка оставалась въ Z. Офицеры, по обыкновенію, почти всѣ разъѣхались кто куда, и въ полеу не оставалось и трети наличнаго состава командующихъ.

По дорогѣ изъ города Z къ селу «Малиновому» ѣхаль всадникъ. Вороной конь и бѣлый китель всадника яркимъ пятномъ вырисовывались на голубомъ фонѣ широкой панорамы. Всадникъ ѣхаль шагомъ, опустивъ поводья и о чемъ-то глубоко задумавшись. Видѣвшіе полгода тому назадъ штабъ-капитана Алексѣя Сергѣевича Ястребова едва-ли признали бы его въ этомъ понуромъ всадникѣ. Черная красивая борода его сильно посѣдѣла, вокругъ глазъ и на лбу легли безчисленныя морщинки, худощавое лицо еще болѣе похудѣло, щеки ввалились и пожелтѣли, даже стройный станъ его какъ будто чуть сгорбился. Вообще онъ имѣлъ видъ человѣка, недавно испытываемаго изнурительный недугъ. Только большіе, темные глаза его, по прежнему, блестѣли въ глубокихъ впадинахъ, но и въ нихъ къ прежнему выраженію вдумчивости примѣшивалось новое выраженіе затаенной грусти, производившее особенно тяжелое впечатлѣніе, благодаря еле замѣтной саркастической улыбкѣ, по временамъ чуть чуть трогавшей углы его тонкихъ блѣдныхъ губъ.

¹⁾ Весенняя стоянка въ деревняхъ для поправки здоровья лошадей. Лошади, не получая овса и сѣна, весь мѣсяцъ питаются свѣжею травой.

Перебравшись на тотъ берегъ по отчаянно пляшущимъ бревнамъ черезъ рѣчку, Алексѣй Сергѣевичъ свистнулъ и слегка пригнулся къ лугѣ. Привычный къ этому движенію, лихой конь съ мѣста помчался карьеромъ въ гору, и птицей взлетѣвъ на нее, сразу на всемъ скаку, покорный легкому движенію поводьевъ, осадилъ у крыльца небольшого, но весьма уютнаго и красиваго домика священника, гдѣ квартировалъ Ястребовъ. Изъ калитки воротъ вышелъ старый, знакомый намъ Степанъ и молча принявъ изъ рукъ Алексѣя Сергѣевича поводья.

— Дарья Семеновна дома? — спросилъ Ястребовъ по привычкѣ, самъ отпуская подруги.

— Нѣту-ти, съ утра ушла! — пробурчалъ Степанъ, по-обыкновенію, ворчливымъ тономъ.

Ястребовъ слегка поблѣднѣлъ и чуть слышный вздохъ вырвался изъ его груди.

— Никто у меня не былъ? — спросилъ онъ, чтобы только что-нибудь сказать.

— А кому быть-то? — вопросомъ же отвѣтилъ Степанъ и, вышроставъ трензеля изо рта «Сокола», повелъ его на дворъ.

Ястребовъ минуту постоялъ на одномъ мѣстѣ и потомъ, не торопясь, вошелъ на крыльцо.

Домикъ священника о. Никодима состоялъ изъ четырехъ комнатъ. Въ двухъ заднихъ помѣщался старикъ священникъ, одинокій вдовецъ, жившій самъ-другъ со своею маленькою внучкой, а двѣ переднія, съ окнами на улицу, занималъ Ястребовъ съ Дашей.

Войдя въ комнату, Алексѣй Сергѣевичъ бросилъ фуражку, и какъ человѣкъ уставшій отъ долгаго пути, тяжело опустился на небольшой диванчикъ и задумался.

— Чаю не прикажете? — спросилъ Степанъ, пресовывая голову въ двери.

Ястребовъ не разслышалъ вопроса.

— А? Что тебѣ? Что такое? — спросилъ онъ, подымая голову и разсѣянно проводя рукой по лицу.

— Я докладаю, чаю не угодно-ли? — повторилъ Степанъ.

— Ахъ, да, чаю? Нѣтъ, не надо... а то, пожалуй, давай... а впрочемъ, не надо... впрочемъ, какъ знаешь!

Степанъ досадливо махнулъ рукою и спряталъ голову. Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова появился со стаканомъ чая. Ястребовъ молча взялъ стаканъ, поставилъ передъ собой на столикѣ, но тутъ же забылъ о немъ, увлекаемый своими мыслями.

Когда полчаса спустя Степанъ вновь явился съ подносомъ, онъ увидѣлъ, что стаканъ по прежнему стоитъ, какъ былъ поставленъ. Ястребовъ, повидимому, и не притрогивался къ нему.

— Что же ты, ваше благородіе, чай-то не пьешь; аль собрался рыбу удить?

Ястребовъ очнулся, машинально взялъ стаканъ и, не помѣшавъ, залпомъ выпилъ холодную жидкость.

— Еще хотите? — спросилъ деньщикъ, принимая отъ него пустой стаканъ.

Алексѣй Сергѣевичъ отрицательно мотнулъ головой.

Степанъ угрюмо глянулъ на него, и укоризненно покачалъ головой.

— Ишь, раскись, — буркнулъ онъ, выходя изъ комнаты.

Х.

Изъ всѣхъ солдатъ эскадрона, — съ которыми Степанъ вообще не особенно любилъ водить компанію, — только одинъ унтеръ-офицеръ Агѣевъ пользовался его большимъ расположеніемъ. Агѣевъ былъ землякомъ Степана, и вмѣстѣ въ одинъ годъ попалъ съ нимъ въ наборъ.

Между обоими пріятелями было много общаго и въ характерахъ, и въ наружности. Агѣевъ былъ еще угрюмѣе Степана, отличался способностью по цѣлымъ недѣлямъ не произносить ни одного слова, кромѣ командныхъ,

и никогда не улыбался. Лицо его темно-кирпичнаго, почти коричневаго цвѣта, густо заросшее щетинистыми черными волосами, никогда и ни при какихъ случаяхъ не измѣняло своего угрюмаго, безстрастнаго выраженія. Казалось, вся жизнь этого человѣка сосредоточивалась только въ его карихъ глазахъ, съ желтоватыми воспаленными бѣлками. Изъ всего эскадрона Степанъ давно избралъ его повѣреннымъ всѣхъ своихъ задушевныхъ тайнъ и только съ нимъ однимъ говорилъ о своемъ Алексѣѣ Сергѣевичѣ безъ обычной напускной воркотни.

Выйдя отъ Алексѣя Сергѣевича съ пустымъ стаканомъ, Степанъ сердито брякнулъ его на столъ и тяжело опустился на доску, служившую ему постелью. Агѣевъ сидѣлъ на табуретѣ, противъ него, на другомъ концѣ кухоннаго стола, медленно и сосредоточенно тянулъ съ исполинскаго блюдечка жидковатый чай, закусывая такимъ крохотнымъ кусочкомъ сахара, что онъ еле-еле держалъ его въ своихъ толстыхъ заскорузлыхъ пальцахъ. Лицо Агѣева было красно и на лбу крупными каплями выступилъ потъ.

— И что за жизнь наша теперь! — промолвилъ Степанъ, послѣ недолгаго молчанія, наливая изъ большаго пузатаго чайника въ свою огромную пестро-размалеванную чашку.

Агѣевъ, не отнимая губъ отъ блюдечка, молча, вскинулъ на него вопросительный взглядъ.

— Совсѣмъ извелся Алексѣй-то Сергѣевичъ, — продолжалъ Степанъ. — Кто давно не видалъ, и не узнаетъ; ровно тѣнь какая бродить. А все изъ за этой вертихвостки анаемской; уходитъ она его въ конецъ, какъ пить дать — уходитъ.

— А либо онъ ее! — сквозь зубы, словно нехотя, процѣдилъ Агѣевъ.

— А что же? И это можетъ статься! — сокрушенно вздохнулъ Степанъ. — Алексѣй Сергѣевичъ, такъ скажемъ,

истинно ангельская душа, добрѣ его я и не видываль, а только и въ немъ эфототъ самый «луканька» сидить; въ какую минуту подвернешься; онъ терпѣть-то гораздо много терпитъ, а ужъ ежели когда ему придетъ не въ терпежь—тогда держись! Ау, братъ!

— Вѣстимо, человекъ не камень, а и тотъ отъ жару лопается.

— Да еще и какъ... А ужъ и гораздо же она его злитъ,—началь снова Степанъ;—не то мудрено, что онъ когда-нибудь пришибетъ ее, какъ кощенку, — диво, что еще до сихъ поръ не пришибъ.

— А что? Она ужъ больно того...

— И-и, не говори... Злитъ она его, ровно пса цѣпнаго... Придетъ это, къ примѣру, часу въ одиннадцатомъ, а то и попозже.—Гдѣ была?—спросить. «А гдѣ была, тамъ меня, значить, ужъ нѣту!» Скажетъ, и такъ-то, ехида, зубы очерить, что, кажись, будь на мой карахтеръ—такую бы ей выволочку задалъ—самой на удивленье. И замѣтъ то, чѣмъ онъ съ ней ласковѣй, тѣмъ она, паскуда, собачливѣй. Пыталъ онъ ее уговаривать, и страхаль-то, и урезониваль—нѣтъ, хошь ты што хошь. Сначала почнетъ слушать, ровно бы и путевая, слушаетъ, слушаетъ, да какъ загогочетъ: «Ты бы, говорить, въ монахи шель, игуменомъ сдѣлають». И что же, братецъ ты мой, за смѣхъ у нее дьявольскій, такъ всю нутренность и повернетъ.

— Ишь поганы! Бросилъ бы онъ ее, да и вся тутъ!

— Вотъ тутъ, голованъ, и загвоздка! Я и самъ ему такъ-то говорилъ: бросьте, молъ, ее, ваше благородіе, ну ее къ ляду. «Не могу, говорить—хоть убей не могу, пуще жизни, говорить, люблю я ее, и рѣшиться мнѣ ея, все едино—головой рѣшиться». Вотъ ты тутъ и толкуй.

— А, должно, все это не спроста!—глубокомысленно замѣтилъ Агѣевъ, не иначе какъ приворотъ какой ни на есть.

— Я и самъ такъ думаю. Анамеднись, нарочно въ

«Хмурино» ходилъ, тамъ вдова-солдатка на квасу, говорятъ, больно хорошо гадаетъ. Послѣднюю полтину снесъ; дала она мнѣ какую-то косточку, такъ, невеличку. «Возьми, говоритъ, и когда попросить у тебя испить, воды, али чаю, али вина—все едино,—опусти эфту самую косточку три раза въ питье, а опосля брызни трижды и молви: «какъ съ кости вода, такъ и съ сердца бѣда».

— Ну, и што же?

— Вотъ уже третью недѣлю кажинный разъ аккуратно дѣлаю, да только все толку что-то нѣтъ, да врядъли и будетъ!.. Эхъ, прогнѣвили мы Господа Бога.

— Да съ чего это у нихъ свара-то эфта самая пошла?

— А Богъ ихъ знаетъ. Спервоначала-то жили ничего, такъ себѣ. Я-то у него тогда не жилъ, такъ мнѣ Котиковъ рассказывалъ. Все, бывало, вмѣстѣ сидятъ, онъ ей въ книжку читаетъ, аль такъ рассказываетъ что, а она слушаетъ; а то возьметъ свою гитару и запоетъ. А и поетъ же она, прахъ ее побери, ажно душа стонетъ! Завели эфту самую рояль; только, знать, на ней-то она не больно горазда, и допрежъ-то мало что-то играла, а теперь и совсѣмъ забросила... Мѣсяць спустя, подъ самое Рождество, встрѣчаю его, то-ись Алексѣя Сергѣевича, какъ-то вечеромъ; идетъ такой веселый, насвистываетъ. Увидаль меня, обрадовался: «Здравствуй, Степанъ, какъ поживаешь?»—Здравія желаю, вашеблагородіе, какъ вы изволите поживать. «Ничего, слава Богу живу; только одно, что мнѣ жизнь портить, это, что ты, Степанъ, на меня сердишься». Говорить, а самъ ухмыляется.—Что вы, говорю, ваше благородіе, нешто я сержусь, Господь съ вами. «А назадъ ко мнѣ пойдешь»? Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ. «А коли такъ, такъ и толковать нечего! Сейчасъ же пойду, скажу адъютанту, а ты завтра же утромъ и являйся».—Слушаю-сь, ваше благородіе!—И такъ-то мнѣ радостно и пріятно на душѣ сдѣлалось, ровно

кладъ какой нашель. Слава тебѣ, Господи, думаю: опять на старое мѣсто. Про Дарью-то эфту самую Семеновну я въ то время, почитай, совсѣмъ и не думалъ,—продолжать Степанъ,—да притомъ и прослышанъ былъ, что живутъ они ладно, такъ мнѣ что за печаль. Ну, ладно, пришелъ это я на другой день, «сама» вышла ко мнѣ, такая нарядная, веселая да красивая.—«Это ты и есть, говорить, Степанъ? Мнѣ Алексѣй Сергѣевичъ говорилъ про тебя; правда, что ты большой чудакъ?»—«Не знаю, говорю: може нониче и сталъ, а допрежъ того не былъ». Покосилась этта на меня немного, усмѣхнулась и пошла прочь. Одначе ничего, зажили ладно, ни разу я отъ нея слова грубаго не слыхалъ, ужъ что правда, то правда, и врать не буду, со мной она и до сихъ поръ хороша, а допрежъ того и еще того лучше было. И сталъ это я, братецъ ты мой, попривыкать къ ней, полюбила она мнѣ; вижу—баба добрая, ласковая, веселая, а главное что простая. Другая бы на ея мѣстѣ, поди, какъ бы развѣхалась, фу-ты, ну-ты, такую бы стала барыню разыгрывать, что бери шапку, да бѣги вонъ, а она нѣтъ; надъ нашимъ братомъ не ломалась, обходилась просто, ласково, выйдетъ, бывало, какъ самого-то дома нѣтъ, ко мнѣ въ кухню, сядетъ супротивъ меня и примется спрашивать. Какъ, да что, гдѣ жилъ, какъ служилъ, есть-ли родные, и таксе прочее, аль-бо объ штабсъ-капитанѣ начнетъ пытаться, какой, моль, онъ допрежъ того былъ, да какъ жилъ. И вѣришь-ли слову, иной разъ часа три болтаетъ, не замѣтишь, какъ и время пройдетъ. Замѣтила она какъ-то, что рубашки у меня больно того, да и маловато: извѣстное дѣло, самому шить, при денщицкой-то нашей службѣ, недосужно; а отдавать на сторону—не всегда деньги водятся, ну и пообносись. Такъ, какъ бы ты думалъ, пошла она себѣ чего-то покупать, купила аршинъ 25 ситцу, сама скроила, да сама же и сшила мнѣ пять рубахъ. «На, говорить, носи на здоровье!» Вотъ, подижъ ты.

Степанъ умолкъ и нѣсколько минутъ молчалъ, понуря голову.

— Добрая!—процѣдилъ сквозь зубы Агѣевъ.

— Да, добра,—раздумчиво покачалъ головой Степанъ,— до всѣхъ ласкова, до всѣхъ жалостлива, а вотъ до Алексѣя Сергѣевича—нѣтъ. И чудно это мнѣ, братецъ ты мой, кажись бы, какъ съ такимъ человѣкомъ, какъ Алексѣй-то Сергѣевичъ, да не ужиться, а вотъ, поди жъ ты, съ нимъ она ровно кошка какая дикая, аль-бо тигра. И съ чего бы это? Спервоначала-то жили, словно голуби, все бывало милуются, а тамъ и пошло, и пошло, что дальше, то хуже. Мѣсяца не прожилъ я у нихъ, какъ ужъ замѣтилъ, что съ барынькой нашей штой-то не ладное дѣется. Гляжу, скучать стала моя Дарья Семеновна, сперва не особенно, а немного спустя и шибко заскучала; известное дѣло, опосля ихней-то развеселой жисти, наша-то ей и не по сердцу пришлась. Дальше—больше; спервоначала-то Алексѣй Сергѣевичъ не замѣчалъ; ну, а потомъ и самъ сдомекнулся. Видитъ,—дѣло дрянъ: какъ волка не корми, а онъ все въ лѣсъ смотреть. Да и не хитро было домекнуться. Прежде она кое-когда нѣтъ—нѣтъ да садеться почитаетъ, аль пошьетъ что, а ужъ тутъ совсѣмъ перестала, даже на гитарѣ своей не играетъ. Ходитъ эта взадъ да впередъ по комнатѣ, словно волчиха въ клѣткѣ, остановится, заломитъ руки за голову: «ахъ, говорить, какая тоска, хоть бы помереть что-ли!» и опять примется ходить, пока не устанетъ. Стала она пофыркивать: то не такъ, то не ладно; прежде все смѣялась, а теперь только хмурится, да губы кусаетъ. Сталъ я подмѣчать, что и съ лица она ровно бы худѣть и блѣднѣть начала, и глаза у нея нѣтъ-нѣтъ да красны, плакала, значить. Забезпокоился Алексѣй Сергѣевичъ, началъ приставать къ ней: «что, моль, съ тобой, здорова-ли ты»? Да только съ распросовъ-то его да ухаживаній она еще пуще насупилась. Поспорили они какъ-то, слово за слово, она ему

и брякни: «Зачѣмъ ты меня сманилъ къ себѣ, я, говорить, уйду, надоѣло мнѣ тутъ сидѣть съ тобой, руки скламши; что моя за жизнь теперѣ? Въ монастыряхъ сидятъ, за то душу спасаютъ, а это что? Монастырь—не монастырь, а тоска, хуже всякаго монастыря!» Наладила—уйду, да уйду; онъ ужъ и такъ, и сякъ, она и ухомъ не ведетъ: «Опостыло, говорить, мнѣ все, и ты, и квартира твоя; что я, ровно бы арестантка какая, какъ въ тюрьмѣ сижу, ни свѣту, ни радости, хоть бы удовольствія какія...»—«Тебѣ, стало быть, любви моей мало?»—«Извѣстное дѣло, мало; что мнѣ въ ней проку, из нея не шубу шить». Подумаль, подумаль Алексѣй Сергѣевичъ, да и сталъ кое-кого изъ товарищей по вечерамъ приглашать. Соберутся это къ нему человѣкъ пять, въ карты играютъ, шутятъ, смѣются; потомъ ужинать садутъ, другой разъ часовъ до двухъ, до трехъ хороваются. Повеселѣла наша Дарья Семеновна, опять прежняя стала, и поѣтъ, и на гитарѣ играетъ, и шутить,—словно рукой сняло. Одно, что не больно ладно было, слишкомъ ужъ она вольно себя съ господами ахвицерами держала. Пробоваль было Алексѣй Сергѣевичъ ее урезонивать: «не хорошо, моль, это, не подобаетъ», такъ та ему въ отвѣтъ: «Я еще тебѣ не жена, когда-то еще буду, а станешь очень командовать—и совсѣмъ уйду!» А тутъ, на бѣду, этого юнкаря нанесла нелегкая. Вотъ когда пошло у насъ въ настоящую... шабашъ! Очумѣла Дарья Семеновна, ровно ее злая муха укусила; допрежъ того сладка была, а тутъ и совсѣмъ малина стала. Что ни день, то она Алексѣя Сергѣевича пилить: и обмануть-то онъ ее, и жизнь заѣлъ, и ужъ и нѣвѣсть что еще! Плететь, плететь, ажно слушать тошно; и все уйти грозится, а это ему хуже ножа востраго. Сталъ этотъ юнкаръ къ намъ похаживать, чаще, да чаще, прежде по вечерамъ при Алексѣй Сергѣевичѣ, а потомъ сталъ все такъ потрафлять, когда его дома нѣтъ. Вотъ тутъ-то ея старая жизнь и сказала... Тянули мы

этакъ съ мѣсяць; Алексѣй Сергѣевичъ особеннаго, кажись, ничего не замѣчалъ, а я, хоть и видѣлъ что, иначе, помалкивалъ, что ужъ тутъ говорить было!..

— Вѣстимо дѣло, руки не подставишь.

— Ну, а больше, почитай, и рассказывать нечего, — продолжалъ Степанъ, все больше и больше нахмуриваясь; — перебрались мы изъ города сюда, вечеринки эфти самыя прикончились. Я съ первоначала-то обрадовался, думалъ, уймется наша-то пава, анъ здѣсь оно и того хуже пошло; стала она, что ни день, къ своему-то черномазику бѣгать, благо недалече. Почитай, совсѣмъ отъ дому отбилась... Баринъ въ городъ, а она къ своему... Эхъ, дѣла, дѣла!

И Степанъ уныло поникъ головой. Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

— Ну, а онъ, неужели не видитъ?— снова началъ Агѣевъ.

— Какъ не видать, конечно, видитъ, да, ау, братъ! Ничего не подѣлаешь, баба не песъ, на цѣпь не посадишь. Да притомъ же, и то сказать, какъ не поверни, а все жъ не жена она ему выходить, власти-то надъ ней настоящей и нѣтъ; вольный казакъ, хочеть житьеть, захочеть уйдеть; вотъ онъ и смекаетъ: съ одной стороны, боится, какъ бы впрямъ она ему «отбой не сыграла», а съ другой—подымать исторію—себя на весь полкъ страмить... И выходить, что какъ не кинь, анъ все выходить клинь; а только скажу я тебѣ, помяни мое слово, добромъ это у нихъ не кончится: больно ужъ ему за послѣднее время до сердца дошло. Прежде бранился, сердился, уговаривалъ, упрашивалъ, а нонче—ни слова, ровно мертвый. Только развѣ взглянетъ другой разъ на нее, и отвернется; и такъ это, братецъ ты мой, взглянетъ, что вчужѣ жутко стаетъ а она, полоумная, словно бы и не до ее касается, ржетъ себѣ, да зубы скалить, а то еще дразнить зачетъ: «что это, гритъ, отецъ архимандритъ, вы гнѣваться изволите? Аль опять сонъ видѣли?» И какъ напомнить она

ему про этотъ самый сонъ, такъ онъ весь въ лицѣ пере-
мѣнится, ажно затрясется весь.

— Какой еще тамъ сонъ?

— А это, видишь, передъ самую переѣздкой нашей сюда присниль Алексѣю Сергѣевичу, что будто онъ уже женатъ на Дарьѣ Семеновнѣ, и будто живутъ они такъ хорошо ладно, и у нихъ ужъ дѣтки есть, мальчикъ и дѣвочка. И видитъ это Алексѣй Сергѣевичъ, что сидитъ онъ съ ними: мальчикъ у него на колѣняхъ сидитъ, бороду рученками теревитъ, а дѣвочку Дарья Семеновна на рукахъ держитъ и грудью кормитъ... Проснулся онъ, да и говоритъ ей: «такъ и такъ, моль, видѣлъ во снѣ, что, моль, мы женаты и дѣтки у насъ, ну и все прочее...» Ну, а она, обыкновенное дѣло, что за человѣкъ! Это ему робята-то ангельчики Божьи, а по ейному, что щенокъ, что робенокъ—одна статья! Вотъ и подняла она его на смѣхъ, ужъ трунила, трунила надъ нимъ, издѣвалась, издѣвалась: «Ишь чего захотѣлъ! Какія, моль, тамъ дѣти; да коли, чего ни приведи Богъ, и были бы, я ихъ аль-бо въ спитательной, аль-бо въ канаву! Стану я съ ними нянчиться!» Оно, конечно, гдѣ ей съ ребятами, въ пору съ своимъ черномазикомъ управиться! Да и Алексѣй Сергѣевичъ чудакъ, выдумалъ тоже: Дарью Семеновну, да съ робенкомъ на рукахъ! Смѣхота одна.

XI.

Алексѣй Сергѣевичъ сидѣлъ по прежнему, не перемѣняя позы. Солнце заходило за горизонтъ. Будто въ пожарѣ, пылали узенькія окна церкви; прохладный вечерній вѣтеръ широкими волнами вливался въ открытыя окна.

Дверь тихонько скрипнула и въ комнату вошла Даша. Она была все такая же, развѣ только немного пополнѣла. На ней былъ нарядный, пестро-вышитый, малороссійскій костюмъ. Золотистая коса, переброшенная черезъ плечо, тяжело лежала на высокой груди. Въ рукахъ она держала

изящный маленький зонтикъ. Войдя въ комнату и увидѣвъ Ястребова, Даша въ первую минуту какъ бы нѣсколько смутилась, лицо ея, до той поры веселое, беззаботное, приняло наглое вызывающее выраженіе. Не говоря ни слова, она пошла въ свою комнату. Въ ту минуту, когда она хотѣла пройти мимо Алексѣя Сергѣевича, сидѣвшаго неподалеку отъ двери, тотъ поднялся съ дивана и загородилъ ей дорогу, Даша остановилась, и слегка оперлась на стоящій тутъ же письменный столъ. Ястребовъ, молча, пристально посмотрѣлъ ей въ лицо: она стояла передъ нимъ, улыбаясь, щеки ея разгорѣлись. Онъ глядѣлъ на нее, въ ея нагло смѣющіеся глаза, и чувствовалъ, какъ въ душѣ его закипѣло ощущеніе жгучей ненависти. Въ эту минуту ему отвратительны были и эти пухлыя, страстныя губы, и эта пышная, высокая грудь, задорно бѣлѣвшаяся сквозь частыя нити цвѣтныхъ бусъ.

— Даша! — произнесъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ, — я все знаю!

Она взглянула на него мелькомъ и по лицу ея пробѣжала тѣнь досады. «Ну, снова — здорово, — подумала она, — заведетъ шарманку!» Но вдругъ, чувство досады, смѣнилось у нея неудержимою веселостью и она беззаботно и непринужденно захохотала.

— Чему ты рада? Чего ты хочешь? — невольно изумился Ястребовъ.

— Ха, ха, ха — смѣялась Даша. Ой, не могу! Уморилъ, ей Богу уморилъ!

Ястребовъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы по возможности сдерживать себя.

— Знаешь что, — начала Даша, когда смѣхъ ея нѣсколько утихъ, — я все тебѣ совѣтовала идти въ монахи, нѣтъ ты лучше въ театръ ступай: «Даша, я все знаю!» — передразнила она его. — Нѣтъ, это неподобно, право неподобно!.. Да, вѣдь, ты Угрюмова бы, пожалуй, за поясъ

заткнулъ. Милый, голубчикъ, иди на сцену, право! Ну, какой ты офицеръ...

— Какой я офицеръ, это мое дѣло, а ты лучше скажи, какая ты женщина?—съ усиліемъ проговорилъ Ястребовъ, чувствуя, какъ отъ негодованія кровь его прилиwała къ головѣ.

— Какъ—какая?! Обыкновенная, коственная!

— Нѣтъ, не совсѣмъ обыкновенная, а до мозга костей развратная, наглая и безчестная!—страстнымъ шопотомъ заговорилъ Ястребовъ: я знаю, гдѣ ты была, у Чипкядзе! Вы тамъ пьянствуете, развратничаете, и тебѣ не стыдно! Ты не только осмѣливаешься смотрѣть мнѣ въ глаза, но, приходя прямо отъ любовника, глумишься надо мной и надъ моимъ чувствомъ...

— Не горече-ву-па,—печенка лопнетъ!—нагло усмѣхнулась Даша;—вы, кажется, Алексѣй Сергѣевичъ, господинъ штабсъ-капитанъ, забываете: я вамъ не жена и не крѣпостная ваша холопка, а такой же вольный человекъ, какъ и вы, кого хочу, того люблю! Что вы мнѣ въ глаза торкаете Чипкядзе, чѣмъ я виновата, что онъ лучше васъ, и красивѣе, и веселѣе? Съ вами только тоску разводить, да псалмы читать...

— А съ нимъ пьянствовать и развратничать!..

— Опять-таки же это моя печаль, а не ваша; вѣдь, я силой къ вамъ не навязывалась и не навязываюсь, напротивъ того, вы же, какъ уходите хотѣла, на колѣняхъ передо мной становились и руки цѣловали...

— Да пойми же, наконецъ, я тебя люблю, люблю больше всего на свѣтѣ... Даша, голубушка, пожалѣй же ты меня, неужели ты не видишь, я измучился, изнылъ весь...

— Вольно жъ вамъ изъ за всякихъ пустяковъ сердце надрывать.

— Если это, по твоему, пустяки, такъ ты послѣ этого... — не выдержалъ Ястребовъ.

Даша вспыхнула, лицо ея приняло злое выраженіе.

она хотѣла что-то отвѣтить, но удержалась и постаралась улыбнуться.

— А хоть бы и такъ!

И вдругъ, принявъ циничную позу, она запѣла, сопровождая пѣніе наглыми жестами, арію изъ «Периколлы»:

Какой обѣдъ намъ подавали!
 Какимъ виномъ насъ угощали!
 Ужь я пила, пила, пила
 И до того пьяна была,
 Что была готова, готова...

Это была капля, переполнившая чашу... Не помня себя отъ бѣшенства, схватилъ Алексѣй Сергѣевичъ, лежавшій на столѣ, вывезенный имъ изъ Турціи, альбанскій кинжалъ. Даша съ крикомъ отшатнулась и хотѣла бѣжать, но Ястребовъ, какъ клещами, сжалъ ея руку. Тонкій, какъ змѣйка, клинокъ кинжала мелькнулъ у нея надъ головой... Но въ ту же минуту чья-то сильная рука схватила руку Ястребова. Сзади его стоялъ Степанъ.

— Ваше благородіе, господинъ капитанъ, опомнитесь!— говорилъ онъ, стараясь, по возможности, деликатно вырвать кинжалъ изъ руки офицера.

Даша, между тѣмъ, выдернула свою руку, съ крикомъ выбѣжала изъ комнаты и бросилась было изъ дому, но въ дверяхъ ее останоилъ Агѣевъ, издали слѣдившій за происшествіемъ.

— Сударыня, не дѣло!—заговорилъ онъ своимъ глухимъ, угрюмымъ голосомъ;—не дѣло... Ну, что вы побѣжите,—и себя срамитъ, и его благородіе; останьтесь лучше, водицы испейте, успокойтесь.

— Онъ убьетъ меня, я боюсь!—крикнула Даша, порываясь къ двери.

— Не убьетъ, Степанъ не допуститъ; да у него, поди, чай и сердце прошло... А то идите къ батюшкѣ, посидите съ нимъ пока что!

Даша, нѣсколько успокоенная хладнокровною рѣчью солдата, сама сообразила, что не для чего подымать шума и отправилась на половину священника.

Даша часто заходила къ отцу Никодиму. Старикъ добрый, ласковый и кроткій, какъ дитя, всякій разъ очень радовался ея приходу: «А, внучка моя, ласточка-касатушка!»—привѣтствовалъ онъ Дашу. Даша, въ свою очередь, была съ нимъ всегда очень ласкова и почтительна. Отецъ Никодимъ былъ первый священникъ, съ которымъ она близко столкнулась въ жизни, и немудрено, что она относилась къ нему съ уваженіемъ. До тѣхъ поръ она видѣла священниковъ только издали. Кругъ, въ которомъ она воспитывалась и провела свое дѣтство и раннюю молодость, обходился безъ духовныхъ лицъ.

Ястребовъ, между тѣмъ, кое-какъ успокоенный Степаномъ, сидѣлъ на диванѣ и пилъ чашка за чашкой холодную, какъ ледъ, родниковую воду. Онъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Лицо его было мертвенно-блѣдно. Рука, державшая чашку, тряслась такъ сильно, что край ея стучалъ о зубы. Степанъ, съ выраженіемъ безконечной печали и сожалѣнія, смотрѣлъ на него: «Экъ его испортили сердечнаго, николи съ нимъ прежде такого не было».

ХІІ.

На другой день Ястребовъ рано утромъ опять собрался въ городъ. Этотъ мѣсяцъ онъ, по просьбѣ полковаго командира, исправлялъ должность уѣхавшаго въ отпускъ казначея, благодаря чему, каждый день приходилось почти все время проводить въ городѣ, и возвращаться домой только къ вечеру. Степанъ подвелъ ему «Сокола». Красивый, породистый конь весело фыркалъ, нетерпѣливо переступая жилистыми ногами, сгибалъ въ кольцо шею и косился на хозяина. Ястребовъ ласково погладилъ своего любимца.

— А что, Степанъ, — сказалъ онъ вдругъ, грустно

улыбнувшись, — славное время было, когда мы только втроемъ жили: я, ты, да «Соколь», а?

И не дожидаясь отвѣта, Ястребовъ ловко вскочилъ въ сѣдло; горячій конь захрапѣлъ, взвился на дыбы, но удержанный сильнымъ поводомъ, съ минуту помялся на одномъ мѣстѣ, словно раздумывая, съ какой ноги идти, и вдругъ выкинулъ обѣ, и пошелъ короткими, горячими лансадами, весь поджимаясь, готовый каждую минуту дать отчаянный скачекъ... Грустнымъ взглядомъ проводилъ Степанъ своего барина, любясь его молодцоватою посадкой, и, тяжело вздохнувъ, побрелъ въ свою коморку.

— Дарья Семеновна, что я вамъ хочу сказать, — началъ Степанъ, часа два спустя, подавая чай, только-что вставшей Дашѣ, — вы бы какъ-нибудь того, рѣшали бы это дѣло какъ ни какъ...

Даша удивленно взглянула на него.

— Что ты говоришь, Степанъ, я не могу понять?

— Говорю, бросьте вы, Дарья Семеновна, эфту самую канитель, право слово, бросьте, ну что хорошаго... и его губите, и вамъ не корысть...

— Какую такую канитель, ничего не пойму!

— Да какую?! Какая промежь васъ идетъ... Эхъ, Дарья Семеновна, пожалѣйте вы его, да и себя тоже; помяните мое слово, по хорошему все это у васъ не кончится! Алексѣй Сергѣевичъ такой человѣкъ, что долго терпѣть можетъ, а сорвется — не пеняйте, ни на что не посмотритъ...

Дарья Семеновна вспыхнула, грубое слово готово было сорваться съ ея языка, но она вспомнила, что этому человѣку, какъ, ни какъ, а все же обязана жизнью: не подспѣй онъ вчера такъ встать, — кто знаетъ, — можетъ быть, ей пришлось бы лежать теперь на этомъ самомъ столѣ, за которымъ она теперь пьетъ чай. При одной мысли объ этомъ она невольно вздрогнула и удержалась отъ рѣзкихъ выраженій.

— Тебѣ какое дѣло? — спросила она холодно.

— Мнѣ какое дѣло? — одушевился вдругъ Степанъ, — а вотъ какое: вы-то, сударыня, всего шестой мѣсяць какъ и въ глаза-то его увидали, а я вотъ уже шесть лѣтъ безотлучно при немъ. Года два тому назадъ, какъ онъ болѣнь былъ, я его словно ребенка малаго на рукахъ нянчилъ! Да это что! Придетъ если такая линія, я за него и жизни рѣшиться готовъ; онъ мнѣ пуще отца роднаго, а ты спрашиваешь, какое мнѣ дѣло? Слушай, Дарья Семеновна, — прибавилъ онъ рѣшительно, — въ послѣдній разъ говорю тебѣ: или брось ты энтаго своего черномазаго, и живи какъ слѣдуетъ быть, какъ допрежъ того жили, или уѣзжай отсель по добру, по здорovu; Христомъ-Богомъ прошу тебя, уѣзжай.

— Но куда я поѣду? Да онъ меня и не пуститъ, самъ знаешь! — отвѣтила Даша, немного смущенная горячими словами Степана.

— Куда? Гдѣ вы раньше жили; свѣтъ не клиномъ сошелся; вещицы у васъ кое-какія есть, деньжонки — тоже, пока-что, — проживете, а тамъ и опять гдѣ ни на есть да пристроитесь. Жили же вы допрежъ насъ. А что на счетъ того, что Алексѣй Сергѣевичъ васъ не отпустить, это, точно, ваша правда: коли вы ему впередъ скажетесь, да собираться станете, то, конечно, не отпустить, про это и толковать не стоитъ; а вы тихимъ манеромъ, разъ, два, три — собрались, да и маршъ, чтобы онъ и знать не зналъ, и вѣдать не вѣдалъ — вотъ это будетъ резонъ... Эхъ, Дарья Семеновна, послушайте меня, жаль мнѣ его, да и васъ жаль; смотрите, разъ на разъ не приходится: хорошо я вчера подвернулся, а въ друго-разъ могу и не быть... А что доиграетесь вы до бѣды — это какъ пить дать.

— Небось, не доиграюсь. Я теперь осторожнѣй буду, — промолвила задумчиво Даша. — Однако, убирайся, ты мнѣ надоѣлъ.

— Такъ, стало, вы не поѣдете?

— Отвяжись! Сейчас, конечно, не поѣду, а тамъ видно будетъ; ну, отчаливай! брысь!

Степанъ махнулъ рукой и вышелъ, съ досадой хлопнувъ дверью. Часа черезъ полтора Даша собралась на прогулку. Сегодня она одѣлась еще наряднѣе и кокетливѣе, чѣмъ вчера. Она долго вертѣлась передъ зеркаломъ, поправляя на себѣ то тутъ, то тамъ, прикалывая цвѣтокъ или бантикъ. На крыльцѣ ей встрѣтился Степанъ. Онъ зоркимъ, подозрительнымъ взглядомъ окинулъ ее съ головы до ногъ.

— Дарья Семеновна, вы опять туда?—произнесъ онъ словно упавшимъ голосомъ. — Ай, не ходите; чуетъ мое сердце недоброе, останьтесь лучше, хоть сегодня-то повремените...

На этотъ разъ Даша не нашла нужнымъ сдерживать себя:

— Молчать! — крикнула она, гнѣвно сверкнувъ глазами. — Это что за новости? Мало того, тотъ пучеглазый каждый день меня пилить да воесть надо мною, да еще и ты выдумалъ учить! Что я вамъ за дѣвчонка далась? Вотъ на зло же уйду, и когда онъ пріѣдетъ, такъ и скажи: ушла, моль, въ Хмурово, къ Чижкядзе, и раньше-де ночи не будетъ, а можетъ и заночуетъ тамъ, — такъ и скажи, чортъ бы васъ тутъ всѣхъ позадавилъ!

И гнѣвно повернувшись къ нему спиной, она быстро пошла по узенькой тропинкѣ по направленію къ Хмурову. Степанъ догналъ ее и схватилъ за руку.

— Дарья Семеновна, голубушка, вернитесь! Ну, прошу васъ, какъ Бога прошу, вернитесь... — заговорилъ онъ, удерживая ее.

Но Даша грубо оттолкнула его руку, и молча прошла мимо.

— Ну, Дарья Семеновна, придетъ время—спокаетесь, да поздно!—крикнулъ ей вслѣдъ Степанъ, но она даже и го-

ловы не повернула, и шла себѣ впередъ легкою, граціозною походкой.

Степанъ постоялъ нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ, шкунуль, и побрелъ назадъ.

Деревня Хмурово, гдѣ расположенъ былъ 2-й эскадронъ, и гдѣ жилъ Чипкядзе, отстояла отъ Малиноваго верстахъ въ двухъ. Но если идти не по шоссеиной дорогѣ, а повернуть тотчасъ же за церковью налѣво, подъ косогоръ, и идти чуть замѣтною тропинкой, прихотливо извивавшеюся между полями ржи и пересѣкавшею по срединѣ рѣчку, круто загибавшуюся въ этомъ мѣстѣ, то разстояніе выигрывалось болѣе чѣмъ вдвое. Съ одной стороны тропинки, почти до самаго Хмурова, тянулась роща, съ другою — шли безконечныя поля ржи, усыпанныя васильками. Дарья Семеновна шла, прикрываясь зонтикомъ, и по временамъ граціозно нагибаясь, срывала цвѣты и составляла букетъ. Никогда не чувствовала она себя такъ хорошо и спокойно, какъ сегодня, не смотря на вчерашнее происшествіе и на сегодняшнее предостереженіе Степана. Она думала только о себѣ и о своихъ удовольствіяхъ, до окружающихъ же ее ей не было никакого дѣла; она ни на минуту не задавала себѣ труда вникнуть въ ихъ положенія и чувства.

Было уже 9 ч. веч., когда Алексѣй Сергѣевичъ вернулся изъ города. Сегодня онъ былъ особенно разстроены. Причиной того былъ нечаянно подслушанный имъ разговоръ двухъ вольноопредѣляющихся. Произошло это такъ. Алексѣй Сергѣевичъ сидѣлъ въ маленькой комнаткѣ штаба полка, провѣряя отчеты; въ смежной канцелярской двое писарей занимались переписываніемъ бумагъ. Въ это время въ канцелярію вошли двое вольноопредѣляющихся; одинъ изъ нихъ только-что вернулся изъ отпуска и явился предъявить свой билетъ; другой, встрѣтившись съ пріѣхавшимъ на Бокзалѣ, увязался за нимъ и таскался съ нимъ по городу

съ самаго утра. Пока старшій писарь вписывалъ и дѣлалъ должныя помѣтки, молодые люди развалились на диванѣ, и съ выраженіемъ юношеской важности, продолжали прерванную бесѣду. Одинъ рассказывалъ другому подробности кутежа, бывшаго дня за два передъ этимъ въ квартирѣ Чишкядзе. Въ этотъ самый день какъ разъ, Алексѣй Сергѣевичъ принужденъ былъ ночевать въ городѣ и почти двое сутокъ не былъ дома. Сначала онъ не обратилъ вниманія на болтовню обоихъ юношей, но услышанное имъ нѣсколько разъ имя Даши заставило его невольно прислушаться. Кровь бросилась ему въ голову, когда онъ понялъ, наконецъ, о чемъ идетъ рѣчь. Вольноопредѣляющійся съ веселымъ смѣхомъ рассказывалъ такія подробности, что у Ястребова въ глазахъ потемнѣло. Изъ этого рассказа онъ узналъ, что Даша не одного Чишкядзе даритъ своимъ вниманіемъ, и что добиться ея благосклонности—дѣло не особенно трудное; что въ тотъ злополучный вечеръ она была въ такомъ положеніи, что ее чуть не на рукахъ снесли домой. Алексѣй Сергѣевичъ вспомнилъ, что, вернувшись на другой день къ вечеру, онъ дѣйствительно засталъ Дашу въ постелѣ съ сильною головною болью, больную и утомленную; но какъ далекъ былъ онъ тогда отъ подозрѣнія объ истинной причинѣ ея нездоровья! Съ краской стыда и негодованія вспомнилъ онъ, какъ весь вечеръ и слѣдующій день съ особенною заботливостью ухаживалъ за ней, предлагалъ пригласить доктора... О, дуракъ, дуракъ! И Степанъ ему ничего не сказалъ! Неужели и онъ на ея сторонѣ, и дурчить его вмѣстѣ съ этой безсовѣстной женщиной?.. Нѣтъ, никогда! Не обманываетъ онъ его, а жалѣеть, не хочетъ въ конецъ разбить его сердце!..

Вольноопредѣляющіеся ушли... Алексѣй Сергѣевичъ сидѣлъ, широко раскрывъ глаза, то блѣднѣя, то краснѣя, съ сильно бьющимся сердцемъ; голова его кружилась, онъ тяжело дышалъ... Въ первую минуту онъ хотѣлъ все бросить и немедленно скакать въ Малиновое, но тотчасъ же

оставилъ эту мысль. «Къ чему?—горько улыбнулся онъ,—теперь, все равно, ничѣмъ не поможешь и ничего не поправишь!» И онъ остался въ городѣ и продолжалъ свое дѣло. Онъ писалъ, считалъ, дѣлалъ смѣты, а сердце его все ныло и ныло невыносимою, безъисходною тоской. По-видимому, онъ былъ совершенно спокоенъ, онъ словно застылъ и замеръ весь, только тамъ, гдѣ-то, въ груди, глубоко-глубоко, словно червь копошился и неустанно точилъ и сосалъ его душу. По мѣрѣ того, какъ уходилъ день и надвигался вечеръ, тоска его становилась все сильнѣе и сильнѣе; наконецъ, онъ не выдержалъ, заперъ всѣ дѣла въ большой кованный сундукъ, и поѣхалъ домой. Всю дорогу Алексѣй Сергѣевичъ то шпорилъ своего «Сокола», и тотъ бѣшено мчалъ его по мягкой, пыльной дорогѣ, то сдерживалъ и нарочно замедлялъ его ходъ, даже слѣзалъ, останавливаясь, стараясь продлить время. Никогда не случалось «Соколу» переносить такой утомительной ѣзды. Онъ горячился, фыркалъ, взвивался на дыбы, разбрасывая изо рта на землю и грудь клочья густой пѣны, онъ былъ весь въ мылѣ.

— Гдѣ Дарья Семеновна?—спросилъ Ястребовъ вышедшаго ему на встрѣчу Степана.

Тотъ сдѣлалъ видъ, что не слышалъ вопроса, и поспѣшно повелъ «Сокола» на дворъ:

— Эхъ, коня-то упарилъ,—ворчалъ онъ,—стоитъ! Нечего сказать!

Алексѣй Сергѣевичъ, растерянно глянулъ ему въ слѣдъ, но вопроса своего не повторилъ. Угрюмое лицо Степана, мрачный, досадливый взглядъ, брошенный имъ изподлобья,—были краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

Алексѣй Сергѣевичъ почувствовалъ, какъ сердце его упало. Всю дорогу онъ почему-то больше всего боялся не застать Дашу дома, и хотя былъ почти увѣренъ, что она ушла, но все надѣялся, успокоивалъ себя...

Глухая, холодная злоба закипѣла въ немъ сразу, заглу-

пивъ всѣ остальные чувства; онъ молча прошелъ въ свою комнату, подошелъ къ постели, снялъ со стѣны револьверъ и пристально осмотрѣлъ его, затѣмъ выдвинулъ ящикъ письменнаго стола, досталъ коробку съ патронами, не торопясь, зарядилъ револьверъ на всѣ шесть зарядовъ, и сунулъ его въ карманъ. На порогъ его встрѣтилъ Степанъ. Онъ все время стоялъ за дверью и зорко слѣдилъ за барининомъ. По выраженію блѣднаго, словно окаменѣвшаго лица Ястребова, по холодному стальному блеску его глазъ Степанъ понялъ, что дѣло серьезное; сердце его болѣзненно, испуганно сжалось.

— Ваше благородіе, отецъ родной, Алексѣй Сергѣевичъ, Христось съ вами, куда это вы? Не губите себя, батюшка; ну ее къ ляду, не стоитъ она того, чтобы вы на душу свою грѣхъ брали, выгоните ее, собачью дочь, вонъ, чтобы и духу ея не было, а зачѣмъ же себя губить.

Алексѣй Сергѣевичъ пристально взглянулъ на него.

— А зачѣмъ ты мнѣ, Степанъ, не сказалъ, что у васъ тутъ было третьяго дня?

Степанъ смущенно потупился.

— Да что говорить-то! И безъ того не сладко... Эхъ Алексѣй Сергѣевичъ, не слушались вы меня тогда... Ну, да что ужъ толковать!—Прошло, не вернешь! А хоть вотъ теперь-то послушайтесь, не ходите, останьтесь, аль поѣжайте въ городъ обратно, а завтра справимъ ее въ Москву, аль тамъ куда, и дѣлу конецъ... Право-ну!

Теплыя, полныя сердечнаго участія слова Степана до глубины сердца растрогали Ястребова.

— Не могу, пойми ты это, не могу я отпустить ее! —воскликнулъ онъ страстнымъ надрывающимся голосомъ.— Сердце мое все изноеть, самъ на себя руки наложу: вѣдь, люблю я ее, больше всего на свѣтѣ люблю... и люблю, и ненавижу. Ты хороший, добрый человекъ,—продолжалъ онъ безсвязно, но ты не понимаешь и не можешь понять, что можно ненавидѣть и обожать въ одно и то же время... что

легче убить, чѣмъ разстаться... Или себя, или ее, но тягъ жить нельзя, лучше каторга, лучше смерть, чѣмъ такая жизнь. Я съума схожу, я чувствую, что я все, равно, если не убью ее, то убью себя, да это такъ и будетъ... Нѣтъ больше моихъ силъ выносить эту пытку!

И оттолкнувъ Степана, пытавшагося загородить ему дорогу, Ястребовъ поспѣшно сбѣжалъ съ крыльца и быстрыми шагами пошелъ къ Хмурову, тою же дорогой, которою утромъ ушла Даша. Алексѣй Сергѣевичъ зналъ, что больше ей негдѣ быть.

— Эхъ, загубили мы себя, Алексѣй Сергѣевичъ, въ конецъ загубили! — всплеснулъ руками Степанъ, когда Ястребовъ скрылся за церковью.

Онъ нѣсколько минутъ стоялъ безпомощно озираясь вокругъ; вдругъ свѣтлая мысль мелькнула въ его головѣ: «ладно же, — воскликнулъ онъ, — какъ ни какъ, а не допущу я тебя до эфтаго!» И не долго думая, Степанъ бѣгомъ пустился тоже въ Хмурово, но только другою дорогой; мысль его была — во что бы то ни стало придти раньше Алексѣя Сергѣевича и не дать ему встрѣтиться съ Дашей. Правда, путь, по которому ему пришлось теперь бѣжать, былъ значительно длиннѣе того, которымъ шелъ Алексѣй Сергѣевичъ, но Степанъ надѣялся, что ему удастся опередить его и бѣжалъ, что было духу.

Ө. Ө. Тютчевъ.

(Окончаніе будетъ).

* * *

Городъ смолкъ; съ вечерними тѣнями
Онъ ко сну мечтательно отходить,
Но надъ нимъ стоитъ—и не проходитъ
Смутный гулъ неясными волнами.
Черезъ окно открытое порою
Слышенъ свистъ далекаго паровоза,
Бой часовъ за улицей глухою...
Я пишу—диктуетъ сердцу греза.
И плывутъ задумчивыя ямбы,
И бѣгутъ веселыя хорей...
Надъ столомъ мерцаетъ отблескъ лампы,
А въ окнахъ зарницы мигаютъ змѣн.
Я пишу—исполненъ тихой нѣги,
И томлюся думой неразлучной,
Что весь мѣръ нашъ сотканъ изъ аллегорій,
Жизнь—сонетъ... и даже очень скучный...

К. Фофановъ

НАУЧНЫЯ ОСНОВАНІЯ ИСКУССТВА

ИГРА ЦВѢТОВЪ ВЪ ЖИВОПИСИ.

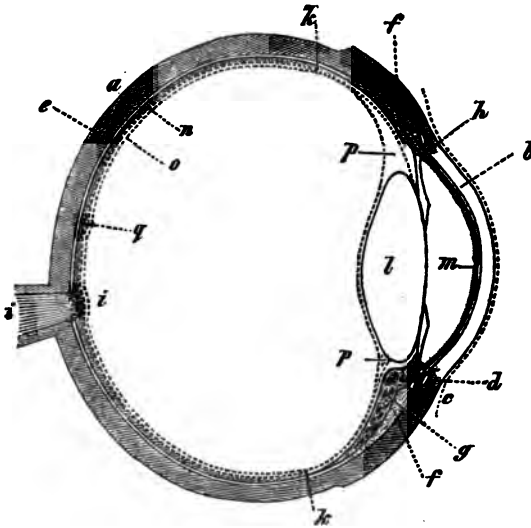
I.

Общія положенія.

Начнемъ съ самыхъ простыхъ вещей. Отчего мы видимъ предметы? Мы видимъ ихъ или оттого, что отъ нихъ самихъ исходитъ свѣтъ (солнце, огонь, звѣзды), и попадая въ нашъ глазъ возбуждаетъ зрительный нервъ. Или же, мы видимъ ихъ потому, что свѣтъ отъ солнца или отъ свѣчи, или отъ какого-нибудь ярко-освѣщеннаго предмета, падаетъ на другіе предметы и отражается въ нашъ глазъ. Такъ, ночью, или въ неосвѣщенной комнатѣ, мы не видимъ предметовъ, но едва блеснетъ лучъ солнца или внесенной свѣчки, или прорвется лунный свѣтъ, предметы становятся видимыми.

Описывать здѣсь подробно устройство глаза нѣтъ надобности. Важно только запомнить одно, что наша способность видѣть предметы зависитъ отъ зрительнаго нерва, развѣтвленія котораго, разсѣянныя въ видѣ сѣти на задней внутренней сторонѣ глазнаго яблока, называются сѣтчатую оболочкой (черт. I). Если эта оболочка повреждена или нервъ перерѣзанъ, мы ничего не увидимъ, хотя бы остальной глазъ былъ здоровъ.

Но отчего же зависить цвѣтъ предметовъ? Откуда является этотъ цвѣтъ? Сами предметы не имѣютъ никакого цвѣта: ихъ цвѣтъ зависить отъ особеннаго свойства солнечнаго луча давать предметамъ различные цвѣта. Вы видите солнечный закатъ: то же самое небо, которое еще часъ назадъ казалось голубымъ, теперь сіяетъ всѣми цвѣтами радуги. Предметы, окружающіе васъ тоже станвятся

Чертежъ I.

Разрѣзъ глаза: свѣтъ входитъ чрезъ роговицу *m*, проходитъ чрезъ хрусталикъ *l* и падаетъ на сѣтчатую оболочку вокругъ *f*, т. е. мѣста, гдѣ входитъ глазной нервъ *f-f*.

красноватыми и оранжевыми. Вы видѣли радугу. Въ ней вы видите самые яркіе цвѣта. Но развѣ эти цвѣта принадлежатъ тучѣ или каплямъ дождя, которыя собственно вы видите въ радугѣ. Нѣтъ. Это—лучи солнца, ударяя въ дождевыя капли, разбиваются на множество цвѣтныхъ лучей, которые отражаются въ нашъ глазъ и мы видимъ радугу. Вы можете получить радугу и у себя въ комнатѣ.

Возьмите трехгранный кусокъ стекла (призму), пропустите черезъ него лучъ солнца, и на стѣнѣ появится малень-

кая радуга, т.-е. полоска, окрашенная самыми яркими цвѣтами. Вотъ вамъ ясное доказательство, что цвѣтъ предмета зависитъ не отъ предмета, а отъ свойства луча: вѣдь, стѣна или дверь, на которой вы увидите радугу сами никакой радуги въ себѣ не имѣютъ. Но точно такъ же, если эта стѣна казалась вамъ ранѣе бѣлою, то это потому, что она отражаетъ въ вашу глазъ бѣлые лучи солнца; если она черная, то это значитъ, что она лучей не отражаетъ ¹⁾, а, стало быть, поглощаетъ ихъ, т.-е. принимаетъ ихъ въ себя. Если же она желтая, или синяя, или красная, то отчего это происходитъ? Вы видѣли, что пропуская черезъ трехгранный кусокъ стекла бѣлый солнечный лучъ, вы получили радугу, т.-е. всевозможные яркіе цвѣта, а именно: красный, оранжевый, желтый, желто-зеленый, зеленый, синій и фіолетовый. Отчего же бѣлый лучъ могъ дать столько яркихъ лучей? Значитъ, бѣлый лучъ состоитъ, дѣйствительно, изъ всѣхъ этихъ лучей? Да, и это можно доказать многими способами: можно собрать эти лучи вмѣстѣ помощью приспособленныхъ для этого стеколь и получится бѣлый лучъ. Можно, наконецъ, на кружкѣ картона нарисовать радугу и особою машинкой начать быстро вѣртѣть кружокъ, чтобы всѣ цвѣта слились, и тогда опять получится бѣлый цвѣтъ. Если просто смѣшать краски, то отъ этого еще не получится бѣлой краски, но это зависитъ отъ особыхъ причинъ, о которыхъ будетъ говориться дальше. И такъ, бѣлый лучъ, какъ оказывается, вовсе не такъ простъ: онъ состоитъ изъ множества цвѣтныхъ лучей. Дальше вы въ этомъ убѣдитесь вполне и подробно. Но теперь вы уже можете сами объяснить, отчего зависятъ цвѣтъ предметовъ. Предметы имѣютъ способность не только отражать лучи, но и поглощать ихъ. Мы видѣли, что бѣлый предметъ есть такой, который отра-

¹⁾ Вѣрнѣе сказать, отражаетъ, но очень мало: такъ, по изслѣдованіямъ Руда, черная бумага отражала около 5 проц. лучей (на сто), по другимъ тоже отъ 4 до 6 проц.

жаютъ всѣ лучи, черный—это такой, который, наоборотъ, всѣ лучи поглощаетъ; стало быть, зеленый предметъ будетъ такой, который изъ бѣлаго луча поглощаетъ всѣ лучи, кромѣ зеленаго, а зеленые отражаетъ въ нашъ глазъ; красный, наоборотъ, поглощаетъ всѣ лучи, кромѣ краснаго, и т. д.

Конечно, въ непрозрачныхъ предметахъ вы не можете видѣть этихъ поглощенныхъ лучей, но возьмите стаканъ воды и налейте въ него нѣсколько капель молока; вы увидите вотъ что: если вы будете смотрѣть сквозь стаканъ на свѣтъ, то смѣсь будетъ вамъ казаться желтоватою; если же будете смотрѣть на стаканъ, ставъ спиной къ свѣту, и держа стаканъ на темномъ фонѣ, то жидкость будетъ вамъ казаться синеватою. Это отъ того, что въ первомъ случаѣ вы будете видѣть лучи поглощенные, т.-е. прошедшіе черезъ смѣсь, а во второмъ случаѣ—отраженные: оказывается, что вода, разбавленная молокомъ, пропустила сквозь себя изъ бѣлаго луча желтые лучи, а отразила голубые лучи. То же самое вы замѣтите, когда въ ясный день будете смотрѣть на дымъ, поднимающійся изъ трубъ: та нижняя часть дыма, которая находится между вашимъ глазомъ и темною крышей, будетъ вамъ казаться синеватою. А та часть дыма, которая находится выше, т.-е. между вашимъ глазомъ и небомъ будетъ казаться желтой или коричневатою. Это потому, что въ верхней части лучи свѣта проходятъ черезъ дымъ сзади, а нижняя часть, сзади которой крыша, только отражаетъ лучи въ вашъ глазъ. И вотъ снова оказывается, что дымъ, какъ и молоко, распущенное въ водѣ, отражаетъ свѣтъ голубоватый, а пропускаетъ желтоватый. Ниже я объясню вамъ, почему именно пропускаетъ желтоватый и отражаетъ голубоватый, но теперь долженъ отвѣтить вамъ на новый вопросъ, который вы, вѣроятно, уже задали себѣ: а куда же скрылись всѣ остальные лучи, входящіе въ составъ бѣлаго луча, и которые мы видѣли

въ радугѣ? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, ранѣе мы сказали, что бѣлый лучъ состоитъ изъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, а теперь оказывается, что бѣлый лучъ раздѣлился только на два, — на голубой (отраженный) и на желтый (поглощенный); а гдѣ же красный, фіолетовый? Сейчасъ отвѣчу, но прежде долженъ предупредить лицъ, знакомыхъ съ рисованіемъ. Они привыкли, для полученія зеленой краски, смѣшивать синюю съ желтою, и они, конечно, правы: синяя краска, смѣшанная съ желтою краской, даетъ зеленую, но если смѣшать не краски, а самые лучи свѣта синяго и желтаго, то получится цвѣтъ сѣроватый или бѣлый ¹⁾ и это легко провѣрить: возьмите синее стекло и смотрите сквозь него на синюю бумагу, и бумага будетъ вамъ казаться сѣровато-бѣлой; или: наложите синее стекло на желтое и получите бѣлый (или сѣрый) цвѣтъ, но никогда не зеленый. Впрочемъ, мы должны предупредить, что мы предлагаемъ самые простые опыты, которые поэтому не вполне совершенны, ибо, напр., весьма важна при смѣшеніи лучей пропорція ихъ или сила, т.-е., если, напр., вы наложите желтое стекло на синее, то вполне сѣровато-бѣлый цвѣтъ получите лишь тогда, когда сила желтаго цвѣта отъ желтаго стекла совершенно достаточна, чтобы съ силой синяго составить бѣлый; если же будетъ сильнѣе синее или желтое стекло, то къ сѣровато-бѣлому ихъ соединенію, будетъ примѣшиваться то немножко желтизны, то немножко синева. Однако, и при этихъ грубыхъ опытахъ никогда вы не получите зеленаго. Болѣе совершенный опытъ придуманъ англійскимъ ученымъ Максвеллемъ. Возьмите два совершенно равныхъ диска (кружка) синій и красный; и тотъ и другой разрѣжьте по одному изъ радіусовъ отъ окружности до центра, и затѣмъ въ разрѣзъ одного круга продвиньте полоску другого, нало-

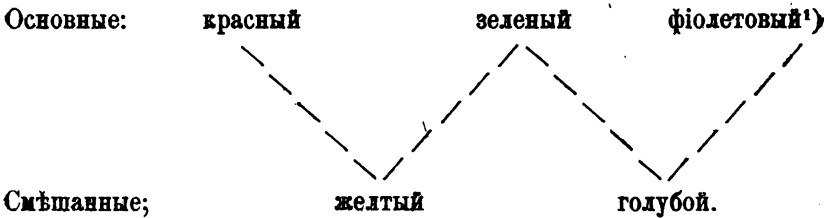
¹⁾ Сѣрый цвѣтъ есть слабый бѣлый. Это можно доказать, помѣстивъ маленькій сѣрый квадратикъ на черную бумагу. На ней онъ будетъ казаться бѣлымъ.

живъ ихъ предварительно другъ на друга. Допустимъ, что вы пропустили одинъ кругъ на другой настолько, что половина круга желтая, а половина голубая; надѣньте оба диска на одно остріе и быстро вертите. Цвѣта сольются и дадутъ сѣровато-бѣлый. Но если окраска синяго сильнѣе, то этотъ сѣрый цвѣтъ будетъ синеватый, если окраска желтаго сильнѣе, — то желтоватый. Тогда, сообразно этому, вы выдвигайте понемногу тотъ цвѣтъ, который слабѣе и давайте ему больше мѣста на общемъ дискѣ, пока не уравновѣсите ихъ силу, и не получите чистый бѣлый или сѣрый, хотя при этомъ желтый или синій займетъ больше мѣста на дискѣ, чѣмъ другой, но вы уже понимаете, что это будетъ зависѣть отъ степени ихъ силы. Вы только уравновѣсили эту силу, давъ болѣе слабому цвѣту больше мѣста на дискѣ.

Но отчего же, если смѣшать зеленую и желтую краску, получается не бѣлый или сѣрый, а зеленый цвѣтъ? На это мы отвѣтимъ лишь послѣ того, когда объяснимъ вамъ, почему можно составить бѣлый лучъ не только смѣшавъ всѣ цвѣта, но и два только (напр., желтый и голубой), и куда изъ бѣлаго пропадаютъ красные, зеленые, фіолетовые, когда, напр., въ водѣ, разбавленной молокомъ, бѣлый лучъ раздѣляется только на два—на голубой и желтый. Объясненіе весьма просто: какъ сперва мы видѣли, что бѣлый цвѣтъ состоитъ изъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, хотя кажется бѣлымъ, такъ теперь понятно, что синій и голубой цвѣта вовсе не простые чистые лучи, но сами состоятъ изъ другихъ лучей, а именно: желтый, какъ это ни странно кажется, состоитъ изъ зеленаго и краснаго, а синій—изъ желтаго и фіолетоваго. И это опять-таки можно доказать опытомъ съ вышеписанными макуловскими кружками. И такъ, посмотрите, что мы собственно смѣшиваемъ, когда смѣшиваемъ желтые и синіе лучи?

И вотъ оказывается, что смѣшивая желтый съ синимъ, мы собственно смѣшивали всѣ цвѣта радуги, ибо эти цвѣта сами состоятъ изъ краснаго, зеленаго и фиолетоваго (а стало быть также и смѣси ихъ, т.-е. изъ желтаго и изъ голубаго). Но это наводитъ уже васъ на дальнѣйшій вопросъ: если и синій, и желтый цвѣта смѣшанные, то остаются только красный, зеленый и фиолетовый. Какіе же они: чистые или тоже смѣшанные? Эти цвѣта уже чистые (конечно, не всякій зеленый, и не всякій красный, и не всякій фиолетовый, ибо у нихъ могутъ быть разные оттѣнки. Ниже мы скажемъ, какой именно краскъ ближе всего соотвѣтствуютъ чистые—зеленый, красный, фиолетовый). Такимъ образомъ, всѣ главные цвѣта можно изобразить такъ:

Теперь вы поймете, что всѣ остальные цвѣта получаются такъ: если въ желтомъ больше краснаго, чѣмъ зеленаго, то получится оранжевый, если, наоборотъ, больше зеленаго, то получится желто-зеленый. Если въ голубомъ больше зеленаго, то получится зелено-голубой, если же больше фиолетоваго, то получится синій (ультрамаринъ). Наконецъ, фиолетовый съ краснымъ даетъ пурпуровый.

¹⁾ Строго говоря, мнѣнія ученыхъ о томъ, считать-ли и фиолетовый цвѣтъ основнымъ—не вполне согласны. Но эти подробности теперь для читателя будутъ не понятны, да и не важны.

Отсюда вы сами можете составить себѣ кругъ или кольцо изъ всѣхъ главныхъ цвѣтовъ.

Теперь уже можно объяснить, почему, смѣшивая желтую краску съ синей, мы получаемъ не бѣлый цвѣтъ, какъ бы должно, а зеленый? Это вотъ почему. Сперва приведу объясненіе, которое, однако, мнѣ менѣе нравится, чѣмъ то, которое приведу потомъ. Всякая краска, масляная-ли или водяная, есть порошокъ, лежащій въ нѣсколько слоевъ (въ маслѣ, или водѣ, или клею). Когда мы смѣшаемъ желтую и синюю краску, то получимъ, собственно, смѣсь или мозаику изъ частицъ или пылинокъ желтыхъ и зеленыхъ, лежащихъ и рядомъ, и другъ надъ другомъ въ нѣсколько слоевъ. Если бы было всего только двѣ пылинки, одна синяя, а другая желтая, то свѣтъ желтый и голубой, отразившись отъ нихъ и смѣшавшись, казался бы бѣлымъ, а прочіе лучи, они поглотили бы. Но вѣдь такихъ частичекъ массы, и лучъ свѣта входитъ въ самую гущу краски, и тамъ лучи одни поглощаются, другія стремятся отразиться и выйдти обратно. Теперь, на основаніи изложеннаго выше, вы поймете, какіе лучи поглощаются желтыми частичками, и какія синими. Если желтый цвѣтъ самъ состоитъ изъ зеленого и красного, то поглощаетъ онъ, конечно, фіолетовый, отчасти голубой. Наоборотъ, голубыя пылинки, разъ цвѣтъ отражаемый ими, состоятъ изъ зеленого и фіолетоваго лучей, поглощаютъ, конечно, красный, и отчасти оранжевый.

И такъ, изъ луча бѣлаго, входящаго внутрь смѣшанныхъ красокъ поглощаются: лучи красные, (и оранжевые) да фіолетовые (отчасти синія); остается въ бѣломъ лучъ третій основной цвѣтъ, зеленый, который и окрашиваетъ всю смѣсь. Такимъ образомъ, самый фактъ полученія отъ смѣси желтой и синей краски не только ничего не доказываетъ противъ вышесказаннаго, но и подтверждаетъ его.

Но, по моему, можно дать и болѣе простое объясненіе: я думаю, что даже если бы мы положили рядомъ только

двѣ пылинки--одну желтую, другую синюю, то и они дали бы намъ зеленую краску, а не бѣлую. И это очень просто. На желтую частицу упаль бѣлый лучъ и она отразила желтый, но желтый состоитъ изъ зеленого и красного, синяя же частичка отразила синіе лучи, т.-е. на самомъ дѣлѣ смѣсь зеленого и фіолетоваго. И такъ обѣ частицы отразили четыре луча: красный, зеленый, еще зеленый, и фіолетовый. Но, одинъ красный, одинъ зеленый и одинъ фіолетовый составятъ бѣлый; и мы ихъ не будемъ видѣть; остается еще зеленый; онъ-то и будетъ намъ виденъ и вся смѣсь будетъ казаться намъ зеленого цвѣта. И вотъ въ этомъ-то и разница между смѣшеніемъ двухъ красокъ и смѣшеніемъ двухъ лучей. Когда мы смѣшиваемъ два луча синій и желтый, мы смѣшаемъ только эти два луча; когда же мы смѣшиваемъ двѣ краски желтую и синюю, въ нашъ глазъ идетъ четыре луча: два зеленыхъ, одинъ фіолетовый, одинъ красный. Три луча смѣшиваются въ бѣлый и остается зеленый.

II.

Наиболѣе важныя и чарующія явленія въ природѣ и живописи зависятъ отъ контраста цвѣтовъ и ихъ сосѣдства. Каждый художникъ знаетъ, что сосѣдство двухъ цвѣтовъ можетъ не только увеличивать или ослаблять ихъ кажущуюся яркость, но и совершенно измѣнить цвѣта.

Такъ, Шеврѣль рассказываетъ очень курьезный случай: къ нему пришли фабриканты и жаловались, что ими были отданы художникамъ для разрисовки матеріи красного, фіолетово-голубаго и голубаго цвѣта, чтобы ихъ украсить черными рисунками. Но когда матеріи были возвращены, то рисунки оказались не черными, но на красной матеріи были зеленые, на фіолетовой темнозеленые, а на голубой мѣдно-красныя. Между тѣмъ художники увѣряли, что дѣлали ихъ черной краской. Шеврѣль срисовалъ на бумагѣ рисунки матеріи, вырѣзалъ ихъ и такую вырѣзанную бу-

магу наложить на матеріи такъ, что черезъ вырѣзанныя мѣста видны были только узоры, а фонъ былъ закрытъ. И что же оказалось? Рисунки были сдѣланы чистѣйшей черной краской! Отчего же произошелъ такой обманъ зрѣнія? Отчего красный фонъ измѣнилъ черный рисунокъ въ зеленый? Вы можете продѣлать тотъ же опытъ у себя на столѣ: положите у себя на столѣ большой кусокъ сѣрой бумаги, а на него положите небольшой квадратикъ изъ яркой красной, привязавъ этотъ квадратъ за уголокъ ниткой. Смотрите долго на этотъ красный кусокъ и вдругъ отдерните его прочь. Вы на мѣстѣ его на сѣромъ фонѣ увидите зеленый квадратъ. Если же квадратикъ былъ бы изъ зеленой бумаги, то на мѣстѣ его вы увидѣли бы послѣ отдергиванія красное пятно. Предполагаютъ, что въ нашихъ глазахъ или въ нашихъ зрительныхъ нервахъ есть нѣсколько сортовъ нервовъ, или точнѣе, три сорта нервовъ, соответствующихъ тремъ основнымъ цвѣтамъ. Одинъ сортъ нервовъ возбуждается преимущественно краснымъ, другой зеленымъ, третій фіолетовымъ. Впечатлѣнія всѣхъ остальныхъ цвѣтовъ зависятъ отъ смѣси впечатлѣній этихъ трехъ сортовъ нервовъ. Такъ, если возбуждены сразу нервы чуткіе къ зеленому и красному, то мы увидимъ желтый цвѣтъ, если возбуждены нервы чуткіе къ фіолетовому и зеленому, мы увидимъ синій цвѣтъ. Теперь, замѣтьте вотъ что: наши нервы способны утомляться также, какъ и руки или ноги. И потому, если на нашъ глазъ дѣйствуетъ, на примѣръ, красный цвѣтъ, то нервъ чуткій къ красному цвѣту при- тушается на время, и если затѣмъ взглянуть на бѣлую или сѣрую поверхность, то она намъ покажется не бѣлой, а зеленоватой, потому, что красныхъ лучей въ бѣломъ вы не будете видѣть. Нашъ нервъ, воспринимающій всегда преимущественно красный цвѣтъ, усталъ, и теперь его не ощущаетъ въ цѣломъ лучѣ, въ силу этого; два же прочіе

нерва (для зеленого и фіолетоваго) продолжаютъ ощущать соответственные лучи.

И вотъ это-то случилось съ фабрикантами, обратившимися къ Шеврелю. Черный рисунокъ на красномъ фонѣ казался имъ зеленымъ потому, что смотря на этотъ фонъ, они притупляли у себя нервы, воспримчивые къ красному цвѣту, и потому, когда обращали вниманіе на черный рисунокъ, то не видѣли въ лучахъ, исходящихъ изъ него красныхъ лучей. Вы помните, конечно, что черный цвѣтъ все же отражаетъ немного лучей ($\frac{1}{100}$), эти лучи бѣлые, но если вычестъ изъ бѣлыхъ красные, то получится зеленоватый цвѣтъ. На оборотъ, на фіолетовомъ фонѣ, по той же причинѣ, черный рисунокъ казался мѣдноватымъ. Мы здѣсь пока называемъ цвѣта приблизительно, ибо дальше будемъ говорить объ этомъ подробно и точно, и перечислимъ всѣ цвѣта и краски, которые измѣняются вслѣдствіе контраста или сосѣдства, такъ или иначе: теперь намъ нужно, чтобы вы еще яснѣе поняли причину этого общаго явленія.

III.

Едва-ли эти явленія будутъ вамъ вполне понятны безъ нѣкотораго знанія того, что такое самый свѣтъ? Будемъ кратки. По вычисленію и гипотезамъ науки, свѣтъ есть волнообразныя колебанія особаго вещества, распространеннаго по всему міру, неизмѣющаго вѣса и названнаго «эфиромъ»,¹⁾ Конечно, этого эфира никто не осязаль. Но математически вычисленное существованіе его болѣе чѣмъ вѣроятно, ибо безъ него не было бы объяснимо множество явленій. Во-первыхъ, не было бы понятно, почему, напримѣръ, бѣлый лучъ можетъ разлагаться на массу другихъ лучей, если его пропустить черезъ трехгранную призму. Благодаря же допущенію эфира и его волнъ вычислено точно, что разныя лучи свѣта суть просто колебанія съ разной дли-

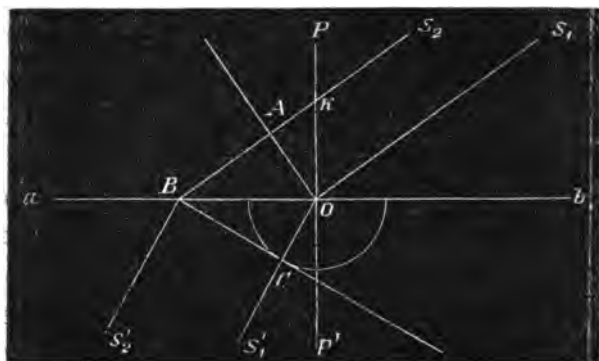
¹⁾ Конечно, ни одинъ изъ читателей не смѣшаетъ этого предполагаемаго свѣтоваго эфира съ тѣми эфирами, которые продаютъ въ аптекахъ.

ной волны. Известно, что лучъ свѣта проходить около 186,000 миль въ секунду. Вычисления показали, что если длина волны свѣта равна одной тридцати девяти тысячной дюйма ($\frac{1}{39,000}$), то такое колебаніе, дойдя до нашего зрительнаго нерва, даетъ ощущеніе краснаго цвѣта; если волна, короче, въ $\frac{1}{4,1000}$ дюйма, то мы увидимъ оранжевый цвѣтъ, и такъ дальше, т.-е. болѣе короткія волны дадутъ сперва желтый, потомъ зеленый, потомъ синій и, наконецъ, фіолетовый цвѣтъ. Раздѣливъ 186,000 миль на $\frac{1}{39,000}$ дюйма, вы найдете, сколько колебаній въ секунду дѣлаетъ красный лучъ; раздѣливъ то же число на $\frac{1}{4,1000}$, узнаете скорость колебанія оранжевыхъ лучей. Чѣмъ ближе къ фіолетовому, тѣмъ волны короче, стало быть, въ секунду ихъ больше. Волны съ еще болѣе короткой волной, чѣмъ фіолетовый лучъ, уже не даютъ свѣта (или даютъ сперва слабый сѣроватый), но онѣ еще могутъ производить химическое дѣйствіе. Быть можетъ есть какія-нибудь существа, которыя видятъ и эти невидимыя для насъ лучи или колебанія въ формѣ совсѣмъ неизвѣстнаго намъ цвѣта. Точно также волны, которыя длиннѣе волны краснаго цвѣта, мы не видимъ (исключая какого-то подобія шоколаднаго цвѣта), но эти безцвѣтныя волны производятъ дѣйствіе тепловое.

Теперь намъ будетъ отчасти понятно, почему лучи раздѣляются пройдя въ призмѣ. Вы замѣчали, конечно, что ложка или палочка, опущенная въ стаканъ съ водой, кажется какъ бы переломленною. Это зависитъ отъ того, что лучи свѣта измѣняютъ свой первоначальный путь, переходя изъ одной среды въ другую, изъ болѣе густой въ болѣе жидкую (напримѣръ, изъ воды въ воздухъ), или, наоборотъ, если они при этомъ падаютъ на поверхность, раздѣляющую обѣ среды подъ угломъ, т.-е. наклонно.

Пояснимъ это еще больше, положите на дно чашки монету или тяжелый шарикъ и держите чашку на такой высотѣ передъ глазомъ, чтобы монета или шарикъ скры-

вались за край чашки. Налейте потомъ въ чашку воды, продолжая держать чашку на томъ же мѣстѣ, и вы увидите шарикъ. Отчего? Когда ранѣ лучъ свѣта, отражаемый шарикомъ, въ вашъ глазъ шелъ по воздуху, то между глазомъ и этимъ лучемъ былъ край чашки, когда же вы налили воды, лучъ, пройдя воду и выйдя изъ нея въ воздухъ, гдѣ сдѣлалъ колѣно, т.-е. какъ бы нереломился, и сдѣлался наклоннѣе къ краю чашки, такъ что теперь достигаетъ вашего глаза. Но отчего же можетъ происходить это преломленіе какъ не отъ того, что свѣтъ въ средахъ разной плотности имѣетъ разную скорость. Въ самомъ дѣлѣ, представьте, что лучъ, который есть рядъ волнъ, входитъ наклонно изъ воздуха въ воду. Вообразите его въ видѣ столба лучей (см. черт. II). Когда одни лучи будутъ уже

Чертежъ II.

Наглядное изображеніе причины преломленія лучей: *ab*—поверхность, раздѣляющая двѣ среды (напримѣръ, воздухъ и воду). S_1O и S_2B —лучъ свѣта, падающій подъ угломъ. Когда часть луча S_1 достигла уже воды въ O , въ это время часть S_2 достигла только A . Въ водѣ движеніе луча медленнѣе, и пока часть луча S_2 дойдетъ отъ A до B , часть луча S_1 успѣетъ пройти только отъ O до C , т. е. меньше, и лучъ преломится.

колебаться въ водѣ, другіе, шедшіе до сихъ поръ съ ними рядомъ, будутъ еще проходить черезъ воздухъ. Если въ водѣ движеніе луча впередъ слабѣе, чѣмъ въ воздухѣ, то

часть этого столба, вошедшая въ воду, отстанетъ отъ той части, которая войдетъ позднѣе: лучъ согнется, т.-е. преломится. Вотъ отъ этого же самаго преломленія зависить и то, что въ призмѣ лучи раздѣляются. Войдя въ призму и выйдя изъ нея они преломляются два раза, а такъ какъ длина и скорость волнъ у нихъ, какъ мы сказали, неодинаковы, то одни преломляются больше, другія меньше, ибо однимъ легче пройти эту среду, другимъ тяжелѣе: если вы поставите призму ребромъ вверхъ, то въ полученной радугѣ на верху получится красный цвѣтъ, онъ же окажется и менѣе другихъ преломленнымъ, за нимъ будетъ оранжевый, потомъ ниже желтый, далѣе — желто-зеленый, зеленый, голубой, синій и въ самомъ низу фіолетовый, съ самою короткой длиной волны. Если разсматривать эту радугу, называемую спектромъ, черезъ микроскопъ (устроенный въ особомъ инструментѣ, называемомъ спектроскопомъ), то окажется, что разные лучи отклоняются не на одинаковое разстояніе другъ отъ друга. Такъ если весь спектръ раздѣлить на 1000 равныхъ частей, то красный начнется отъ «0» и перейдетъ въ оранжевый на 194 части, оранжевый, желто-оранжевый кончится и перейдетъ въ желтый на 230 части, зеленый начнется съ 344, голубой съ 495, чисто-фіолетовой будетъ на 1000-й части, т.-е. въ противоположномъ концѣ. Такимъ образомъ, пространство, занимаемое въ спектрѣ разными лучами, таково:

Красный	149	частей (изъ 1000)
Оранжево-красный	45	» » »
Оранжевый	16	» » »
Оранжево-желтый	20	» » »
Желтый	10	» » »
Зелено-желтый и желтовато-зеленый	104	» » »
Зеленый и голубовато-зеленый	103	» » »
Ціано-голубой	48	» » »
Голубой и голубовато-фіолетовый	311	» » »
Фіолетовый	194	» » »

Итого . . 1000

Нижняя часть спектра (за фиолетовымъ) является сѣ-
роватого, верхняя (за краснымъ) шоколаднаго цвѣта.

Но лучи свѣта не только имѣютъ въ спектрѣ не оди-
наковыя мѣста, они имѣютъ не одинаковую яркость или
силу свѣта ¹⁾). И это особенно важно знать не только ху-
дожникамъ, но и вообще интересно, ибо бѣлый лучъ
состоитъ поэтому, изъ цвѣтныхъ лучей вовсе не одинако-
вой силы, и чтобы получить изъ цвѣтныхъ лучей бѣлый
надо знать, въ какой пропорціи слѣдуетъ ихъ смѣшать.
Вотъ измѣренія силы свѣта разныхъ лучей, сдѣланныя
Фирордомъ: если мы раздѣлимъ спектръ на 1000 частей,
то между 40^{1/2} и 57-ю частью увидимъ темно-красный
лучъ и степень его силы обозначимъ числомъ 80 едини-
цамъ, то степень силы оранжеваго цвѣта, лежащаго между
189 и 220 дѣленіемъ окажется около 7000 единицъ, тогда
какъ сила свѣта фиолетоваго, находящагося на 898 до
956 дѣленія, будетъ всего 13 единицъ съ десятой долей.
Вотъ таблица различныхъ силъ свѣта.

Мѣсто спектра, выражен- ное въ тысяч. дѣленіяхъ.	Сила свѣта.	Названіе цвѣтовъ.
Отъ 40 ^{1/2} до 57	80	темно-красный.
» 104 ^{1/2} до 121—71	493	чистый красный.
» 112—74 до 138 ^{1/2}	1,100	красный.
» 158 до 168 ^{1/2}	2,773	оранжево-красный.
» 189 до 220—31	6,983	оранжевый и оранжево-желтый.
» 220—32 до 231 ^{1/2}	7,891	оранжево-желтый.
» 231 ^{1/2} до 363	3,033	зеленовато-желтый и зеленый.
» 389—85 до 493	1,100	зелено-голубой и голубой цѣанов.
» 493 до 558 ^{1/2}	493	голубой.
» 623 ^{1/2} до 689	90 ^{1/2}	ультрамариновый (искусственный)
» 758 до 825 ^{1/2}	36 (почти)	голубовато-фиолетовый.
и отъ 846 до 959	13 ^{1/10}	фиолетовый.

Вы изъ этого видите, что степень силы свѣта желто-
оранжевыхъ лучей въ нѣсколько тысячъ разъ больше
синихъ и фиолетовыхъ и во много десятковъ разъ сильнѣе

¹⁾ Насыщенность свѣтовыми лучами.

краснаго. Художникамъ это важно знать по причинамъ, которыя подробнѣе они узнають далѣе, теперь же скажемъ вкратцѣ, что различная сила разныхъ природныхъ цвѣтовъ, конечно, играетъ роль въ той гармоніи цвѣтовъ природы, которую долженъ знать художникъ.

Краски, которыя употребляютъ художники, также имѣютъ не одинаковую силу свѣтоваго богатства.

Но вышеприведенная таблица силы свѣта не вполне даетъ понятіе о количествѣ разныхъ цвѣтныхъ лучей въ блѣдомъ лучѣ, ибо въ этой таблицѣ принята во вниманіе только сила свѣта каждаго луча, но не величина мѣста, занимаемаго имъ въ спектрѣ, величина о которой мы говорили выше. Въ самомъ дѣлѣ, иной лучъ спектра можетъ казаться менѣе яркимъ потому, что его лучи занимаютъ болѣе мѣста, тогда какъ самыя яркіе лучи могутъ быть ярки оттого, что занимаютъ меньше мѣста, болѣе сгущены. Рудъ сдѣлалъ вычисленіе, въ которомъ принялъ во вниманіе и то и другое, и нашелъ, что сумма цвѣтнаго свѣта въ 1000 частяхъ блага солнечнаго свѣта будетъ такова:

Сумма цвѣтнаго свѣта въ 100 частяхъ блага солнечнаго свѣта:

Краснаго	54
Оранжево-краснаго	140
Оранжеваго	80
Оранжево-желтаго	114
Желтаго	54
Зеленовато-желтаго	206
Желтовато-зеленаго	121
Зеленаго и голубовато-зеленаго	134
Голубого ціановаго	32
Голубого	40
Ультрамаринаваго и голубо-фіолетоваго	20
Фіолетоваго	5

Итого . . 1000

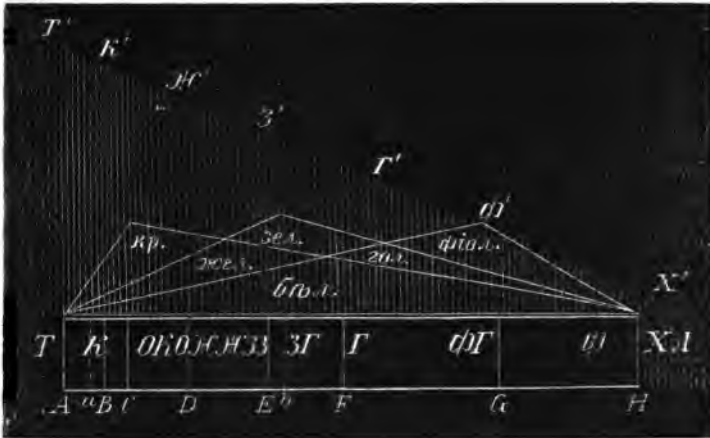
Не надо, однако, чтобы читатель думалъ, что краски,

употребляемыя имъ, имѣютъ ту же пропорцію свѣта. Это опять таки другое дѣло; пояснимъ примѣромъ. Въ этой таблицѣ вы видите, что желтый лучъ содержитъ въ себѣ всего 54% на 1000 свѣта изъ бѣлаго луча, т.-е. около 5% на сто. Между тѣмъ бумага, окрашенная желтымъ хромомъ, отражаетъ до 80% на 100 изъ бѣлаго луча, падающаго на него. Отчего это происходитъ? Оттого, что хромъ отражаетъ изъ бѣлаго луча не только желтые лучи, но еще массу другихъ, которые соединяясь даютъ желтый, такъ, онъ отражаетъ и оранжево-желтый и зеленовато-желтый, красный, оранжевый и зеленый.

Теперь обратимъ вниманіе лицъ, интересующихся собственно живописью, на то, что цвѣта, называемые художниками «теплыми», (если включить сюда и желтовато-зеленый) имѣютъ втрое болѣе свѣта, чѣмъ такъ называемые холодные. Если даже исключить желтовато-зеленый, то и тогда теплые цвѣта будутъ имѣть вдвое больше свѣта. Практическіе выводы и дальнѣйшія болѣе подробныя теоретическія указанія и обобщенія мы дадимъ далѣе. Теперь мы имѣли въ виду дать общее основаніе научныхъ теорій свѣта и цвѣтовъ, и намъ въ дополненіе этого краткаго общаго очерка остается лишь добавить, что по существующей теоріи, мы видимъ разные цвѣта потому, что волны разной длины возбуждаютъ наши зрительные нервы. Что эти нервы возбуждаются свѣтовыми колебаніями всѣхъ лучей, но съ нѣкоторою разницей: одни наиболѣе чувствительны къ колебаніямъ красныхъ, другіе зеленыхъ, третьи фіолетовыхъ лучей. Но, однако, не надо думать, что нервы, возбуждаемые краснымъ цвѣтомъ, возбуждаются только краснымъ, а возбуждаемые зеленымъ, возбуждаются только зеленымъ. Нѣтъ, они возбуждаются всѣми лучами, но одними сильнѣе, другими слабѣе.

Наглядно это представлено на приложенномъ ниже чертежѣ III. Палочки, идущія вверхъ представляютъ какъ бы свѣтовые волны разной длины. Самыя длинныя будутъ

возбуждать красное ощущение, самыя короткія фіолетовое. Три волнообразныя линіи, идущія поперекуъ нихъ въ видѣ горъ, изображаютъ наглядно нарастаніе раздраженія въ 3-хъ

Чертежь III.

Наглядное изображеніе вліянія свѣта на зрительныя нервы (по теоріи Гельмгольца и Юнга). Вертикальныя штрихи изображаютъ схематически различныя длины свѣтовыхъ волнъ: *к*—красныхъ, *ф*—фіолетовыхъ, а между ними: *ок*—оранжево-красныя, *о*—оранжевыя, *ж*—желтыя, *жз*—желто-зеленыя, *з*—зеленыя, *зг*—зелено-голубыя, *г*—голубыя, *фг*—фіолетово-голубыя. Въ самомъ низу обозначены постоянныя точки спектровъ. Съ боковъ его: *T*—тепловыя лучи; *XЛ*—химическ. лучи. Треугольники представляютъ ощущенія цвѣтовъ и ихъ смѣшенія.

родахъ нервовъ: всѣ три нерва возбуждаются самыми длинными волнами, но всѣ очень слабо; однако одинъ нервъ всего сильнѣе, и его линія идетъ вверхъ; это и есть нервъ впечатлительный къ длиннымъ волнамъ (т. е. къ красному свѣту). Но уже на извѣстномъ разстояніи, когда волны дѣлаются короче, его раздраженіе слабѣетъ и линія падаетъ и усиливается раздраженіе другаго нерва, воспринимающаго лучи средней длины, зеленые; наконецъ, когда волны становятся еще короче, этотъ второй нервъ тоже становится менѣе воспримчивъ, его линія падаетъ; за то

возрастаетъ чувствительность средняго нерва, фиолетоваго, и мы видимъ фиолетовый свѣтъ. Но изъ этого вы видите, что, стало быть, всѣ промежуточные цвѣта являются результатомъ различной степени возбужденія всѣхъ 3-хъ нервовъ и, такъ сказать, результатомъ смѣшенія этихъ возбужденій въ различныхъ пропорціяхъ. Но вотъ, благодаря этому-то и происходятъ всѣ свѣтоты чуда контраста, столь обманывающіе насъ, ибо не только основные цвѣта могутъ, дѣйствуя на насъ, притуплять наше ощущеніе къ нимъ, и въ силу этого притупленія мы будемъ видѣть цвѣтъ, даваемый неутомленнымъ нервомъ, хотя бы этого цвѣта не было передъ нами, мало этого, тотъ же эффектъ возможенъ и относительно всѣхъ промежуточныхъ цвѣтовъ, то-есть лежащихъ между основными; каждый изъ нихъ, утомляя нашъ нервъ, придаетъ большую силу цвѣту, такъ сказать, противоположному себѣ или контрастному. И остается только отыскать для каждаго цвѣта его противоположность. Это весьма важно для живописца, ибо если два такихъ цвѣта помѣстить рядомъ, то оба будутъ казаться ярче. Ибо смотря на одинъ изъ нихъ и перенося глазъ на другой, вы этотъ другой видите ярче, благодаря тому, что нервъ противоположнаго цвѣта утомленъ; перенося взглядъ отъ второго къ первому, первый окажется ярче потому же. Далѣе мы приведемъ опыты съ этимъ явленіемъ. Наоборотъ, если рядомъ стоятъ два цвѣта, сосѣднихъ по спектру, то они по той же причинѣ будутъ измѣнять цвѣтъ другъ друга: поставимъ рядомъ оранжевый и желтый, оранжевый будетъ намъ казаться краснѣе а желтый зеленоватѣе. Почему? Потому что оранжевый какъ бы смѣсь желтаго и краснаго. Но если по сосѣдству съ нимъ есть желтый, то глазъ уже слабѣетъ къ желтымъ лучамъ, входящимъ въ составъ оранжеваго и потому видитъ въ оранжевомъ преимущественно красные лучи. Въ свою очередь желтый, стоящій рядомъ съ оранжевымъ, будетъ потому казаться зеленоватымъ, что онъ состоитъ

изъ красныхъ и зеленыхъ лучей; но красными лучами глазъ уже утомляется, видя ихъ въ оранжевомъ, отъ этого въ желтомъ для него ярче выступать зеленые лучи. И такъ, всѣ цвѣта, стоящіе въ спектрѣ рядомъ, какъ бы отталкиваютъ другъ друга, принимая взаимно цвѣтъ своихъ дальнѣйшихъ сосѣдей.

Напомнимъ въ заключеніе еще разъ, что свѣтъ не только отражается, но и поглощается и разсѣивается предметами; изъ этого поглощенія и разсѣянія однихъ лучей и отраженія другихъ зависятъ всѣ эффекты воздушной перспективы, когда свѣтъ отъ дальнихъ предметовъ оказывается и слабѣе, и совершенно измѣненнымъ сравнительно съ дѣйствительнымъ цвѣтомъ этихъ предметовъ. Отъ этого же зависитъ и вся игра цвѣтовъ при закатѣ и восходѣ. Все это будетъ объяснено далѣе, по возможности, подробно и наглядно.

Д. Е.

ДНЕВНИКЪ СЕЛЬСКОЙ УЧИТЕЛЬНИЦЫ.

(Продолженіе)

3-го ноября 1885 г. Сегодня воскресенье и я ждала въ школу желающихъ заниматься по воскресеньямъ. Въ церкви было объявлено мое предложеніе, но никто не пришелъ почему-то. А между тѣмъ, я знаю двухъ, которые очень хотятъ учиться.

Мнѣ все дѣлаютъ приношенія: приносятъ яйца, баранину, куръ и т. п. Я принимаю, стараясь отплатить имъ бумагой, карандашами, книжками. Я думаю, что учительницамъ можно жить совсѣмъ безъ жалованья. Я стараюсь отклонять приношенія, но осторожно, чтобы не обидѣть, а если поощрить, то мнѣ будетъ некуда дѣвать всего. Нѣкоторые тоже осторожны теперь, и издалека, черезъ третье лицо, спрашиваютъ, приму-ли я, если они мнѣ принесутъ кое-что. Такъ какъ здѣсь ничего нельзя купить (никто не продаетъ, всѣ для себя берегутъ), то я прошу ихъ приносить; взамѣнъ деньгами не берутъ съ меня, а какими-нибудь вещами: письменными принадлежностями или ключками матеріи на карманъ и т. п.

4-го ноября. Въ школѣ у меня уже 32 ученика, въ томъ числѣ пришли и старые, большіе ученики. отсутствію которыхъ мы такъ радовались. Сегодня они вели себя очень хорошо, не обижали товарищей и не производили шума; не знаю, какъ дальше будетъ.

Вечеромъ Осипъ принесъ книжки, которыя я ему давала. «Робинзономъ» восторгается и говоритъ, что кому онъ ни давалъ читать, всѣмъ очень нравится. «Путешествіе Головнина», изъ «Ясной Поляны», тоже нравится. Онъ привелъ съ собою товарища, который просилъ тоже дать книжекъ, и самъ выбиралъ для него. Выбралъ онъ: «Чѣмъ люди живы» и «Кавказскій плѣнникъ». А когда я предложила «Упустишь огонь не потушишь», то онъ сказалъ, что ему эта книжка не очень нравится. Я спросила почему? «Да что, — говоритъ, — тамъ все судятся».

5-го ноября. Школа моя переполняется; не знаю, куда помѣщать всѣхъ желающихъ учиться. Меня это радуетъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, хочется, чтобы всѣмъ хорошо было, и не знаешь, какъ быть.

Вечеромъ пришелъ Иванъ, и уже съ внѣшними признаками военной службы—его забрили. Послѣ занятій онъ сталъ мнѣ рассказывать, что «Митька Гордѣевъ читалъ въ книжкѣ, что кто не хочетъ идти на службу, да будетъ проклятъ, и что, кто плачетъ, уходя на службу, тому грѣхъ».

6-го ноября. Одинъ изъ моихъ учениковъ съ хутора боленъ хроническою болѣзнью, костоѣдой, и не можетъ далеко ходить. Прошлый годъ онъ жилъ у своихъ родственниковъ въ Городищѣ, и ему привозили харчи, но нынѣшній годъ у нихъ ничего нѣтъ, нечего везти, и потому онъ лишился возможности ходить въ школу. Я сказала объ этомъ Николаеву и онъ принялъ участіе, —будетъ давать на его прокормленіе 1 пудъ муки и 1 гарнецъ пшена въ мѣсяцъ. Мальчикъ очень радъ и доволенъ; мать его также. Она говоритъ, что они могутъ лѣтомъ работой отплатить, но Николаевъ этого не хочетъ.

Иванъ, видимо, совсѣмъ увлекся своимъ новымъ положеніемъ рекрута: онъ сегодня не пришелъ учиться, и у меня зарождаются разные предположенія. Сегодня я получила письмо отъ бывшаго своего ученика, передаю его

дословно: «Надежда Даниловна какбы вы мене уместили штobia ходилъ къвамъ учица вечерами говорятъ у васмѣста нетъ нокакъ нибудь поместите а то мне днѣмъ некода помилуйте можыть иденибудъ и ошыбка есть потому што я малограмотный». Сверху написано: Ивана Васина.

Ну, какъ тутъ быть? И не хочется отказать, а между тѣмъ и мѣста, дѣйствительно, нѣтъ. Осипъ тоже просится; вообще нынѣшній годъ очень много желающихъ учиться.

Вечеромъ я прочитала «Галю» (были: Дуня, Борисъ, Грицько и Лавриненко). Я простудилася, и мнѣ было очень трудно читать, я хотѣла остановиться на V главѣ, но они стали упрашивать читать дальше, — ихъ заинтересовало. Я съ горемъ пополамъ продолжала; когда я окончила, они стали на перерывъ хвалить книжку и перебирать событія, и имъ хотѣлось знать дальнѣйшую судьбу дѣда, и какъ жила Галя послѣ того съ отцемъ и Аннушкой, такъ какъ онъ все же остался язычникомъ.

— Да и славное же чтанье! — сказалъ Лавриненко.

— И разборно! — прибавилъ другой.

А Борисъ сказалъ, что вначалѣ ему не понравилось, онъ даже хотѣлъ уходить; много не понялъ, а потомъ все сталъ понимать. Раньше я давала ее читать кабатчику, въ изданіи Шмидта. Онъ говорить, что ему лучше всѣхъ книжекъ понравилась она. Онъ передалъ ее поповымъ дочкамъ, но дѣдушка ихъ, священникъ, прочитавъ первую страницу, сказалъ имъ почему-то, что это нехорошая книжка, и чтобы онѣ ее не читали. Я сказала имъ, чтобы онѣ убѣдили его прочесть всю. Что-то будетъ?

7-го ноября. Послѣ обѣда, придя въ школу, я хотѣла заняться подольше, но ученики спросили, принесла-ли я книжку, которую обѣщала имъ прочитать, и буду-ли читать? Я сказала, что нѣтъ, такъ какъ думала, что имъ не очень хочется слушать. Когда мы занялись часа полтора, книжка («Галя») была принесена, и я начала чи-

татъ. Всѣ притихли такъ, какъ будто никого не было, кромѣ меня. Предварительно я имъ рассказала объ язычникахъ и нѣкоторыхъ ихъ обрядахъ. Прочтя до того мѣста, когда рассказъ прерывается на четыре года, я остановилась и хотѣла оставить до другого раза, но они просили продолжать, говоря, что до самаго вечера будутъ слушать. Эти четыре года—пробѣлъ, видимо, имъ неприятный; имъ хочется знать, что же въ это время было, и приходится самой дополнять имъ этотъ пробѣлъ. Имъ смѣшно и дико казалось, что дѣвочка, какъ мальчикъ, и на конѣ ѣздить, и стрѣлы пускаетъ, и безстрашная такая, что вездѣ сама ходитъ. Когда я читала то мѣсто, гдѣ рассказывается, какъ собираются казнить Галю, одинъ хлопецъ, слышу, спрашиваетъ тихонько другого:

— Данило, чего ты плачешь?

Онъ только отстранилъ его въ отвѣтъ. Когда я кончила, Данило сказалъ:

— А я, ажъ заплакалъ.

— Чего?

— Та якъ же, такую дівчину, та вінъ убить хотілъ.

— Дайте мнѣ эту книжку, я дома еще прочитаю.

Катря тоже подошла: «дайте мнѣ, я Семену понесу». И со всѣхъ сторонъ послышалось: дайте мнѣ. Пришлось вынуть жребій, кому достанется. Досталась Катрѣ.

Поповы дочки принесли сегодня эту же книжку въ изданіи Шмидта, и сказали, что когда дѣдушка читала всю, то ему и имъ понравилось.

Въ школѣ теперь у меня неграмотныхъ набралось 12 человекъ, и съ ними такъ трудно почему-то, что, кажется, и не научу ихъ читать. Плохо двигаются въ разложеніи и сліяніи звуковъ, а безъ этого знаніе буквъ все равно что ничего.

Вечеромъ пришелъ Иванъ. Оказывается, что онъ не приходилъ потому, что учился маршировать у бывшаго солдата. Борису предстоитъ то же, Осипу—то же.

8-го ноября. Послѣ заутрени у меня всегда бываетъ полная хата людей; большая часть, конечно, школьники. Сегодня тоже набралось очень много. Послѣ обѣдни мать одного школьника пришла справиться, какъ учится ея сынъ, не балуется-ли, такъ какъ съ нимъ и дома трудно справляться. Я сказала ей все, что есть: онъ самъ уже большой, 17 лѣтъ, и маленькихъ очень обижаетъ. Она долго сидѣла у меня, потомъ попросила прочитать ей какую-нибудь книжку изъ «божественныхъ». Я сказала, что «житій святыхъ» у меня нѣтъ, а если она хочетъ, то я ей прочту про простого хорошаго человѣка. Я прочла: «Гдѣ любовь тамъ и Богъ». Ей какъ будто не понравилось, она ничего не сказала, только усмѣхалась во время чтенія, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, когда Авдѣичъ принимаетъ дѣятельное участіе въ судьбѣ ближнихъ.

Вечеромъ пришелъ Осипъ и принесъ книжки. Я ему давала: «Махмудкины дѣти», «Прохожій» и «Архангельскіе китоловы». Послѣдняя больше всего ему понравилась, и онъ съ начала до конца рассказалъ мнѣ ее, а особенно понравившіяся мѣста находилъ въ книжкѣ и прочитывалъ мнѣ. Ему очень понравился Федоръ за то, что онъ былъ веселый, и въ какія бѣдствія не попадалъ, никогда не унывалъ и поддерживалъ другихъ. О «Прохожемъ» сказалъ, что сначала ему не понравилось, но потомъ сталъ читать—чудно стало, какъ они ряженые ходили, да про старостику. О «Махмудкиныхъ дѣтяхъ» онъ ничего не помянулъ, я уже ничего не спросила, потому что пришлось бы опять говорить о войнѣ. Они же какъ будто боятся затрогивать со мной этотъ вопросъ.

По просьбѣ всѣхъ я сегодня играла пѣсни. Грицько попросилъ сыграть «Странника», какъ онъ называетъ, по моему указанію, «Wanderer» Schubert'a, съ которымъ я познакомила его еще раньше.

9-го ноября. Во время обѣда Катря прибѣжала ко мнѣ изъ школы и спрашиваетъ:

— Яку книжку вы читали матери вчера?

— А что?—спрашиваю.

— Та вони, якъ пришли отъ васъ, такъ казали, что гарна книжка, и казали, что тамъ написано, да я забула.

Это ея матери и читала «Гдѣ любовь тамъ и Богъ». Она мнѣ не высказалась, а вотъ, придя домой, стала хвалить и рассказывать. Въ нашей школѣ только одна дѣвочка Катря. Около нея я посадила небольшого хлопчика, Якушу. Я уже начала заниматься и вдругъ замѣтила, что Якуши нѣтъ. спрашиваю товарищей, отчего Якуша не пришелъ?

— А вишь туточко!—отвѣтило нѣсколько голосовъ.

Оказывается, что онъ пересѣлъ на другое мѣсто; я спросила, почему онъ перемѣнилъ мѣсто. Онъ ничего не отвѣчалъ; хлопцы же за него отвѣтили и сказали, что онъ не хочетъ сидѣть рядомъ съ Катрей, потому что его дразнятъ: «кажутъ, якъ молоды сидятъ». Мнѣ пришлось затѣять по этому поводу разговоръ со всѣмъ классомъ и объяснить, что сидѣть рядомъ съ дѣвочкой не стыдно, и что мы сошлись не свадьбы играть, а учиться, и т. д. Послѣ этого Якуша взялъ свои пожитки и пересѣлъ на свое мѣсто.

Сегодня былъ сильный вѣтеръ, и хуторяне разговаривали о томъ, какъ имъ трудно придется идти домой противъ вѣтра, а кто-то сказалъ, что, можетъ быть, кто-нибудь и замерзнетъ на дорогѣ. Одинъ и говоритъ: «якъ хлонецъ замерзне, такъ ничого—насъ богато (много); а вотъ дѣвчина у насъ одна, такъ ее треба беречь».

Вечеромъ Борисъ попросилъ меня почитать что-нибудь. Я взяла «Махмудкины дѣти». Борисъ слушалъ со вниманіемъ, но Иванъ сталъ почесываться и позѣвывать и, наконецъ, вылѣзъ изъ за стола, намѣреваясь идти домой. Онъ полонъ торжествомъ, что теперь уже солдатъ и принялъ присягу. Прежде онъ горевалъ, и про семью поминалъ, а теперь онъ считаетъ счастьемъ идти въ солдаты.

Мнѣ кажется, что ему неприятно было слушать «Махмудкиныхъ дѣтей», такъ какъ, вѣроятно, онъ боится, что эта книжка ослабитъ его счастливое настроеніе. Я не кончила, оставила до завтра.

10-го ноября. Вчера я закутала одного хлопца въ свой платокъ. Сегодня мать его пришла, принесла платокъ, и сочла нужнымъ отплатить мнѣ: принесла «орѣшковъ» (они пекутся изъ пшеничной муки, на салѣ или на маслѣ). Я отказывалась и говорила, что мнѣ ничего не нужно, что я закутала его не для того, чтобы взамѣнъ получить отъ нихъ что-нибудь, а просто потому, что у меня есть другой платокъ, и что я себя ничѣмъ не обидѣла. Но она просила принять.

Послѣ обѣда пришли хлопцы и расположились въ моей хатѣ, а я стала письма писать, но они постоянно перебивали и мѣшали мнѣ.

Вслѣдъ за ними пришли большіе хлопцы, съ просьбой дочитать имъ вчерашнюю книжку. Я только-что начала читать, пришла бабушка съ внучкомъ ко мнѣ въ гости. Я поставила самоваръ и угощала ихъ чаемъ. Бабуся все спрашивала, не балуется-ли внучекъ въ школѣ: «дѣдусь, говорить, ему строго наказываетъ, чтобы не баловался». И стали мнѣ рассказывать, что какъ только онъ приходитъ изъ школы, дѣдусь спрашиваетъ, что дѣлали въ школѣ, чѣмъ занимались и все-ли онъ появля. Какъ приятно слышать это!

12-го ноября. Сегодня священникъ занимался въ школѣ. По уходѣ его хлопцы стали мнѣ рассказывать, о чемъ онъ имъ говорилъ, и, между прочимъ, сказали, что велѣлъ имъ остричься подъ гребенку, и чтобы въ церкви становились всѣ въ одномъ мѣстѣ.

15-го ноября. Осипъ сегодня пришелъ и рассказалъ мнѣ содержаніе «Кассіанъ одинокій». Ему очень нравится читать разныя приключенія, въ родѣ «Робинзона». Но онъ съ удовольствіемъ вспоминаетъ рассказы Тургенева, которые я ему давала въ полномъ собраніи сочиненій,

и сегодня онъ выбралъ для своего товарища «Бирюка». Онъ очень много читаетъ и у меня всѣ книги уже перечиталъ, такъ что я ему теперь даю «Русское Богатство» и т. п.

Дуня сегодня цѣлый день, не отрываясь, читаетъ, «Робинзона»; утромъ только встала, не умывшись, схватила эту книжку и уткнулась въ нее. И все читаетъ, да хвалить, и рассказываетъ мнѣ.

Вечеромъ, по случаю дождя, ученики не собрались; пришелъ только одинъ Грицько. Я прочитала ему и Дунѣ «Странника». Имъ эта книжка понравилась, но не очень.

Мать одного ученика пришла съ просьбой написать письмо къ роднымъ, живущимъ «на линіи». Она проситъ ихъ написать ей, есть-ли тамъ земля, чтобы купить или на аренду взять. Если есть подходящая, то они хотятъ переселиться туда.

14-го ноября. Утромъ пришелъ Борисъ и просилъ прочитать ему «Странника». Онъ во время чтенія останавливалъ меня, чтобы я объясняла ему незнакомыя слова. Я люблю ему читать, потому что онъ все хочетъ понять, и не хочетъ, чтобы что-либо оставалось для него неяснымъ. По окончаніи, я ничего не спросила, но онъ самъ сказалъ, что ему нравится и сталъ перебирать его весь. Я показывала нѣкоторымъ новое изданіе «Чѣмъ люди живы» съ новою картинкой, чтобы сравнить, которая картинка имъ лучше нравится, старая или новая. Всѣмъ нравится новая, кромѣ Грицька. Борисъ же сказалъ, что ему не нравится на новой картинкѣ только то, какъ Семень ноги разставилъ, что на прежней картинкѣ «ловчѣй онъ идетъ».

16-го ноября. Сегодня вечеромъ я никакъ не могла скрыть и удержать своего раздраженія, вѣроятно, вслѣдствіе голода. Мы опять съ Дуней сидимъ на одномъ хлѣбѣ: трудно здѣсь добывать продукты—каждый для себя бережетъ и въ крайнемъ только случаѣ продаетъ, и поэтому

приходится часто голодать. Хлѣбомъ же никакъ не наѣшься, и я удивляюсь, какъ крестьяне живутъ, такъ какъ изъ нихъ есть много такихъ, которые только одинъ хлѣбушко и жуютъ. Въ хатѣ у насъ сегодня тоже очень холодно, такъ что мы въ шубахъ сидимъ: и снаружи, и внутри холодно, и эти обстоятельства сильно вліяютъ на настроеніе духа. Я никогда не возвышаю сердито голоса, и сегодня мой возбужденный голосъ заставилъ учениковъ съ удивленіемъ посмотрѣть на меня. Мнѣ сейчасъ же стало стыдно. Мнѣ стало досадно на нихъ, что они не то заниматься, не то только разговаривать сошлись; я имъ и сказала, что что-нибудь одно надо дѣлать,—или учиться, или такъ себѣ, баловаться; и что если я даю имъ работу, то, значить, считаю ее полезною, а не для того только, чтобы провести время. Это было сказано мной потому, что они неохотно исполняютъ самостоятельныя работы по ариѳметикѣ и грамматикѣ. А первую одинъ изъ нихъ признаетъ даже совсѣмъ ненужною. Я ихъ не заставляю, и говорю имъ, что я отдаюсь въ ихъ руки—что хотятъ, то и буду показывать, учить. Но они заявили желаніе, чтобы я ихъ въ свои руки взяла и сообщила бы имъ, что считаю нужнымъ.

17-го ноября. Послѣ заутрени моя хата опять наполнилась. Дуня пошла за водой, а я осталась топить печь и принимала одна своихъ гостей. Въ числѣ пришедшихъ одинъ пришелъ съ хлопцемъ, лѣтъ 11-ти, съ просьбой принять его въ школу.

— Поскубите (подерите за волосы) его, пожалуйста.

Я говорю ему на это, что «скубить» я не умѣю, а учить грамотѣ могу.

— А, вѣдь, поговорка така есть, что за битаго двухъ небитыхъ даютъ; значить, говорить, безъ того не обучишься.

— Эта поговорка устарѣла,—говорю.

— А вотъ я вамъ расскажу: сошлись разъ у насъ три

солдата. Одинъ и кажется, что ни разу не былъ битъ, а тѣ говорятъ, что они страсть что перетерпѣли и начали пытаться, значить, небитаго, что вінъ зна. А вінъ нічого не зна; такъ вони якъ начали его учить, якъ начали битъ: «не хвались, что не битъ, коли ничего не знаешь».

— Одно только могу вамъ сказать на это, — говорю, — что они нехорошо сдѣлали: они не могли этимъ научить его ничему хорошему.

Потомъ долго еще я съ нимъ бесѣдовала о своемъ взглядѣ на обученіе и возражала ему на требованіе названій. Онъ только повторялъ:

— Такъ, такъ вы говорите, истинно такъ.

Всѣ пошли къ обѣднѣ. Вдругъ входитъ торопливо какая-то женщина и говоритъ:

— Ну, что, приняли?

— Кого?

— Да хлопца моего.

— Степана? Приняла.

— А я не усидѣла дома, думка така, пиду сама, спитаюсь, чи приняли, чи ни.

Она вдова, у нея пять сыновей, старшему 15 л. На видъ веселая, энергичная и симпатичная женщина. Дѣтей, видно, своихъ очень любитъ; довольно посмотрѣть на нее, когда она говоритъ про нихъ — сколько любви, заботы о нихъ!

Въ обѣдъ прибѣжали человекъ десять хлопцевъ, большихъ и маленькихъ. «Мы пришли, говорятъ, чтобы вы поучили насъ пѣть». Ну, что дѣлать, начали пѣть. Потомъ я имъ прочла «Старика Никиту». Имъ понравилось; немного не поняли, — языкъ не совсѣмъ простой. Вечеромъ собрались ученики. Сегодня учились, но не такъ долго. Послѣ занятій попросили сыграть. Грицыко слышалъ какъ-то случайно, когда я играла «Коль славень», и ему очень понравилась эта музыка. Онъ попросилъ повторить ее теперь, чтобы узнать, понравится-ли

товарищамъ. Всѣ единогласно похвалили, а Иванъ прямо въ восторгъ пришелъ.

18-го ноября. Сегодня читали мы въ классѣ изъ «Новой азбуки» отдѣльныя слова, между которыми попалось «чортъ»; оно произвело смятеніе, нѣкоторые громко засмѣялись, а нѣкоторые многозначительно переглянулись. Я заранѣе видѣла, что прочитавшіе про себя, шептались и недоумѣвали. Я сама не люблю слышать и произносить это слово, оно ужасно рѣжетъ почему-то ухо. Я не сдѣлала имъ никакого замѣчанія и пропустила его безъ всякаго поясненія. И вотъ, второй годъ мы читаемъ по «Новой азбукѣ» и всякій разъ это слово производитъ волненіе. Миѣ оно непріятно.

Собой я сегодня совсѣмъ, совсѣмъ недовольна: въ школѣ очень вспылала и вслѣдъ за тѣмъ покраснѣла до ушей и смутилась. Хлопцы сегодня разбушевались и заниматься было очень трудно. Одинъ изъ большихъ нарочно началъ отвѣчать невѣрно, чтобы сбить другихъ съ толку; вотъ это-то меня очень и разсердило. А съ маленькими, т.-е. неграмотными, гораздо труднѣе заниматься; у меня они ужасно туго идутъ. Вслѣдствіи тѣноты у насъ въ школѣ страшная безалаберщина идетъ и все это, конечно, способствуетъ раздраженію.

20-го ноября. Школа моя растетъ: сегодня еще прибавилось, всѣхъ теперь 51 человекъ. Вечеромъ ученики читали «Рус. кн.» 1-ю и 2-ю Толстаго. Борисъ прочиталъ рассказъ «Позоръ». Ему очень понравился этотъ рассказъ, и онъ съ удовольствіемъ, наслаждаясь, рассказалъ его, прерывая рассказъ смѣхомъ. Я вмѣстѣ съ ними тоже смѣялась, и рассказала имъ, какъ послѣ моего чтенія этого рассказа, одна дѣвочка хотѣла повторить опытъ Маши.

Сегодня Иванъ узналъ послѣдній звукъ, но читаетъ еще плохо слова, въ которыхъ есть сочетаніе трехъ, четырехъ согласныхъ. Онъ нѣсколько дней не ходилъ, потому что учится маршировать.

21-го ноября. Идя къ А., я встрѣтилась на дорогѣ съ отцемъ двухъ моихъ учениковъ. Онъ первымъ дѣломъ попросилъ меня дюжче «учить» ихъ. А потомъ прибавилъ: «а еще прошу васъ, давайте имъ побільшь книжокъ — казки, али такъ яки, божественны, коли есть ¹⁾». Оце що ви имъ давали, такъ по первахъ наче казка, а дальше, то и выходитъ діло. Вотъ хоть про вашего швеца, та и всі гарні, що ви давали.

Я ему давала «Чѣмъ люди живы», «Странникъ» и т. т.

Вчера одинъ хлопецъ возвратилъ мнѣ «Кавк. плѣн.», говоря, что батька не звеліть ему цю книжку читать. Я спрашиваю почему? — Вінь каже казка.

На дняхъ вечеромъ мои ученики пришли въ испугѣ.

— Надежда Даниловна, что вона таке, що зірочки, (звѣзды) якъ дождь севодни падають?

Борисъ говорить:

— Я боялся и изъ хаты выйти, думаю — світь кончается.

Я вышла посмотрѣть—дѣйствительно, звѣздный дождь. Стали мы говорить про падающія звѣзды, я имъ рассказала, что знаю, про эти явленія и въ добавокъ прочла нѣкоторыя подробности изъ «Христоматіи» Лихачевой. Они успокоились и смѣло пошли домой.

26-го ноября. Эти дни я была въ Л. Я уѣхала въ учебный день; школьники собрались, и когда я уже сѣла въ сани и поѣхала, они всѣ высыпали изъ школы, чтобы проститься. Сегодня мы всѣ очень обрадовались другъ другу. Батюшка занимался съ ними два дня. Вечеромъ большіе всѣ пришли. Послѣ занятій я дала Ивану Евангеліе и написала на первомъ листкѣ изъ Ев. отъ Іоанна, гл. XIV, 7 и 15: «Я есть путь, и истина, и жизнь»... «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповѣди»...

(Окончаніе будетъ).

Н. Д. Кившенко.

¹⁾ А еще пршу васъ, давайте имъ побольше книжекъ—сказки, или какія-нибудь божественныя, если есть. Вотъ тѣ, что вы имъ давали, сперва кажутся сказками, а потомъ оказывается, что выходитъ изъ этого діло.

РОМАНТИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ.

Hauptströmungen der Literatur des neunzehnten Jahrhunderts,
von G. Brandes. Uebersetzt von A. Strabman, Band IV.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Романтизмъ въ Англіи не явился, какъ и во Франціи, школой, группировавшеюся около одного вождя, имя котораго было боевымъ кличемъ противъ отжившаго классицизма, и бурная полемика этой поры была вызвана не литературною формою, а содержаніемъ. Во Франціи романтизмъ, родившійся въ партіи эмигрантовъ, былъ вначалѣ выраженіемъ идей регресса, и только передъ концомъ своимъ, съ тридцатыхъ годовъ, сталъ служить идеямъ прогресса. Въ Англіи романтизмъ не представлялъ такого перехода; романтики Альбіона дѣлились на два враждебные лагеря. Регрессивный имѣлъ свои органы, «Quarterly Review» и другіе; вождями его были ренегаты, какъ Соути. Наболѣе яркіе и самобытные таланты, гениальности, какъ Шелли и Байронъ, стояли во главѣ прогрессивнаго; такъ было во всѣхъ литературахъ, и во всѣ эпохи; крупная сила несетъ въ себѣ жизнь и не пойдетъ служить отживающему началу. По естественной реакціи, поэзія страны, наболѣе отмѣченной духомъ консерватизма, поэзія той эпохи, когда духъ этотъ достигъ своего апогея и нагло нарушилъ вѣковыя права англійскаго народа, создала поэта, пѣснь котораго прогремѣла набатомъ по Европѣ, который былъ учителемъ молодаго поколѣнія поэ-

товъ, — Байрона. Многосторонній и властный геній его наложилъ свою печать на Мюссе, Жоржъ-Зандъ, Гейне.

Національное чувство въ цѣлой Европѣ, пробужденное борьбой съ Наполеономъ, сначала повело къ заигрыванію съ народомъ и свободой, когда опора народныхъ массъ была нужна для охраненія троновъ отъ жадной руки «корсиканца-тирана»; позже, когда корсиканецъ-тиранъ былъ закованъ на св. Еленѣ, оно же повело къ гоненію противъ идей XVIII вѣка, какъ «французскихъ идей». Героями, которымъ поклонялась толпа во всѣхъ странахъ, были люди войны, люди *statu quo*, какое бы ни было оно, охранявшіе его желѣзною рукой. Англія рукоплескала Нельсону и Веллингтону, и за Ватерло избрала послѣдняго министромъ, вмѣстѣ съ Кэстльри, который въ Ирландіи готовъ былъ повторить во всемъ ужасѣ кровожадную эпоху расправъ пуританъ Кромвеля. Національное чувство, сѣуженное въ одно злобное ощущеніе вражды противъ чужеземцевъ, утратило сознаніе достоинства гражданина, чутье человѣчности и правды; оно равнодушно смотрѣло на нарушеніе *habeas corpus act*, мирилось съ стѣснительными законами, несшими голодъ массамъ, и когда голодъ доводилъ ихъ до отчаянныхъ вспышекъ, рассчитывало на штыки веллингтоновскихъ солдатъ.

Въ литературѣ національное чувство повело къ изученію исторіи, нравовъ и обычаевъ прошлаго, народныхъ сказокъ, легендъ и преданій народа, къ сентиментальному народолюбію, которое уживалось, какъ нельзя лучше, съ возмутительно грубыми фактами, ломавшими жизнь народа, и не только уживалось, но и возводило ихъ въ непреложный законъ. Это изученіе, по отношенію къ литературной формѣ, было живымъ началомъ, переродившимъ псевдо-классическую литературу XVIII вѣка, представителями которой были Драйденъ, Аддисонъ и Попе, въ литературу Вордсворта, Шелли, Байрона. Для новой поэзіи были заготовлены живыя краски. Валлійцы собрали и издали все, что уцѣлѣло отъ старой народной поэзіи. Въ горной Шотландіи, гдѣ бумаго-прядильные и иные фабричныя лорды не успѣли еще поставить свои рабочія казармы и вытравить изъ народа родовой духъ клановъ, появился Макферсоновъ Оссіанъ. Онъ открылъ богатый родникъ поэзіи для цѣлой Европы; Альфіери сознался, что

Оссіанъ былъ для него откровеніемъ. Безжизненная, правильная, разсудочная и реторическая поэзія XVII вѣка, воспѣвавшая даже прививаніе оспы, была убита. Позже, Вальтеръ-Скоттъ издалъ свой сборникъ шотландскихъ балладъ, а Перси — сборникъ англійскихъ народныхъ пѣсней. Ирландія хранила богатый запасъ произведеній народной музы, изъ котораго черпалъ одинъ изъ величайшихъ лириковъ начала XIX вѣка, — Муръ. Эстетическое чувство, вначалѣ одно, позже въ союзѣ съ узкимъ патриотизмомъ, было основой этихъ изданій.

Литература XVIII вѣка во всѣхъ странахъ была космополитическою, — говоритъ Брандесъ; — космополитизмъ этотъ означалъ отсутствіе всякихъ красокъ времени и мѣстности, однообразіе формы холодной и правильной, единство законовъ классицизма, признававшего достойными литературы только возвышенные предметы, т.-е. героевъ, а если не героевъ, то лицъ, по положенію своему стоявшихъ высоко надъ толпой. Все это придавало всѣмъ произведеніямъ литературы XVIII вѣка, на какомъ бы языкѣ ни были писаны они, извѣстную печать. Трагедія, — господствовавшій родъ произведеній классической школы, — даже выбирая героевъ своихъ изъ исторіи новыхъ вѣковъ и народовъ, драпировала ихъ въ тоги древнихъ грековъ и римлянъ. Комедія бичевала пороки человѣческаго рода съ общей и отвлеченной точки зрѣнія, и своими дѣйствующими лицами читала мораль и подавала совѣтъ исправиться; она видѣла порокъ во образѣ человѣческомъ, но не порочнаго человѣка, живьемъ взятаго со своею средой; ей не было дѣла до общественныхъ условій, ни до вліянія среды на личность и воздѣйствія ея на среду. Космополитизмъ былъ крайне отвлеченный и чуждый идеи единенія народовъ во имя человѣчности. Когда національное чувство явилось реакціей противъ него, она мѣняла разныя формы, проходя черезъ поэтически-описательный патриотизмъ у Вордсворта, официальное воспѣваніе добродѣтелей Георговъ и военныхъ подвиговъ у Соути; а позже — черезъ баллады и романы Вальтеръ-Скотта, въ которыхъ воплотился родовой духъ клановъ; черезъ мелодіи Мура — поэтическій плачь о судьбѣ Ирландіи и героическихъ сынахъ ея, положившихъ головы въ борьбѣ за родину. Антикварскія пристрастія Вальтеръ-Скотта, не смо-

тря на то, что онъ былъ крайнимъ тори, помогли ему создать нѣсколько замѣчательныхъ народныхъ типовъ, подъ которыми подписалъ бы свое имя любой радикаль. Мистическая сторона романтизма была представлена поэтомъ Кольриджемъ, послѣдователемъ Шеллинга. Локкъ былъ отцомъ энциклопедистовъ; отрекаясь отъ «французскихъ идей» XVIII вѣка, англійская литература, въ лицѣ Кольриджа, отрекалась и отъ Локка. Отреченіе было постепенное. Сначала англійское шеллингянство удержало кое-что изъ опытнаго метода и критическаго анализа; но потомъ оно становилось болѣе и болѣе консервативно и мистично, опираясь не на естественныя науки, но на историческіе факты, которые оно произвольно истолковывало. Фантастическая сторона романтизма была представлена восточными поэмами Соути и позже Томаса Мура. Надорванные и страстные личности героев Соути были намеками на Конрада и Лору Байрона. Культъ природы, такъ сильный въ романтизмѣ Франціи и Германіи, былъ еще сильнѣе въ англійской романтической литературѣ. Культъ этотъ создалъ Вордсворта, его школу лѣкистовъ; имъ былъ проникнутъ Вальтеръ-Скоттъ, и онъ доходитъ до потрясающаго пафоса въ одахъ и гимнахъ Байрона и Шелли.

Самобытная черта, отличающая англійскій романтизмъ, опредѣлена Брандесомъ подъ названіемъ натурализма. Слово это предполагаетъ близость къ природѣ, пониманіе ея, любовь къ ней, чуткость къ явленіямъ ея, а слѣдовательно, извѣстную степень непосредственности, простоты и естественности. Нѣмецкіе и французскіе романтики гонялись болѣе за эффектными сценическими декораціями для своихъ произведеній, или анализомъ лирическихъ настроеній, навѣянныхъ природой, чѣмъ за созданіемъ живыхъ образовъ самой природы, настоящей, живой, какъ обыденной, такъ и потрясающихъ картинъ и моментовъ жизни ея. Среди этой живой природы живутъ люди, чья неизломанная свѣтскими законами жизнь сродна и горамъ, и озерамъ, и лѣсамъ, и вѣчно шумящему морю, и зеленымъ нивамъ. Натурализмъ, въ смыслѣ обращенія къ природѣ, призыва къ жизни среди нея, явился еще съ Руссо, создавшимъ идиллическій образъ селянина, какъ укоръ горожанамъ, развращеннымъ живою цивилизаціей. Г-жа Сталь, Шатобрианъ, Гюго, Ламартинъ во Франціи;

Тинъ, Новалисъ, братья Шлегели и Шеллингъ въ Германіи,—всѣ, каждый съ своей точки зрѣнія, призывали человѣка обновиться на лонѣ природы, слиться съ нею и принять въ себя вѣщій духъ ея. Реальное, сравнительно, отношеніе къ природѣ; принесъ англійскій натурализмъ. Вордсвортъ съ такою кропотливою вѣрностью описывалъ ландшафты озеръ своихъ, что описанія его могутъ служить путеводителемъ; описанія шотландской природы въ романахъ Вальтеръ-Скотта до того вѣрны въ мельчайшихъ подробностяхъ, что ботаникъ узнаетъ флору каждой мѣстности, бывшей сценой какого-нибудь эпизода.

Натурализмъ этотъ перешелъ въ сенсуализмъ у молодого поэта Китса, внесшаго въ англійскую поэзію пантеизмъ древняго міра. Тотъ же пантеизмъ сказался и въ анакреонтической поэзіи Мура, такъ непохожей на чахоточную поэзію нѣмецкихъ романтиковъ. Натурализмомъ проникнуть «Донъ-Жуанъ», Байрна и «Беатриче-Ченчи» Шелли. Въ первомъ произведеніи мы видимъ природу то разнузданную до цинизма, то во имя человѣчности протестующую противъ рѣзни и крови; во второмъ—местъ поруганной природы противъ изверга, возмущеніе противъ законовъ, требующихъ противуестественнаго повиновенія и смиренія. Натурализмъ, какъ его опредѣляетъ Брандесъ, есть, собственно говоря, переходъ отъ искусства романтиковъ къ реальному искусству. Реализмъ въ искусствѣ не допускаетъ ни протестантскаго морализованія Вордсворта по поводу картинъ природы, ни лирическихъ изліяній, ни картинъ туманнаго будущаго блаженства пантеистическаго мистицизма Шелли, который такъ сродни мистическому социализму Фурье; но все это входило въ область натурализма. Англійская поэзія создавала живыя картины природы, которыя реальное искусство можетъ признать своими; но въ то же время чувства и мысли, которыя были выражены картинами этими, принадлежатъ не реалистическому міросозерцанію. Англійскій натурализмъ подавалъ одну руку старинной поэзіи моралистовъ и мистиковъ, другую руку—поэзіи нашего времени, которая, если не дала гениальныхъ силъ, какъ Шелли и Байронъ, то можетъ назвать имена Свинберна и Гуда. Натурализмъ, воспѣвая въ наивныхъ стансахъ Вордсворта міръ природы и жизни, близкой къ природѣ, слышалъ въ немъ

голосъ, призывавшій къ загробной жизни, но въ то же время слышалъ въ немъ и другой, который звучитъ въ каждой здоровой музѣ нашихъ годовъ. Вордсвортъ восклицалъ въ своихъ «Сонетахъ свободѣ»: «Два голоса звучать—одинъ съ моря, и съ горъ другой; оба мощно звучать для тебя, о, свобода! Они искони были радостнымъ кликомъ твоимъ». Море играетъ едва-ли не главную роль въ англійской поэзіи изо всего міра природы. Для островитянъ море такая же родная стихія, какъ и земля; на немъ въ ладьяхъ норманновъ были занесены первыя сѣмяна свободы Англій; борьба съ грозною стихіей закалила духъ независимости, который сказался въ первыхъ хартіяхъ, вырванныхъ норманнскими баронами у англійскихъ королей.

То же чувство независимости и самостоятельности создало поэзію Байрона. Много было говорено, и вполнѣ вѣрнаго, и цустаго, противъ индивидуализма, проникающаго поэзію Байрона; но для того, чтобы дать поворотъ литературному теченію, несшему идеи священнаго союза, нужна была сильная личность, которая больше другихъ ощутила бы нестерпимую духоту, разлившуюся по Европѣ. Въ эту пору общаго упадка силъ протестъ могъ явиться въ человѣкѣ той націи, въ которой наиболѣе живо чувство независимости; только въ націи, которая такъ горда собой, какъ англійская, могла появиться личность, чья гордая сила бросила бы вызовъ цѣлому обществу. Хотя и въ другихъ поэтахъ того времени мы видимъ многіе элементы, вошедшіе въ поэзію Байрона, но одинъ Байронъ далъ свое имя вѣку; Байронъ одинъ внесъ въ поэзію духъ гордаго безпощаднаго отрицанія. У Шелли оно смягчено видѣніями золотого вѣка въ туманномъ будущемъ.

Англійскій натурализмъ не образовалъ никакой школы, англійскіе поэты этой поры очень рѣдко придерживались какой-либо эстетической теоріи и никогда никакой философской. Исключеніемъ можно назвать одного Шелли; хотя и въ поэзіи Байрона сказывается его философское міросозерцаніе, но не оно основа поэзіи его; англійскаго поэта отрицанія нельзя назвать поэтомъ-мыслителемъ, какъ на примѣръ, Сюлли Прюдома. Нѣмецкіе писатели и поэты, какъ, на примѣръ, Лессингъ, Гердеръ, Гёте, Шиллеръ, оказали болѣе или менѣе важныя услуги наукъ; ни одинъ

изъ англійскихъ писателей и поэтовъ не занимался никогда серьезно наукой. Нѣмецкіе поэты группировались въ школы съ тѣмъ или другимъ характеромъ, вели дѣятельную переписку, въ которой критически и подробно разбирали идею и форму произведеній своихъ. Англійскіе поэты, не смотря на то, что многіе изъ нихъ были связаны тѣсно дружбой, шли каждый особнякомъ въ своемъ творчествѣ. Если въ произведеніяхъ Байрона и Шелли, въ юношескихъ произведеніяхъ Соути и Вордсворта высказывались общія черты, то это было естественнымъ совпадениемъ, а не слѣдствіемъ сплоченія во имя общей цѣли. Брандесъ приводитъ замѣчаніе одного американскаго писателя объ англійскихъ поэтахъ: «Каждый изъ этихъ островитянъ—самъ по себѣ островъ».

Слабость научной подкладки въ англійскихъ романтикахъ пополнялась преобладаніемъ политической идеи. Вальтеръ-Скоттъ—тори, Вордсвортъ—роялистъ, Соути и Кольриджъ были вначалѣ апостолами, и затѣмъ гонителями идей XVIII вѣка; Муръ былъ ирландцемъ аболиціонистомъ, Лэндоръ, Байронъ и Шелли радикалами, требовавшими освобожденія угнетеннаго народа въ цѣломъ цивилизованномъ мірѣ. Одинъ Китсъ былъ исключеніемъ, и пѣлъ, какъ поэтъ птица, служилъ одному культу красоты; но онъ умеръ двадцати-пяти лѣтъ, и нѣкоторыя изъ послѣднихъ произведеній его показываютъ, что въ немъ начинался переворотъ и онъ кончилъ бы тѣмъ, что поднялъ бы знамя радикализма. Одно изъ стихотвореній его—ѣдка политическая сатира на священный союзъ. Въ политическихъ тенденціяхъ, даже наиболѣе радикальныхъ изъ поэтовъ чуждъ примѣсъ идеи авторитета. Байронъ мечталъ о греческой коронѣ: то была скорѣе поэтическая фантазія, чѣмъ зрѣло обдуманый планъ, но и эта фантазія имѣетъ значеніе для характеристики поэта. Шелли, въ своей «Королевѣ Мабъ», начерталъ планъ иныхъ временъ; картина ихъ напоминаетъ видѣніе апокалипсиса и фантазіи Фурье. Шелли сказалъ въ своей поэмѣ «Юліанъ и Маддала»: Я нервъ, который чувствуетъ каждый неощущаемый другими гнетъ на землѣ». Въ юношескихъ мечтахъ о новомъ мірѣ онъ такъ описываетъ его въ «Королевѣ Мабъ»: «Растоплены льды сѣвернаго полюса; пустыни покрылись нивами хлѣбовъ и тѣнистыми роцями; василискъ лижетъ

ноги ребенку, который дѣлать съ нимъ утреннюю трапезу свою; вѣтры стали мелодичными, плоды всегда зрѣлы, а цвѣты всегда прекрасны. Левъ играетъ съ козленкомъ, человѣкъ не убиваетъ и не поѣдаетъ болѣе животныхъ, птицы не улетаютъ отъ человѣка. Нѣтъ болѣе страха». Фурье пророчествовалъ о климатѣ Андалузiи въ Сибири, о моряхъ лимонада и прирученныхъ морскихъ чудовищамъ.

Въ англійскомъ романтизмѣ была еще черта, рѣзко выдѣляющая его отъ романтизма другихъ странъ, это живая немолчная потребность справедливости. «Въ англійской поэзiи распушено болѣе граммовъ здороваго человѣческаго разума, нежели въ какой-либо другой», — говоритъ Брандесъ. Даже въ поэмахъ Байрона, гдѣ проявлялся всего ярче разнузданный произволь личности, и тамъ разнузданность эта была вызвана оскорбленнымъ чувствомъ справедливости. Ловель и другiе герои нѣмецкаго романтизма, — намеки на Конрада, Лира и Манфреда, — нарушаютъ законы человѣчности, совершаютъ преступленiе только ради потѣхи своего «я»; герои Байрона мстятъ обществу за несправедливость его. Первые въ одно и то же время и маниаки, и дѣти, не признающiе ничего, кромѣ своихъ прихотей; вторые — олицетворенiе протеста противъ несправедливости общества; въ нихъ закваска Вальтеръ-Скоттовскаго Робъ-Роя. Даже въ протестантскомъ мистицизмѣ Вордсворта вылилась та же потребность справедливости; онъ указываетъ на загробную жизнь, какъ на вознагражденiе за земныя страданiя. Справедливости! справедливости! — вотъ кличь поэзiи Байрона и Шелли. Его не слышно ни у Гёте, котораго Брандесъ называетъ предшественникомъ Байрона, не смотря на то, что между субъективностью второго и объективностью перваго цѣлая пропасть. Его не слышно у послѣдователя Байрона, наиболѣе уловившаго разочарованiе и скуку жизни байроновской музы; Альфреда Мюссе, наиболѣе «байроническаго» изъ французскихъ поэтовъ. Шиллеръ требовалъ справедливости, но онъ исходилъ изъ совершенно иныхъ основъ — идеалистической философiи. Англiйскiе романтики требовали справедливости во имя необходимости и пользы. «Мораль такого поэта идеализма отмѣчена печатью той же утилитарной философiи, какъ мораль Бентама и Милля, — го-

ворить Брандесъ.—Теорія «высшее счастье для возможно большаго числа» и глубокая потребность справедливости составляетъ исходную точку радикализма англійской поэзіи во время великой европейской реакціи».

II.

Общественныя и политическія условія Англій вели неизбѣжно къ глубокому расколу въ литературѣ, и въ рѣдкой литературѣ онъ былъ такъ глубокъ и рѣзокъ; фактъ этотъ объясняется двойственными элементами характера англичанъ. Въ каждомъ политически развитомъ обществѣ существуютъ партіи, которыя, не смотря на всѣ оттѣнки ихъ, можно раздѣлить на двѣ, враждебныя одна другой: прогрессивную и реакціонную. Брандесъ находитъ, что въ Англій это дѣленіе на партіи болѣе своеобразно, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе особенностей національнаго характера. Англичане самый постоянный и въ то же время самый предприимчивый народъ: домъ, родина для нихъ святыня, къ которой они прикрѣплены душой и которую считаютъ выше дома и родины другихъ народовъ; и въ то же время они самые неутомимые и отважные путешественники и колонисты, которыхъ можно встрѣтить во всѣхъ частяхъ земнаго шара. Съ одной стороны, обоготвореніе своего ведетъ къ самому рабскому консерватизму; съ другой—энергическій и предприимчивый характеръ расы поднятъ духъ независимости и свободы на такую степень, до какой онъ не поднимался ни въ какой другой странѣ. Въ Англій люди дѣлятся на партіи въ силу свойствъ своей природы, въ которой воплотилась та или другая сторона національнаго характера, и переходы изъ одной партіи въ другую—рѣдкія исключенія. Во Франціи, по опредѣленію Тэна, люди дѣлятся на партіи, смотря по возрастамъ, двадцати-лѣтнему и сорока-лѣтнему. Романтизмъ молодости увлекаетъ въ партію прогресса, а къ зрѣлому возрасту буржуазныя инстинкты приводятъ въ лагерь консерваторовъ. Вордсвортъ и Соути, отдавъ дань увлеченіямъ молодости, стали столпами консерватизма; но они были исключеніями; вообще же политическая карьера англичанина опредѣляется съ первыхъ годовъ его политической жизни. И если рѣдки примѣры

такихъ переходовъ, какъ Соути и Вордсвортъ, то такъ же рѣдки и такихъ, какъ Викторъ Гюго¹⁾.

Вообще опредѣленіе отличительныхъ свойствъ національнаго духа дѣло крайне темное и потому трудное. Несомнѣнно одно, что извѣстная практичность англичанъ, не смотря на всю энергію и независимость характера, какими гордится Альбионъ, была причиной слабости и бездѣйствія прогрессивной партіи и торжества консервативной. Послѣдняя съ эпохи французской революціи управляла Англіей, и, усиливаясь съ каждымъ годомъ, во время войны противъ Наполеона дошла до самаго беззастѣнчиваго произвола и измѣнила своему девизу — охраненія. Она наложила руку на коренные законы Англіи, вѣковой оплотъ свободы государства. Въ Германіи борьба противъ Наполеона вызвала отчасти въ дѣйствіе и прогрессивныя начала страны. Гнетъ Наполеона былъ наложенъ на правительства, и чтобы свергнуть его, была нужна помощь народа. Рукой Штейна сняли иго крѣпостного права съ народа; ему надо было сказать: ты сила, — а сказать это могли только люди, видѣвшіе въ немъ силу, какъ Фихте. Англія не была принуждена отстаивать себя отъ ига завоевателя, правительству не приходилось кликнуть кличъ ополченія. Борьбу вели большею частью золотомъ, и вели самые упорные и ограниченные тори. Существованіе англійскаго правительства не висѣло на волоскѣ отъ росчерка наполеоновскаго пера; не зачѣмъ было заигрывать съ народомъ обѣщаніемъ еще большаго, нежели то, что было дано французами южнымъ германскимъ провинціямъ. Никакому прогрессивному началу не было мѣста въ борьбѣ Англіи противъ Наполеона. Вотъ почему эпоха политическаго регресса, среди котораго развивался англійскій романтизмъ, отличалась густымъ мракомъ, безъ малѣйшаго просвѣта, мелькавшаго порой во Франціи и въ Германіи. Среднія свойства, вспоенныя реакціей, стали дурными: самолюбіе и твердость — черствою аристократическою спѣсью и алчнымъ эгоизмомъ торговцевъ, лояльность — раболѣпствомъ, національная гордость — національною ненавистью, какъ всегда бываетъ въ эпохи продолжительныхъ войнъ. И, наконецъ, дурныя свойства народа разрослись внѣ всякой

¹⁾ Викторъ Гюго былъ въ юности весьма горячимъ роялистомъ. Ред.

мѣры: любовь къ внѣшнимъ приличіямъ, эта тѣневая сторона нравственныхъ инстинктовъ, стала лицемѣриемъ, религиозное чувство—ханженствомъ».

Байронъ въ одной сатирѣ назвалъ эту пору «желѣзнымъ вѣкомъ», и съ горькою ироніей спросилъ: «Къ чему были рождены всѣ эти патріоты своего отечества? Охотиться, подавать голоса, чтобы поднимать цѣну на хлѣбъ. Они шлютъ братьевъ своихъ на битву. Для чего? Чтобы сохранить свою ренту. Годъ за годъ они вотируютъ такой процентъ: кровь, потъ и слезы, выжатые у милліоновъ. Они ревѣли, ѣли на торжественныхъ обѣдахъ, пили и клялись умереть за Англію. Къ чему же живутъ они? Для ренты. Все пропадай—лишь уцѣлѣла бы рента. Церковь, государство и партія возмущенія борются во тьмѣ, ихъ несетъ и мечетъ общій потокъ...» Дѣйствительность отвѣчала мрачной картинѣ. Великобританія въ концѣ XVIII вѣка давила свободу сѣверо-американскихъ колоній и, проливъ рѣки крови, не удержала своихъ заатлантическихъ владѣній. Національная вражда не дала распространиться идеямъ Америки въ Англію, какъ распространились онѣ во Франціи. Англія и Шотландія давили Ирландію, призывавшую въ началѣ XVIII вѣка Наполеона, какъ избавителя. Одна привилегированная каста давила народъ въ цѣлой Великобританіи. Изъ 30 слишкомъ милліоновъ населенія только одинъ имѣлъ право на подачу голоса. На тронѣ былъ Георгъ III. Безхарактерный и добродушный король, образецъ патріархальныхъ добродѣтелей, казалось бы, негодился для роли вождя беспощадной борьбы противъ прогрессивныхъ идей. Но именно добродѣтели эти подготовили его для такой роли; онъ вывезъ изъ Ганновера идеи о королевской власти, которыя были вытравлены въ Англію съ паденіемъ Стюартовъ. Онъ въ своихъ ганноверскихъ преданіяхъ видѣлъ спасеніе Великобританіи отъ всѣхъ бѣдствій, и съ тѣмъ же благодушіемъ скрѣплялъ своимъ именемъ всѣ варварства англичанъ въ Ирландіи, съ какимъ обнялъ на улицѣ мальчика, отказавшагся встать на колѣни передъ королевой, чтобы не запачкать воскресные панталоны и не нарушить приказанія матери. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ королемъ руководило уваженіе къ идеѣ порядка и повиновенія авторитету. Въ самомъ себѣ онъ видѣлъ олицетвореніе идеи

высшаго порядка и потому отличался «желѣзною памятью всякаго сопротивленія, всякаго шага, клонившагося къ ограниченію его произвола и болѣе чѣмъ королевскою забывчивостію относительно оказанныхъ ему услугъ». — Такъ отзывались о немъ современники, хорошо знавшіе его. Въ каждомъ шагѣ, клонившемся къ ограниченію, онъ видѣлъ преступленіе противъ божескихъ и человѣческихъ законовъ, въ оказанныхъ ему услугахъ — только должное. Патриархальныя добродѣтели его и гарунъ-аль-рашидовскія выходы, въ родѣ обниманія мальчика на улицѣ, были дешевымъ, но вѣрнымъ средствомъ популярности. Король пришелся по сердцу толпѣ за его мѣщанскія добродѣтели и красной патріотизмъ; нація гордилась домашнею идилліей королевской семьи, такъ юмористически описанною Тэккереемъ. Король ходилъ со всею семьей гулять на музыку, раскланивался съ публикой, благодарилъ музыкантовъ, зналъ превосходно воинскій регламентъ, устраивалъ разводы, посылалъ десятки тысячъ на убой въ Америку, рѣзалъ и разстрѣливалъ ирландцевъ, поддерживалъ торговлю неграми, — и народъ обожалъ его.

Сумасшествіе короля отдало правленіе въ руки принца Валлійскаго; то былъ гуляка, впрочемъ, не чуждый въ молодости кое-какихъ стремленій къ лучшему. Бэрнъ, Фоксъ и Шериданъ были его друзьями; въ головѣ его бродили фантазіи поднять литературу, науку и искусства. За завтраками принца иногда раздавалась пѣснь Мура о погибшихъ герояхъ Ирландіи и вдохновенная рѣчь ирландскаго патріота Граттана; англійскіе консерваторы-патріоты съ ужасомъ говорили объ этихъ завтракахъ, какъ очагѣ революціонныхъ идей. Вскорѣ о нихъ стали говорить съ ужасомъ чинные *paterfamilias*'ы, и наконецъ, все, что было честнаго въ молодой Англій. Завтраки превратились въ грязныя оргіи, на которыхъ принцъ передразнивалъ большаго отца. Принцъ отрекся отъ роли мецената и занялся изобрѣтеніемъ пряжекъ для башмаковъ и узорами для расшиванья своихъ камзоловъ. Дворъ даетъ тонъ свѣтскому обществу. Объ руку съ оргіями, съ возмутительною распущенностію нравовъ, шло лицемѣріе и возмутительная жестокость. Въ 1816 г. въ Ньюгэтской тюрьмѣ находилось 58 человѣкъ, приговоренныхъ къ смерти, которые съ декабря по мартъ ждали помилованія или смерт-

знаго приговора. Регенту некогда было заняться ими. Напрасно въ парламентѣ гремѣло обличеніе Врума противъ тѣхъ, «которые, когда тюрьмы переполнены несчастными, не могутъ ни на минуту отложить свои бессмысленныя удовольствія и положить конецъ такому печальному колебанію между жизнью и смертью». Муръ въ своей сатирѣ «Возмущеніе бумагъ» (*Insurrection of papers*) такъ описываетъ хаосъ бумагъ на столѣ регента трехъ соединенныхъ королевствъ: «На одной—сторонѣ лежали не читанныя книги прошеній, на другой—совѣты отъ пяти врачей; здѣсь—счеты поставщиковъ и оффиціальныя бумаги, записочки отъ дамъ, рецепты отъ мигреней; тамъ—рисунки сѣдель, чай и тосты, смертныя приговоры и «Утренняя почта». Вальтеръ-Скоттъ въ запискахъ своихъ упоминаетъ о томъ, съ какою спокойною улыбкой принцъ-регентъ читалъ эту сатиру, и на столѣ его валялись смертныя приговоры въ перемежку съ модными журналами.

Принцъ, бывший либераломъ въ пику отцу, котораго ненавидѣлъ, круто перешелъ къ тори, получивъ регентство. Онъ увидѣлъ, что гораздо покойнѣе оставить дѣйствовать бывшую уже въ ходу машину торійскаго министерства, тѣмъ болѣе, что глава его, лордъ Кэстлри, вывезъ съ континента идеи абсолютизма, а принцъ находилъ ихъ крайне выгодными при своемъ образѣ жизни. Ограниченный и необразованный, лордъ Кэстлри, не умѣвшій въ письмѣ связать двухъ фразъ, тономъ падишаха говорилъ парламенту: «Мы одни это понимаемъ»; канцлеръ, лордъ Эльдонъ, повторялъ, что думаетъ только о томъ, какъ поддержать конституцію, и оба въ уничтоженіи старыхъ монополій или стѣснительныхъ отжившихъ законовъ видѣли революционную гильотину, занесенную надъ наладіумомъ Великобританіи—ея конституціей. Эти стражи палладіума поднимали на него руку, незаконно стѣсняли прессу, нарушали *habeas corpus act*. Цѣль освящала средство, а цѣлью было торжество горсти невѣжественныхъ лордовъ.

Право сильнаго болѣе, чѣмъ когда-либо, стало лозунгомъ дня, и все, что не признавало этого права, стало жертвой гоненій, тѣмъ болѣе беспощадныхъ, что гонителемъ было не одно правительство, но и общество. Война съ Наполеономъ была апогеемъ регрессивной политики; кровавые

законы Эдуарда III противъ государственныхъ преступлений снова вошли въ силу, право петицій и право собраній было ограничено; свобода прессы стала пустымъ словомъ. Въ Шотландіи были воскрешены самые варварскіе законы; лучшихъ людей ссылали, какъ злодѣевъ, въ австралійскія колоніи. Сумасшедшій король сидѣлъ взаперти; принцъ-регентъ былъ хуже сумасшедшаго; паника передъ каждымъ свободнымъ словомъ превращала его въ дикаго звѣря. Даже въ 1814 году, императоръ Александръ I, съ нелестнымъ удивленіемъ порицалъ то упорство, съ какимъ преслѣдовали въ Англіи идеи XVIII вѣка. Первое впечатлѣніе французской революціи на Англію вызвало сочувствіе къ постановленіямъ и законамъ революціоннаго правительства. Вильберфорсъ поднялъ агитацію противъ торговли невольниками, и нашелъ поддержку въ парламентѣ, и не въ одной оппозиціонной партіи. Только король, хозяева судовъ и аристократы верхней палаты были противъ него. Оба врага, Питтъ и Фоксъ, дружно привѣтствовали начало революціи, какъ великое историческое событіе, несшее спасеніе Франціи. Но когда въ Парижѣ поставили гильотину, общественное мнѣніе круто повернулось, и идеи XVIII вѣка стали исчадіями ада, несшими гибель. Французская революція имѣла сильное вліяніе на возстаніе Ирландіи. Робертъ Эмметъ, мученикъ за освобожденіе Ирландіи, рассказывалъ, какъ онъ, двѣнадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, въ 1792 году, слышалъ, за обѣдомъ ирландскихъ патріотовъ, тогды: «Да зазеленѣетъ ирландскій дубъ отъ живительнаго дѣйствія французской свободы!» Позже, Робертъ Эмметъ говорилъ въ своихъ рѣчахъ: «Когда народъ, который быстро растетъ и въ знаніи, и въ силѣ, увидитъ, наконецъ, какъ далеко отстало отъ него правительство, то что же останется ему дѣлать, какъ ни поднять правительство до своего уровня?» Эмметъ былъ казненъ; близорукій патріотизмъ англичанъ прошелъ бичемъ по Ирландіи.

Въ 1816 г. сама природа обрушилась на Великобританію. Наводненія, неурожай, голодъ погнали народъ тысячами побираться по большимъ дорогамъ и умирать. Шелли описалъ это страшное время въ своей поэмѣ «Масса анархіи». Поэтъ въ цвѣтущей Италіи видѣлъ страшное видѣніе—анархію въ своемъ отечествѣ. «Я встрѣтилъ убійство на пути, — говоритъ онъ, — оно носило обр а зъ

Кэстльри; онъ имѣлъ утонченный, но мрачный видъ, семь гончихъ шли за нимъ. Всѣ онѣ были жирны; да и какъ имъ не быть превосходно откормленными, когда онѣ бросалъ имъ на сѣденіе человѣческія сердца, которыя онѣ доставалъ изъ подъ широкаго плаща своего, то по одному, то по два. За Убійствомъ шелъ Обманъ, облеченный, какъ лордъ Эльдонъ, въ горностаевую мантию. Крупныя слезы его—онъ умѣлъ хорошо плакать,—падая, превращались въ жернова. И маленькія дѣти, итравшія у ногъ его, принимали слезы эти за драгоценныя каменья, и черепа дѣтскіе были разможжены жерновами. За ними Лицемѣрие, окутанное ночью тьмой и несшее библию, во образѣ Сидмута, ѣхало на крокодилѣ. И въ этомъ ужасающемъ маскарадѣ много еще шло разныхъ образовъ разрушенія, всѣ замаскированныя до самыхъ глазъ епископами, юристами, лэрами, шпионами. Послѣ всѣхъ шла Анархія; на бѣломъ конѣ, забрызганномъ кровью, блѣдная до того, что побѣлѣли и губы, а на лбу ея была печать: «Я богъ, я король, я законъ!» Далѣе поэтъ такъ описываетъ положеніе народа: «Птицы находятъ пріютъ въ тѣсномъ гнѣздѣ, когда утомятся отъ крылатаго полета; звѣри находятъ пищу въ рощахъ, и логовище, когда буря и снѣгъ крутятся въ воздухѣ. Лошади, быки имѣютъ пріютъ, возвращаясь съ дневнаго труда; когда реветъ непогода, домашняя собака прячется въ теплѣ, подъ кровлей дома; ослы и свиньи имѣютъ готовую подстилку и нужную пищу; всѣ имѣютъ свой домъ,—у тебя, англичанинъ-работникъ, нѣтъ дома... Это рабство!..»

Кризисъ вызвалъ застой въ производствѣ; рабочіе не находили работы. Въ Лейстерѣ они, въ порывѣ дикаго отчаянія, разрушили машины и фабрики. Первою рѣчью Байрона въ парламентѣ была рѣчь въ защиту рабочихъ. Но люди однихъ взглядовъ съ поэтомъ представляли ничтожную горсть; они не могли ничего сдѣлать въ ослѣпленномъ ненавистью и страхомъ парламентѣ, который каждую мѣру улучшенія быта низшихъ классовъ народа звалъ революціонною. Еще въ 1808 году, Рамилли, въ запискахъ своихъ, писалъ: «Если кто хочетъ составить себѣ понятіе о несчастномъ вліяніи, какое французская революція и сопровождавшіе ее ужасы имѣли на нашу страну, тотъ пусть попытается провести какую-нибудь законодательную

реформу на основаніи гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ. Онъ тогда увидитъ, какой безсмысленный страхъ овладѣлъ нашими соотечественниками; но и какой духъ жестокости!» Рамилли напрасно агитировалъ объ отмѣнѣ закона, казнившаго смертною казнью за кражу въ лавкѣ, и то за самую ничтожную кражу. Одинъ изъ молодыхъ членовъ парламента на всѣ предложенія его отвѣчалъ неизмѣнною фразой: «Я за то, чтобы вѣшали всѣхъ». Самыя безпощадныя примѣненія закона смертной казни не могли облегчить общественныя бѣдствія, къ изумленію политиковъ, разрѣшавшихъ проклятые вопросы простымъ средствомъ — висѣлицей. Нищета и голодъ росли. Въ Манчестерѣ шли стачка за стачкой. Въ 1818 году начались волненія рабочихъ, и войска разогнали выстрѣлами и штыками безоружныя массы, оставивъ на мѣстѣ много кровавыхъ жертвъ. Шелли въ своихъ стихотвореніяхъ 1819 г. справилъ канихиду по убитымъ: «Кровь пролита на землѣ, которая отказываетъ вамъ въ хлѣбѣ. Пусть раны ваши станутъ очами и плачутъ по убиеннымъ, убиеннымъ, убиеннымъ! О, какое другое горе болѣе справедливо требуетъ расплаты? Развѣ то не были ваши сыны, жены, братья?»

«Фономъ для картины литературы того времени были мракъ и кровь», — говоритъ Брандесъ. Скандаль на всю Европу — процессъ Георга IV о разводѣ съ женой былъ циническимъ эпизодомъ, внесшимъ нѣкоторое разнообразіе въ мрачную и кровавую картину. Этотъ скандаль не могли замазать ни безграмотныя ортодоксальныя и лойяльныя рѣчи Кэстльри, ни трескучія и хорошо оплаченныя вирши поэта-лауреата Соути. Парламентъ возмущился циничностью процесса. Общественное мнѣніе начало просыпаться отъ спячки. Революціи въ Испаніи, Греціи, въ Южной Америкѣ дали ему новый толчекъ, вмѣстѣ съ внутренними бѣдствіями. Пробылъ послѣдній часъ реакціонной политикѣ; Кэстльри зарѣзался: «благородный лордъ», какъ его иронически называлъ Байронъ, не вынесъ паденія своей консервативной системы. Его смѣнилъ Каннингъ. «Поэзія Шелли, Лэндора и Байрона имѣетъ свою политическую параллель въ политикѣ Каннинга», — говоритъ Брандесъ: — и рѣчи этого государственнаго челоуѣка служатъ дополненіемъ къ твореніямъ этихъ поэтовъ. Великою основною идеей Каннинга было право голоса народовъ».

IV.

Англійскій натурализмъ представляетъ въ поэзіи Вордсворта оригинальный переходъ отъ пантеизма къ протестантской морали. На почву идей Локка, Гоббеса и Гиббона, популяризованныхъ французами, былъ нанесенъ налетъ спинозизма и затѣмъ натурфилософіи; протестантская ортодоксальность была убита въ выдающихся умахъ, но реакція противъ нея была такъ не ясна, что ставшіе въ ряды ея умы не могли опредѣлить вѣрно, къ какой системѣ міросозерцанія принадлежали они. Мистикъ и пантеистъ Шелли называлъ себя атеистомъ. При недостаточности научной подготовки, сомнѣнія и критическое отношеніе къ ходячимъ идеямъ, не могли быть ни строго опредѣленны, ни прочны. Вордсвортъ въ ранней юности увлекался «французскими идеями» и философіей Спинозы; онъ видѣлъ въ бессознательной жизни источникъ сознательной, и признавалъ, что «всѣ земныя существа развиваются вмѣстѣ на лонѣ природы до той точки, гдѣ пробуждается сознательная жизнь». Въ одномъ стихотвореніи Вордсвортъ говоритъ: «Сонъ оковывалъ мой духъ вмѣстѣ со всѣмъ человѣческимъ страданіемъ. Онъ не чувствовалъ, какъ проходили вѣка, ничто не смущало его, онъ не прозрѣвалъ; онъ тихо покоился, какъ при сновидѣніи, и носился въ круговращеніи земли со скалами, камнями и деревьями». Невызванный еще къ жизни, духъ поэта жилъ бессознательно въ природѣ. Отъ сознанія этой общности явилось у Вордсворта благоговѣйное чувство къ природѣ, къ ребенку, потому что онъ ближе къ природѣ, чѣмъ взрослый; къ деревнѣ и крестьянамъ, потому что они далеки отъ искусственной жизни городовъ. Эти мотивы были отголосками идей Руссо; они до Вордсворта слышались въ поэзіи Бёрнса. Политическая струя, такъ сильно была въ Байронѣ и Шелли, что мотивы эти вызвали вражду къ искусственной цивилизаци, требующей, какъ Молохъ, человѣческихъ жертвъ. У Вордсворта мотивы эти мало по малу вызвали проповѣдь пасторской морали. Оттого поэзія его представляетъ довольно странную смѣсь звуковъ здоровой жизни, живыхъ красокъ природы и причитанья богомольной старушки.

Вордсвортъ, при началѣ французской революціи, жилъ долго въ Парижѣ, раздѣлялъ общее одушевленіе, написалъ

вмѣстѣ съ Кольриджемъ трагедію «Паденіе Робеспьера», издалъ двѣ политическія брошюры «*Conciones ad populum*» и мечталъ, съ нѣсколькими товарищами одного образа мыслей, уѣхать въ Америку и основать тамъ социалистическую коммуну. Когда онъ жилъ, въ 1797 г., съ Кольриджемъ въ деревушкѣ на берегу моря, бесѣды обоихъ показались до того подозрительными жителямъ, что были отряженъ шпионъ слѣдить за ними. Онъ, слыша имя Спинозы и, понявъ его въ смыслѣ Спру-позу (носимый шпионъ), думалъ, что открытъ обоими друзьями, но потомъ убѣдился, что рѣчь шла о толстой книгѣ, которую друзья благоговѣнно читали и обсуждали, и убѣдился, что нечего слѣдить за друзьями, потому что они не опасные злоумышленники. Шпионъ, самъ того не вѣдая, оказался философомъ, вѣрно оцѣнившимъ друзей. Пантеизмъ ведетъ къ квіатизму. Но пока еще Вордсвортъ не дошелъ до полного успокоенія среди живописныхъ ландшафтовъ озеръ, онъ зналъ тревогу и горькое чувство возмущенія противъ несправедливости. Многія мѣста изъ первыхъ поэмъ Вордсворта были прелюдіями байроновскаго «Чайльдъ-Гарольда», что, при ослѣпленіи его громаднаго литературнаго самолюбія, повело его къ обвиненію Байрона въ плагиатъ. Но это совпаденіе доказало одно, что путь Вордсворта перекрещивался на одной точкѣ съ путемъ Байрона только для того, чтобы разойтись далеко въ противоположныя стороны. Проклинающій и родину, и жизнь, Чайльдъ-Гарольдъ завидуетъ пажу-ребенку, которому есть о чемъ плакать при разлукѣ; его озлобленное сердце не зачерствѣло вполне; ему жаль чувства, жаль, что утрачена способность плакать. Вордсвортъ восхищается непосредственностью и свѣжестью дѣтства не съ этой стороны: сердце поэта мягко и слезный источникъ его обилень и готовъ излиться по малѣйшему поводу; онъ преклоняется передъ дѣтьми, потому что они ближе стоятъ къ жизни безконечной и не отъ міра сего, что они не запятнаны грѣхомъ. Это совершенно не то чувство, которое побуждало Шелли «презирать землю».

Отношеніе Вордсворта къ народу также двойственно: въ немъ есть теплое чувство къ меньшему брату, но братъ этотъ долженъ знать свое мѣсто, терпѣливо сносить все, что налагаетъ старшій братъ на его плечи, и каждая

жалоба его на неудобноносимость бремени есть нарушение божескихъ законовъ. Въ мелкихъ поэмахъ безыскусственно и тепло рассказаны простыя повѣсти трудовой и бѣдной жизни; ими Вордсвортъ проложилъ дорогу Гуду и его знаменитой «Пѣсни о рубашкѣ». Только не ищите у перваго ни страстнаго протестующаго чувства, ни горькой ироніи втораго. Но изъ всѣхъ поэтовъ-романтиковъ одинъ Вордсвортъ далъ такія повѣсти, и это надо помнить. Драмы простой обывденной жизни; языкъ также простъ и мѣстами проникнуть безыскусственнымъ и трогательнымъ лафосомъ. Темы ихъ: жизнь бѣдной, обольщенной и покинутой крестьянки, жертвы прихоти барича; несчастіе извозчика, любимца цѣлаго околотка: послѣ годовъ честной жизни онъ не устоялъ противъ искушенія, и укралъ кошелекъ; онъ сталъ паріей общества, онъ обреченъ на голодную смерть или на жизнь воровства; безпріютная старость нищаго, который былъ въ молодости удачнымъ охотникомъ,—теперь ему приходится протягивать руку; онъ такъ слабъ, что не въ силахъ вырваться гнилой пень. Поэтъ говоритъ: «Я заступъ взялъ, одинъ ударъ—и корень былъ выброшенъ изъ земли, надъ которымъ старикъ такъ долго мучился. Слезы омочили глаза старика, и изъ груди его полились такимъ бурнымъ потокомъ благодарности и хвала, что, казалось, имъ не будетъ конца. Часто черствыя сердца холодно принимали мою помощь; но, ахъ, еще чаще людская благодарность оставляла во мнѣ чувство печальнаго испуга». Взрывъ благодарности старика говорилъ поэту о томъ, какъ рѣдко видѣлъ бѣднякъ сочувствіе и помощь. Теплое, наивное чувство связываетъ поэта съ его героями и это виѣстѣ съ протестантскою моралью, такъ крѣпко вѣдренною въ англійскомъ народѣ,—причина, почему Вордсвортъ, почти забытый образованными классами, такъ много читался народомъ.

Но на этомъ и останавливается его значеніе. Онъ не далъ сознанию народа ничего, кромѣ того, что дано ему библіей въ толкованіи пасторовъ. Въ своемъ «Старомъ нищемъ» поэтъ читаетъ такую мораль: «богатые не презирайте нищаго, не считайте его бесполезнымъ бременемъ, потому что онъ даетъ вамъ случай выказать челоуѣколюбіе и научиться быть благодарными за то счастье, которымъ вы пользуетесь». Всѣ поэмы Вордсворта изъ народной жизни

оканчиваются подобными пасторскими проповѣдями. Здоровою стихіей въ нихъ было человѣчное чувство, «натурализмъ», какъ называетъ его Брандесъ: «который въ позднѣйшемъ развитіи своемъ у другихъ поэтовъ, послѣдовательно и логично перешелъ въ гуманизмъ и радикализмъ». Натурализмъ Вордсворта въ изображеніи народныхъ типовъ не глубокъ: рамки его не широки. Какъ поэтъ для картинъ природы бралъ только одни ландшафты оверъ своей стороны, такъ и образцами народной жизни онъ бралъ только тѣхъ shepherd-formers (пастуховъ фермеровъ) Уэстморленда и Камберленда, среди которыхъ жилъ, сохраняя полную обособленность жизни барина. Эти фермеры пользуются извѣстною независимостью, работаютъ только сами на себя, ведутъ простую жизнь, никому не кланяются, ища заработка; они не знаютъ нищеты и достигли извѣстной культуры. На чистенькихъ уютныхъ и утонувшихъ въ зелени фермахъ ихъ и тучныхъ зеленыхъ лугахъ нашли себѣ пріютъ и сельская идиллія, и пуританская мораль. Этотъ мірокъ живетъ своею скромною обрядностью жизни, не подозревая, что есть великій міръ борьбы, страстей, неудовлетворенныхъ стремленій, талантовъ, выбивающихся изъ тьмы и тѣсноты на свѣтъ и просторъ. Понимая эту сторону народной жизни, онъ изъ за группы деревень своего Уэстморленда не видѣлъ лѣса. Ему было по себѣ въ ограниченномъ, міркѣ своихъ фермеровъ; онъ не замѣчалъ ни ограниченности ни черствости ихъ, которая какъ нельзя лучше уживаются и съ сельскими идилліями, и съ пасторскою моралью, и съ грошевою филантропіей. Даже Кольриджъ послѣ отреченія своего отъ всякихъ «французскихъ идей», находилъ, что примѣненіе законовъ о бѣдныхъ въ Манчестерѣ, Бристолѣ и Ливерпулѣ было сравнительно человѣчнѣе примѣненія ихъ въ деревняхъ. А Вордсвортъ пѣлъ, что городская жизнь убиваетъ чувство, и восхвалялъ умиротворяющее вліяніе «непосредственной жизни среди природы».

Заслуга Вордсворта въ томъ, что онъ свелъ поэзію съ Олимпа и показалъ, что простая жизнь стоитъ пѣсень музыки; впрочемъ, въ этомъ онъ имѣлъ предшественника, Краббе. Но поэзія послѣдняго была переходною ступенью по одному содержанію; по манерѣ-же, языку и формѣ она принадлежала къ искусственной поэзіи XVIII вѣка. Ворд-

свортъ первый ввелъ «натурализмъ» въ форму поэзіи; онъ первый заговорилъ простою рѣчью народа. Но онъ сдѣлалъ ту ошибку, что заговорилъ этою рѣчью не только отъ лица героевъ своихъ поэмъ, но и сдѣлалъ ее привычнымъ языкомъ своей музы. Безъискусственность есть правда, и потому языкъ, какимъ говорятъ простые люди, если очистить его отъ кое-какихъ пятенъ, лучшій, какой только существуетъ для выраженія мыслей и чувствъ, такъ училъ Вордсвортъ. Народъ въ деревнѣ живетъ въ постоянномъ общеніи съ предметами, названія которыхъ составляютъ коренную и большую часть языка, и такъ какъ народъ, вслѣдствіе однообразія и узости своего умственного кругозора всего менѣе подверженъ тщеславію — порожденію общественной жизни, побуждающему употреблять изысканныя выраженія, то рѣчь его есть образцовая рѣчь природы. Эти соображенія привели Вордсворта къ такому заключенію: что разъ языкъ народа есть лучшій, то для каждаго поэта невозможно найти иной лучшій способъ выраженія, и даже все равно, писать-ли прозой, или стихами. Поэтъ пришелъ къ такому любопытному парадоксу: «между языкомъ прозы и метрическимъ сочиненіемъ нѣтъ никакого существеннаго различія да и быть не можетъ». Если бы Вордсвортъ искалъ въ простой и безъискусственной рѣчи только поправку искусственности и ходульности языка и достигъ величія художественной простоты, то онъ заслужилъ бы благодарную память въ лѣтнихъ литературахъ. Дѣло въ томъ, что онъ рѣдко поднимается на эту высоту и не долго стоитъ на ней, не впадая въ тривиальность. Онъ утверждалъ, съ чисто англійскимъ упорствомъ, что языкъ не только въ большей части каждаго стихотворенія, по необходимости, долженъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ метрическаго, совпадать съ прозой, но что и въ наиболѣе патетическихъ и интересныхъ мѣстахъ стихотворенія, языкъ долженъ вполне согласоваться съ слогомъ прозы. И это потому, что какъ бы ни былъ правдивъ и жизненъ языкъ поэта, онъ не могъ никогда быть ни такимъ правдивымъ, ни такимъ жизненнымъ, какъ языкъ тѣхъ людей, которые дѣйствительно переживали описываемое поэтомъ положеніе. Но въ такія минуты языкъ каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, разъ переживаемое положеніе не обыденно, проникается

пафосомъ, безъискусственной поэзію, и торжество поэта — уловить его. Теорія языка, проповѣдуемая Вордсвортомъ, породила массу водяныхъ произведеній. На введенный Вордсвортомъ стихъ балладъ, породившій массу бездарныхъ подражателей, привлеченныхъ легкостью слагать вирши, Джонсонъ написалъ шутовскую, имѣвшую въ свое время громадную извѣстность, пародію, которая можетъ служить образцомъ большей части балладъ этой эпохи: «Надѣль на голову я шляпу и пошелъ на улиму Стрэндъ; тамъ встрѣтилъ я другаго человѣка, онъ держалъ шляпу въ рукѣ». Байронъ острилъ, что вся вода озеръ влита въ поэзію Вордсворта, а Шелли въ своей сатирѣ «Питеръ Бель», осмѣивая политическое ренегатство и фарисейскую мораль Вордсворта, обрекалъ его на вѣчную скуку читать самого себя и жить среди снотворной атмосферы, которую онъ распространялъ на всѣхъ: наборщикъ засыпалъ, набирая его стихи; всѣ живыя существа, слышавшія, какъ Питеръ Бель декламировалъ свои произведенія, засыпали тяжелымъ сномъ. И дѣйствительно, нужно извѣстное геройство, чтобы перечитать всѣ томы его произведеній.

Вордсвортъ не скоро добился извѣстности. Радости и горести простого люда, въ наивной поэзіи его, казались не занимательными для массы общества, которому идеи и мораль, отрекшагося отъ французскихъ идей, поэта были вполнѣ по плечу. Съ 1800 по 1820 г. и критика, и публика, хранившая пристрастіе къ романическимъ героямъ, относились къ поэту съ полнѣйшимъ презрѣніемъ. Послѣ 1820 года его стали замѣчать; но нужно было еще цѣлое десятилѣтіе на то, чтобы публика признала въ Вордсвортѣ поэта и оцѣнила естественность и красоту его картинъ природы и образовъ бѣдныхъ людей. Съ тридцатыхъ годовъ картины изъ народнаго быта получили гражданство въ литературѣ, и Вордсвортъ дождался блистательнаго успѣха. Слава его прогремѣла въ цѣлой Великобританіи и за предѣлами ея. Одно время дошло почти до культа поэта-лакиста. Вордсворту поклонялись въ то время, когда Байронъ и Шелли были въ изгнаніи. Намъ трудно понять этотъ культъ, потому что драгоценные камни сверкающіе въ поэзіи его, приходится отыскивать среди массы булыжника; и намъ надо припомнить, что Ворд-

свортъ былъ вполнѣ по плечу литературно образованной толпѣ, никогда ничѣмъ не оскорбилъ предрасудковъ ея, смотрѣлъ ея глазами и говорилъ ея языкомъ. Въ наше время англичане цѣнятъ красоту иныхъ картинъ природы, созданныхъ музой озеръ; но въ цѣломъ она утратила всякое значеніе, если не считать того, что многія дѣтскія книги украшены балладами Вордсворта ради ихъ религиозныхъ поученій. Въ Англии явились поэты, которые пошли далѣе его въ этомъ направленіи.

Вордсвортъ доказалъ справедливость положенія, что бѣдность мысли губить поэзію. Эмерсонъ, критикъ не отличавшійся ни глубиной мысли, ни ширью соціальныхъ идеаловъ, но стоящій выше дѣтскихъ идей Вордсворта, даетъ такую характеристику поэта-лакиста: «Онъ говорилъ дурно о французахъ и не лучше о шотландцахъ: ни одинъ шотландецъ, по его словамъ, не умѣлъ писать по англійски. Его взгляды на французовъ, шотландцевъ и ирландцевъ, повидимому, были составлены на скорую руку по разнымъ приключеніямъ, случившимся съ нимъ или родными его въ омнибусѣ, почтовой каретѣ и т. п. Разговоръ его не обличалъ особенной силы и полета мысли. Вордсвортъ гордится своею безхитростною вѣрностью правдѣ, но уость мысли его изумительна. Онъ производитъ впечатлѣніе ограниченнаго и чисто-англійскаго ума, который рѣдкіе часы одушевленія выкупаетъ самою сухою прозой. Вордсвортъ заговорилъ о своей любимой темѣ: «общество-де получаетъ поверхностное воспитаніе, и не обращено никакого вниманія на нравственное образованіе. Школы не помогутъ ничему. Воспитаніе не въ школьномъ учителѣ». Вордсвортъ хотѣлъ и мнѣ и всѣмъ добрымъ американцамъ внушить убѣжденіе, что мораль, т.-е. консервативный элементъ, должна быть главнымъ предметомъ попеченій».

Мораль, хорошо извѣстная, и во всѣхъ европейскихъ литературахъ поэты и писатели, исповѣдывавшіе ее, создавались и создаются тѣми общественными элементами, которые ставятъ девизомъ: спокойствіе какою бы то ни было цѣной. Искренность, съ какою Вордсвортъ исповѣдывалъ свою мораль послѣ отреченія отъ «французскихъ идей», ставитъ его въ нравственномъ отношеніи выше

нѣмецкихъ романтиковъ, которые отъ идей XVIII вѣка перекинулись къ идеямъ священнаго союза, или по нравственной безсодержательности, по равнодушію, давая себя унести общимъ потокомъ, или продались ради выгоды, исполнѣ вѣдая, что творять. «Французскія идеи» были налетомъ, быстро унесеннымъ, и тогда идеи, въ которыхъ были вѣроумень. Вордсвортъ, взяли свое и были причиной узости и бѣдности музы его. Характеръ ея исключительно созерцательный и дидактическій: рожденіе, смерть, страданія человѣчества и немногія радости его, добродѣтели и пороки, загробная жизнь и ничтожество земной жизни передъ вѣчностью, и нашего знанія въ крещенной сферѣ, въ которой мы живемъ, — вотъ и все содержаніе музы Вордсворта. Та эпоха и то общество, которые выволакивали байроновскую поэзію отчаянія и, какъ тюрьма вызываетъ галлюцинаціи, вызвали видѣнія золотого будущаго вѣка у Шелли, — Вордсворта вдохновили только на пасторскія пророчества.

Личная жизнь Вордсворта исполнѣ отвѣчала его поэзіи. Оно протекала мирно, чуждая какихъ бы то ни было волненій и бурь. Отецъ его, чиновникъ суда, получалъ хорошее жалованье, поэтъ росъ въ довольствѣ, среди мирной семьи. Дѣтство и юность его прошли правильно; онъ учился въ Кембриджѣ, путешествовалъ по окончаніи курса. Въ 1795 г. одинъ почитатель его таланта оставилъ ему 900 фунтовъ стерлинговъ въ наслѣдство; сверхъ того, ему досталась доля въ 8,500 ф., которые одинъ лордъ уплатилъ, какъ старый долгъ, семьѣ по смерти отца. Поэтъ не зналъ ни борьбы за кусокъ хлѣба, ни зависимости; онъ могъ совершенно свободно обрабатывать свой талантъ. Политическая карьера не имѣла ничего привлекательнаго для созерцательной природы поэта, онъ рано женился и поселился въ своемъ имѣніи Райджемунтъ, среди озеръ. Правительство дало ему синекуру — должность хранителя печатей, съ 500 ф. содержанія, которая по смерти его была передана одному изъ сыновей его. Въ 1843 г., по смерти поэта Соути, Вордсвортъ былъ сдѣланъ поэтомъ-лауреатомъ, съ жалованьемъ въ 300 ф., которое получалъ до самой смерти. Такая хорошо обезпеченная жизнь, при натурѣ, чуждой бурныхъ страстей, располагала поэта смотреть на жизнь съ благодушіемъ эпикурейца и, наслаж-

даясь благами ея, указывать страдающимъ на утѣшенія загробной жизни и успокаивать овою совѣсть раздачею предписанной десятины.

И не смотря на всю узость мысли, не смотря на свой упорный консерватизмъ, Вордсвортъ былъ въ числѣ поэтовъ, проложившихъ новый путь поэзіи. Духъ времени дѣлалъ свое дѣло и въ враждебныхъ ему писателяхъ и поэтахъ; ему служили всѣ представители литературы XIX вѣка и сознательно, и бессознательно. Протестантъ Вордсвортъ высказывалъ далеко не ортодоксальныя идеи о силѣ природы; онъ и въ животныхъ видѣлъ существа, живущія жизнью, близкою къ человѣческой. Онъ былъ глубоко проникнутъ чувствомъ единства съ природою и, не смотря на теистическій выводъ, обязательный въ концѣ каждаго стихотворенія его, въ самомъ стихотвореніи звучатъ мотивы пантеизма. Онъ любилъ вспоминать тѣ впечатлѣнія, какія природа вызывала въ немъ въ пору юности. Въ одномъ, носящемъ длинное заглавіе съ дидактическаю тенденціей, какъ и большинство стихотвореній его: «Вліяніе предметовъ природы на развитіе и укрѣпленіе воображенія мальчиковъ и юношей» (*Influence of natural objects in colling forth and strengthening the imagination of Boyhood and early Iouth*) — онъ благодаритъ міроваго духа за то, что духъ внушилъ ему съ дѣтства ту страсть, которая сплетаетъ жизнь души не съ жалкими и низменными твореніями людей, но съ возвышенными и прочными предметами, — съ жизнью природы. И картины природы, какія онъ даетъ въ этомъ стихотвореніи съ такимъ непоэтическимъ заглавіемъ, по мнѣнію Брандеса, не имѣютъ себѣ равныхъ. Въ поэмѣ «Тинтернское аббатство» есть мѣсто, о которомъ Вордсвортъ вполне справедливо говорилъ, что мотивы его слышатся въ наиболѣе блестящихъ и прославленныхъ мѣстахъ байроновскаго «Чайльд-Гарольда». Вотъ оно: «Когда пора болѣе буйныхъ радостей мальчика прошла съ ея бодрыми играми, для меня всею стала природа. Шумящій водопадъ опутывалъ меня чарами страсти; высокая скала, гора, густой тѣнистый темный лѣсъ, очертанія и краски ихъ — все было для меня обаяніемъ, любовью, чувствомъ, которое не нужно было вызывать никакою мыслію, никакимъ интересомъ, порожденнымъ не зрѣніемъ». У Байрона въ третьей пѣснѣ

«Чайльд-Гарольда» сказано: «Высокія горы для меня — чувство». И далѣе: «Развѣ горы, шатерь неба и волны — не часть меня, какъ и я часть ихъ существа?» Обвиненіе въ плагиатѣ, предъявленное Вордсвортомъ, свидѣтельствуешь о колоссальномъ и раздраженномъ самолюбіи таланта, котораго затмилъ гений; но сходство мотивовъ, подавшее къ тому поводъ, говорить, какая сила была искажена въ обвинителѣ. Ортодоксальный поэтъ находилъ въ отщепенцѣ родственные себѣ звуки. Тори Вордсвортъ, какъ и Байронъ, первая рѣчь котораго въ парламентѣ была признана и тори, и лѣкстами революціоннымъ набатомъ, — оба говорили въ пѣсняхъ своихъ о страданіяхъ народа. Вордсвортъ и Байронъ, дѣлали это сознательно, но отъправляясь отъ разныхъ міросозерцацій. Первый — исключительно съ политической точки зрѣнія, и не будучи другомъ народа, какъ Шелли; второй — исключительно съ библейской, повторяя притчу о богатомъ и бѣдномъ Лазарѣ. Оба подняли высоко культъ природы; но первый со стороны демоническаго романтизма; натурализмъ въ Вордсвортѣ, разбавленный водою озеръ, опустился до тривиальной прозы и скучнѣйшихъ, и дѣтскихъ поученій.

V.

Настоящимъ романтикомъ изъ англійскихъ поэтовъ этой поры былъ Кольриджъ; поэзія его, какъ и личная жизнь были плодомъ тревожной эпохи — конца XVIII и начала XIX вѣка, — которая обѣщала такъ много человечеству и дала такъ мало. Кольриджъ былъ сыномъ деревенскаго пастора, родился въ 1772 г. Двадцати-лѣтнимъ юношей, безъ всякихъ средствъ и надеждъ въ будущемъ, онъ учился въ Кэмбриджѣ съ 1791—1793 г. Долги и несчастная любовь заставили его бросить университетъ и подъ чужимъ именемъ поступить въ драгуны. Капитанъ, увидѣвъ латинскую надпись, сдѣланную имъ на стѣнѣ подъ сѣдломъ: «Eheu quam infortunium miserrimum est fuisse felicem», принялъ участіе въ молодомъ Кольриджѣ, устроилъ примиреніе его съ родными и возвращеніе въ университетъ. Тамъ началось непродолжительное увлеченіе поэта идеями XVIII вѣка. Онъ написалъ вмѣстѣ съ Соути первый актъ драмы «Паденіе Робеспьера» и устраивалъ общество для эмиграціи въ Америку и основанія коммуны.

Членами общества были Соути и еще два товарища. Въ 1795 г. Кольриджъ поѣхалъ въ Бристоль, читалъ нѣсколько разъ публично съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ, очаровалъ миссъ Сару Фриккеръ, прелестную молодую дѣвушку, женился на ней, былъ свидѣтелемъ брака одной сестры ея съ Соути, другой съ Ловелемъ, молодымъ квакеромъ, членомъ ихъ общества эмиграціи. На этомъ и покончились планы бѣгства въ Америку и три друга зажили мирными мѣщанами. Въ слѣдующемъ году Кольриджъ увлекся идеями унитаріевъ и кружокъ филантроповъ уговорилъ его издавать еженедѣльную газету «Сторожъ» (The Wachtman). Пустили огненную программу съ девизомъ: знаніе есть сила. Кольриджъ объѣхалъ сѣверъ Англіи и промышленные города, въ характерѣ мірянина проповѣдника агитируя и собирая подписчиковъ и не унывая отъ неуспѣха. Избранныхъ оказалось очень немного, не смотря на массу званыхъ. Большинство на соблазнительное обѣщаніе 32 страницъ большого формата за четыре пенса отвѣчали, что какъ ни радѣютъ они истинѣ и свободѣ, но и въ годъ не прочитаютъ столько страницъ, не то что въ недѣлю. Однако, набралось около тысячи подписчиковъ между радикальными сектантами. Первый номеръ запоздалъ потому, что аккуратность считалась слишкомъ мѣщанскою добродѣтелью для романтика; съ выходомъ второго, содержавшаго, между прочимъ, статью противъ фарисейскаго соблюденія субботняго дня, отстало 500 подписчиковъ. Слѣдующіе номера, полные рѣзкихъ выходовъ противъ французской философіи и тѣхъ, которые обращались къ бѣднымъ и темнымъ людямъ, вмѣсто того, чтобы говорить за нихъ богатымъ и знающимъ, разогнали и послѣднихъ подписчиковъ демократовъ.

Кольриджъ не понималъ, что неуспѣхъ его былъ прямымъ слѣдствіемъ двойственности его идей и что журналъ этотъ былъ только попыткой сѣсть между двумя стульями. Онъ обращался къ христіанско-демократическимъ сектамъ Англіи безъ опредѣленной программы; онъ не былъ агитаторомъ идей свободы, какъ не былъ и проповѣдникомъ закона первыхъ христіанъ; а только такой проповѣдникъ могъ вліять на фанатичные массы. Увлечение Кольриджа французскими идеями, равно какъ и Спинозой, было мимолетно. Припоминая это время, онъ говоритъ: «Мой мозгъ

былъ со Спинозой, хотя мое сердце вполнѣ было съ Павломъ и Иоанномъ». Ежедневная газета выдержала не болѣе полдюжины выпусковъ, и затѣмъ прекратилась; она толкнула Кольриджа на поприще журналиста. Сначала онъ нападалъ на Питта и аристократическую политику его; но, по мѣрѣ того, какъ его убѣжденія, (и это съ замѣчательною быстротою), становились все болѣе и болѣе консервативными, онъ превращался въ министерскаго журналиста. Послѣ занятія Швейцаріи французами, Кольриджъ сдѣлался французофобомъ. Нѣкоторыя статьи его въ «Утренней Почтѣ» (Morning Post) были замѣчены Наполеономъ и сильно раздражили побѣдителя. Въ Италіи Кольриджъ едва не подвергся тюремному заключенію по волѣ французскихъ властей и спасся только потому, что прусскій посланникъ Вильгельмъ Гумбольдтъ предупредилъ его, получивъ самъ о томъ извѣстіе отъ кардинала Феша, случайно узнавшаго черезъ мелкаго чиновника о грозившемъ англійскому поэту арестѣ. Вскорѣ Кольриджъ принялъ дѣятельное участіе въ «Quarterly Review» консервативномъ толстомъ обзорѣни, аккуратно, въ каждый срокъ своего трехмѣсячнаго выхода, пускавшемъ въ Байрона, Шелли и прогрессивную партію залпъ грязной брани. Онъ сдѣлался рьянымъ тори и журналистомъ по сердцу Питта, и приносилъ покаяніе въ юношескихъ увлеченіяхъ въ родѣ поэмы: «Пожары, голодъ и убійства», гдѣ онъ призывалъ грозную Немезиду на головы тѣхъ, кого считалъ причиною общественныхъ бѣдствій. Пожаръ, голодъ и убійство, по очереди, рисуя страшныя картины содѣяннаго зла и похваляясь имъ, повторяютъ припѣвъ: «Все онъ, все онъ! Четыре буквы составляютъ его имя! Онъ спустилъ меня съ цѣпи. Онъ натравилъ меня крикомъ: Галло! Хвала одному ему!» Эти четыре буквы были: Pitt. ¹⁾

Пылкая, безхарактерная, жаждавшая увлеченій натура Кольриджа не могла улечься въ рамки мѣщанской жизни лѣкистовъ. Средствъ недоставало, а постоянный и упорный трудъ былъ несроденъ Кольриджу; благодаря лѣни, онъ запутался въ дѣлахъ; это мучило его и усиливало болѣзненное раздраженіе его нервовъ, а оно еще болѣе

¹⁾ Вильямъ Питтъ (младшій), бывший министромъ съ 1783, присоединившій Ирландію къ Великобританіи, борецъ противъ французской революціи и горячій роялистъ.

усиливало лѣнь. Болѣзнь заставила его прибѣгать къ опиуму, а романтическая потребность грезъ и основиднѣй, вмѣстѣ съ тоской отъ разстройства дѣлъ, усиливать приемы до опьяненія. Болѣзненная раздражительность погнала его изъ одного мѣста въ другое. Въ короткіе промежутки спокойнаго настроенія онъ писалъ статьи и читалъ публичныя лекціи о литературѣ. Пришло помѣшательство. Кольриджъ, поручивъ семью своему Соути, перѣѣхалъ къ доктору специалисту душевныхъ болѣзней и довлечилъ подъ надзоромъ его долгіе годы, смѣняя опьяненіе опиумомъ порывами самобичеванія и ханженства. Чѣмъ болѣе убѣждался онъ въ пользѣ опеки надъ своею личностію, тѣмъ крѣпче росло въ немъ убѣжденіе въ пользѣ опеки надъ націями и контроля надъ каждымъ общественнымъ шагомъ. Эмерсонъ въ запискахъ своихъ говоритъ о Кольриджѣ, какъ о полу-сумасшедшемъ старикѣ, полномъ нелѣпнѣйшихъ предразсудковъ. Послѣднія восемнадцать лѣтъ жизни поэта прошли въ галлюцинаціяхъ опиума, писаніи душеспасительныхъ и ортодоксальныхъ брошюръ и бесѣдахъ съ многочисленными почитателями, съѣзжавшимися навѣщать его.

Кольриджъ обладалъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и рѣдкимъ талантомъ вести разговоръ. Это сдѣлало его душой реакціоннаго кружка англійскихъ писателей. Онъ влиялъ на нихъ, подавая имъ мысли, подзадоривая ихъ писать о разныхъ общественныхъ вопросахъ и тогда уже, когда самъ пересталъ писать, такъ что его надо считать если не авторомъ, то инициаторомъ многого злостно-регрессивнаго, печатавшася въ ту пору и поднимавшаго желчь Байрона. Чарльзъ Лэмбъ, Соути, Вордсвортъ, Гэзлитъ, Карлэйль, въ бесѣдахъ съ Кольриджемъ находили оружіе для борьбы съ радикальнымъ движеніемъ, которое зародилось въ то время и нашло отголосокъ въ поэзіи Байрона и Шелли.

Теперь намъ трудно понять, какъ можно было попасть въ цехъ знаменитостей дня такими балладами и поэмами, какими Кальриджъ стяжалъ себѣ свою громкую и скоропреходящую славу. Въ 1797 году появилась баллада его «Старый матросъ» и была переведена на всѣ языки цивилизованнаго міра; затѣмъ появился отрывокъ поэмы «Хризабель», открывшей новую эпоху англійской поэзіи.

«Хризабель» была вступленіемъ къ цѣлому циклу романовъ въ стихахъ, которые не были никогда написаны. Отрывокъ этотъ былъ первымъ произведеніемъ въ англійской литературѣ, проникнутымъ духомъ романтизма, и это было причиной его успѣха. И форма, и содержаніе — все было ново, свѣжо; все дѣйствовало обаятельно послѣ холодной дидактической поэзіи XVIII вѣка, и не столько на публику, сколько на писателей и поэтовъ того времени. Вальтеръ-Скоттъ подражалъ гармоническому и неправильному размѣру новой поэмы въ своей «Пѣснѣ послѣдняго мекнестреля», и признавалъ, какъ многимъ онъ обязанъ Кольриджу. Байронъ такъ же, какъ и Вальтеръ-Скоттъ, цѣнилъ «Хризабель», въ своей поэмѣ «Осада Коринѳа», онъ, не читавъ еще Хризабель, написалъ нѣсколько стиховъ, сходныхъ съ двумя, тремя стихами Кольриджевской поэмы, и воспользовался этимъ совпаденіемъ, чтобы въ примѣчаніи упомянуть съ горячею похвалою объ этомъ дикомъ, замѣчательно оригинальномъ и прекрасномъ стихотвореніи. Муръ, однако, вмѣстѣ съ критикомъ Джеффри, отозвались неодобительно объ аффектаціи, наивности и искусственности паэоса. Съ «Хризабелю» въ лицѣ злой феи, которая все губить, въ первый разъ вошло въ англійскую литературу демоническое начало. Первая часть появилась въ 1797 г., вторая не ранѣе 1800 г., причемъ и первая часть подверглась значительной переработкѣ. Кольриджъ передъ 1800 г. путешествовалъ по Германіи съ Вордсвортомъ и познакомился съ романтическою нѣмецкою поэзіей и культомъ ея среднихъ вѣковъ.

Въ поэмѣ «Старый матросъ» еще болѣе искусственной наивности. Трое гостей, приглашенныхъ на свадьбу, на улицѣ заслушались разсказа стараго матроса о страшномъ и фантастическомъ событіи. Матросъ убилъ альбатроса, который въ бурю нашель пріютъ на кораблѣ. Бури и всевозможныя бѣдствія постигали корабль, пока экипажъ не избилъ до полусмерти матроса нарушившаго право гостепріимства и не обрекъ его на участь паріи. Содержаніе фантастично до нелѣпности. Матросъ убилъ альбатроса, самъ не зная зачѣмъ, безъ малѣйшаго повода, даже не было и порыва животной жестокости. Сверхъестественная сила мститъ безошадно цѣлому экипажу за смерть птицы, хотя и неизвѣстно, почему птица эта священна. Главная сила

въ этой балладѣ—вѣяніе моря, проникающее ее, и яркость картинъ бѣдствій на морѣ. «Свѣжесть вѣтра, пѣнистые гребни волнъ, грозные туманы и жаркій мѣдно-красный вечерній небосклонъ съ его кровавымъ солнцемъ—всѣ эти элементы поэмы—элементы природы,—говоритъ Брандесъ—и всѣ бѣдствія—гибель поглощенныхъ моремъ, голодъ, сжигающая жажда, побуждающая сосать кровь изъ собственной руки, блѣдныя лица, ужасающее предсмертное хрипѣніе, страшная медленная гибель—всѣ эти элементы, элементы дѣйствительности и изображены со всею натуралистическою силой англичанина».

Англійская публика, приученная къ морали лэкистовъ, искала морали въ «Старомъ матросѣ». Юліанъ Шмидтъ находилъ поэзію Кольриджа, какъ и лэкистовъ, вообще лишенною опредѣленнаго смысла, *Geschichten ohne Pointe*. Фрейлихграуъ возразилъ ему, что есть мораль въ страшной казни за убійство, но что для этой морали не стоило строить всю страшную механику фантастичности. Одна часть англійской критики того времени много занималась вопросомъ: неужели вся мораль поэмы въ томъ, что не слѣдуетъ убивать альбатроса; а другая доказывала, что недостатокъ произведенія заключается въ недостаткѣ здоровой морали дѣйствительной жизни.

Кольриджъ какъ нельзя лучше сознавалъ недостатки своей поэзіи: національный юморъ англичанина открывалъ ему глаза на всю неестественность и ходульность романтизма балладъ, легендъ и т. п. Объ отношеніи поэта къ его балладамъ рассказываютъ слѣдующій характеристическій анекдотъ. Одинъ диллетантъ поэзіи просилъ кого-то изъ друзей Кольриджа представить его поэту, но получивъ позволеніе, выразилъ колебаніе и сознался, что онъ авторъ эпиграммы на «Старога матроса», которая—де сильно раздражила поэта. Кольриджъ завѣрилъ своего друга, что если эпиграмма хороша, то это только усилитъ желаніе его познакомиться съ авторомъ. Представленіе автора эпиграммы Кольриджу состоялось и, къ величайшему удовольствію Кольриджа и удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, оказалось, что авторъ былъ самозванный, а эпиграмма, приписываемая имъ себѣ, принадлежала никому иному, какъ самому Кольриджу, который анонимно помѣстилъ въ «Утренней Почтѣ» нѣсколько строкъ остроумной и ѣдкой

насмѣшки надъ собственною поэмой. Сверхъ того, Кольриджъ написалъ три сонета, въ которыхъ осмѣивалъ слезливый эгоизмъ новаго литературнаго направленія, и трескучія фразы которыхъ были взяты изъ его собственныхъ прославленныхъ стихотвореній. Это уже нѣчто иное, чѣмъ трезвое и безпристрастное отношеніе къ себѣ—признакъ здраваго ума и чуткой совѣсти,—это надорванность и непоследовательность романтика: если мой трудъ въ моихъ глазахъ такъ нелѣпъ и забавенъ, ясно,—долгъ честнаго человѣка—выбрать другой родъ труда; въ Кольриджевскомъ отношеніи къ собственному труду высказывается насмѣшка надъ жизнью и собою, то настроеніе, въ которомъ все въ мірѣ кажется глупою шуткой. Не эти мотивы породили отрицательное отношеніе Гоголя къ «мертвымъ душамъ»; то было ослѣпленіе человѣка, искавшаго истину. Кольриджъ, нечаятая анонимно эпиграммы на свои лирическія баллады, продолжалъ писать такія же баллады. Такое отношеніе—нерашливость литературной совѣсти.

Кольриджъ представляетъ замѣчательный примѣръ того, какъ романтизмъ видоизмѣнился въ практической Англіи подъ вліяніемъ трезваго характера англичанъ. Поэтъ этотъ болѣе, чѣмъ другіе, имѣлъ право на названіе романтика; фантастическій элементъ въ произведеніяхъ его существуетъ самъ по себѣ, а не какъ символы и аллегоріи, какимъ мы его видимъ у Шелли, Байрона и Гете; тоже онъ существуетъ и не какъ этнографическій и литературно-историческій элементъ, необходимый въ народномъ творествѣ, каковымъ онъ введенъ въ баллады и поэмы Вальтеръ-Скотта. И все-таки поэзія Кольриджа не проникнута фантастичностью, какъ поэзія Тика или Новалиса. Фантастическая струя бьетъ въ поэзіи Кольриджа рядомъ съ натуралистическою и не сливаясь съ нею. Картины бури на морѣ, крушенія и голода экипажа въ «Старомъ матросѣ» могутъ занять мѣсто образцоваго описанія въ любомъ реальномъ романѣ. Ужасъ, возбуждаемый ими, вполне естествененъ. Подобныя же картины у нѣмецкихъ романтиковъ проникнуты ощущеніемъ чего-то страшнаго или чудеснаго, сверхъестественнаго. И еще Кольриджъ въ грезахъ опьяненія оліумомъ искалъ жизни и кончилъ помѣшательствомъ; у него есть прелестныя стихотворенія, соз-

данныя во снѣ. Фантастичность была наноснымъ элементомъ въ англійскомъ романтизмѣ.

Кромѣ этой трезвости, англійскихъ романтиковъ отъ французскихъ и нѣмецкихъ эпохи реакціи отличаетъ своеобразная черта. Даже поэты лѣкиссты, оставившіе по себѣ репутацію самаго тупаго консерватизма, и тѣ воспѣвали свободу не въ одну только пору юношескихъ увлеченій «французскими идеями». Кольриджъ, написавшій въ юности поэму «Франція», и призывавшій волны, облака и лѣса въ свидѣтели своей любви къ свободѣ, и въ старости упоминаетъ о ней въ душеспасительныхъ брошюрахъ своихъ; Вордсвортъ посвятилъ свободѣ два большихъ отдѣла своихъ стихотвореній. Брандесъ справедливо замѣчаетъ, что, при поверхностномъ чтеніи, можно счесть и этихъ поэтовъ за такихъ же апостоловъ свободы, какъ Шелли и Байронъ, «но слово свобода въ устахъ первыхъ означаетъ одно, въ устахъ вторыхъ—другое». Для поэтовъ-консерваторовъ свободой было исконное право Англійи быть ограниченной монархіей, управляемою парламентомъ; право меньшинства предписывать законы большинству и, наконецъ, право cadaго англичанина говорить: «мой домъ,— мой замокъ»,—и не быть арестованнымъ безъ предъявленія причины ареста. Послѣднее право бывало отнято на время торжествовавшей партіей тори, но и она сознавала, что это мѣра рискованная и спѣшила возстановить *statu quo*. Ни у одного изъ англійскихъ поэтовъ-лауреатовъ не найдется ни одного стиха, который бы можно поставить въ параллель съ легитимистскою одой на крещеніе герцога Бордосскаго, написанною въ годы юности Викторомъ Гюго, который призывалъ Бога съ ангелами и архангелами преклониться передъ будущимъ королемъ (*Courbez Vous, c'est un Roi!*). Ни у одного изъ нихъ нѣтъ стиха, называвшаго англійскую конституцію плодомъ нечестія и исчадіемъ ада, какъ называли романтики-легитимисты хартію. Далѣе, свобода, воспѣтая лѣкисстами, имѣетъ много общаго съ свободой, воспѣтою нѣмецкими романтиками; это въ сущности была неподчиненность родной страны чужеземному игу; героями ея были полководцы, побѣдители чужихъ полчищъ, грозившихъ завоевать отечество. Веллингтонъ, Питтъ и Нельсонъ, не смотря на внутреннюю политику угнетенія, которой держались первые два, не смотря на

пятно безчеловѣчія и кровожадности, лежавшее на второмъ, были прославляемы, какъ великіе граждане. «Для поэтовъ-лѣкистовъ гнетъ не былъ гнетомъ, какъ скоро это былъ англійскій гнетъ, — говоритъ Брандесъ, — тираннія не была тиранніей, какъ скоро она была конституціонно-монархическая, а обскурантизмъ не могъ быть обскуратизмомъ, какъ скоро онъ исходилъ отъ протестантской церкви». Шелли и Байронъ понимали подъ словомъ свобода не борьбу противъ чужеземца-завоевателя, они видѣли, какъ часто забравшая въ руки власть пгала во имя свободы, отмѣняя древніе законы, ограждавшіе право гражданъ; они видѣли, какое рабство массъ и политическое, и социальное, скрывалось подъ олигархическою конституціей Англии. Понятіе лѣкистовъ о свободѣ было конкретнымъ понятіемъ о хартіи, обеспечивавшей извѣстныя льготы; оно не мѣшало имъ благодушно слагать хвалебныя оды людямъ, нарушавшимъ хартію подъ прикрытіемъ удобной оговорки о политической необходимости и общественномъ порядкѣ. Понятіе Байронъ и Шелли было отвлеченное: оно было плодомъ широкаго гуманнаго чувства и посылкой на будущее. «Въ свободной Англии ихъ сжигала потребность свободы во всемъ возможномъ, — говоритъ Брандесъ; — свободы мыслить безъ указки протестантскихъ догматовъ; писать, не вилія хвостомъ передъ общественнымъ мнѣніемъ; дѣйствовать согласно съ внутреннею индивидуальностью, не подчиняясь контролю тѣхъ, которые, потому что сами были безличны, являлись самыми громкими обличителями и самыми безпощадными судьями недостатковъ характера, связанныхъ съ самостоятельностью, оригинальностью и геніемъ». Вордсвортъ воспѣвалъ какъ героевъ свободы Андрея Гофера и даже короля шведскаго Густава-Адольфа, который поддерживалъ Бурбоновъ и реставрацію. При этомъ поэтъ превозноситъ Англию и заявляетъ, какъ все французское ему кажется мелко и ничтожно. Свобода Шелли и Байрона была братствомъ всѣхъ народовъ; первый видѣлъ ихъ счастливо протягивающихъ одинъ другому руки въ золотомъ вѣкѣ; второй — стихомъ, полнымъ жгучей ироніи, клеймилъ войну. Вордсвортъ, превознося великихъ людей и великія произведенія Англии, коритъ Францію за то, что она не произвела «ни одного замѣчательнаго типа, ни одного ве-

ликаго ума, и что въ ней такой же недочетъ въ людяхъ, какъ и въ книгахъ». Шелли и Байронъ отдавали честь каждому великому уму, каждому великому произведенію какой бы то ни было страны.

Поэты-лэкисты были застрахованы отъ благородныхъ увлеченій и надеждъ радикальныхъ поэтовъ; но потомство получило болѣе наслажденія и пользы даже отъ ошибокъ любви къ свободѣ послѣднихъ, нежели отъ ограниченнаго пониманія ея первыми».

М. К. Цебрикова.

(Окончаніе будетъ).

ВЪ ГЛУШИ.

(Посвящается П. Н. Галину).

Поля кругомъ! Здѣсь воля и просторъ,
Здѣсь дышется легко, здѣсь сердцу такъ отрадно;
Здѣсь все найдешь, чего усталый взоръ
Средь душныхъ городовъ порою ищетъ жадно.
Тамъ отдохнуть нельзя, тамъ царство вѣчной тьмы,
Весна людьми давно тамъ позабыта;
Тамъ скованы въ цѣпяхъ горячіе умы,
И жаркія сердца тамъ холоднѣй гранита.
А здѣсь... здѣсь тишина и воля, и покой,
Ровнѣй здѣсь сердце будетъ биться...
Приди сюда усталый и больной,
Приди сюда съ измученной душой,
Чтобъ отдохнуть и примириться.

Ф. Филимоновъ.

МИЛЛИОНЕРЪ

Романъ Криспи Муррей.

(Продолженіе)

XV.

Въ началѣ парламентской сессіи этого года, мистеръ Эмили снова появился въ галереѣ нижней палаты, въ качествѣ главнаго репортера газеты «Конституція».—Кто онъ такой? Откуда взялся? Какія его заслуги?—спрашивали себя его собраты съ удивленіемъ и негодованіемъ. Не съумали спятить Баннистеръ (издатель «Конституція»), что предоставилъ такой отвѣтственный постъ какой-то безвѣстной личности? Ожидали, что штатъ стенографовъ «Конституція», подчиненный маленькому человѣчку, подаетъ въ отставку in соgroge, но всего тверже были увѣрены въ томъ, что новый репортеръ «срѣжется». Нашлись доброжелатели, изъ помнившихъ его первый дебютъ въ палатѣ, которые отыскали его прежніе отчеты, пересыпанные промахами, замазанными бойкимъ и хлесткимъ слогомъ. Отчеты эти ходили по рукамъ въ курильной и въ буфетѣ, и давали неистощимую пищу насмѣшкамъ.

Много пришлось бы выстрадать въ это время маленькому Эмили, если бы его высокое мнѣніе о себѣ не облекало его броней, о которую разбивались зависть, иронія и презрѣніе.

— Спорранъ!—кричалъ въ буфетѣ одинъ изъ репортеровъ другому, — я не узнаю васъ: вы въ двѣ недѣли не сказали ни одного остроумнаго слова.

— Не смѣю рта разинуть, — откликнулся Спорранъ; — стоить мнѣ съострить, какъ на другой день я нахожу изувѣченный трупъ моей остроты въ «Конституція».

И все хотело недобрый смѣхъ. Правда, что въ умѣнн поживиться на счетъ чужаго ума нашъ маленькій журналистъ былъ докой; онъ признавалъ право литературной собственности только въ отношеніи къ своимъ произведеніямъ.

Самъ Эмили не только не сомнѣвался въ здоровомъ разсудкѣ Баннистера, но признавалъ за нимъ большое умѣнье отличать людей, а себя считалъ болѣе чѣмъ на высотѣ своего призванія. Чѣмъ больше онъ кралъ, тѣмъ умнѣе казался, а публика не спрашивала, самъ-ли онъ придумалъ все остроумныя слова, которыми былъ уснащенъ его отдѣлъ въ газетѣ.

Когда же сосѣди его въ галлерей начали припрятывать свое остроуміе, онъ уже настолько наметался, что могъ обходиться своими собственными средствами, и Баннистеръ убѣдился, что онъ вынулъ счастливый номеръ изъ журнальной лоттереи, приобрѣтя этого репортера: Эмили былъ исправный, неутомимый работникъ и смѣтливый, ловкій, дальновидный журналистъ. Задавшись цѣлью составить себѣ карьеру, онъ никогда не упустилъ ни малѣйшаго случая къ тому. Ему немного нужно было времени на то, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ многимъ изъ членовъ палаты. До него сатирическіе отчеты о засѣданіяхъ появлялись обыкновенно только въ лондонскихъ корреспонденціяхъ еженедѣльных провинціаль-ныхъ газетъ, Эмили же не боялся дразнить льва въ его берлогѣ, и, если нажилъ себѣ этимъ враговъ, за то приобрѣлъ и поклонниковъ. Палата общинъ любитъ смѣяться, и любитъ тѣхъ, кто ее смѣшитъ. Эмили вскорѣ сдѣлался *persona grata* для многихъ изъ членовъ, а такъ какъ при этомъ онъ въ совершенствѣ вла-дѣлъ собою и быстро усвоивалъ тонъ и манеры того круга, въ который попадалъ, то онъ уже чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ, въ своей новой сферѣ.

Совершенною противоположностью ему являлся въ своей сферѣ Болсоверъ Климберли, занимавшій теперь мѣсто въ палатѣ въ качествѣ представителя Голлоубя. Чтобы быть какъ можно менѣ замѣтнымъ, онъ забрался въ самый уголъ, у стѣны, подъ гал-лерей перовъ. Однако, все же онъ сознавалъ себя крупнымъ соб-ственникомъ и приходилъ въ энтузіазмъ при мысли, что и онъ тоже поддерживалъ извѣстное знамя: земельные интересы. Въ душѣ онъ еще болѣе прежняго сочувствовалъ бѣднымъ классамъ, но судьба бросила его въ ряды людей, призванныхъ подавлять наплывъ демократіи, и онъ до того увлекался иногда своею ролью подъ вліяніемъ краснорѣчія ораторовъ, что смѣло кричалъ: «Слу-

шайте! слушайте!»—если быль увѣренъ, что за общимъ крикомъ голосъ его не будетъ слышанъ.

Онъ многимъ нравился, не смотря на свою застѣнчивость и шутовской костюмъ. Въ немъ угадывалась неалобивая душа, неспособная ни на какую каверзу. Къ тому же не было члена, болѣе послушнаго своей партіи, чѣмъ онъ; онъ геройски высиживалъ въ палатѣ безконечные часы, чтобы не ослаблять уходомъ своей партіи, напрягалъ всѣ силы, чтобы не дремать, и даже зѣвотъ поддавался лишь тогда, когда не оставалось другаго выбора, какъ умереть или зѣвнуть.

Онъ часто встрѣчался въ корридорахъ палаты съ Эмили и всякій разъ жалъ ему руку и робко освѣдомлялся объ его здоровьи. Тотъ относился къ нему покровительственно, но Болсоверъ не обижался этимъ: «Что онъ значитъ передъ мистеромъ Эмили, передъ этимъ умнымъ молодымъ человѣкомъ, который пишетъ въ газетахъ»? Журналистъ, съ своей стороны, видѣлъ въ Кимберли любопытный экземпляръ, представлявшій множество тѣхъ внѣшнихъ черточекъ, которыми питалась его сатира. Онъ успѣлъ уже достаточно изучить его и могъ бы написать блестящую импровизацію съ помощью этихъ матеріаловъ, если бы Кимберли какии-нибудь чудомъ заставилъ говорить о себѣ.

Кто-то внушилъ послѣднему мысль сдѣлаться собственникомъ газеты, «чтобы руководить общественнымъ мнѣніемъ», и Кимберли, ничего не смыслившій въ журналистикѣ, разумѣется, прежде всего подумалъ объ Эмили. Онъ видѣлъ, какъ прыскали со смѣху его сосѣди, читая отдѣлъ Эмили въ «Конституціи», и заключилъ изъ этого, что лучшаго редактора газеты, чѣмъ этотъ умный джентльменъ, нельзя и желать.

Какъ-то разъ, встрѣтивъ его въ корридорѣ, миллионеръ не смѣло оставилъ его и зазвалъ въ чайную комнату, гдѣ въ ту пору никого не было. Тамъ онъ открылъ ему свой новый планъ.

— Мнѣ нуженъ вашъ совѣтъ, мистеръ Эмили,—началъ онъ, когда они сѣли.

Мистеръ Эмили, пронизавъ собесѣдника пытливымъ взглядомъ, тряхнулъ головой, надъ которою смѣло торчала щетка волосъ, и скрестилъ ноги.

— Я подумываю издавать еженедѣльную газету.

— Да?—проговорилъ Эмили.—Какого направленія?

— Направленія.. направленія...

— Конституціоннаго, конечно,—подсказалъ Эмили.—Но вакого рода газету: литературную? общественную? художественную?

— Хорошо бы литературную и художественную, — сказалъ миллионеръ. — Мнѣ хотѣлось бы, чтобы въ ней писали самыя умные люди.

Мистеръ Эмили кивнулъ, продолжая наблюдать собесѣдника и поглаживать свой подбородокъ.

— Очень радъ, что вы обратились ко мнѣ, мистеръ Кимберли,—началъ онъ послѣ минутнаго раздумья. — У меня есть свой планъ на этотъ счетъ, и я не привожу его въ исполненіе только по недостатку денегъ. Я имѣю возможность пользоваться совершенно исключительными источниками свѣдѣній, которые могутъ быть золотою жилой для газеты. Политическое направленіе, разумѣется, безразлично...

— Ахъ, нѣтъ... какъ же такъ...—перебилъ Кимберли.

— Не для васъ, конечно, и не для меня, — отрывисто пояснилъ Эмили, — а для успѣха газеты. Тѣ источники, о которыхъ я говорю, могутъ служить какъ торіямъ такъ и вигамъ.

— Я васъ не понялъ, — съ облегченіемъ сказалъ Кимберли. — Какъ же можно жертвовать своими политическими убѣжденіями?...

Онъ сказалъ это и покраснѣлъ, до того показалось ему смѣшнымъ съ его стороны претендовать на политическія убѣжденія.

— Обдумали вы подробности?—спросилъ Эмили, — величину, цѣну, день выхода, названіе?...

— Нѣтъ еще, мнѣ нуженъ совѣтъ.

— Названіе—вещь важная... Желаете-ли вы, чтобы я все это обдумалъ?—спросилъ Эмили.

— Сдѣлайте милость; очень обяжете. Позвольте угостить васъ стаканомъ вина.

Отъ угощенія журналистъ отказался, но составить программу газеты обѣщаль.

Фортуна, видимо, благопріятствовала ему; предложеніе Кимберли было такимъ шансомъ, какого и не грезилось маленькому Эмили. До чего онъ не достигнетъ, если у него будетъ въ рукахъ еженедѣльная лондонская газета? Въ деньгахъ у Кимберли не будетъ недостатка. Газета будетъ не какая-нибудь, не дешевый уличный листокъ, а шикарная, циничная, остроумная, сатирическая, которая замую «Розгу» затмитъ. Какой богатѣйшій матеріалъ дастъ ему для этого клубъ мистера Уэблинга!

Въ ближайшую же встрѣчу съ Больсоверомъ, онъ объявилъ, что совѣтуетъ ему издавать шестипенсовую еженедѣльную газету, въ родѣ «Розги», въ которой нашли бы себѣ мѣсто политика ли тература, общественная жизнь, театръ и искусство.

— Какъ вамъ нравится эта форма и это названіе?—добавилъ онъ, доставъ изъ своего портфеля и подавая Кимберли модель первой страницы проектируемой газеты, съ четко написаннымъ заглавіемъ: «Дорога Ж и з н и».

— Превосходно! превосходно!—восхищался Кимберли.

Хотя это было совсѣмъ не то, что онъ предполагалъ, но, по обыкновенію, чужая мысль понравилась ему болѣе своей собственной. Онъ, Большоверъ Кимберли, будетъ покровителемъ литературы, театра, искусствъ!... Его газета будетъ руководить общественнымъ мнѣніемъ, направлять чувства и дѣла публики къ пользѣ и добру!... И сердце маленькаго миллионера таяло въ великодушныхъ мечтахъ.

— Приняться за дѣло немедленно?—спросилъ Эмили, считая за лучшее безотлагательно взять дѣло въ свои руки.—Я долженъ набрать компетентный штатъ.

— Да, пожалуйста... безотлагательно. Не выпить-ли намъ по стаканчику вина?

На этотъ разъ мистеръ Эмили принялъ угощеніе и они выпили за успѣхъ «Дороги Жизни».

Приготовленія къ выходу новой газеты пошли быстро и мистеръ Эмили не скупился на рекламы: Онъ еще не поднялся до той высоты, на которой нѣтъ надобности самому трубить о своихъ достоинствахъ, и потому не стѣснялся рекламировать самъ о себѣ.

Вотъ образчики замѣтокъ по поводу новой газеты, которыя онъ печаталъ, гдѣ только было можно:

«Новая еженедѣльная газета, «Дорога Жизни», будетъ выходить подъ редакцію мистера Уилліама Эмили, быстрые успѣхи котораго въ рядахъ лондонской журналистики дали пищу многимъ, какъ благопріятнымъ, такъ и враждебнымъ ему толкамъ».

«Мистеръ Уилліамъ Эмили, блестящіе отчеты котораго въ ежедневной хроникѣ «Конституціи» произвели настоящую революцію въ слогѣ парламентскихъ отчетовъ лондонскихъ газетъ, согласился взять на себя редакцію новой еженедѣльной газеты, которая начнетъ вскорѣ выходить подъ названіемъ «Дорога Жизни».

«Извѣстіе, что мистеръ Уилліамъ Эмили слагаетъ съ себя обязанности главнаго парламентскаго репортера «Конституціи», принимая должность редактора новой еженедѣльной газеты «Дорога Жизни», лишено всякаго основанія».

Такого извѣстія видѣть и не появилось, но это не помѣшало Эмили напечатать вышеприведенную замѣтку.

— Что пользы въ скромности?—спрашивалъ себя нашъ маленький журналистъ.—Зачѣмъ держать свою свѣчку въ бочкѣ?

Положимъ, что свѣча мистера Эмили была не изъ самыхъ яркихъ, но онъ держалъ ее такъ высоко и окружалъ столькими рефлекторами въ видѣ газетныхъ рекламъ, что блескъ ея сталъ видѣньемъ во всемъ, и люди, смотрѣвшіе издали, начинали считать его высокодаровитымъ человѣкомъ. Спрашивается, могъ-ли бы онъ достигъ этого, будучи скромнымъ.

Мистеръ Сильвестръ, соблазненный выгодными предложеніями, оставилъ «Роугу», чтобы сдѣлаться иллюстраторомъ новой газеты; и многіе изъ лучшихъ лондонскихъ писателей получили приглашеніе участвовать въ ея первыхъ нумерахъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилось въ объявленіяхъ.

Какъ-то разъ Эмили, гуляя по Странду, встрѣтилъ Мэддокса. Онъ брелъ, держа въ рукѣ свою пустую трубку, и новоиспеченный редакторъ замѣтилъ съ перваго же взгляда на его костюмъ, что бывший товарищъ его попалъ въ тиски нищеты.

Эмили, обыкновенно не имѣвшій привычки узнавать своихъ знакомыхъ, если наружный видъ ихъ былъ не достаточно приличенъ, на этотъ разъ отступилъ отъ своего правила и, дружески окликнувъ Мэддокса, подхватилъ его подъ руку.

— Пойдемте, мнѣ нужно съ вами поговорить, — сказалъ онъ ему.

Онъ свернулъ въ одну изъ пустынныхъ улицъ, не желая, чтобы его видѣли съ такимъ потертымъ спутникомъ.

— Что вамъ?—спросилъ Мэддоксъ, наклонивъ къ нему свое блѣдное лицо.

— Мнѣ говорили, что вы можете писать недурные стихи, если захотите,—началъ Эмили.—Попробуйте. Я редакторъ новой газеты—перворазрядной—и мнѣ нужно что-нибудь хорошее. Въ деньгахъ нѣтъ недостатка; я могъ бы пригласить первоклассную силу, если бы хотѣлъ; но мнѣ хочется сдѣлать что-нибудь для васъ, если вы меня поддержите.

— Очень радъ, что встрѣчаю человѣка, который хочетъ что-нибудь сдѣлать для меня,—отвѣтилъ бѣдняга.—Одному Богу извѣстно, какъ я въ этомъ нуждаюсь... Приложу все мое усердіе. Когда вамъ нужно рукопись?

— Къ пятницѣ; и затѣмъ, если работа окажется удовлетворительною, то каждую недѣлю къ этому дню.

Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы отойти, но опять вернулся.

— Примите кстати мой совѣтъ,—сказалъ онъ;—врядъ-ли вы поступаете разсчетливо, говоря всѣмъ и каждому о вашихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; это не подниметь васъ въ цѣнѣ.

— Не всѣмъ и каждому, а только вамъ, какъ старому другу,—возразилъ Мэддоксъ.—Если бы вы знали мою дѣла Эмили, то поняли бы, какъ я долженъ быть благодаренъ вамъ.

— Смотрите же, не запоздайте. Понадобится еще иллюстрировать.

— Какой длины должно быть стихотвореніе?—уныло спросилъ поэтъ.

— Приблизительно въ одинъ столбецъ. До свиданія, я спѣшу. Въ пятницу, въ полдень, вы застанете меня въ редакціи.

Мэддоксъ, оставшись одинъ, свѣсилъ голову, заложилъ руки за спину и задумчиво пошелъ по Странду.

— Каждую недѣлю столбецъ стиховъ,—размышлялъ онъ.—Дворца на это не построишь, но уголь, можетъ быть, будетъ. Какъ северно, однако, голодать, чортъ возьми! Не написать-ли статейку «О физическомъ и нравственномъ вліяніи голода», за подписью Непривычнаго экспериментатора. Северно! Что у насъ сегодня?—среда. Въ воскресенье я ѣлъ, въ пятницу, можетъ быть, опять буду ѣсть, если угожу Эмили; а хорошо поѣвшій человекъ можетъ выдержать голодъ даже двѣ недѣли...

— Здорово, сынъ мой! Куда путь держите?—крикнулъ знакомый голосъ и кто-то дружески ударилъ Мэддокса по плечу.

— А! О'Гэнлонъ!

И молодой человекъ протянулъ руку.

— Идемъ пить!—предложилъ ирландецъ.

— Нѣтъ, благодарю; мнѣ нельзя теперь.

— Нельзя пить!—всричалъ О'Гэнлонъ.—Земля, что-ли, повернула въ другую сторону? У меня есть для васъ анекдоты,—самые свѣжіе, прямо изъ печки. Идемъ, что-ли?

— Дѣло въ томъ, что я былъ все утро занятъ и ничего не ѣлъ,—сказалъ Мэддоксъ, краснѣя.

Эта краска не укрылась отъ пытливыхъ глазъ ирландца, который тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло.

— Такъ позавтракаемъ вмѣстѣ,—предложилъ онъ:—вѣдь и я о же иду завтракать. Иду и думаю: «кого бы мнѣ пригласить»? Я сегодня въ фондахъ. Идемъ же!

Мэддоксъ, смущаемый подозрѣніемъ, что О'Гэнлонъ угадалъ

его нищету, позволилъ, однако, увлечь себя въ ближайшій ресторанъ, гдѣ передъ нимъ явился, немного погодя, сочный бифштексъ съ разсыпчатымъ картофелемъ и кружка пива.

— Вы говорите, что у васъ есть дѣло. Спѣшное оно?—спросилъ О'Тэнлонъ, когда принадлежности завтрака были убраны со стола.

— Не особенно спѣшное, но отъ него зависитъ постоянное занятіе, поэтому нужно сдѣлать его хорошо.

— Можете вы пожертвовать двумя часами, чтобы заработать двѣ гинеи?—спросилъ ирландецъ.—У меня столько дѣла, что хоть разорваться. «Авось Богъ проститъ мнѣ эту ложь, — подумалъ онъ;— вѣдь, иначе нельзя помочь этому бѣднягѣ».

— О, конечно!—обрадовался Мэддоксъ, не подозревая уловки.— Признаться, я даже очень радъ этому случаю.

Теперь, когда онъ имѣлъ въ виду получить деньги, ему не было такъ стыдно сознаться, что у него ихъ нѣтъ.

— Мнѣ нужно, чтобы вы написали за меня передовую статью, которую я поставляю разъ въ недѣлю на одну провинціальную газету.

Онъ объяснилъ, какого рода статья нужна ему и, зазвавъ Мэддокса къ себѣ, предложилъ ему заняться въ его кабинетѣ. Тотъ, будучи въ ударѣ отъ неожиданнаго поворота фортуны, лихо настроичилъ статью и получилъ двѣ гинеи вмѣстѣ съ живѣйшими выраженіями признательности.

Сытый, веселый вернулся Мэддоксъ въ свою жалкую нору въ одномъ изъ невзрачныхъ домишекъ Портлендской улицы, и безстрашно прошелъ мимо квартирной хозяйки, поджидавшей его въ засадѣ. Онъ могъ теперь заплатить ей свой долгъ за двѣ недѣли и у него еще оставалось тридцать пять шиллинговъ. Съ легкимъ сердцемъ и подогрѣтымъ умомъ засѣлъ онъ, на своемъ чердакѣ, за сочиненіе стиховъ, которые нѣсколько разъ переписывалъ и выправлялъ при слабѣмъ свѣтѣ своего ночника. Мэддоксъ не былъ великимъ поэтомъ—великіе поэты рождаются вѣками—но онъ прочелъ массу хорошихъ стиховъ и много лѣтъ упражнялся въ подражаніи имъ. Къ навыку присоединялись горячій темпераментъ и пылкая фантазія, и все это вмѣстѣ помогло ему исполнить заказъ, болѣе чѣмъ удовлетворительно.

Эмили не много смыслилъ въ поэзіи, однако, и онъ одобрилъ произведеніе своего новаго сотрудника; онъ заплатилъ ему гинею и послалъ стихотвореніе въ наборъ. Сильвестръ, которому нужно было иллюстрировать его, пришелъ отъ него въ восторгъ.

— Какъ вы находите, хорошо это для ***?—спросилъ его Эмили, назвавъ извѣстнаго поэта.

— Если это его, то онъ сдѣлалъ успѣхи, — отвѣчалъ художникъ. — Мнѣ до сихъ поръ не нравилось ни одно изъ его стихотвореній.

Эмили оставалось только радоваться своему умѣнью отличать людей, и онъ прикрѣпилъ Мэддокса, въ качествѣ поэта, къ штату новаго изданія. Но за этимъ исключеніемъ, большую часть журнала наполнялъ онъ самъ, хотя издателю приходилось платить особое жалованье не только ему, за его редакціонные труды, но также извѣстному капитану Карру, за его отчеты о военныхъ дѣлахъ; извѣстному мистеру Бернону, за хронику общественной жизни, и еще двумъ-тремъ другимъ, «извѣстнымъ» хроникерамъ и репортерамъ, которые всѣ помѣщались въ одной парѣ платяна съ мистеромъ Эмили и сидѣли въ одномъ съ нимъ креслѣ за однимъ и тѣмъ же письменнымъ столомъ. Какъ-то разъ Кимберли пришла мысль угостить обѣдомъ весь свой редакціонный штатъ. Можно себѣ представить, въ какомъ состояннн духа находился Эмили, пока ему не удалось отговорить своего принцепала отъ его затѣи.

Эмили не видѣлъ ничего предосудительнаго въ такой системѣ веденія дѣла, какъ не видѣлъ ничего предосудительнаго въ пивемъ своемъ къ маіору Герду; онъ никогда не сдѣлалъ бы поступка, который считалъ бы безчестнымъ. Онъ презиралъ людей, которые не платятъ своихъ долговъ или мотають деньги, хотя бы на добрыя дѣла. Самъ онъ никогда не дѣлалъ долговъ и жилъ скромно и расчетливо, не смотря на то, что доходы его росли такъ же быстро, какъ и репутація.

Газетѣ, разуиѣется, нуженъ былъ кассиръ, а отъ кассира не могъ укрыться способъ веденія газеты. Онъ ничего не говорилъ объ этомъ издателю, но въ бесѣдахъ своихъ съ Сильвестромъ обсуждалъ образъ дѣйствій редактора довольно свободно.

— Слушайте, Эмили, — сказалъ однажды Сильвестръ, рисуя въ кабинетѣ редактора иллюстрацію къ стихамъ Мэддокса;—вы не увѣрите меня болѣе, что эти стихи пишетъ ***. Не можетъ поэтъ его возраста такъ измѣнить своей манеры.

Эмили, сидѣвшій за своею конторкой на подвижномъ табуретѣ, повернулся и, прищурясь, посмотрѣлъ на художника. Это былъ часъ его завтрака и онъ держалъ въ одной рукѣ аптечный пузырекъ, наполненный хересомъ пополамъ съ водой, а въ другой

сандвичъ, который онъ откусывалъ, запивая жидкостью изъ горлышка пузырька.

— Я и не думалъ васъ обманывать,— сказалъ онъ,— это вовсе не *** стихи.

— Такъ чьи же?

— Я нашелъ очень талантливаго человѣка, но нищаго, который поэтому беретъ съ меня дешево,— отвѣтилъ Эмили, съ виднымъ самодовольствомъ.

— А!—сказалъ Сильвестръ, восхищенный наивнымъ сознаниемъ.—Но какъ же его зовутъ?

— Мэддоксомъ,—отвѣтилъ Эмили.

— Кирилль Мэддоксъ! Да это мой пріятель!—вскричалъ Сильвестръ.—Я передамъ ему ваши слова.

XV.

Джэкъ Клэръ сидѣлъ въ креслѣ, вытянувъ ноги и запустивъ руки въ карманы своего шлафрока, и мрачно курилъ. На колыняхъ у него лежалъ измятый и истрепанный номеръ «Розги», вышедшій недѣлю тому назадъ. Молодой человѣкъ только-что прочелъ въ немъ въ пятисотый разъ параграфъ, извѣщавшій о жемолжкѣ лэди Эллы Сантерръ, старшей дочери графа Уиндголя, съ Больсоверомъ Кимберли, эсквайромъ и членомъ парламента. «Трудно рѣшить,—прибавляла сатирическая газета,—кому слѣдуетъ завидовать изъ этой счастливой пары, жениху или невѣстѣ».

Джэкъ, небритый и нечесанный, былъ преисполненъ ненависти ко всему міру. Онъ давно зналъ, съ какою цѣлью этотъ раззолоченный выскочка былъ приглашенъ въ Шольдершотъ-Кэстль, а теперь и весь свѣтъ узналъ это; имя Эллы во всѣхъ устахъ и всѣ произносятъ его съ насмѣшками... Кто могъ бы ожидать, что она окажется такою?.. И можно-ли послѣ этого вѣрить женщинамъ? Онъ благоговѣлъ передъ нею, онъ благословлялъ Бога за такое совершенство физической и нравственной красоты,—а совершенство продается за деньги!.. Такая профанация его святыхъ казалась ему до того ужасною, что, думая объ этомъ, онъ чуть не сходилъ съ ума. Горько—любить безъ надежды, но въ тысячу разъ горше—презирать того, кого любишь.

Въ то время, когда Джэкъ сидѣлъ, погруженный въ свои безотрадныя мысли, кто-то постучался къ нему въ дверь.

— Войдите!—крикнулъ онъ.

Вошелъ лордъ Монтекютъ. Джэкъ, думая, что это слуга, не

оборачивалъ головы, пока братъ его не положилъ руку на его плечо.

— Какъ поживаешь, Джэкъ?

— Это ты! — отвѣтилъ Клэръ, протягивая руку. — Что скажешь?

— Я прѣхалъ узнать, отчего ты не отвѣчаешь на мое письмо, — сказала Монтэкутъ, заботливо всматриваясь въ лицо брата.

— На какое письмо? — спросилъ тотъ.

— Вотъ на это, — отвѣтилъ милордъ, беря съ каминна письма. — Да оно и не распечатано!

— Оттого, должно быть, и отвѣта не было, — замѣтилъ Клэръ съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Что съ тобою, Джэкъ? — спросилъ Монтэкутъ, вставъ противъ брата и глядя ему прямо въ лицо.

— Скажи лучше, что съ тобою: ты точно съ похоронъ?

— Я и то съ похоронъ, — печально отвѣтилъ милордъ.

— Какъ! что? — вскричалъ Джэкъ, блѣднѣя.

Ему пришло въ голову, что нераспечатанное письмо извѣщало его о страшномъ семейномъ горѣ.

— Сегодня хоронили леди Ильдгемъ. Я переслалъ тебѣ приглашеніе на похороны въ этомъ письмѣ. Послѣ похоронъ читали ея духовное завѣщаніе. Она оставила каждому изъ своихъ племянниковъ, кромѣ тебя, по тысячѣ фунтовъ, а все остальное, — пятнадцать тысячъ фунтовъ въ трехъ-процентной рентѣ, — завѣщано тебѣ. Ты былъ ея любимцемъ.

— Какъ жаль, что я не зналъ объ ея смерти!.. Она была добрая старушка, — сказалъ Джэкъ тономъ раскаянія.

— Очень жаль, это имѣло видъ неуваженія къ ея памяти... Да у тебя тутъ цѣлая пачка нераспечатанныхъ писемъ... И какой у тебя видъ!.. Пять часовъ, а ты еще не одѣтъ и не выбрить... Да что съ тобою, наконецъ?

— Ничего, — промычалъ Клэръ, снова углубляясь въ кресло.

— А!.. вотъ это!.. — сказалъ милордъ, поднимая упавшій на полъ номеръ «Розги». — Я видѣлъ это извѣстіе, и оно не удивило меня... да и никого, я полагаю. Дѣло естественное.

— Завидую твоей философїи, — мрачно сказалъ его братъ. — Я не такъ легко со всѣмъ примирюсь, какъ ты.

— Я понимаю, что тебѣ должно быть очень тяжело...

И Монтэкутъ съ участіемъ посмотрѣлъ на брата.

— Ну, оставимъ это! — сказалъ Клэръ, вставая.

— Однако, нельзя же такъ опускаться... Ты долженъ стряхнуть

съ себя это... Возьми отпускъ и поѣдемъ вмѣстѣ въ Лондонъ. Это тебя разсвѣтъ... Я схожу къ Герду и поговорю съ нимъ объ этомъ, а слугѣ твоему велю пока укладываться.

— Хорошо, поѣдемъ въ Лондонъ,—согласился Джэкъ. — Кстати, мнѣ нужно справиться тамъ одно дѣло.

— Вотъ и отлично!—сказалъ Монтэкиютъ, не подозрѣвая намереній своего брата.

Они провели дня три въ Лондонѣ, и во все это время Монтэкиютъ почти не видѣлъ Клэра. Тотъ съ утра уходилъ и возвращался только вечеромъ, къ обѣду, а остальное время замыкался въ неприступномъ молчаніи. Тщетно милордъ пытался заговаривать съ нимъ, осторожно спрашивать, какъ онъ провелъ время,—отвѣты были односложные, неохотные, изъ которыхъ ничего нельзя было понять. На третій день, возвратившись ранѣе обыкновеннаго, Джэкъ заговорилъ первый.

— Я уѣзжаю въ Новую Зеландію, Черли,—сказалъ онъ, стоя лицомъ къ окну и глядя на улицу.

— Въ Новую Зеландію?—протянулъ Монтэкиютъ.

— Да; я купилъ тамъ землю,—пояснилъ молодой человѣкъ, не оборачиваясь;—четыре тысячи акровъ. Если хорошо воздѣлать ее и завести на ней рациональное хозяйство, то она будетъ приносить хорошій доходъ. Я самъ, конечно, ничего не понимаю въ этомъ, но я беру съ собою опытнаго агронома. По крайней мѣрѣ, твоимъ дѣтямъ что-нибудь останется отъ меня. Ты, конечно, женишься, Черли, а наши здѣшнія земли далеко не въ состояніи поддерживать блескъ перской короны.

— Ты бросаешь службу?—вскричалъ Монтэкиютъ.

— Я не возвращусь болѣе,—отвѣчалъ его братъ, продолжая упорно глядѣть на прохожихъ, пробѣгавшихъ по улицѣ подъ дождемъ.—Я отпросился въ долгій отпускъ и объяснилъ мои планы Герду. Съ моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ также все устроено.

— Едва-ли ты поступаешь благоразумно, Джэкъ,—сказалъ Монтэкиютъ.—Не слишкомъ-ли опрометчиво?..

— Нѣтъ, я долго обдумывалъ этотъ планъ и рѣшился окончательно, когда ты привезъ мнѣ извѣстіе о наслѣдствѣ.

— А мать?—спросилъ Монтэкиютъ.

— Что же?—отвѣтилъ Джэкъ, поглаживая усы съ притворно-равнодушнымъ видомъ;—вѣдь перенесла же она, когда меня посылали на войну; перенесетъ и это.

Голосъ его былъ твердъ, но губы немного дрожали.

Зачѣмъ ты такъ говоришь? Вѣдь ты не думаешь этого,—горячо возразилъ его братъ.

— Оставимъ это теперь, Чэрли. Поздно! Я поступаю, какъ считаю за лучшее поступить. Я вижу, какимъ проклятиемъ бываетъ бѣдность для людей въ нашемъ положеніи, и хочу попытаться снять это проклятіе съ нашей семьи. Не мѣшай мнѣ, по крайней мѣрѣ, попытаться. Чѣмъ внимательнѣе гляжу я вокругъ себя, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что для празднои аристократіи нѣтъ надежды на поправленіе ея обстоятельствъ, на восстановленіе ея добраго имени. О тебѣ я не говорю: ты законодатель и сельскій хозяинъ, ты достаточно трудишься за твой кусокъ хлѣба.

— А солдатъ развѣ не трудится?

— Да, но трудъ его не производителенъ. Чтобы сравнить относительное достоинство двухъ вещей, нужно спросить себя, безъ которой изъ нихъ легче обойтись. Если бы всѣ солдаты обратились въ земледѣльцевъ, то человѣчество отъ этого только выиграло бы; а если бы всѣ земледѣльцы обратились въ солдатъ, то всѣ перемерли бы съ голоду. Поэтому, я увѣренъ, что никто не проиграетъ отъ того, что я промѣняю шпагу на плугъ.

— Меня очень удивило бы, Джэкъ,—возразилъ Монтэютъ,—если бы всѣ эти радикальныя идеи возникли въ твоей головѣ сами собою; но онѣ навѣяны на тебя личными огорченіями. Ты смѣшиваешь твои сердечныя дѣла съ политической экономіей.

— Дѣло не въ политической экономіи, Чэрли,—сказалъ молодой человѣкъ, отходя отъ окна и останавливаясь противъ брата,—а въ томъ, что я не въ силахъ оставаться въ Англіи. Не могу я долѣе жить здѣсь этою праздною жизнью. Если бы еще представлялся случай уѣхать опять на войну, но такого случая не предвидится. А я чувствую потребность трудиться. Я не могу долѣе оставаться только безвреднымъ, я хочу быть полезнымъ. Но довольно объ этомъ! Предупреди мать; когда придетъ пора прощаться, я приѣду и проведу съ нею день или два.

— Ты не былъ до сихъ поръ упрямымъ,—грустно сказалъ Монтэютъ.—Послушайся моего совѣта: приѣзжай къ матери и поговори съ нею о твоёмъ планѣ; быть можетъ, ей удастся отговорить тебя.

— Этого-то я и не хочу. Дѣло рѣшено, земля куплена, агрономъ приглашенъ...

— Землю можно продать, агроному уплатить отступное.

Но Джэкъ остался непреклоненъ.

— Поѣзжай домой, Чэрли,—сказалъ онъ, когда тотъ замол-

чалъ, истощивъ напрасно все свое краснорѣчіе.—Предупреди мать до моего прѣзда. Приготовь ее смотрѣть на мое рѣшеніе, какъ на непреложное.

— Поѣдемъ вмѣстѣ; она пожелаетъ тотчасъ видѣть тебя.

Сверхъ ожиданія, лэди Монтэкютъ выслушала новость твердо, хотя и со слезами на глазахъ. Когда Джэкъ сидѣлъ возлѣ нея, она встала и положила руки на его голову, благословляя его. Тутъ онъ не выдержалъ: схватилъ эти руки и, опустившись на колѣно, со слезами покрылъ ихъ горячими поцѣлуями.

— Мнѣ тяжело разстаться съ тобою, мама,—сказалъ онъ, нѣсколько успокоившись и опять садясь возлѣ нея,—но я долженъ...

— Поѣзжай, другъ мой,—сказала лэди Монтэкютъ, силясь подавить горе, прозвучавшее въ ея дрогнувшемъ голосѣ. Она знала исторію любви своего сына и понимала, что происходитъ въ его сердцѣ.—Поѣзжай, но не уноси въ душѣ ожесточенія противъ Эдды. Она не виновата...

Джэкъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Она не виновата,—продолжала его мать.—Я это знаю. Она была у меня и объяснила мнѣ все. Она выходитъ за Кимберли не ради его богатства, а ради спасенія своего отца отъ грозящаго ему банкротства. Она великодушно жертвуетъ для отца своимъ личнымъ счастьемъ. Не теряй же вѣры въ человѣчество, не дѣлайся мизантропомъ. Эдда была и остается хорошимъ, благороднымъ человѣкомъ, и ты можешь думать о ней безъ всякой горечи.

— Лучше всего было бы для меня совсѣмъ не думать о ней,—съ усиленіемъ проговорилъ Клэръ.

— Это нелегко для человѣка съ твоимъ характеромъ. Забудешь ты ее не скоро; вѣришь даже, что не забудешь никогда. Но старайся, чтобы воспоминаніе о ней было для тебя отрадой, а не горемъ. Помни, что она исполнила свой долгъ.

— Не такъ я понималъ ея долгъ,—мрачно возразилъ Джэкъ.

— Ты считалъ ея долгомъ думать о собственномъ счастьи, а она предпочла пожертвовать имъ для счастья другаго... Я не подаю тебѣ никакихъ надеждъ... сохрани Богъ!.. Но я могу сказать тебѣ, что не одинъ ты несчастливъ.

Подтверженіе этихъ словъ, не принешихъ, впрочемъ, большаго утѣшенія Джэку, явилось воочию вскорѣ послѣ этого разговора. Повѣренными покойной лэди Ильдгэмъ были гг. Бэддъ, Беттеръ и Бэггъ, и Джэкъ долженъ былъ обратиться въ ихъ контору, чтобы сдѣлать распоряженіе на счетъ оставленнаго ему наслѣдства. Подходя къ дому, гдѣ помѣщалась ихъ контора, онъ

уже издали узналъ стоявшій у подъезда экипажъ лорда Уиндголя. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ идти, пока глаза его не встрѣтились съ глазами леди Эллы, ожидавшей въ экипажѣ своего отца. У Джека замерло сердце. Глаза и лицо молодой дѣвушки говорили яснѣе всякихъ словъ, что происходило въ ея душѣ.

Джекъ приподнялъ шляпу и прошелъ бы мимо, если бы не чуть замѣтное движеніе ея руки, заставившее его подойти къ экипажу.

— Я радъ, что встрѣтилъ васъ, — сказалъ онъ, блѣдный, какъ полотно, но сядясь говорить твердо. — Я уѣзжаю въ Новую Зеландію и едва-ли буду имѣть случай видѣть васъ еще разъ до отъѣзда.

Она взяла его протянутую руку, говоря:

— Прощайте. Дай вамъ Богъ счастья!

Оба дѣлали нечеловѣческія усилія, чтобы казаться твердыми. Въ эту минуту изъ дому вышелъ графъ Уиндголь. Онъ холодно поклонился Клэру, сдѣлалъ какое-то замѣчаніе о погодѣ и сѣлъ въ карету.

— Должно быть, мать моя права: Элла несчастна, — подумалъ Клэръ, проводивъ глазами экипажъ. — Боже мой! Что же мнѣ за радость въ томъ, что она несчастна?...

XVI.

Само собою разумѣется, что тайная печаль, гнодавшая Эллу Сантерръ, не укрылась отъ глазъ ея любящей и проникательной сестры, какъ не укрылась и перемѣна въ обращеніи ея отца съ Эллою. Въ послѣднее время графъ Уиндголь сдѣлался особенно нѣженъ къ своей старшей дочери; въ разговорѣ относился къ ней съ какою-то странною почтительностью, и останавливался иногда на ней глаза, когда она не замѣчала этого, съ выраженіемъ явнаго состраданія.

— Что-то такое творится у насъ, чего мнѣ не говорить, — размышляла Алиса. — Ну, что же, пускай! Я не стану стараться узнавать ихъ секретовъ, если они не удостоиваютъ меня своего довѣрія. Молода ты еще для этого, милая! — иронически утѣшала она сама себя.

Быль октябрь, но погода стояла мягкая, и деревья еще сохраняли свою жидкую осеннюю листву. Элла съ Алисой гуляли по парку. Дѣвушки, свернувъ съ тропинки, шли по сухой травѣ. Въ прозрачномъ осеннемъ воздухѣ, на открытой полянѣ, стройныя, изящныя фигуры ихъ представляли красивый контрастъ.

Элла, блѣдная и серьезная, казалась еще величавѣ обыкновеннаго; плотно сжатые губы носили печать рѣшимости, но выраженіе глазъ было мягкое и кроткое. Алиса была ростомъ ниже сестры и волосы у нея были свѣтлѣе, чѣмъ у Эллы. На свѣженькомъ личикѣ ея, изъ подъ свойственнаго ему плутовато-насмѣшливаго выраженія, сквозила печать природнаго добродушія. Болтая, шла она возлѣ сестры, но болтовня ея не вызывала ни отвѣта, ни улыбки; печальные глаза Эллы разсѣянно смотрѣли впередъ.

— Элла, отчего ты такая печальная? Отчего ты такъ перемѣнилась?—спросила, наконецъ, Алиса.—Что съ тобою?

— Я не печальная; можетъ быть, я немного серьезнѣе обыкновеннаго.

— Нѣтъ, не немного, а такъ много, что мнѣ хотѣлось бы обнять тебя и утѣшить, если бы только мнѣ не было такъ обидно, что ты таишься отъ меня.

— Я отъ тебя такую?—возразила Элла.—Ты говоришь глупости. Вотъ и теперь я позвала тебя гулять съ тѣмъ, чтобы сказать тебѣ одну новость. Я выхожу замужъ.

— Ты выходишь замужъ? За кого?—спросила Алиса, обвивъ рукой талю Алисы.

— За Кимберли.

Алиса отскочила отъ нея, какъ ужаленная, и сложила руки съ видомъ неизобразимаго изумленія, почти ужаса.

— Элла!

Тонъ и жестъ не требовали комментаріевъ.

— Боже мой!—вскричала Алиса послѣ минутнаго молчанія,—вѣдь, это моя вина!.. Но могло-ли мнѣ прійти въ голову, что онъ говорить о тебѣ?

— Какъ твоя вина?—спросила Элла, силясь быть твердою.

Алиса передала ей разговоръ свой съ Кимберли, когда тотъ говорилъ ей о своей любви къ одной лѣди, и она дала ему совѣтъ прямо открыться своему предмету.

— Это былъ очень разумный совѣтъ, милая,—успокоила ее Элла.

Алиса бросилась почти истерически цѣловать ее.

— Я знаю, это ты для отца,—говорила она.—Онъ бѣденъ, запутанъ въ долгахъ, и ты хочешь выручить его.

Отрицать это было бы напрасно: Алиса не повѣрила бы.

— Мой долгъ требовалъ этого,—отвѣтила Элла.—Кимберли

сеудилъ отцу девяносто тысячъ фунтовъ, и отецъ уже развязался со всѣми своими долгами

— Да будутъ прокляты эти деньги!—вскричала Алиса.—Возможно-ли, чтобы ты была женой такого человѣка, Элла?

— Кимберли не дурной человѣкъ. Не сама-ли ты постоянно хвалишь его за доброе сердце?

— Это правда... Правда и то, что онъ очень переѣвился съ тѣхъ поръ, какъ мы съ нимъ знакомы,—созналась Алиса, пытаясь заглядить все то, что у нее вырвалось подъ первымъ впечатлѣніемъ.—Онъ былъ такой робкій, неуклюжій, а теперь держать себя совсѣмъ прилично.

Улучшенія эти не радовали Эллу, и она предпочла бы вовсе не говорить объ этомъ предметѣ. Онъ былъ полонъ шиповъ, и кололъ при каждомъ прикосновеніи къ нему; но совершенно обойти его не было возможности. Возвратившись въ замокъ, сестры нашли тамъ жениха. Обыкновенно, Алиса встрѣчала его весело, и только въ ея обществѣ онъ чувствовалъ себя развязнымъ. Присутствіе Эллы опьяняло его восторгомъ, но къ этому восторгу примѣшивалось какое-то подавляющее чувство безнадежной тоски, неподдающейся описанію. Онъ сидѣлъ при ней и молчалъ, уничтоженный и несчастный. Въ такія минуты Алиса была для него незамѣнимою поддержкой; она облегчала его мучительную неловкость, развязывала ему языкъ. Но вдругъ, къ ужасу своему, онъ замѣтилъ, что его союзница измѣнила ему. Онъ почувствовалъ это, едва она вошла въ комнату. На поклонъ его она отвѣтила короткимъ и холоднымъ поклономъ, отъ котораго въ немъ упало сердце; Алиса, навѣрное, стала бы надъ нимъ, если бы знала, какъ онъ былъ несчастливъ въ эту минуту. Отъ самого Уиндголя не укрылась переѣна въ обращеніи ея съ гостемъ, и онъ далъ себѣ слово сдѣлать ей замѣчаніе на этотъ счетъ. Послѣ обѣда, когда мужчины остались въ столовой одни за кофе и сигарами, графъ Уиндголь смазалъ своему будущему зятю:

— Такъ какъ же съ веселями-то, Кимберли? Я вполне цѣню вашу деликатность, но необходимо рѣшить какъ-нибудь этотъ вопросъ.

— Бросьте ихъ въ огонь, милордъ, и не будемъ болѣе говорить объ этомъ,—отвѣтилъ Кимберли, краснѣя какъ ракъ.

— Это невозможно. Кто знаетъ, что можетъ случиться. (У Кимберли застучало сердце и на ладоняхъ выступилъ нервный потъ).—Всѣ мы смертны. И я могу умереть, и вы, и Элла...

— Ахъ, не говорите этого!—вскричалъ Кимберли.

— Однако, милый мой, девяносто тысячъ фунтовъ такая большая сумма, что если... если... если бы дѣло разладилось—я не имѣю повода опасаться этого, но мало-ли, какія могутъ быть непредвидѣнные обстоятельства—если бы это случилось, то я не могъ бы оставить у себя этихъ денегъ.

— Прошу васъ, милордъ, оставимъ это; забудемъ объ этихъ деньгахъ!—сказала Кимберли.—Вы меня такъ облегчите этимъ, боюсь вамъ...

Но понятно, что милордъ не могъ допустить въ этомъ дѣлѣ никакихъ недоразумѣній.

— Послушайте, Кимберли,—началъ онъ,—было бы негѣпо скрывать отъ васъ, что я чуть-ли не бѣднѣйшій перъ въ цѣлой Англiи. Но и у бѣдняка можетъ быть чувство собственнаго достоинства, которое для него дороже денегъ. Отъ родственника я могу принять подобный даръ, но отъ друга... едва-ли. Вы предлагаете сжечь эти бумаги, но подобная иллюминація была бы прилична только въ день свадьбы.

— Какъ хотите, милордъ, но я не считаю болѣе этихъ бумагъ своими, и ужъ такъ или иначе, а имъ суждено сгорѣть. Если бракъ не состоится, и вы возвратите ихъ мнѣ, то я все-таки сожгу ихъ, и уѣду изъ Англiи. Вѣдь, помимо леди Эллы, вы сами, милордъ, были такъ добры ко мнѣ, что мнѣ было бы отрадно служить вамъ этою суммой изъ благодарности за ваши привѣтъ и ласку. Право, никакое другое употребленiе не доставило бы мнѣ столько удовольствiя.

Уиндголь протянулъ руку, думая про себя: «Какого мнѣ еще лучшаго зятя желать? Вѣдь, это благороднѣйшiй человекъ».

— Ну, хорошо, Кимберли,—сказалъ онъ,—мы сожжемъ эти бумаги въ день свадьбы.

Они перешли въ гостинную, къ дамамъ, и съ миллионеромъ опять произошла обычная въ такихъ случаяхъ метаморфоза: онъ сидѣлъ, какъ въ воду опущенный, и не развѣвалъ рта, лишь односложно отвѣчая, когда графъ обращался въ разговоръ прямо къ нему. Наконецъ, Уиндголь всталъ и, подозвавъ къ себѣ младшую дочь движенiемъ глазъ, подошелъ съ нею къ роялю и жестомъ велѣлъ ей играть. Алиса не посмѣла ослушаться, какъ ни подымало ее взбунтоваться, чтобы начать свой походъ противъ ненавистнаго брака. Она должна была сѣсть за рояль спиной къ нареченной четѣ. Уиндголь также сѣлъ подалѣе отъ нея, и погружился въ чтенiе газеты. Алиса играла вальсъ, полный какой-то сладострастной тоски, и музыка-ли, или присутствiе любимой

женщины такъ возбудили Большовера, что у него явилось не-свойственное ему мужество. Самъ не зная, что дѣлаетъ, онъ всталъ и пересѣлъ поближе къ Эллѣ, судорожно цѣпляясь похолодѣвшими пальцами за свою золотую цѣпочку.

— Леди Элла,—началъ онъ, но собственный голосъ заставилъ его вздрогнуть, и рѣчь его пресѣклась.

Элла подвинула на него безжизненный взглядъ. Внезапный приливъ страсти вдругъ точно поднялъ маленькаго человѣчка, и на минуту робость его была побѣждена.

— Леди Элла,—повторилъ онъ,—мнѣ еще не представлялось случая поблагодарить васъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете. Я все еще не вѣрю... Мнѣ кажется, что это сонъ.

— Ахъ, если бы я могла проснуться отъ этого сна!—подумала Элла, но Кимберли не угадалъ этой мысли, и продолжалъ:

— Я не стою васъ, я это хорошо знаю. Но вы не обратили на это вниманія, и не мнѣ напоминать вамъ объ этомъ. Я буду жить только для одной цѣли: для того, чтобы сдѣлать васъ счастливою.

Элла промолчала. Въ эту минуту Алиса обернулась, и, увидѣвъ, что Кимберли наклонился къ ея сестрѣ съ влюбленнымъ видомъ, вдругъ ударила по клавишамъ и, не кончивъ вальса, заиграла что-то шумное и бурное, въ родѣ боеваго марша. Она вообще играла превосходно, но въ эту минуту пальцы ея получили гибкость и крѣпкость стали, и двое изъ ея слушателей были удивлены блескомъ ея игры. Стиснувъ свои бѣлые зубы, она атаковала рояль, точно это была крѣпость.

— Bravo!—вскричалъ графъ, когда она кончила.—Ты у меня настоящая виртуозка,

Алиса не обратила вниманія на комплиментъ, и встала съ протестующимъ видомъ, говоря себѣ: «Не бывать ей за нимъ! Не допущу я этого!»

XVII.

У Алисы Сантерръ было очень доброе сердце, и по понятіямъ своимъ она была даже слишкомъ демократкой для дочери паря. Она никогда не презирала Кимберли и съ самаго начала знакомства почувствовала къ нему жалость за его странную робость и застѣнчивость; а потомъ, узнавъ его ближе, даже подлюбила его. Но Элла стояла въ ея мнѣніи на такой недосыгаемой высотѣ, что одна мысль о томъ, что этотъ маленькій, жалкій человѣчекъ осмѣлился поднять на нее глаза, разомъ сдѣлала его ненавистнымъ Алисѣ. Въ душѣ ея говорила въ этомъ случаѣ, не столько

сословная гордость; сколько идеализация совершенствъ ея сестры. Всякій обыкновенный смертный казался бы ей недостойнымъ ея, и вдругъ Кимберли, смѣшной, жалкій выскочка, осмѣливается мечтать быть ея мужемъ!.. Но, разумѣется, главное, что вооружало Алису противъ этого брака—было положительное сознание, что Элла жертвуетъ собою.

Комнаты дѣвушекъ находились рядомъ и Алиса рѣшилась въ тотъ же вечеръ объясниться съ сестрой. Передъ тѣмъ, какъ лечь спать, она зашла въ ея комнату и сказала горничной, что она можетъ уходить. Элла вопросительно поглядѣла на сестру. На щекахъ Алисы горѣли красныя пятна, глаза ея блестѣли, губы были сжаты съ выраженіемъ рѣшимости.

— Ты хочешь что-нибудь сказать мнѣ?—спросила Элла.

— Не притворяйся! Ты знаешь что,—строго отвѣтила младшая сестра.

— Если знаю, то зачѣмъ же и говорить? — мягко возразила Элла.

— Хочу говорить!—вспылила Алиса.—Элла, неужели ты пойдешь за этого человѣка?

— Оставимъ это, прошу тебя... Это большое счастье для насъ...

— Элла!—вскричала Алиса, всплеснувъ руками.

— Повторяю тебѣ, что это большое счастье.

— Для тебя, Элла?

— Да... И для меня.

Элла почти уже пріучила себя къ мысли, что ей предстоитъ прожить почти всю жизнь съ нелюбимымъ человѣкомъ. Если бы жертва ея была менѣе ужасна, быть можетъ, она не такъ скоро примирилась бы съ ней, но теперь она окончательно порвала со счастьемъ и сказала себѣ разъ навсегда, что ей нечего болѣе ждать отъ жизни. Алиса инстинктомъ угадала это.

— Слушай, Элла,—вскричала она;—если папа приметъ эту жертву, то я потеряю къ нему всякое уваженіе и всякую любовь.

— Молчи, молчи!—строго сказала Элла.—Какъ ты можешь говорить такія ужасныя вещи?

— Мнѣ все равно, ужасны онъ, или нѣтъ,—возразила Алиса,—я говорю правду. Мнѣ нѣтъ дѣла до долговъ отца. Порядочный человѣкъ никогда не продастъ свое дитя, чтобы выпутаться изъ долговъ. Я ненавижу папа! Ненавижу!

— Алиса, опомнись! — вскричала Элла; — ступай въ ту ком-

нату. Я не могу долѣе слушать то, что ты говоришь. Ступай, дитя мое, и постарайся прогнать отъ себя эти гадкія мысли.

Она сказала послѣднія слова болѣе мягкимъ тономъ и наклонилась, чтобы поцѣловать сестру. Но Алиса, въ какомъ-то изступленіи, оттолкнула ее прочь, убѣжала къ себѣ и, бросившись на постель, истерически проплакала половину ночи.

Семья графа Уиндоля всегда была очень дружною, чему, быть можетъ, способствовала самая бѣдность ея. Члены ея не отвлекались другъ отъ друга свѣтскими удовольствіями, которыя всегда вносятъ въ семьи вѣкоторое отчужденіе другъ отъ друга. Эта теплая семейная связь была однимъ изъ лучшихъ утѣшеній для многоиспытаннаго графа. Но теперь онъ вдругъ замѣтилъ, что она нарушилась. Съ нѣкоторыхъ поръ Алиса стала обнаруживать такой явный духъ протеста и даже презрѣнія къ отцу, что тотъ, хотя и подозрѣвалъ причину этого, однако, счелъ за нужное образумить дочь.

Она сидѣла въ библіотекѣ, задумчиво перевертывая страницы какой-то книги, когда вошелъ ея отецъ. Увидѣвъ его, она со стукомъ захлопнула книгу и встала, чтобы уйти. Но графъ притворилъ за собою дверь.

— Сядь, — сказалъ онъ, по наружности спокойно, но съ тайною тревогой въ сердцѣ, — мнѣ нужно поговорить съ тобою.

Алиса осталась стоять и, выставивъ впередъ одну ногу, постукивала ею по ковру съ вызывающимъ видомъ.

— Ты какъ-то странно ведешь себя, Алиса, — началъ ея отецъ; — я не могу, ни одобрить, ни... ни понять твоего поведенія. Я полагалъ, что это капризь, и медлилъ, насколько было можно, дѣлать тебѣ замѣчаніе. Пойми, однако, что моему терпѣнію есть граница; я не допускаю такого обращенія съ отцомъ, какое ты себѣ позволяешь въ послѣдніе дни.

— Что же я сдѣлала, папа? — спросила она, не перемѣняя позы и продолжая постукивать ногой по ковру.

— Я не стану входить въ описаніе твоего поведенія, — холодно сказалъ графъ; — я прошу тебѣ только замѣтить мои слова и получше наблюдать за собою.

— Что же я сдѣлала? — повторила Алиса тѣмъ же тономъ.

— Что ты сдѣлала? — закричалъ графъ, выходя изъ себя, — то, что ты однимъ твоимъ видомъ наносишь мнѣ въ послѣдніе дни безпрестанныя оскорбленія.

— Могу васъ увѣрить, что это не преднамѣренно, — сказала дѣвушка, глядя на отца сверкающими глазами. — Но я еще очень

молода и не успѣла выучиться такъ хорошо, какъ Элла, скрывать то, что я думаю и чувствую.

Эти слова кольнули отца, какъ ножомъ, и сѣрое лицо его стало еще блѣднѣе.

— Ты забываешься!—сказалъ онъ.—Вспомни, хоть изъ уваженія къ самой себѣ, что ты говоришь съ твоимъ отцомъ.

— Я очень хорошо помню это, — отвѣтила она тономъ жестокаго презрѣнія.

Она еще не испытала, что такое бѣдность, необходимость изворачиваться, боязнь банкротства, стыдъ, сдѣлки съ совѣстью. Все это отецъ ея хорошо понималъ, но отъ этого ему было не легче переносить явное презрѣнiе дочери. Тяжелѣе всего было сознанiе, что оно заслужено; графъ Уиндголь сознаналъ, что человѣкъ съ болѣе твердыми принципами и болѣе твердый нравственно, чѣмъ онъ, никогда не принялъ бы отъ дочери такой жертвы, какую онъ принималъ отъ Эллы. Но презирать себя самому и покоряться презрѣнiю другихъ,—двѣ вещи разныя.

Однако, оставлять дѣло въ томъ положенiи, въ какомъ оно находилось, вовсе не входило въ расчеты Алисы, ей слишкомъ дорого стоило бросать подобный вызовъ отцу. Но она чувствовала, что выкажется презрѣннымъ трусомъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, если не выскажетъ всего, что хотѣла сказать. Графъ молчалъ и чтобы скрыть свое смущенiе, подошелъ къ одному изъ книжныхъ швановъ.

— Вы сказали, папа, что не можете объяснить себѣ моего страннаго поведенiя,—начала молодая дѣвушка.

— Алиса,—сказалъ отецъ ея, обернувшись и съ трудомъ сдерживая гнѣвъ,—я не стану продолжать разговора, который ты ведешь въ такомъ тонѣ.

— Я не могу вести его въ другомъ,—возразила она, и голосъ ея невольно дрогнулъ.—Я искала случая поговорить съ вами съ той самой минуты, какъ узнала страшную новость.

Послѣднiя слова вырвались у нея съ рыданiемъ; она не въ силахъ была долѣе сдерживаться.

— Это еще что значить?—закричалъ графъ, всплинувъ;—какая такая страшная новость?

— А такая, что Элла выходитъ за Кимберли,—отвѣтила Алиса, съ презрѣнiемъ поглядѣвъ сквозь слезы на отца.—Ахъ папа, папа! Какъ вы можете принуждать ее къ такому браку?

— Я! принуждать! — вскричалъ несчастный.—Развѣ я принуждалъ ее? Я даже не уговаривалъ. Она приняла предложенiе

Кимберли добровольно, вполне сознавая, какъ выгоденъ этотъ союзъ для обѣихъ сторонъ. Но ты-то, что же?.. Тебѣ-ли разсуждать объ этихъ дѣлахъ?

— Мнѣ, если молчать другіе, — отвѣтила дѣвушка. — Я не стану, молча, смотрѣть, какъ губить жизнь Эллы.

Отецъ былъ уничтоженъ. При другихъ обстоятельствахъ, онъ пришелъ бы въ восторгъ отъ мужества Алисы и преданности ея сестрѣ; но въ этомъ случаѣ дѣло слишкомъ близко касалось его достоинства.

— Еще разъ повторяю, — сказалъ онъ, отворивъ шкафъ и беря на удачу одну книгу, — я не стану продолжать съ тобою этотъ разговоръ.

Онъ похлопалъ книгу, сдулъ съ нея воображаемую пыль, что-бы облегчить себя глубокимъ вздохомъ, и быстро вышелъ изъ комнаты, притворивъ за собою дверь. Но черезъ минуту онъ вернулся. Алиса сидѣла у стола, положивъ голову на руки, и съ отчаяніемъ размышляла о судьбѣ, ожидавшей ея сестру.

— Эти раздоры видимы всему дому, — началъ графъ, — и причина ихъ не можетъ оставаться скрытою. Такъ какъ я не желаю, чтобы мои семейныя дѣла служили предметомъ толковъ въ людскихъ и переднихъ, то требую, чтобы ты перемѣнила свое поведеніе.

Алиса ничего не отвѣтила и отецъ замѣтилъ, что она плачетъ. Онъ вышелъ, но встрѣтивъ у самой двери слугу, сказалъ ему:

— Уорлингъ, я буду теперь въ библіотекѣ. Наблюдайте, чтобы меня никто не тревожилъ въ продолженіи часа.

И вернулся еще разъ къ Алисѣ, чтобы сказать ей:

— Я не велѣлъ никому входить сюда въ продолженіе часа. Надеюсь, что въ это время ты оправилъ себя и одумаешься.

Онъ сѣлъ къ окну, поодаль отъ дочери и, сталъ глядѣть въ паркъ, утѣшая себя въ испытанныхъ униженіяхъ видомъ деревьевъ, спасенныхъ отъ топора, благодаря Кимберли.

Немного погодя, Алиса подняла голову, вытерла слезы и гордо вышла изъ комнаты.

Съ уходомъ ея, графъ почувствовалъ облегченіе и началъ ходить по комнатѣ большими шагами, припоминая подробности неприятнаго объясненія съ младшею дочерью и въ сотый разъ перечисляя всѣ софизмы, которыми онъ успокоивалъ свою совѣсть.

Но какъ онъ ни старался обмануть себя, а не могъ не видѣть блѣдности Эллы, томности ея движеній, ежечасной, ежеминутной

борьбы, которую она вела съ собою, чтобы казаться веселою и попривѣтливо обращаться съ Клиберли, когда онъ приходилъ.

Бѣдный милліонеръ чувствовалъ себя несчастіе прежняго, съ тѣхъ поръ, какъ Алиса стала относиться къ нему съ холодною учтивостію. Шольдершотъ-Кэстль всегда казался ему ледянымъ дворцомъ, а съ тѣхъ поръ, какъ погибъ единственный, согрѣвавшій его тамъ лучъ солнца,—дружелюбная улыбка Алисы,—онъ почувствовалъ себя совсѣмъ одинокимъ и чужимъ въ его стѣнахъ.

(Окончаніе будетъ).

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

По поводу толковъ о взаимныхъ отношеніяхъ «народа и общества».—Къ вопросу о замѣнѣ нынѣшней школы церковно-приходскою.—Идеальныя требованія, предъявляемыя послѣднею. — Различныя основанія, на которыхъ можетъ произойти передача сельскихъ школъ въ вѣдѣніе духовной власти.

«Образованное русское общество есть то, что составляетъ цвѣтъ и украшеніе русскаго народа. Это есть, такъ сказать, мозгъ, которымъ русскій народъ мыслить, есть органъ, посредствомъ котораго онъ заявляетъ міру о своихъ дарованіяхъ, обнаруживаетъ свои способности въ высшей сферѣ жизни, наконецъ, органъ, посредствомъ котораго русскій народъ заявляетъ о своихъ потребностяхъ и нуждахъ, о своихъ печаляхъ и радостяхъ». Это говоритъ, г. Модестовъ. А вотъ что говоритъ другой писатель: «Раздѣленіе труда! Одни заняты умственной духовною, другіе—мускульною работой. Съ какою увѣренностью говорятъ это люди. Имъ хочется это думать и имъ кажется, что въ самомъ дѣлѣ происходитъ совершенно правильный обмѣнъ услугъ». Что же оказывается на дѣлѣ? «Оказалось, что покуда мы спорили, то о самородномъ зарожденіи организмовъ, то о спиритизмѣ и т. п., народу все-таки понадобилась духовная пища, и неудачники и отверженцы наукъ и искусствъ, по заказу аферистовъ, имѣющихъ въ виду одну цѣль наживы, начали поставлять народу эту духовную пищу и поставляютъ ее. Вотъ уже лѣтъ 40 въ Европѣ, и лѣтъ 10 у насъ, въ Россіи, расходятся милліонами книги, и картины, и пѣсенники, и открываются балаганы, и народъ и смотритъ, и поетъ, и получаетъ духовную пищу не отъ насъ,—мы сидимъ и хлопаемъ глазами». Между тѣмъ, все оправданіе людей интеллигентнаго труда заключается въ томъ, что они «мозгъ народа». «Онъ кормитъ насъ, а мы взяли его учить.

Только во имя этого мы освободили себя отъ труда. Чему же мы научили, и чему учимъ его? Онъ ждетъ года, десяти, сотни лѣтъ. И все мы разговариваемъ и другъ друга учи м ѣ и потѣшаемъ, а его мы даже совсѣмъ забыли. Такъ забыли, что другіе взялись учить и потѣшать его, и мы даже не замѣтили этого». Это говоритъ Л. Н. Толстой.

Кто изъ этихъ двухъ писателей вѣрнѣе подмѣтилъ дѣйствительно существующія отношенія между народомъ и образованнымъ обществомъ, мы предоставляемъ судить самому читателю.

Графъ Толстой, говоря это, конечно, имѣетъ въ виду только рабочую интеллигенцію, которая теперь работаетъ отчасти по найму государства, отчасти по найму капиталистовъ, отчасти другъ на друга, но непосредственной связи съ народомъ она въ своей дѣятельности не имѣетъ. Это и есть одна сторона той оторванности, которую отрицаетъ г. Модестовъ. Но г. Модестовъ въ своемъ отрицаніи подобной оторванности общества отъ народа идетъ гораздо дальше, и вмѣстѣ съ «Новостями» признаетъ все общество чѣмъ-то однороднымъ по своимъ интересамъ и одинаково солидарнымъ съ интересами народа. «У насъ слово буржуа, по его мнѣнію, вообще не имѣетъ никакого смысла, и если имъ можно кого-либо называть, то развѣ тѣхъ деревенскихъ кулаковъ, которые, будучи или бывши сами мужиками, высасываютъ кровь народа самымъ безжалостнымъ образомъ, и противъ которыхъ русская печать, почти безъ исключенія, всегда ополчалась горячо и искренно. Другихъ буржуа, если не считать за таковыхъ всѣхъ вообще денежныхъ людей, такъ или иначе эксплуатирующихъ трудъ ближняго, на Руси нѣтъ».

Мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь согласился съ подобною классификаціей, основанною на такомъ признакѣ, какъ образованность. Неужели только необразованный кулакъ есть буржуа, а образованный уже переходитъ въ ряды общества, интересы котораго вполне солидарны съ интересами народа? Намъ кажется, что существеннаго различія между двумя этими группами съ точки зрѣнія ихъ солидарности съ интересами народа вовсе не имѣется. Благодаря этому смѣшенію разныхъ группъ общества въ одну кучу, «Новости» уже совершенно запутываются при изложеніи своихъ дальнѣйшихъ взглядовъ на отношенія между обществомъ и народомъ.

«При видѣ тѣхъ «черныхъ сотенъ», водопроводныхъ, газовыхъ, трактирныхъ и кабацкихъ партій, хлѣбныхъ монополистовъ, сахарныхъ и всякихъ другихъ «отечественныхъ промышленниковъ»,

—заявляютъ онѣ,—которые вторглись въ наши думы и земства и изъ Кунавинскихъ слободъ, и съ ярмарочныхъ торжищъ, проявляютъ свою гражданскую доблесть и политическую мудрость, вся сущность которой сводится къ стремленію, такъ или иначе обобрать карманъ «отечественнаго потребителя», образованнѣйшая часть русскаго общества, дѣйствительно, глубоко чувствуетъ свое изолированное положеніе не только отъ «народа», но и отъ всякаго дѣла».

Какъ видите, здѣсь «образованнѣйшая часть» русскаго общества противопоставляется разнымъ «отечественнымъ промышленникамъ». Все дѣло представлено такъ, будто «необразованная часть» нашего общества обдѣлываетъ всякіе гешефты, а «образованная» сидитъ и сокрушается. Между тѣмъ, для всякаго ясно, что подобное противопоставленіе «образованной» части общества необразованной рѣшительно не отвѣчаетъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ въ перечисленныхъ «Новостями» группахъ «отечественныхъ промышленниковъ» есть столько же образованныхъ людей, сколько и необразованныхъ, а пожалуй, первыхъ еще и больше. Другими словами—«образованная часть» русскаго общества вовсе не можетъ противопоставляться наживающимся на счетъ народа гешефтмахеромъ.

Вторая часть доктрины г. Модестова заключается въ томъ, что это «общество», состоящее, въ сущности, изъ весьма разнородныхъ элементовъ, имѣетъ непреложное право на управленіе народомъ. «Народъ,—говоритъ г. Модестовъ,—есть сила пассивная, управляемая, руководимая, направляемая избранною своею частью, обществомъ». Но если народъ «сила пассивная», если у него есть въ лицѣ «образованнаго общества» социальный «органъ», посредствомъ котораго онъ заявляетъ о своихъ нуждахъ и удовлетворяетъ имъ, то почему же этотъ органъ, какъ заявили «Новости», очутился не у дѣла, почему онъ «глубоко чувствуетъ свое изолированное положеніе не только отъ народа, но и отъ всякаго дѣла», а мѣсто его заняли «отечественные промышленники»? Эти послѣдніе, по словамъ «Новостей», вторглись теперь и въ наши земства и въ думы. Но что касается земствъ, то въ нихъ этотъ элементъ на дѣлѣ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе народъ является, вслѣдствіе разныхъ условій, «силою пассивною». Уже давно замѣчено, что земство съ преобладающимъ числомъ гласныхъ отъ крестьянъ гораздо плодотворнѣе въ своей дѣятельности, не смотря даже на экономическую зависимость большинства ихъ, которая въ значительной степени связываетъ свободу ихъ дѣйствій. Мы

этимъ, конечно, вовсе не хотимъ сказать, что крестьяне ведутъ свои дѣла гораздо лучше безъ помощи «образованнаго общества» и въ ней вовсе не нуждаются. Напротивъ, крестьянство очень нуждается въ руководствѣ со стороны образованнаго общества, въ его знаніяхъ. Но если признавать народъ силой пассивною, то въ чемъ же «образованное общество» найдетъ источникъ для своего фактическаго права на такое руководство?

Надо сказать, что споръ объ «обществѣ», «народѣ» и возможныхъ между ними отношеніяхъ ведется въ средѣ въкоторой части нашей интеллигенціи очень давно. При этомъ спорящіе раздѣлились на двѣ группы, изъ которыхъ одна доказывала право интеллигенціи, во имя «общечеловѣческихъ идеаловъ» и лучше-понимаемыхъ народныхъ нуждъ, на насильственное вмѣшательство въ жизнь народа, другая же такое право отрицала и отрицаетъ. Но въ этой второй группѣ мало по малу начали примазываться люди совершенно другихъ лагерей, которые стали представлять все дѣло чуть-ли не въ такомъ свѣтѣ, что на вмѣшательство въ народную жизнь не имѣетъ права только она — эта спорившая часть интеллигенціи. Рознь между «интеллигенціей» и «народомъ», «испорченность» интеллигенціи признается съ своей стороны столь сильною, что всякое соприкосновеніе ея съ народомъ имѣетъ на послѣдній самое тлетворное вліяніе. Поэтому и всякая работа интеллигенціи на пользу народа якобы приноситъ одинъ только вредъ.

Въ «Новомъ Времени», напр., нѣкто В. П. рассказываетъ намъ притчу о нѣкоемъ деревѣ и легкомысленныхъ бабочкахъ. Дерево, повидимому, въ этой баснѣ должно обозначать наше отечество, листья его — народъ, а бабочки — интеллигенцію. Хотя бабочекъ, рассказываетъ В. П., и расплодилось очень много, хотя подъ ихъ тяжестью и трещали уже вѣтви дерева, но все еще обстояло довольно благополучно, пока легкомысленныя бабочки не «додумались до великой идеи, что рабское прозябаніе ихъ меньшихъ братьевъ — листьевъ дерева, составляетъ позоръ и поношеніе цивилизации. Съ усердіемъ истинныхъ друзей и съ отвагой легкомысленныхъ дѣтей воздуха и страсти, начали они работу подтачиванія стебельковъ, на которыхъ держались еще на деревѣ листья. Вотъ и окончена работа. Но не полетѣли за ними освобожденные братья, а упали къ корнямъ и предались тлѣнію, а само дерево перестало дышать и задохлось».

«Дерево въ моей сказкѣ, поясняетъ г. В. П., погубили не свободные листья-бабочки, и въ своей свободѣ не забывавшіе

интересовъ его корней, и за свою привилегированную свободу считавшіе себя обязанными работать на пользу питанія и въ интересахъ работы этихъ корней, но тѣ безразсудныя бабочки-сентименталки, которыя изъ за идеи (невѣрной и сентиментальной) подточили стебли осѣдыхъ листьевъ и лишили тѣмъ всю организацію нужнаго ей воздуха и, задушивъ дерево, погубили вмѣстѣ съ тѣмъ и себя».

Впрочемъ, когда г. В. П. спускается изъ области фантазіи въ область дѣйствительности, то уразумѣть, какой вредъ нанесла интеллигенція народу, довольно трудно. Здѣсь, напр., говорится и о вліяніи дѣятельности кулаковъ, между тѣмъ, какъ о «сентиментализмѣ» этой категоріи дѣятелей едва-ли можетъ быть какая-нибудь рѣчь. Но въ общемъ все-таки можно отмѣтить нѣкоторыя черты жизни современной деревни, которыя особенно не по душѣ г. В. П. Такъ, ему не нравится разрушеніе прежнихъ патріархальныхъ отношеній между нанимателями и нанимающимися.

«Теперь рабочій,—говоритъ онъ,—нанимаясь, нарываетъ выговорить себѣ всякую свободу, время обязательнаго для него труда (но не его интенсивность), время обязательнаго для себя отдыха, а иногда и цѣлый раціонально санитарный режимъ по указанію корифеевъ медицинской науки. Кабала въ этихъ случаяхъ и въ самомъ дѣлѣ оказывается побѣжденною, но рядомъ съ нею и вмѣстѣ съ нею является и полная невозможность практиковать сельскую работу далѣе приусадебнаго огорода или палисадника. Земля перестаетъ родить хлѣбъ, число скота и птицы убываетъ».

Затѣмъ г. В. П. очень не нравится крестьянское самоуправленіе, дарованіе котораго онъ считаетъ также послѣдствіемъ глупаго сентиментализма. Какая-то барыня, рассказываетъ намъ г. В. П. въ поученіе, велѣла убрать изъ хлѣва любимой коровы «унизительную» солому и замѣнить ее кроватью съ пружиннымъ тюфякомъ, чѣмъ корова осталась, конечно, очень недовольна.

Такимъ образомъ, г. В. П. полагаетъ, что и всѣ блага цивилизаціи также мало пригодны и полезны для народа, какъ коровѣ пружинный тюфякъ. Корова по природѣ своей не можетъ пользоваться пружиннымъ тюфякомъ, точно также и народъ по природѣ своей не можетъ пользоваться благами цивилизаціи, которыя навязываетъ ему «сентиментальная» интеллигенція.

Кромѣ того, этотъ народъ и вполне счастливъ, по увѣренію г. В. П. Только среди крестьянъ есть истинные Сократы и Платоны. «Что нужды, если Сократъ безграмотенъ и не умѣетъ чи-

тать вашихъ книжекъ?.. Что нужды, если Платона покрываетъ рублище и овчина».

«Толкайтесь же въ городахъ и на тщеславныхъ подмосткахъ цивилизаціи,—обращается г. В. П. къ интеллигенціи отъ имени деревни,—хвастайтесь вашими великими успѣхами, здѣсь они не нужны; не нарушайте деревенскаго мира, не общайтесь неопытной молодости чего не дадите и дать не можете, не вносите личной и своекорыстной борьбы туда, гдѣ и такъ много тяготы, и такъ много тяжелой работы. А затѣмъ, сами летайте, пожалуй, хоть за облака».

Вы, конечно, думаете, что г. В. П., являясь яримъ противникомъ «навязыванія» народу непригодныхъ для него благъ цивилизаціи со стороны «сентиментальной» интеллигенціи самъ также далекъ отъ навязыванія народу чего бы то ни было. Но оказывается, что себя этого права онъ никакъ не хочетъ лишиться. Разсуждая, напр., о томъ, что деревнѣ нужна «власть ясная, простая, фактически полезная», авторъ заключаетъ:

«Съ этой стороны англійское приходское устройство, съ добрымъ священникомъ, съ другомъ врачомъ на приходскомъ жалованьи и почтеннымъ судьей, облеченнымъ властью, хотя небольшою, но реальною, извѣстными всему приходу и знающими свой приходъ въ нравственномъ, санитарномъ и экономическомъ отношеніяхъ, представляется и для нашей новой деревни лучшею организаціей, какую только можно придумать». Какъ видите, «блага цивилизаціи» для народа «придумывать» нельзя, а англійское приходское устройство можно.

«Требованія народа», «народное самосознаніе» — эти слова теперь все чаще и чаще фигурируютъ въ числѣ аргументовъ пропагандистами какихъ-нибудь новыхъ мѣропріятій. Фактъ этотъ самъ по себѣ отраденъ, такъ какъ еще не очень давно ни съ «требованіями народа», ни съ «народнымъ самосознаніемъ» никто не считалъ нужнымъ справляться. Тѣмъ чаще, однако, подобная аргументація нуждается въ провѣркѣ, такъ какъ народъ съ его требованіями и самосознаніемъ представляетъ для насъ еще въ значительной степени ту *terra incognita*, при описаніи которой возможны и ошибки, и даже сознательная ложь.

На эту почву «народныхъ требованій» у насъ очень часто, какъ извѣстно, переносится споръ о церковно-приходской и земской школѣ, причѣмъ защитники школъ перваго типа всегда указываютъ, что именно такую школу и требуетъ народъ. «Во время полной власти всѣхъ антинаціональныхъ, т.-е. анти-цер-

ковныхъ вліяній въ нашемъ отечествѣ,—говоритъ г. Горбовъ,—эта церковная (древне-русская) школа продолжала жить въ самыхъ глубокихъ тайникахъ Россіи, въ забытыхъ деревняхъ, въ курныхъ избахъ, поддерживаемая высшимъ инстинктомъ народа; теперь она вышла наружу потому, что русское самосознаніе, долго таившееся, въ послѣдніе года засіяло яркимъ и могучимъ свѣтомъ,—прорвалось наружу».

Затѣмъ, г. Горбовъ увѣряетъ, что народу антипатичны, какъ методы преподаванія, принятыя въ земской школѣ, такъ и самое содержаніе преподаваемого тамъ.

Г. Горбову возражаетъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» нѣкто г. Дашковъ, одинъ изъ бывшихъ правительственныхъ дѣятелей по организаціи земской школы въ Тверской губерціи. «Дѣйствительно-ли прорвалось теперь наружу народное самосознаніе,—спрашиваетъ прежде всего г. Дашковъ.—Какое? Гдѣ? Прямо сознаюсь, не вижу его и не знаю, гдѣ искать его. Въ работахъ-ли по школьному дѣлу въ высшихъ сферахъ духовнаго вѣдомства? Но между народнымъ самознаніемъ и петербургскими административными соображеніями, хотя бы по духовному вѣдомству, связи нѣтъ никакой; это двѣ величины несоизмѣримыя. Онѣ могутъ совпасть, но случайно. Наконецъ, тамошніе дѣятели извѣстны; въ числѣ ихъ нѣтъ никого, кто бы имѣлъ право говорить отъ имени народа, какъ и вообще на Руси въ настоящую минуту ни одинаго такого человѣка не видно. Въ духовной-ли, въ церковной-ли жизни, въ общественной жизни, въ литературѣ, — мы вездѣ равно напрасно станемъ искать выраженія народнаго самосознанія. Дорого бы мы дали, чтобы встрѣтить его, и охотно бы ему подчинились; но повторяемъ, мы не видимъ не только его яркаго и могучаго свѣта, не видимъ самаго слабаго мерцанія его».

Что касается, на примѣръ, методовъ преподаванія, то, по словамъ г. Дашкова, лучшіе учителя церковно-приходскихъ школъ изъ духовенства всегда предпочитали звуковой способъ часослову, крестьяне же относились къ этимъ методамъ враждебно только вначалѣ и то больше благодаря неумѣнію пользоваться ими со стороны многихъ учителей. «Въ одномъ селеніи,—рассказываетъ г. Дашковъ,—гдѣ прежде училъ пономарь по часослову, обученіе грамотѣ по звуковому способу произвело настоящій бунтъ: сходъ окружилъ школу, вызвалъ учителя и съ угрозами требовалъ возвращенія къ часослову. Учитель, изъ недокончившихъ курсъ въ духовной семинаріи, былъ человѣкъ преданный дѣлу и рѣдой

сердечной теплоты. Онъ пошелъ на сдѣлку и уговорилъ нѣсколькихъ родителей дозволить ему обучать ихъ сыновей по своему; для остальныхъ введенъ былъ часословъ». Такимъ образомъ, учитель велъ параллельно, и по свидѣтельству г. Дашкова, посѣщавшаго эту школу, съ одинаковымъ усердіемъ, оба свои отдѣленія—«часословное» и «звуковое». Въ итогъ изъ второй группы трое или четверо къ концу этого перваго учебнаго года явились ночью передъ плащаницу читать по славянски дѣянія св. апостоловъ. На первыхъ дняхъ святой недѣли сходъ опять собрался вокругъ школы, на этотъ разъ съ повинною, и предоставилъ учителю вести дѣло, какъ хочетъ.

«Такую же перемѣну взглядовъ,—разсказываетъ г. Дашковъ,—встрѣчалъ я и по вопросу о школьной дисциплинѣ. При открытіи новаго училища старшки на сходѣ обратились ко мнѣ съ просьбой внушить учителю, чтобы онъ не давалъ ребятамъ баловаться и не жалѣлъ пинковъ. Попался хорошій учитель, который умѣлъ обойтись безъ нихъ; года черезъ три, четыре его замѣнилъ другой, и тотъ же сходъ просилъ уже о смѣнѣ новаго учителя за то, что онъ нѣсколько мальчиковъ выдралъ за уши. Хорошая школа воспитываетъ не однихъ дѣтей и не остается безъ вліянія на взгляды родителей». Какъ на фактъ сочувствія крестьянъ земской школѣ, г. Дашковъ указываетъ и на добровольное участіе ихъ въ расходахъ по содержанию училищъ: «Помимо земскихъ ассигновокъ, сколько домовъ училищныхъ,—говоритъ онъ,—выстроено обществами на свои средства. Затѣмъ, на земскихъ собраніяхъ, по словамъ автора, ему сплошь да рядомъ приходилось слышать нареканія со стороны гласныхъ крестьянъ на то, что «дворяне, получившіе образованіе на казенный счетъ, сами скупаютъ на сельскую школу». Справедливость замѣчанія г. Дашкова подтверждается и тѣмъ, что дѣйствительный размѣръ земскихъ ассигновокъ на народное образованіе почти всегда прямо пропорціоналенъ участію крестьянъ въ земскомъ самоуправленіи. Такъ, напримѣръ, наиболее широкой постановкой земско-школьнаго дѣла отличаются губерніи Вятская, Пермская, Казанская; между тѣмъ, какъ въ губерніи Симбирской, съ исключительнымъ дворянскимъ представительствомъ, на народную школу буквально ассигнуются гроши. «Даже теперь,—говоритъ г. Дашковъ,—при дѣйствительной тяжести многихъ земскихъ смѣтъ, уменьшеніе по этимъ статьямъ проходитъ въ собраніяхъ не иначе, какъ по организованной въ интеллигентныхъ кругахъ агитаціи».

Затѣмъ, если имѣть въ виду ближайшія къ школъ деревни, для дѣтей которыхъ разстояніе не является препятствіемъ, то окажется, что въ земскихъ школахъ отъ 40 и до 80 проц. наличнаго числа дѣтей школьнаго возраста. «Это ли равнодушіе или нерасположеніе къ земской школь?» спрашиваетъ г. Горбовъ. Самый вопросъ о передачѣ школьнаго дѣла въ руки духовенства обыкновенно возбуждается на земскихъ собраніяхъ вовсе не по инициативѣ крестьянъ, и такая передача, если кое-гдѣ и состоялась, то вовсе не въ тѣхъ уѣздахъ, въ которыхъ крестьяне составляютъ большинство сельскихъ представителей.

Такимъ образомъ, фактовъ, подтверждающихъ нерасположеніе крестьянъ къ земской школь, вовсе не имѣется.

Точно такъ же г. Дашковъ, во-первыхъ, считаетъ несправедливыми нареканія на земскую школу за то, что якобы она вноситъ растлѣніе въ крестьянскіе нравы, и во-вторыхъ, не считаетъ какую бы то ни было школу, а въ томъ числѣ и пропагандируемую церковно-приходскую, способною перевоспитать крестьянство. Авторъ припоминаетъ, между прочимъ, что сельская школа была взята изъ вѣдѣнія духовенства и передана министерству народнаго просвѣщенія почти при такихъ же обстоятельствахъ, при какихъ теперь происходитъ обратная передача, т.-е. она сопровождалась обвиненіемъ со стороны свѣтской власти въ томъ, что духовенство «не умѣло уберечь школы отъ вредныхъ вліяній». Но какъ теперь, такъ и тогда обвиненія являются въ сущности ни на чемъ не основанными. Въ училищныхъ совѣтахъ, напримѣръ, въ настоящее время почти всегда есть представители отъ духовенства; они, конечно, могли бы знать о вредномъ вліяніи школы, какъ изъ непосредственныхъ наблюденій, такъ и изъ распросовъ у прочаго сельскаго духовенства. «Между тѣмъ не слышать,—говоритъ г. Дашковъ,—чтобы въ училищныхъ совѣтахъ члены отъ духовенства заявляли о безнравственномъ направленіи училищъ или жаловались на отчужденіе дѣтей отъ церковныхъ службъ. Если во многихъ школахъ хромаетъ преподаваніе закона Божія, то отвѣтственность въ этомъ падаетъ на недостатокъ умѣнія или усердія въ законоучителяхъ и, конечно, этому не радовался ни одинъ совѣтъ». Далѣе, по словамъ автора, «дирекція училищъ, въ точности примѣняя уставъ, держала преподаваніе въ сельскихъ училищахъ на такомъ низкомъ уровнѣ, что собственно оно не могло дать дѣтскому уму никакого направленія. Самый возрастъ учащихся съ распространеніемъ грамотности замѣтно понизился, такъ что теперь возни-

жаетъ вопросъ, какъ-бы не позабыли грамоту дѣти, кончающія курсъ въ 11 лѣтъ и потомъ поступающія въ работу».

Но даже если бы крестьянскіе дѣти находились и большее время въ школахъ, если бы они отдавались туда и въ значительно старшемъ возрастѣ, все-таки отъ школы нельзя требовать, чтобы она создавала людей и выпускала изъ своихъ стѣнъ учащихся именно такими, какими требуется. Прежде, напр., полагали, что такимъ воспитательнымъ орудіемъ можетъ явиться классическая система. Но послѣднія распоряженія министерства народнаго просвѣщенія, безъ сомнѣнія, являются плодомъ сознаваемого безсилія какой бы то ни было учебной системы. Это касается, однако, средней школы, гдѣ продолжительность періода обученія обуславливаетъ и большую возможность воздѣйствія ея на учащихся. Что же можно сказать о народной школѣ, гдѣ дѣти бывають въ совокупности не болѣе полутора или двухъ лѣтъ. Поэтому, всякія точныя программы, особенно съ указаніемъ максимума преподаваемого, г. Дашковъ считаетъ вредными. По мнѣнію его, только «минимумъ программъ, въ которомъ согласиться не трудно, долженъ получить обязательную силу, и именно такъ, чтобы неисполненіе ея со всѣми учениками школы вело за собой удаленіе учителя. Между тѣмъ, у насъ въ программѣ видятъ то, что дозволено преподавать въ школѣ. Преподаваніе чего-либо внѣ программы составляетъ проступокъ со стороны учителя, а на невыполненіе программы смотрятъ сквозь пальцы». Этими программами какъ бы окончательно рѣшается вопросъ, чему и какъ нужно учить народъ. Между тѣмъ, этотъ вопросъ не только въ Россіи, но и гдѣ бы то ни было, не рѣшенъ сколько-нибудь удовлетворительно. «Если мы серьезно хотимъ успѣховъ,—говоритъ г. Дашковъ,—если мы искренно желаемъ добра нашимъ школамъ, мы должны дать возможность разрабатывать это поле и доискиваться—у кого есть новая идея—новой постановки школьнаго дѣла. Необходимо, какъ сказано, обезпечить ученикамъ при всѣхъ этихъ попыткахъ сообщеніе свѣдѣній въ извѣстномъ объемѣ, а затѣмъ—съ Богомъ!—работай, кто можетъ и желаетъ, и чѣмъ больше будетъ самостоятельныхъ и восторженныхъ труженниковъ, тѣмъ лучше для русскаго народа». Необходимо помнить, заключаетъ г. Дашковъ, что «воспитаніе состоитъ не въ примѣненіи программъ и правилъ, а въ нравственномъ вліяніи челоуѣка на челоуѣка; всякая воспитывающая школа будетъ непременно носить отпечатокъ личности учителя, и потому разнообразіе неизбежно. Въ обезличеніи школы заключается главное наше несчастіе за

послѣднія десятилѣтія, и непониманіемъ этой исходной точки объясняется часто добросовѣстное предложеніе воспитательныхъ рецептовъ».

Какіе же рецепты предлагаются, или, другими словами, какія возлагаются задачи на программы лицами, рекомендующими замѣну земскихъ школъ церковно-приходскими? Надо сказать, что большинство лучшихъ изъ нихъ далеки отъ всякаго обвиненія свѣтской школы въ разномъ распространеніи вредныхъ началъ, «въ анти-народныхъ» методахъ обученія и т. д. Они только полагаютъ, что обученіе въ русской православной школѣ должно быть организовано совершенно иначе, чѣмъ въ нѣмецкой протестантской. Между тѣмъ, наши школы являются-де копіей съ нѣмецкихъ. «Русскіе писатели, — говоритъ г. Горбовъ ¹⁾, — полагаютъ, что нѣмецкая педагогика есть общечеловѣческая. Это — заблужденіе и притомъ чрезвычайно пагубное». Въ доказательство же вѣрности своего взгляда, г. Горбовъ приводитъ слѣдующія слова нѣмецкаго педагога Дистервега: «Послѣдовательный католикъ имѣетъ совершенно другой взглядъ на вещи, чѣмъ послѣдовательный протестантъ. Согласно католическому взгляду на вещи, благо жизни, а слѣдовательно, и принципъ воспитанія заключается въ подчиненіи своего существа подъ власть авторитета; вѣра въ истину и власть другихъ, церкви и т. д. есть главный факторъ при опредѣленіи жизни. Протестантъ, напротивъ того, стремится къ собственному убѣжденію, онъ даетъ полное право силѣ субъективнаго, онъ хочетъ только слѣдовать тому, въ чемъ убѣдится доводами разсудка». Поэтому же Дистервегъ полагаетъ, что воспитывать умъ ребенка — можетъ явиться задачей только протестантской школы. Конечно, это грубая клевета на всѣ другія вѣроисповѣданія, которую г. Горбовъ принимаетъ, однако, за чистую монету. «Протестантизмъ отличается отъ православія и католицизма, — говоритъ онъ, — не догматами своими, а основнымъ своимъ принципомъ, признаніемъ полной личной свободы каждаго отдѣльнаго человѣка въ вопросахъ вѣры, какъ и во всѣхъ другихъ». Такимъ образомъ, свобода мнѣній, отрицаемая православіемъ для вопросовъ вѣры, не признается г. Горбовымъ для православныхъ и «во всѣхъ другихъ» вопросахъ, т.-е. даже, напримѣръ, въ вопросахъ науки. Въ примѣненіи къ народнымъ школамъ, свѣдѣнія изъ разныхъ областей науки должны

¹⁾ Задачи русской народной школы. Н. Горбовъ. 1887 г.

быть, вѣроятно, по мнѣнію г. Горбова, основаны исключительно на авторитетѣ учителя и учебника, а не на пониманіи и сознательномъ усвоеніи ихъ учениками. Это педагогическій приемъ, во всякомъ случаѣ, въ высшей степени упрощающій трудъ учителя. Но если, затѣмъ, распространить теорію г. Горбова и на православныхъ ученыхъ, то гдѣ онъ прикажетъ имъ искать якобы требуемыхъ православіемъ авторитетовъ при рѣшеніи всѣхъ вопросовъ?

«Отказаться отъ стремленія развивать,—значило бы для нѣмецкой школы,—говорить далѣе г. Горбовъ,—подписать свой смертный приговоръ. Русская счастлива; она знаетъ слабую мѣру своихъ силъ въ дѣлѣ сообщенія свѣдѣній и развитія и не приходитъ отъ этого въ отчаяніе. У нея остается другая задача, вызванная тѣмъ, что она дѣйствуетъ среди русскаго народа, который есть народъ православный. Поэтому, она должна быть православною, т.-е. церковною школою».

Въ чемъ же заключаются задачи этой церковной школы? Она должна быть, по мнѣнію Горбова, заведеніемъ не учебнымъ, подобно нѣмецкой школѣ, а преимущественно воспитательнымъ, въ которомъ, при этомъ, все воспитаніе основано на религіи. Такъ, учителю слѣдуетъ помнить, что нѣтъ общечеловѣческой психологіи, а «она различна для христіанъ и не христіанъ». «И это потому, что крещеніе и миропомазаніе не обряды, а дѣйствительныя таинства». Изъ нихъ «въ миропомазаніи человекъ получаетъ дары Духа Святаго, которые и даютъ ему силу бороться съ присущимъ ему зломъ, и которыхъ, слѣдовательно, человекъ не миропомазанный не имѣетъ». Затѣмъ, кромѣ таинствъ, «церковь установила еще постоянную церковную жизнь, которая опять-таки имѣетъ свою цѣлью быть постоянною помощію въ жизни слабому, подверженному безчисленнымъ опасностямъ человекѣ. Все въ церковной жизни направлено къ этой цѣли, и годовой кругъ общественнаго богослуженія, и службы на разные случаи, и посты, и т. д., все это должно поддерживать волю человекѣ, напоминать ему о нравственныхъ требованіяхъ, представлять ему примѣры, достойные подражанія, повторять высокія истины христіанства». Церковная школа и должна готовить дѣтей къ участию въ этой церковной жизни. «Опредѣлить обязанности школы въ этомъ отношеніи, по словамъ г. Горбова, очень коротко: учитель и ученики исполняютъ все, что требуетъ церковь, постытятся, при богослуженіи, по мѣрѣ силъ участвуютъ въ немъ, какъ чтеніемъ, такъ

особенно пріемъ, во всѣхъ важныхъ школьныхъ происшествіяхъ прибѣгаютъ къ церкви, и т. д.). Въ учебномъ отношеніи школа должна сосредоточить свое вниманіе на изученіи догматовъ и разъясненій обрядовъ церкви. Такимъ образомъ, «ученикъ, окончившій школу, получаетъ возможность жить полною, сознательною, дѣятельною церковною жизнью и совершенствоваться въ ней».

Не трудно, однако, видѣть, насколько идеальныя требованія, предъявляемыя г. Горбовымъ къ церковно-приходской школѣ, на практикѣ не выполнимы. Дѣло въ томъ, что той церковной жизни, охватывающей всего человѣка, которую рисуетъ г. Горбовъ, въ дѣйствительности не существуетъ. Слѣдовательно, школа должна ее создать. И въ Россіи, и въ западной Европѣ, и въ Америкѣ мы можемъ наблюдать отдѣльныя группы лицъ, стремящіяся построить всю свою жизнь на началахъ религіи, создать дѣйствительную церковную жизнь. Но переустроить на такихъ началахъ жизнь всего народа, конечно, не по силамъ какой бы то ни было школы. Бессиліе школы передъ вліяніемъ самой жизни признается и г. Горбовымъ, пока онъ занимается критикою воспитательныхъ системъ нѣмецкихъ педагоговъ и ихъ русскихъ подражателей. «Естественное мѣсто воспитанія — въ семьѣ», говоритъ ранѣе г. Горбовъ. «Школа помощница семьи». Точно такъ же, нѣсколько ранѣе г. Горбовъ, основываясь на требованіяхъ жизни, признаетъ необходимость давать въ школахъ ученикамъ и нѣкоторое развитіе, и нѣкоторыя свѣдѣнія. «Религіозная жизнь, по его словамъ, есть высшее проявленіе человѣческой жизни, ея вѣнецъ. Она не исключаетъ чисто-человѣческихъ элементовъ, а только даетъ имъ истинный смыслъ. Это касается какъ умственной, такъ и нравственной стороны: первой — потому, что въ обыденной жизни умъ направленъ преимущественно на познаніе земныхъ вещей, второй — потому, что даже формы осуществленія христіанской нравственности подвергаются измѣненіямъ подъ вліяніемъ общественныхъ отношеній, степени и характера культуры и т. д.». Но ни «общественныхъ отношеній», ни «степени и характера культуры» нашего народа, по собственному сознанію г. Горбова, не въ состояніи измѣнить школа. Слѣдовательно, и вся устроенная по образцу, рекомендуемому г. Горбовымъ, «церковная жизнь» школы, не имѣя корней въ дѣйствительной жизни, превратилась бы въ мертвую форму, въ простую обрядность.

Наконецъ, г. Горбовъ, все въ той же полемикѣ съ нѣмецкими

педагогами, указываетъ намъ и на истинныя начала, которыми должны руководствоваться руководители школьнаго дѣла. Школа, говоритъ г. Горбовъ, «старается исполнить требованія отъ нея народа возможно скорѣе и лучше. Слѣдовательно, только эти требованія для нея законъ, а не досужія измышленія лучшихъ людей». Но откуда, въ такомъ случаѣ, г. Горбовъ знаетъ, что задачи, поставленныя имъ для народной школы, согласны съ требованіями народа, а не являются досужимъ измышленіемъ?!

Вопреки мнѣнію г. Горбова, мы полагаемъ, что нельзя ожидать, чтобы церковно-приходскія школы внесли новыя начала въ жизнь народа. Онѣ будутъ дѣлать то, что дѣлаютъ и нынѣшнія школы, съ нѣкоторымъ развѣ измѣненіемъ программы въ пользу усиленія преподаванія закона Божіаго и церковно-славянскаго языка. Но послѣднее измѣненіе, при подчиненіи школъ въ учебномъ отношеніи министерству народнаго просвѣщенія, возможно и при настоящей организаціи школьнаго дѣла. Поэтому же, вопросъ о передачѣ всего школьнаго дѣла въ руки духовенства только намѣчать, рѣшенію же его долженъ, повидимому, предшествовать довольно продолжительный опытъ завѣдыванія духовенствомъ нѣкоторыми отдѣльными школами или всѣми школами, въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, лишенныхъ земскихъ учрежденій. Въ 10-ти неземскихъ губерніяхъ рѣшено, какъ извѣстно, образовывать особыя комиссіи изъ представителей духовной и свѣтской власти, на которыя и возложено будетъ руководство сельскими школами, устройство чтеній, библиотекъ, изданіе книгъ и т. д. Затѣмъ, обнародованнымъ недавно въ «Собраніи узаконеній и распоряженій правительства» мнѣніемъ государственнаго совѣта положено отпускать ежегодно въ распоряженіе св. синода по 120 тысячъ рублей на расширеніе дѣятельности по народному образованію. Но вмѣстѣ съ этимъ новымъ закономъ «предоставлено оберъ-прокурору святѣйшаго синода, совместно съ министерствомъ народнаго просвѣщенія, внести въ государственный совѣтъ представленіе по вопросу о томъ, не окажется-ли болѣе удобнымъ сосредоточить дѣло развитія первоначальнаго народнаго образованія въ одномъ вѣдомствѣ, какъ для наилучшаго направленія этого дѣла по существу, такъ и въ видахъ болѣе цѣлесообразнаго и бережливаго употребленія средствъ государственнаго казначейства, могущихъ быть назначаемыми на потребности первоначальнаго народнаго образованія».

Опытъ, безъ сомнѣнія, покажетъ, возможно-ли такимъ вѣдом-

ствомъ сдѣлать Св. Синодъ. Хотя напередъ уже можно сказать, что безусловное сосредоточеніе завѣдыванія народной школы въ этомъ вѣдомствѣ невозможно. Такъ, чуть-ли не вмѣстѣ съ указаннымъ закономъ обнародованъ былъ и другой, по которому школы Остзейскаго края передаются въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Точно такъ же, вѣроятно, и въ окраинахъ, населенныхъ другими иновѣрцами, сельскія школы не признано будетъ удобнымъ передать въ руки духовенства. Затѣмъ, и во внутреннихъ губерніяхъ есть масса школъ, устроенныхъ для своихъ дѣтей иновѣрцами или раскольниками, наблюденіе надъ которыми останется попрежнему въ рукахъ свѣтской власти.

Что касается самого значенія передачи большинства сельскихъ школъ въ вѣдѣніе духовныхъ властей, то оно не можетъ быть оцѣнено, пока не выработаны самыя основанія, на которыхъ произойдетъ эта передача. Такъ, прежде всего, неизвѣстно, замѣнитъ-ли только Св. Синодъ министерство народнаго просвѣщенія въ дѣлѣ завѣдыванія школами, или же полномочія его будутъ значительно расширены; поручено-ли будетъ духовенству только наблюденіе за преподаваніемъ въ школахъ, или же на него возложено будетъ и самое преподаваніе. Въ послѣднемъ случаѣ, даже по мнѣнію сочувствующихъ церковно-приходской школѣ, дѣло народнаго образованія врядъ-ли особенно много выиграетъ. «Какъ ни желательно было бы,—говоритъ «Кіевлянинъ»,—во многихъ отношеніяхъ, чтобы священникъ былъ въ то же время учителемъ, но въ видѣ общаго правила это рѣшительно невозможно. Не говоря уже о хозяйственныхъ заботахъ, сельскіе священники настолько обременены прямыми обязанностями своими по приходу, что они не въ состояніи взять на себя постоянное учительство. Священникъ постоянно будетъ отвлекаться требоисправленіемъ. Наконецъ, на учебный сельскій годъ, состоящій изъ 4—5 мѣсяцевъ, приходится почти два мѣсяца великаго поста, когда священникъ можетъ, безъ крайняго утомленія, посвящать лишь весьма ограниченное время школѣ. При такихъ условіяхъ только очень немногіе священники, свободные отъ матеріальныхъ заботъ и выдающіеся исключительною энергіей и любовью къ школьному дѣлу, будутъ въ состояніи непосредственно съ успѣхомъ вести школу».

Съ другой стороны, значеніе передачи много зависитъ и отъ того, въ какія отношенія поставлены будутъ новые руководители сельской школы къ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, завѣдывающимъ въ настоящее время хозяйственною стороною органи-

защиты школьного дѣла. Никто не станетъ отрицать, что земства и городскія учрежденія создали у насъ школу и много вообще сдѣлали для правильной ея постановки. Поэтому, будетъ очень жаль, если «сосредоточеніе дѣла развитія народнаго образованія въ однихъ рукахъ» будетъ заключаться также въ устраненіи земскихъ и городскихъ думъ отъ всякаго на него вліянія.

В. Б—чь.

ОБО ВСЕМЪ

Статья Глѣба Успенскаго, вызывающія къ добру и христіанской любви. — Народно-пожиратель, прикрывающійся личиной народничества. — Во что выродилось народничество? — Причины этого вырожденія.

Мы общались въ прошлой книжкѣ поговорить о замѣчательныхъ статьяхъ Глѣба Ивановича Успенскаго въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; эти статьи носятъ общее заглавіе «Мы». Названіе это въ высшей степени удачно и своевременно. Читатель увидитъ во «Внутреннемъ Обзрѣніи» этой же книжки, до какой степени въ послѣднее время это несчастное мѣстоименіе «мы» играетъ роль во всѣхъ вопросахъ нашей жизни и какую печальную услугу оно намъ оказываетъ. Русскій человѣкъ всегда до сихъ поръ былъ весьма скромный человѣкъ; даже болѣе: онъ постоянно рабствовалъ и принижался передъ европейцами, но вдругъ съ нимъ случилась обратная крайность, онъ неожиданно возгородился до того, что готовъ наплевать на весь міръ. Были-ли на это какія-нибудь причины? Конечно, ибо ничто не бываетъ безъ причинъ; еще въ 40-хъ годахъ было нѣсколько молодыхъ хорошихъ людей, которые, — помимо всякаго кваснаго патріотизма, — указывали, что въ европейскихъ порядкахъ далеко не все такъ хорошо, какъ кажется издали; что тамъ существуетъ возмутительное господство капиталиста надъ безземельнымъ обнищальнымъ рабочимъ. Люди, говорившіе это, ука-

звали Россіи возможность другаго пути, заключающагося въ заботахъ о народѣ, въ устраненіи безземелья рабочихъ (пролетариата) и капитализма, однимъ словомъ, въ такихъ экономическихъ реформахъ, которыя спасли бы насъ отъ подводныхъ камней европейской неурядицы. Многие въ этомъ направленіи и было сдѣлано правительствомъ. Напримеръ, освобожденіе крестьянъ съ надѣломъ, участіе крестьянъ въ земскомъ хозяйствѣ, въ собственномъ самосудѣ и въ общемъ судѣ. Рядомъ съ этимъ, люди, проводившіе такіе взгляды, были горячими и разумными поклонниками всего того хорошаго, что есть на западѣ, и между прочимъ, европейской науки, и многихъ сторонъ европейской культуры, и особенно той стороны, которая является неизбежнымъ условіемъ всякаго правильного здороваго развитія человѣческой духовной жизни. Въ 70-хъ годахъ, когда и въ жизни, и въ печати ярче обозначилось возникновеніе у насъ класса людей, аналогичнаго съ европейскою буржуазіей, класса, который уже довольно откровенно отдѣлялъ свои интересы отъ интересовъ класса крестьянскаго и рабочаго, желая себѣ такихъ льготъ, какихъ онъ не желалъ для народа, и не желая народу многихъ такихъ гарантій, которыя считались нужными самимъ правительствомъ, какъ, напр., фабричная инспекція и т. п., — въ это время голоса, вопіющіе противъ европейскихъ экономическихъ порядковъ, усилились, вопросъ о необходимости идти другимъ путемъ, чѣмъ шла Европа, былъ перенесенъ съ экономической почвы на почву національную, на вопросъ объ особенностяхъ русскаго народа, которому-де не по душѣ тяжелые европейскіе порядки. Какъ одинъ изъ аргументовъ въ пользу иного экономического пути, это новое направленіе, назвавшее себя «народничествомъ», имѣло значеніе. Да и по существу въ немъ была извѣстная истина, ибо исторія нашего народа, дѣйствительно, давала полную возможность повести нашу исторію далѣе совсѣмъ инымъ путемъ, чѣмъ

шла Европа. Но къ чему же привели на практикѣ всѣ эти прекрасныя и сами по себѣ справедливыя мысли? Грустно говорить, но они, конечно, не сами по себѣ, а подъ влияніемъ многихъ побочныхъ обстоятельствъ, не только не привели ни къ чему хорошему на практикѣ, — ибо ими никто не воспользовался въ добромъ смыслѣ, — они привели къ большому злу, ибо ими воспользовались въ дурномъ смыслѣ. Нашъ внутренній обозрѣватель упоминаетъ о статьѣ какого-то В. П. въ «Новомъ Времени» и дѣлаетъ изъ нея выписки, но если вы сами не читали этой статьи, вы не въ силахъ себѣ представить, до какой степени дурные элементы нашего общества могли воспользоваться самыми чистыми и свѣтлыми идеями! Мы убѣждены, что «Новое время», которое всегда, повидимому, искренно и сочувственно относилось къ интересамъ народа, помѣстило эту вопіющую, возмутительную статью, не вникнувъ въ ея смыслъ, прикрытый якобы «народническими» фразами! Господинъ В. П. прикрывается, въ самомъ дѣлѣ, аргументами, взятыми изъ словаря наиболѣе симпатичныхъ направленій. Онъ говоритъ объ экономическомъ безобразіи новаго европейскаго рабства, онъ говоритъ объ особенностяхъ нашего народа, какъ земледѣльческаго, но, посмотрите, для чего онъ говоритъ все это? Какую адскую, да, именно адскую мысль скрываютъ эти поддѣлки подъ народничество. Онъ осмѣливается въ концѣ концовъ заявить, что «рабство» есть истинное и должное состояніе нашего народа, что народу, поэтому, не только не нужно образованія, но даже не нужно врачей и медицины, не нужно никакихъ послабленій, никакихъ гарантій его труда, никакихъ гигиеническихъ условий, не нужна даже защита закона! Но я не въ силахъ передавать дальше этой статьи, написанной точно бы подъ диктовку Калигулы. Укажу лишь на одно обстоятельство: подтасовки въ статьѣ черезчуръ явны, чтобы ее считать искреннею и написанною по убѣж-

денію. Нѣтъ, этотъ господинъ зналъ, что дѣлалъ: напр., вопія противъ выборнаго начала, онъ, подтасовывая фактъ, восклицаетъ о «выколачиваніи недоимокъ», или, говоря о вредѣ образованія, онъ вопіетъ о кулакахъ-міроѣдахъ. Вы видите, что это—человѣкъ, знающій свое дѣло: онъ конечно, не могъ забыть, что недоимки собираютъ не лица выборные, а если выборные старосты и старшины являются орудіями взыскателей недоимки, то выборное начало тутъ причемъ? Онъ знаетъ, конечно, что истинное образованіе и кулаки, это два полюса, и не гнушается явно морочить читателей! Но одинъ голосъ такого «дѣятеля», конечно, могъ бы быть оставленъ безъ вниманія. Однако, въ немъ отражаются поползновенія цѣлой группы людей послѣдняго времени, и онъ является только яркимъ и ловкимъ выразителемъ ихъ вождельній, прикрываемыхъ обрывками народническаго и славонфильскаго знамени. Въ какой бы ужасъ пришли умершіе славянофилы, если бы прочли подобный фельетонъ! Но еще большій ужасъ охватываетъ, когда подумаешь, что, когда большая газета печатаетъ такія статьи (если это только не плодъ недомотра), то, стало быть, на нихъ есть спросъ, иными словами,—это взгляды довольно общіе. И въ концѣ концовъ, замѣтите, все это опирается на то же «мы», т.-е. «мы—особенный народъ!» Какимъ же образомъ идеи 60-хъ годовъ, отразившіяся въ «народничествѣ» 70-хъ годовъ, могли переродиться въ «народопожираніе» 80-хъ годовъ? Что такое случилось, что могутъ появляться безъ застѣнчивости,—исключая фиговаго листка, взятаго у народниковъ,—статьи, подобныя статьѣ г. В. П.? Эту причину намъ блестящимъ образомъ указываетъ теперь Глѣбъ Успенскій, хотя не можемъ не припомнить, что мы еще въ началѣ 80-хъ годовъ предвидѣли этотъ поворотъ и много статей посвятили его предупрежденію. Къ сожалѣнію, нашъ голосъ былъ слабъ, да и заглушенъ текущими событіями того времени. Что же говорить Глѣбъ Ивановичъ? Онъ

ярко рисуетъ односторонность направленія всѣхъ нашихъ русскихъ стремленій въ послѣдніе годы; всѣ наши силы были направлены только на отрицательную дѣятельность и никто не задумывался надъ тѣмъ, что, отрицая, искореняя, разрушая зло, надо же и сѣять добро, иначе дойдешь до того, до чего дошелъ г. В. П.; начавъ съ отрицанія зла, онъ такъ увлекся работой отрицанія, что по инерціи дошелъ до пожиранія самой жизни, до пожиранія самого народа, этого носителя всеобщей жизни.

Но откуда явилось это исключительно—отрицательное направленіе русской мысли, дошедшее, наконецъ, до абсурда, до того, что рубить сукъ, на которомъ сидить? Читатель видитъ, что я обобщаю это явленіе, что я вижу этотъ избытокъ отрицанія и полное отсутствіе положительныхъ идеаловъ, положительныхъ насажденій и сѣяній не въ одномъ какомъ-либо направленіи. Это общая бо-лѣзнь наша за послѣднія десятилѣтія, у насъ руки размахались все разрушать, все косить, и въ самыхъ ретроградныхъ идеяхъ сквозить таже тенденція, въ которой мы упражнялись два десятка лѣтъ, совершенно въ другомъ направленіи, забывая, что одно отрицаніе бесплодно, что рыться только въ злѣ и ни о чемъ не думать, ничего не дѣлать, кромѣ того, что отыскивать зло и искоренять его, что это входитъ въ привычку, въ одностороннее развитіе организма и мозга, опять - таки при томъ условіи, если рядомъ съ работой отрицанія и критики, не идетъ работа выработки и укрѣпленія твердыхъ, ясныхъ, положительныхъ идеаловъ добра и правды.

Глѣбъ Успенскій не отрицаетъ, что «мы» обладаемъ извѣстными достоинствами, но эти достоинства не идутъ дальше того момента, когда что-нибудь надо «искоренять». Сперва Успенскій прослѣживаетъ эту «русскую» идею въ нашихъ международныхъ отношеніяхъ, напимѣръ, относительно Болгаріи, и находитъ, что прежде эта идея всѣмъ была ясна, пока дѣло шло объ «освобожденіи» Болгаріи,

г.-с. объ «искореженіи» зла, но теперь, у кого ни спроси, въ чемъ состоитъ «русская идея» въ Болгаріи, всѣ начинаютъ говорить околесицу, толкуютъ о какихъ-нибудь частныхъ фактахъ, столкновеніяхъ, недоразумѣніяхъ, и въ концѣ концовъ совершенно сбиваются, хотя и теперь ему пришлось слышать возгласы о русской партіи, причѣмъ онъ замѣчаетъ:

«Въ числѣ людей, именующихъ себя принадлежащими къ русской партіи, иногда встрѣчаются и иностранцы, «выражающіеся не совсѣмъ порусски, напримеръ: «на са «рушка партій».

Но будемъ говорить объ этой русской идеѣ словами самого Глѣба Ивановича.

«Чтобы читатель могъ самъ «во очію» видѣть,—говоритъ онъ,—при какихъ условіяхъ русская идея могла и «одерживала побѣды,—я приведу ниже самую формулу «этой идеи, высказанную не какимъ-нибудь мечтателемъ «во имя ея, а настоящимъ во имя ея дѣятелемъ, боровшимся за нее и не безъ успѣха. Вотъ какъ эту идею «опредѣляетъ одинъ изъ сотрудниковъ М. Н. Муравьева, «нѣкто г. Зиновьевъ (Якунинъ), дѣйствовавшій вмѣстѣ съ «нимъ во время умиротворенія Западнаго края и написавшій объ этомъ періодѣ своей дѣятельности мемуары, изданные въ 1885 г. подъ названіемъ: «Тѣни прошлаго».

«Перечисливъ всѣ «дурные русскіе элементы», наводившіе Западнй край, г. Зиновьевъ говоритъ: «все это «не составляло собою тѣхъ русскихъ людей, которые явились въ край устроить быть и благо шести милліоновъ «крестьянскаго населенія, обнищавшаго, забитаго и низведеннаго панами до степени рабочаго скота». (189—192).»

«Въ Польшѣ точно,—продолжаетъ отъ себя г. Успенскій,—«существовалъ панъ и существовало быдло; русская идея «приходитъ, освобождаетъ быдло, доведенное паномъ до «степени скота, и укрощаетъ пана. Въ остзейскихъ провинціяхъ также существуетъ баронъ, и существуетъ быдло-

«образный мужикъ; русская идея и здѣсь можетъ прило-
жить свою руку—поднять мужика и укротить барона.
«Азіятскій разбойникъ грабитъ мирныхъ жителей,—русская
«идея идетъ туда и бьетъ хищника, а мирнаго жителя
«охраняетъ. Турокъ и мусульманинъ угнетаетъ христіанина
«и славянина,—идетъ русская идея, выгоняетъ турка, осво-
«бождаетъ христіанина и славянина... Во веѣхъ этихъ дѣ-
«яніяхъ, какъ видите, есть два элемента,—угнетатель и
«угнетаемый,—и вездѣ русская идея стоитъ за угнетаемаго,
«противъ угнетателя, вездѣ быдло, быдлообразный мужикъ,
«просто мужичишко—прямо на сторонѣ представителя рус-
«ской идеи...»

«Но Болгарія (современная, т.-е. освобожденная)—гдѣ
«тутъ быдло и гдѣ тутъ панъ-угнетатель? Кому тутъ по-
«дать «руку помощи»? Былъ панъ-угнетатель, былъ угне-
«татель турокъ, угнетатель вообще и угнетатель въ част-
«ности, въ качествѣ бѣга помѣщика. Но русскіе выгнали
«его,—то же, что случилось, послѣ того, какъ исчезъ
«угнетатель—оказалось неимѣющимъ съ быдломъ, доведен-
«нымъ до степени скота, ни малѣйшаго сходства.»

Намъ скажутъ, что Успенскій самъ увлекся от-
рицаніемъ, самъ опять указываетъ на наше зло
и т. д., но поймите, читатель, что есть разница ме-
жду отрицаніемъ и такимъ указаніемъ зла, которое дѣ-
лается не ради разрушенія и отрицанія, а ради
того, чтобы указать то положительное, къ кото-
рому надо стремиться. Если вамъ встрѣчается че-
ловѣкъ, который говоритъ: не иди по этой дорогѣ, тутъ
волки, не иди и по этой—здѣсь тигры, не иди и по той—
здѣсь змѣи, и не указываетъ никакой иной дороги, вы
придете въ отчаяніе и пойдете назадъ, т.-е. станете раз-
рушать весь трудъ, который вы уже сдѣлали, пройдя часть
пути. Вотъ это—чистое отрицаніе, и оно—зло; оно на-
рождаетъ только отчаяніе и разрушеніе, но если человѣкъ
предупреждаетъ васъ, что на такой-то и такой-то дорогѣ

опасно, а вотъ иди по этой,—то онъ только добрый человекъ, которому надо сказать великое спасибо. Сравните, на примѣръ, то, чего желаетъ народу Успенскій, съ тѣмъ, чего желаетъ ему г. В. П. изъ «Новаго Времени». Успенскій думаетъ о народѣ съ любовью, онъ знаетъ, что народъ заѣдается кулакомъ; ниже мы приведемъ поразительное описаніе такого заѣданія изъ той же статьи; Успенскій серьезно изучилъ дѣло, онъ знаетъ, на примѣръ, что одна изъ причинъ такого заѣданія та, что когда мужику нужно вносить подати, и у него часто денегъ нѣтъ, хлѣбъ или ленъ, или конопля на корню; приходится торопиться продажей, и вотъ является кулакъ и грабить, заключаетъ съ безграмотнымъ невозможныя условія, опаиваетъ его, незнающаго иныхъ развлеченій, кромѣ водки, и пр. Такъ, Успенскій указываетъ на это, какъ на зло, но и видитъ исходъ: вотъ-де въ Болгаріи повинности берутъ продуктами; тамъ-де всѣ грамотные и плохаго условія имъ не подсунешь; кромѣ того, и водкой ихъ не споишь, у нихъ есть уже высшіе интересы, а, стало быть, водка отошла на задній планъ.

Посмотрите же теперь на настоящаго отрицателя, г. В. П. Его совѣты діаметрально противоположны: не нужно грамотности, не нужно даже и такихъ гарантій труда и личности, какія есть, т.-е. это совѣтъ разрушить все, что создано въ теченіи даже не послѣднихъ десятилѣтій, а нѣсколькихъ столѣтій!

Послѣ такого народнаго пожирательства, какою теплотой, какою вѣрой и любовью вѣтъ отъ слѣдующихъ словъ Успенскаго:

«Все дѣло неуспѣха (конечно временнаго) «русской идеи» среди освобожденнаго народа заключается, такимъ образомъ, въ томъ, что размѣры, до которыхъ она дожила «и въ которыхъ она привыкла выражаться на практикѣ, «оказываются требующими дальнѣйшаго развитія и разра- «ботки въ частностяхъ. Идея эта сильна, и практически

«осуществима, встрѣчаясь со зломъ порабощенія и стремясь искоренить его въ ущербъ поработителя. Честь и слава. Но тамъ, гдѣ зла на лицо не оказывается, — тамъ русской идеѣ дѣлать нечего, размѣры ея не такъ велики, чтобы искорененное зло продолжалось распространеніемъ добра.

«Представителямъ этой идеи много дѣла у себя дома. Въ русской жизни никогда не было недостатка въ людяхъ, открыто и смѣло выступавшихъ въ борьбу со зломъ; но передъ нами, кромѣ зла и неправды, есть еще почти нетронутая область добра... Не убавимъ-ли мы зло, направивъ всѣ наши силы на подъемъ въ русской жизни всего, что стремится къ добру, къ свѣту и правдѣ? Поднимемъ благосостояніе народа, исправивъ многочисленныя ошибки въ земельныхъ порядкахъ; устроимъ народный кредитъ, распространимъ грамотность, дадимъ доступъ къ наукѣ въ такихъ широкихъ размѣрахъ, чтобы у насъ всѣ, прикасающіяся съ народомъ учрежденія были современемъ полны людей высшаго образованія, усмиримъ заблуждающуюся молодежь, возложивъ на нее множество обязанностей передъ ходящимъ во тьмѣ народомъ; высвободимъ его изъ рукъ кулаковъ и хищниковъ, расточителей его достоянія... Облагородимъ и возвысимъ наше культурное общество, воскресивъ изъ праха забытыя общественныя обязанности, воскресимъ святость этихъ обязанностей въ думахъ, въ земствахъ, въ судахъ... Оловомъ, станемъ призывать общество къ добру, станемъ ободрять его добрыя стремленія, станемъ всячески поддерживать ихъ, — и, быть можетъ, въ немъ само собой угаснетъ то стремленіе ко злу, которое стало казаться почти неистребимымъ».

«Не пора-ли дать русскому омраченному сердцу возможность жить и другими его сторонами, не пора-ли ему отдохнуть въ ощущеніяхъ добра и добраго дѣла? Вѣдь, еще не пробовали узнать, какъ велико стремленіе русскаго челоувѣка къ добру! Пора попробовать».

Но мы обѣщали привести изъ статьи Успенскаго одну поразительную картину той безпомощности, или, какъ выражается Успенскій, того отсутствія Христа въ толпѣ, которое привело автора къ мысли о необходимости немедленно по христіански отнестись къ народу со стороны всѣхъ насъ, т.-е. интеллигенціи.

«Въ восьми часахъ ѣзды на пароходѣ отъ Херсона «вверхъ по Днѣпру лежить село или мѣстечко Каховка, «Мѣстечко въ высшей степени удобное для ярмарки, и «именно для такой ярмарки, какая бываетъ въ Каховкѣ: «продаются и покупаются здѣсь, какъ и на всякой ярмар- «кѣ, и хлѣбъ, и овчины, и скотъ, и желѣзныя издѣлія, — «все, какъ на всякой ярмаркѣ; но эта торговля ничто въ «сравненіи съ главнымъ каховскимъ товаромъ, — человекомъ, «народомъ, за покупкою котораго и слетаются сюда толпы «охотниковъ».

«Скопленію народныхъ массъ именно въ Каховкѣ спо- «собствуетъ ея чрезвычайно выгодное положеніе. Она де- «житъ на правомъ берегу Днѣпра, близъ станціи севасто- «польской желѣзной дороги, Александровскъ; отсюда хо- «зяева крупныхъ хозяйствъ Новороссійскаго края и Крыма, «безъ особенно большихъ расходовъ, могутъ перевозить пар- «тии рабочихъ какъ въ Крымъ, такъ и по всему Новорос- «сійскому краю по екатерининской дорогѣ. Когда я, оты- «скавъ себѣ за 5 р. въ день какую-то мурью, умылся и «вышелъ на улицу, то мнѣ представилось такое зрѣлище. «По всѣмъ улицамъ, которыхъ, однако, немного, и, главное, «на огромномъ пространствѣ поля, прямо прилегающаго къ «селу, кучи народа. На улицахъ едва оставлено неболь- «шое пространство посрединѣ, чтобы дать дорогу проѣз- «жимъ; по бокамъ же этой маленькой тропинки, въ пять «и въ шесть рядовъ съ обѣихъ сторонъ, кучи, бук- «вально кучи народа, — другаго названія я не могу придум- «ать; посрединѣ кучи людей узлы, пожитки, а кругомъ «нихъ, прислонившись къ нимъ спиной, головой, бокомъ.

«народъ,—мужики, бабы, дѣвушки, парни, подростки. Это «на улицѣ, а въ полѣ—и смѣты нѣтъ... Въ облакахъ пыли «видны безчисленные холмики, какъ маленькія сопки,— «это всё пожитки и люди, люди... Эти люди ждутъ и ле- «жатъ въ ожиданіи своихъ депутатовъ,—не толкаются же «всѣмъ передъ покупателями, а толпы этихъ депутатовъ «въ то же время осаждаютъ постоялые дворы, гостиницы, «гдѣ на крыльцахъ, около крылецъ или посреди постоялаго «двора вы можете видѣть и господъ покупателей».

«Покупатели поминутно подкатываютъ въ Каховку въ «бричкахъ, въ коляскахъ, въ жидовскихъ фургонахъ; боль- «шею частью покупатели—евреи, арендаторы или упра- «вляющіе, при взглядѣ на которыхъ вы именно и чувствуете «только одно—«покупатель народа». Но и господа съ рус- «скими, малороссійскими и иностранными фамиліями произ- «водятъ не лучшее впечатлѣніе. Они галдятъ, хитрятъ, «острятъ съ мужиками, съ бабами, съ дѣвками, искусно «прислушиваются къ цѣнамъ и надъ всѣми ихъ отношеніями «и сношеніями съ народомъ явственно витаетъ только одна «копѣйка серебромъ, холодная, мертвая коммерція, точно «дѣло идетъ не о человѣкѣ, а о палой овчинѣ, которую «также привозятъ въ Каховку».

«Долго ходилъ я между этими кучами народу; народъ «большею частью молодой, чистый, съ славными, осмыслен- «ными лицами. Грамотныхъ между ними иножество, какъ «мужчинъ, такъ и женщинъ. Лубочная книжка, правоучи- «тельный листокъ Кіево-Печерской лавры, а главное разные «условія, договоры, которые они читаютъ, — поминутно «мелькаютъ въ рукахъ этой толпы. «Рабочаго» человѣка, «ободраннаго и оборваннаго, напоминающаго вамъ объ оди- «ночествѣ и сиротствѣ, еще нѣтъ или очень мало въ этой «многотысячной толпѣ (до 30 т.). Это все почти «норь», «выгнанная изъ своей стороны на чужбину нуждой. Жи- «вья, оживленные бесѣды слышатся поминутно,—и какія

«группы прекрасныя, какъ все жизненно, оригинально, искренно»...

«Я долго не могъ понять, отчего это мнѣ какъ-то жутко среди этой тысячной толпы такого симпатичнаго народа. Но вдругъ догадался, что причина этой жуткости ни что иное, какъ оставшееся еще отъ Петербурга впечатлѣніе картины г. Полянова. Тамъ я тоже все смотрѣлъ на толпу, и немногосложно написанная фигура Христа приняла для меня только тогда огромное значеніе, когда я понялъ всю безпомощность и темноту этой толпы. Какое огромное и какое необходимое дѣло—притти въ эту толпу и взять на себя печаль о ея темнотѣ, озаботиться мыслью распутать эти темныя мысли, помочь выйдти на свѣтъ, освѣжить умъ и совѣсть... Не будь Христа и его нѣжнаго сердца,—вѣдь, эти темные люди, съ глупаго разума, убили бы ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Развратить, опозорить человѣка—это ничего, никто въ этомъ не виновать, а когда развратятъ, такъ необходимо убить его. Надо же выпутать темныхъ людей изъ этой ужасной неправды,—и вотъ почему на сердцѣ становится хорошо и тепло при видѣ этой, повторяю, немногосложно написанной фигуры...»

«Жутко, жутко въ толпѣ «безъ Христа!» Воображеніе неволью стало рисовать мнѣ всевозможныя положенія, въ которыя могутъ стать люди этой толпы «безъ заступника..!» Несомнѣнно, изъ этой же массы еще наивныхъ, чистыхъ и неиспорченныхъ людей выйдутъ и матери-дѣтоубійцы, а стало-быть и острожницы, и душевно-больныя... Несомнѣнно выйдутъ и нищія, и бродяги, и воры.. Откуда берутся такъ называемыя «босыя команды», которыя теперь составляютъ буквально неизбѣжную принадлежность каждаго не только города, но мало-мальски порядочнаго села? Все это отсюда, изъ этого резервуара человѣческихъ существъ. Отсюда же выйдутъ и прости-тутки, и много выйдеть ихъ именно вотъ изъ этихъ див-

«чать, которыя теперь хохочуть съ парубками, какъ дѣти, «и щебечуть, какъ птицы;—много изъ нихъ будетъ куплено публичными домами. Я самъ видѣлъ въ прошломъ году евреевъ, которые разъѣзжали по Кавказу и Донской области, набирая дивчатъ въ публичные дома Екатеринодара, Новороссійска и т. д. И такъ, отсюда, изъ этого жидваго источника, чистый, молодой, свѣжій народъ будетъ расхвтанъ и растащенъ по всевозможнымъ мѣстамъ, ничего общаго не имѣющимъ съ родною хатой,—будетъ озлобленъ, будетъ развращенъ, погубленъ, не говоря о тѣхъ, кто просто отдастъ Богу душу въ чистомъ полѣ».

Да, тутъ нуженъ Христось, нужно полюбить этотъ народъ всею душой и отдать эту душу на служеніе ему. И, Боже мой, неужели все это читають такіе господа, какъ В. П.? А если читають, то что они чувствуютъ? Неужели ихъ сердца не охватываются ужасомъ и муками раскаянія? Неужели имъ это все равно? Великая психологическая загадка—опредѣлить, какъ могутъ нарождаться и существовать такіе люди и такія сердца.

Созерцатель.

НАУЧНЫЕ РЕФЕРАТЫ.

УСПѢХИ НАУКИ ВЪ НОВѢЙШЕЕ ВРЕМЯ¹⁾.

АСТРОНОМІЯ.

Наша русская публика очень много занималась «неудавшимся» затмѣніемъ этого года, что весьма понятно, такъ какъ затмѣніе это должно было происходить въ большей части Россіи. Между тѣмъ, о солнечномъ затмѣніи прошлаго (1886) года, происходившемъ тоже въ августѣ, говорилось у насъ очень мало; между тѣмъ, оно дало гораздо болѣе научныхъ результатовъ, такъ какъ было видно въ южныхъ частяхъ Африки и Атлантическаго океана, гдѣ, говоря словами Гейне, солнце не страдаетъ хроническимъ насморкомъ и не кутается постоянно въ фланелевую фуфайку. Англійской экспедиціи, наблюдавшей прошлогоднее затмѣніе (бывшее также въ августѣ) съ одного изъ Антильскихъ острововъ, удалось снять фотографически нѣсколько спектровъ солнечной короны и самую корону. Наши читатели знаютъ о значеніи такихъ фотографій изъ статьи г. Клейбера о солнечномъ затмѣніи 7-го августа. Между прочимъ, англійская экспедиція должна была рѣшить вопросъ: можно-ли снимать фотографически солнечную корону не во время затмѣнія, какъ полагалъ уже года четыре назадъ Гюгинсъ, достигшій, повидимому, даже хорошихъ результатовъ, ибо, фотографируя солнце безъ затмѣнія, онъ получилъ вокругъ него изображенія, весьма сходныя съ тѣми изображеніями короны, которыя были получены во время полнаго солнечнаго затмѣнія 1883 года. Оставалось убѣдиться, дѣйстви-

¹⁾ Мы желаемъ въ концѣ года дать читателямъ рядъ дѣльныхъ обзоровъ научнаго прогресса за последнее время: въ этой книгѣ предлагается обзоръ по астрономіи и метеорологіи, для слѣдующихъ книгъ готовы уже обзоры по химіи, математикѣ и готовится обзоръ по физикѣ. Ред.

тельно-ли то, что получилъ Гюггинсъ, есть корона, какъ можно было думать по этому сходству, или это просто особое влияние лучей солнца на фотографическую пластинку? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно было снять корону не во время полнаго затмѣнія, а до него и послѣ него, когда часть короны прикрыта луной. Результаты такихъ снимковъ показали, что тотъ лучезарный вѣнецъ, который получается при фотографированіи солнца безъ полнаго затмѣнія, не есть корона, такъ-что кажущаяся удовлетворительность прежнихъ опытовъ есть, повидимому, плодъ случайности.

Точно такъ же оказалось, что тѣ протуберанцы (выступы или языки пламени вокругъ солнца), которые ранѣе удалось наблюдать и безъ солнечнаго затмѣнія, не представляютъ вполне настоящихъ протуберанцевъ, какъ они видимы во время полнаго затмѣнія. Протуберанцы, наблюдаемые безъ затмѣнія, суть лишь части истинныхъ протуберанцевъ, а именно: итальянскій астрономъ Таккини нашелъ, что во время затмѣнія протуберанцы содержатъ болѣе бѣлаго свѣта и особенно въ верхнихъ частяхъ, гдѣ они обладаютъ характеристическою формою, т. е. состоятъ изъ длинныхъ, тонкихъ нитей, сверху округленныхъ. Напряженность свѣта этихъ бѣлыхъ линий весьма малая и простыми глазами онѣ видны лишь въ самыхъ высочайшихъ частяхъ, выступающихъ за болѣе свѣтлыя части короны. Но и все остальное тѣло протуберанца во время полнаго затмѣнія кажется большимъ и въ высоту и въ ширину, чѣмъ послѣ затмѣнія, и по большей части покрыто бѣлыми остріями. Таккини и Локкайеръ, изслѣдовавшіе эти протуберанцы, высказываютъ взглядъ, что бѣловатый цвѣтъ ихъ зависитъ отъ той низшей температуры, какую получаетъ матерія, выбрасываемая солнцемъ, когда она достигнетъ значительной высоты и, охлаждаясь, падаетъ вновь на солнце.

Читатели наши, конечно, помнятъ изъ статей профессора Глазенапа, печатавшихся у насъ, что является все больше и больше оснований предполагать однородность кометъ съ массами метеоровъ, движущихся вокругъ солнца по извѣстнымъ орбитахъ, и періодически-производящихъ цѣлые метеорные дожди. Читатели помнятъ, что уже нѣсколько разъ ожидаемое столкновеніе земли съ кометами кончалось паденіемъ на землю массы такихъ метеоровъ, что даетъ полное основаніе думать, что вообще метеорные потоки образуются изъ кометъ, а иные суть ничто иное, какъ разжалованныя изъ своего званія кометы. Дожди падающихъ звѣздъ происходятъ отъ того, что земная орбита пересѣкаетъ въ

нѣкоторое время тѣ пути, по которымъ движутся метеорные потоки и, понятно, что при этомъ метеоры притягиваются землей, входятъ въ нашу атмосферу, гдѣ накалдваются отъ тренія объ нее. Такимъ образомъ, метеорные дожди имѣютъ правильность, и на основаніи отчасти записей древности о дождяхъ, отчасти на основаніи знанія путей кометъ могутъ быть предсказываемы. Англійскій астрономъ Киввудъ вычислилъ такой дождь для прошлаго и нынѣшняго года между 31 октября и 3 ноября (12—15 ноября новаго стиля). Какъ читателю, вѣроятно, извѣстно, есть скопленіе метеоровъ, называемое леонидами. Названіе это происходитъ отъ того, что метеоры этой группы исходятъ всегда изъ одного мѣста, лежащаго въ созвѣздіи Льва (Leo). Эта группа имѣетъ поразительное сходство въ своихъ періодахъ и орбитѣ съ кометой I Темпля. Группа эта движется по эллиптическому пути, перигелій котораго лежитъ вблизи земной орбиты, а афелій вблизи орбиты Урана. Леониды обладаютъ, какъ и комета I Темпля (движущаяся по той же орбитѣ), періодомъ обращенія въ $33\frac{1}{4}$ года. Въ силу этого и замѣчались въ эти періоды обширные звѣздные дожди въ 1799 ¹⁾, 1833 и 1866 гг. Древніе записи о потокахъ падающихъ звѣздъ, которые также, повидимому, имѣютъ отношеніе къ этой кометѣ, показываютъ, что по меньшей мѣрѣ еще двѣ группы метеоровъ движутся по тому же пути. Одна изъ этихъ группъ, повидимому, есть та, которая встрѣчалась съ землей въ 288, 855—856 ²⁾, 1787, 1818—1823 и 1852 годахъ и даетъ, въ среднемъ числѣ, періодъ обращенія отъ 33—31 годъ; изъ второй группы звѣздные потоки являлись, кажется, въ 585, 1582, 1813, 1846—49 и 1878—80, и періодъ ихъ доходитъ до 33 лѣтъ.

Заговоривъ о кометахъ, нельзя не упомянуть объ отысканіи еще одной періодической кометы, сдѣланномъ въ августъ прошлаго года. Чтобы понять значеніе, которое имѣетъ каждый разъ такое отысканіе, надо вспомнить, что хотя по вычисленнымъ орбитамъ можно уже заранѣе сказать, вернется-ли комета вновь и, если вернется, то когда,—но, во-первыхъ, не всегда небо благоприятно для того, чтобы увидѣть ее и провѣрить вычисленный путь, а во-вторыхъ, этотъ путь, если онъ вѣрно вычисленъ,

¹⁾ Наблюдавшійся Гумбольдтомъ въ Куманѣ.

²⁾ Дождь метеоровъ въ извѣстный день года повторяется ежегодно, но те ослабывая, то опять усиливаясь, что вполне понятно, если допустить группы метеоровъ очень растянувшимися на пути. Иногда въ числахъ бываетъ опозданіе, что объясняется дѣйствіемъ другихъ планетъ.

даетъ возможность въ слѣдующія появленія кометы судить, — если, напимѣръ, она заповдала, — о вліяніи на нея міровой среды или другихъ планетъ; если же она пропала вовсе, то тѣмъ болѣе обнаруживается такое вліяніе. Комета, отысканная вновь въ августѣ прошлаго года, есть комета, открытая Понсомъ въ 1819 г. Послѣ перваго открытія этой кометы въ 1819 году, Энке вычислилъ, что ея путь есть эллипсисъ, проходимый ею въ $5\frac{1}{2}$ лѣтъ. Однако, послѣ этого ее не было видно до 1858 года, когда ее 8-го марта увидѣлъ вновь Виннеке и когда она должна была одѣлать уже около семи оборотовъ. Онъ же наблюдалъ ее потомъ въ 1869 и 1875 годахъ, послѣ чего она должна была явиться въ 1880 году, но условія ея видимости были неблагопріятны. Въ прошломъ году ее увидѣлъ 19 (7) августа Финлей, съ мыса Доброй Надежды, а затѣмъ ее наблюдали въ Падермо. Она замѣчательна тѣмъ, что въ движеніи ея замѣчаются тѣ же самыя неправильности, которыя Энке замѣтилъ у своей кометы и сдѣлалъ при этомъ выводъ о дѣйствіи на кометы среды, окружающей ихъ и противодействующей ихъ движенію. Гипотеза эта весьма важна и ея значеніе читатели увидятъ далѣе въ этомъ же обзорѣ. Но прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, вернемся къ тому, что мы уже сказали о пропадающихъ или весьма запаздывающихъ кометахъ. Такъ, въ прошломъ году, въ сентябрѣ, предполагали, что удалось отыскать одну пропавшую комету (открытую въ 1844 году, въ Римѣ), которая особенно интересна тѣмъ, что ея путь проходитъ около орбиты Юпитера, а потому аномаліи въ ея движеніяхъ весьма важны для опредѣленія вліянія этой огромной планеты. У кометы 1844 года путь долженъ былъ быть, по вычисленіи Фэ (Fay), эллиптической, въ $5\frac{1}{2}$ лѣтъ, но послѣ того не удалось до сихъ поръ найти эту комету въ вычисленное время, хотя она съ тѣхъ поръ должна быть видима разъ семь. Однако, комета, открытая въ сентябрѣ прошлаго года, при болѣе точномъ вычисленіи орбиты, оказывается, повидимому, не тождественною съ кометою 1844 года, хотя движутся онѣ по одному пути и весьма близко одна отъ другой.

Вернемся къ сопротивленію міровой среды движенію кометъ, предположенному Энке. Вычисленія Энке относительно его кометы были провѣрены для періода 1819—1868 гг. въ высшей степени тщательными вычисленіями фонъ-Астена, а для періода съ 1868 г., Бакундомъ (въ Пулковѣ), причемъ оказалось, что результаты обоихъ вычисленій не сошлись, т.-е. что въ движеніяхъ кометы Энке съ періода 1819—1868 г. произошли измѣненія. Если до-

пустить гипотезу Энке о сопротивленіи среды, то эти измѣненія могутъ быть объяснены измѣненіями въ самомъ ядрѣ кометы, въ силу чего измѣняется и сопротивленіе среды.

Относительно свѣта, издаваемого кометами, кажется, приходится все болѣе и болѣе убѣждаться, что онѣ тѣла несамосвѣтятся, а получаютъ свѣтъ отъ солнца. Это подтверждается отчасти изслѣдованіями силы свѣта кометъ въ различныхъ разстояніяхъ отъ земли и солнца, такъ какъ въ степени свѣтлости кометъ, если онѣ освѣщены солнцемъ, играетъ роль, конечно, отдаленіе кометы и отъ солнца, и отъ земли. Такія изслѣдованія производились въ Потсдамѣ надъ двумя кометами 1885 г. (Барнарда и Фабри). Силу ихъ свѣта сравнивали съ искусственнымъ туманнымъ пятномъ, представляемымъ полувыпуклымъ кускомъ темнаго стекла, измѣняющійся блескъ котораго сравнивался одновременно съ кометнымъ и съ находившеюся недалеко отъ кометы туманностью Андромеды. Оказалось, что яркость обѣихъ кометъ измѣнялась съ величайшею правильностью.

Что касается изслѣдованія со спектроскопомъ, то они еще дwoятся по своимъ результатамъ и мы о нихъ умолчимъ пока.

Въ заключеніе не можемъ не упомянуть объ интересномъ вычисленіи, сдѣланномъ копенгагенскимъ астрономомъ Христіанзенемъ о сравнительной температурѣ отдѣльныхъ планетъ. Исходя изъ того предположенія, что абсолютная температура планетъ относится другъ къ другу, какъ квадратные корни ихъ разстояній отъ солнца, и предполагая различную отражательную способность, которая должна быть принята на основаніи изслѣдованій Цельнера, авторъ даетъ слѣдующія цифры среднихъ температуръ:

Меркурій	+ 210°	Юпитеръ	— 150°	} холода.
Венера	+ 570°	Сатурнъ	— 180°	
Земля	+ 15° ¹⁾	Уранъ	— 209°	
Марсъ	— 34° (холодъ)	Нептунъ	— 221°	

Однако, эти цифры трудно считать дѣйствительными, что признаетъ и авторъ, ибо онѣ должны измѣняться многими другими условіями, напримѣръ, собственной теплотой планетъ, свойствами ихъ атмосферы и пр. Въ самомъ дѣлѣ, напримѣръ, луна отстоитъ отъ солнца немного далѣе земли, и день ея продолжается почти двѣ недѣли, такъ что ея температура могла бы доходить до 200°, какъ и предполагалъ, помнится, Гершель, но такъ какъ она не

¹⁾ См. замѣтку въ статьѣ о метеорологіи, относительно средней температуры земли.

имѣетъ атмосферы, т.-е. отдаетъ всю свою теплоту немедленно въ безвоздушныя пространства (у земли теплота задерживается атмосферой), то теперь на лунѣ предполагается почти абсолютный холодъ, ледяныя моря, и пр., а ея конусообразныя вулканы и ихъ правильныя кратеры предполагаются замерзшими фонтами воды и паровъ, замерзавшихъ тотчасъ, какъ она выходила изъ ея нѣдръ вълѣдствіе бывшей когда-то вулканической дѣятельности ¹⁾. Кроме того, цифрамъ Христіанаена прямо противорѣчатъ наблюденія надъ Марсомъ. По автору, онъ обладаетъ среднею температурой въ —34 градуса, т.-е. такимъ холодомъ, который едва-ли допускаетъ смѣну зимы лѣтомъ, особенно на полюсахъ. Между тѣмъ, на полюсахъ Марса періодически появляются бѣлыя пятна, заставляющія предполагать выпаденіе снѣга, т.-е. наши времена года. И мало этого, эти пятна доказываютъ не повсемѣстное замерзаніе планеты.

Давно уже извѣстно, что, такъ называемыя, малыя планеты обладаютъ нѣкоторымъ собственнымъ измѣненіемъ свѣта, что привело къ предположенію, что они или заслоняются темными пятнами, или имѣютъ крайне неправильный видъ, значительно отклоняющійся отъ шарообразнаго. Для изслѣдованія причинъ этого явленія, потедамскій астрономъ, Мюллеръ, произвелъ большое число фотометрическихъ (свѣтоизмѣряющихъ) наблюденій, которыя привели къ объясненію свѣтового измѣненія малыхъ планетъ посредствомъ «фазъ», т.-е. то большаго, то меньшаго освѣщенія ихъ, обязаннаго тому или иному положенію относительно источника свѣта. При этомъ открылись нѣкоторыя весьма интересныя подробности, обѣщающія пролить новый свѣтъ на образованіе нашей солнечной системы. Дѣло въ томъ, что еще ранѣе, Ламбертомъ была выведена формула для вычисленія количества свѣта, отражаемаго шарами, освѣщенными отъ части. Однако, эта формула, превосходно представляющая свѣтъ, излучаемый отъ Венеры, не совпадаетъ съ другими небесными тѣлами, какъ, на примѣръ, луна и Марсъ, и вообще относительно всѣхъ тѣлъ съ очень неравною поверхностью (на лунѣ, какъ читателю, конечно, извѣстно, поверхность покрыта массой чрезвычайно высокыхъ горъ). Результаты, которые получилъ Мюллеръ

¹⁾ Вулканическая дѣятельность, какъ помнитъ читатель, можетъ зависѣть отъ проникновенія воды въ трещины къ такимъ мѣстамъ планеты, которыя или были нагрѣты, или въ прикосновеніи съ водой развивали теплоту, газы и пары, въ силу химическихъ реакцій.

отъ своихъ фотометрическихъ измѣреній малыхъ планетъ, онъ объединилъ въ слѣдующія положенія:

1) У семи малыхъ планетъ, изслѣдованныхъ фотометрически, оказываются измѣненія освѣщенія, которыя являются связанными съ фазами.

2) Къ этимъ измѣненіямъ свѣта законъ Ламберта остается неприменимымъ.

3) Изслѣдованныя планеты распадаются на двѣ группы. Въ одной изъ нихъ, заключающей Весту, Ириду, Мессалию и Амфитриду, измѣненіе свѣта замѣчается только вблизи противостоянія, тогда какъ у другихъ, каковы Церера, Паллада, Юнона, измѣненія происходятъ довольно равномерно на всемъ пути образованія фазъ.

4) Планеты первой группы представляютъ въ своихъ отношеніяхъ абсолютное согласіе съ Марсомъ; поэтому, вѣроятно, что онъ имѣютъ тѣ же физическія свойства, какъ и Марсъ или, по меньшей мѣрѣ, весьма сходны.

5) У планетъ второй группы, относительно которыхъ результаты нѣсколько менѣе ясны, можно замѣтить извѣстное сходство въ измѣненіяхъ свѣта («кривой» свѣта) съ луннымъ; но еще больше сходства оказывается съ планетой Меркуриемъ, а потому не невѣроятно, что онѣ въ отношеніи своихъ физическихъ свойствъ состоятъ въ ближайшемъ родствѣ съ этимъ послѣднимъ.

МЕТЕОРОЛОГІЯ.

Нашъ молодой ученый, Г. А. Клейберъ, помѣстивъ въ нѣмецкой «Метеорологической Газетѣ» (Met. Zeitschrift) крайне важное изслѣдованіе о періодическихъ колебаніяхъ атмосферы между двумя земными полушаріями. Изъ карты среднихъ изобаръ для крайнихъ мѣсяцевъ, января и іюля, онъ находитъ для южнаго полушарія среднее воздушное давленіе въ 758,09 миллиметра, для одного же января 756,60 для іюля 759,58, такъ что для перваго мѣсяца является недочетъ въ 1,49 мм., а для втораго соответственное преобладаніе. Для сѣвернаго полушарія, общее среднее будетъ 760,31, миллим., т.-е. между обоими полушаріями существуетъ разниця въ 2,22 миллим. При этомъ въ сѣверномъ полушаріи январь имѣетъ среднее давленіе 761,80, а іюль 758,82 миллим., т.-е. въ первомъ давленіе, наоборотъ, преобладаетъ на 2,98 миллим. Такимъ образомъ, въ теченіи года въ обоихъ полушаріяхъ происходитъ періодическій обмѣнъ боль-

шихъ воздушныхъ массъ, которому соотвѣтствуетъ высота ртутнаго столба въ 2,98 миллим., періодически перетекающихъ изъ одного полушарія въ другое и покрывающихъ всю земную поверхность.

Что касается распредѣленія температуръ въ обоихъ полушаріяхъ, то по примѣру Дова, Spitaler вычислилъ на основаніи новыхъ изотермическихъ картъ Хана, помѣщенныхъ въ Берггаузовскомъ физическомъ атласѣ, весьма интересныя цифры. Такъ, оказывается, что отъ экватора до 45 параллели сѣверное полушаріе теплѣе южнаго, а за 45-ю параллелью наоборотъ; теплѣйшая параллель не есть экваторъ, а 10° сѣверной широты; среднее ослабленіе теплоты отъ экватора къ полюсамъ слѣдуетъ не одинаково скоро: оно всего быстрѣе между $40-50^{\circ}$ сѣв. шир., и $35-40^{\circ}$ южной, и въ особенноти между $65-70^{\circ}$ въ обоихъ полушаріяхъ, а потомъ колебаніе температуры на сѣв. полуш. несравненно больше, чѣмъ на южномъ. Далѣе температура чистой водяной атмосферы (средняя годовая) 13.8° , изъ чего не слѣдуетъ, однако, что средняя годовая температура обоихъ полушарій не равна: она совершенно одинакова и можетъ быть принята въ 15° . Для крайнихъ же мѣсяцевъ января и іюля она колеблется въ сѣв. полуш. между $7,97^{\circ}$ (январь) и $22,54^{\circ}$ (іюль), а въ южномъ $17,54^{\circ}$ (январь) и $12,35^{\circ}$ (іюль). Такимъ образомъ, для всей земли средняя температура января $12,8^{\circ}$, а іюля $17,4$.

Не безынтересны также статистическія свѣдѣнія о вліяніи лѣсовъ на климатическую температуру, собранныя Ханомъ: лѣсныя долины во всѣ времена года имѣютъ значительную низшую температуру и эта разница температуры сравнительно мала только въ болѣе жаркіе дни, но за то особенно сильна по вечерамъ и рано утромъ. Отсюда слѣдуетъ, что жилища въ лѣсу не обладаютъ наилучшими условіями относительно температуры, давая вообще пониженную температуру и, кромѣ того, рѣзкіе переходы къ холоднымъ вечерамъ и утрамъ.

Нѣмцы же (Гельманъ) собрали интересную статистику ударовъ молніи въ жилища. Вотъ наиболѣе важныя выводы изъ собранныхъ цифръ: 1) Констатированное во многихъ мѣстахъ Германіи, увеличеніе опасности отъ ударовъ молніи въ отдѣльныхъ мѣстахъ совершенно не чувствуется, даже болѣе, — кажется ослабленнымъ. И замѣчательно, что такія мѣста съ ослабляющей опасностью лежатъ рядомъ съ мѣстами наиболѣе быстро возрастающей опасности. 2) Зажигающіе удары молніи въ 7 и 8 разъ чаще въ жилищахъ съ мягкими крышами, чѣмъ съ твер-

дыми. Опасность молніи для церквей и колоколенъ въ 39 разъ, а для вѣтряныхъ мельницъ въ 52 раза больше, чѣмъ для обыкновенныхъ построекъ съ твердыми кровлями. 3) Сравнительная опасность удара молніи, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, уменьшается тѣмъ больше, чѣмъ болѣе скучены дома въ одномъ мѣстѣ. Опасность въ городахъ (прусскаго королевства) въ 5 разъ меньше, чѣмъ въ деревняхъ. Для обыкновеннаго, не особенно высокаго и не стоящаго уединенно, дома въ большомъ городѣ громоотводъ оказывается ненужнымъ. 4) Съ 1869 по 1883 годъ было убито среднимъ числомъ на миллионъ людей: въ Пруссіи 4,4, въ Баденѣ 3,8, во Франціи 3,1, въ Швеціи 3,0. 5) Геологическія свойства почвы, особенно ея водоемкость, имѣютъ преобладающее значеніе на опасность: такъ, для известковой почвы опасность равна 1, для мергелевой (рухлякъ) почвы = 2, для глинистой почвы = 7, для песчаной = 9, для суглинка = 22. 6) Изъ всѣхъ деревьевъ, буки наиболѣе рѣдко, а дубы наиболѣе часто повреждаются молніей; хвойныя деревья въ 15 разъ, дубы въ 54 раза, а другія лиственные деревья въ 40 разъ чаще подвергаются опасности, чѣмъ букъ.

Въ русскомъ журналѣ «электричество» помѣщено весьма интересное подробное описаніе, сдѣланное г. Крестеномъ, тѣхъ поврежденій, какія сдѣлалъ ударъ молніи на дачѣ въ дер. Шувалово (близъ Петербурга). Дача деревянная, двухъ-этажная. Молнія ударила въ трубу, разбросала кирпичи въ верхней части трубы и зажгла въ трубѣ сажу. Въ трубѣ уже этотъ токъ электричества раздѣлился на два: одинъ вышелъ въ комнату верхняго этажа черезъ вьюшки, другой по трубѣ спустился до печи нижняго этажа (печь въ верхнемъ и печь въ нижнемъ этажѣ имѣли одну трубу), и здѣсь сплавилъ вьюшки, но дальше не пошелъ и какъ бы потерялся (Быть можетъ, вся сила электричества превратилась въ теплоту, которая и расплавилъ чугуны вьюшки?). Но прослѣдимъ теперь, что сдѣлалось съ первымъ отвѣтвленіемъ, вошедшимъ черезъ вьюшки въ комнату верхняго этажа. Это отвѣтвленіе само раздѣлилось на двѣ большія вѣтви, а эти вѣтви раздѣлились каждая еще на двѣ меньшія вѣтви. Начнемъ съ первой большой вѣтви: она пробѣжала по стѣнамъ комнаты почти параллельно полу и потолку (причемъ зажгла обои), пока не добѣжала до того мѣста стѣны, въ которое снаружи была вбита желѣзная рогулька или ухватаецъ, поддерживающій водосточную трубу. Молнія пробила стѣну, вошла въ эту рогульку, и тутъ раздѣлилась на двѣ малыхъ вѣтви: одна вѣтвь пошла внизъ по водосточной трубѣ,

по которой дошла до нижней такой же рогульки, вбитой въ стѣну нижняго этажа; здѣсь молнія пробила опять стѣну уже снаружи во внутрь и вошла вторично въ комнату, но уже нижняго этажа; около стѣны стояла желѣзная кровать: молнія перешла на нее и черезъ ея ножки и полъ ушла въ землю, приче́мъ загла одѣяло на постели. Другое отвѣтвленіе этой вѣтви отъправилось по желѣзному желобу, соединяющему водосточную трубу съ другою трубою; спустилось по этой трубѣ опять до нижняго ухвата, прошло сквозъ стѣну въ комнату нижняго этажа, сзади кресла, на которомъ сидѣла дама. Дальше этого мѣста не нашлось никакихъ слѣдовъ прохожденія электрическаго тока по этому направленію, если не считать ударъ, который получила дама, сидѣвшая въ этомъ креслѣ, и который, впрочемъ, не оставивъ никакихъ наружныхъ слѣдовъ, только отбросилъ даму къ двери сосѣдней комнаты. Вторая же большая вѣтвь, которую отдѣлила молнія еще въ комнатѣ верхняго этажа, совершила слѣдующее еще болѣе сложное путешествіе. Эта вторая вѣтвь, по выходѣ изъ печки верхняго этажа, дошла до перегородки, пробила ее, перешла на проволоку двернаго колокольчика и здѣсь раздѣлилась на двѣ малыхъ вѣтви. Одна пошла по проволокѣ верхняго этажа, — проволока имѣетъ одинъ конецъ (съ колокольчикомъ) въ кухнѣ верхняго этажа, — затѣмъ по корридолу верхняго же этажа выходитъ на лѣстницу, ведущую внизъ къ наружной двери; проволока спускается вмѣстѣ съ лѣстницей внизъ, и другой ея конецъ съ ручкой находится, какъ всегда, у наружной двери. Такъ вотъ эта вѣтвь пошла наружу до ручки, съ этой ручки соскочила на обшивку тамбура лѣстницы, разорвала доски въ щепы и отсюда уже соединилась съ землей. Другая же малая вѣтвь соскочила съ проволоки въ полъ верхняго этажа, пробила его, пробила потолокъ нижняго этажа и перешла на другую проволоку отъ звонка, имѣющагося въ нижнемъ этажѣ. Эта другая проволока имѣетъ также одинъ конецъ (съ колокольчикомъ) въ кухнѣ нижняго этажа, но ручку имѣетъ не у наружной двери, а на верандѣ, при чемъ проходитъ по комнатамъ и корридолу нижняго этажа. Дойдя до колокольчика въ кухнѣ, электрическій токъ перескочилъ отъ него къ близъ стоящей кухаркѣ съ ножами въ рукахъ, и, какъ видно по сильнымъ ожогамъ, которые она получила на рукахъ, на груди, по бедрамъ и ногамъ, пошелъ черезъ нее въ землю. При этомъ чулокъ и башмакъ на правой ногѣ были разорваны и сожжены, но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ полъ былъ залитъ водой и пред-

ставлялся, такимъ образомъ, хорошимъ проводникомъ, то и не представилось никакихъ слѣдовъ прохожденія электрическаго тона. Посмотримъ теперь, что сдѣлала вся эта молнія съ людьми.

Въ моментъ катастрофы находились въ нижнемъ этажѣ дачи (о верхнемъ Крестенъ не говоритъ, такъ какъ точныхъ свѣдѣній не имѣетъ) восемь человѣкъ: двое мужчинъ, четыре женщины и двое дѣтей. На закрытомъ балконѣ (веранда) сидѣли двое мужчинъ; на вышеупомянутомъ креслѣ сидѣла одна дама; въ корридорѣ играли дѣтя, а въ кухнѣ стояли три женщины, у окна въ кухнѣ стояла кухарка, которая въ это время чистила ножи; другія двѣ женщины находились около плиты.

Послѣ удара молніи, положеніе этихъ лицъ измѣнилось въ слѣдующемъ. Сидѣвшіе на балконѣ мужчины, г. Масленниковъ и его гость, остались на своихъ мѣстахъ и были просто оглушены безъ потери сознанія. Дама, сидѣвшая на креслѣ, была отброшена съ него и лежала на полу безъ чувствъ у дверей смежной комнаты; дѣти, также безъ сознанія, лежали въ корридорѣ, а въ кухнѣ у окна лежала кухарка, сильно обожженная и безъ сознанія; изъ остальныхъ женщинъ, одна упала у плиты, ударившись объ нее головой, но безъ потери сознанія, а другая была отброшена къ задней стѣнѣ и лежала тамъ въ обморокѣ. За исключеніемъ кухарки, которая сильно пострадала и которую пришлось отправить въ больницу на излеченіе, всѣ остальные пострадавшіе скоро поправились, хотя и до сихъ поръ дама, сидѣвшая на креслѣ, чувствуетъ еще сильную боль въ спинѣ. За исключеніемъ мужчинъ, сидѣвшихъ на балконѣ, и которые были ослѣплены молніей, никто изъ пострадавшихъ не только не слышалъ страшнаго громоваго удара, но даже никто изъ нихъ не видѣлъ блеска молніи.

Посмотримъ теперь, что сдѣлалось съ неодушевленными предметами: мы видѣли, что вьюшки въ трубѣ сплавилась, желѣзная проволока отъ колокольчиковъ, по которой проходилъ разрядъ, частью расплавлена, а частью просто изломана. Въ тѣхъ мѣстахъ, въ стѣнахъ, гдѣ проходилъ электрическій токъ, шпалеры, обшивныя доски и пакля между бревнами опалены и разорваны. Послѣ удара молніи, дача стала горѣть въ пяти мѣстахъ, но, благодаря находчивости и присутствію духа оставшихся на ногахъ мужчинъ, огонь былъ скоро потушенъ домашними средствами.

Рогульки у водосточныхъ трубъ отчасти расплавило; трубы разорвало.

Всего замѣчательнѣе, что всѣ пострадавшіе потеряли сознание до того момента, когда могли увидѣть молнію или услышать ударъ, т.-е. смерть отъ электрическаго разряда должна быть абсолютно безболѣзненна: человѣкъ не успѣваетъ еще даже сознать, что черезъ него проходитъ токъ или что раздался ударъ грома.

Вообще въ нынѣшнемъ году грозы необыкновенно свирѣпствовали. Во многихъ мѣстахъ, между прочимъ, замѣчали послѣ ударовъ молніи остатки твердаго вещества; къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно подробное изслѣдованіе его. Цѣлый рядъ такихъ случаевъ собралъ Фламаріонъ.

Въ общемъ, можно, кромѣ вышеприведенныхъ практическихъ выводовъ, сдѣланныхъ Гельманомъ, присоедииться къ мнѣнію Крестена, что въ сильную грозу не мѣшаетъ держаться подалше отъ стѣнъ, печей, оконъ, водосточныхъ трубъ, и слѣдуетъ помѣщаться посрединѣ большихъ комнатъ.

Относительно того, что близость воды является одною изъ важныхъ причинъ разрядовъ электричества, есть много фактовъ, такъ какъ вода—хорошій проводникъ, и если образуется сообщеніе, способное легко провести электричество отъ верхнихъ частей зданія къ подпочвенной или протекающей вблизи водѣ, то ударъ молніи весьма вѣроятенъ.

НОВІЯ КНИГИ.

ОТЗЫВЫ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Этика. Изслѣдованіе фактовъ и законовъ нравственной жизни.
В. Вундтъ. Изданіе редакціи «Русскаго Богатства». Часть 1.
Цѣна 2 рубля. С.-Петербургъ, 1887 г.

Капитальная работа Вундта представляетъ весьма оригинальный вкладъ въ научное ученіе о нравственности и, какъ справедливо замѣчаетъ Дюркгеймъ, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ «Revue Philosophique», представляетъ объединеніе того громаднаго матеріала, касающагося нравственности, который накопился въ различныхъ отдѣлахъ специальныхъ наукъ. Такъ, здѣсь объединены послѣдніе выводы языкознанія, антропологии и исторіи культуры, юриспруденціи, психологии и пр., и пр. Вторая часть, кромѣ того, даетъ блестящее изложеніе этическихъ системъ въ философіи и религіи. Все это связано одною общою и оригинальною идеей, которую Вундтъ формулируетъ подъ названіемъ «гетерономіи цѣлей», т.-е., по его изслѣдованію оказывается, что прогрессъ человѣчества совершался путемъ неожиданнаго появленія массы новыхъ результатовъ отъ какого-либо стремленія, имѣвшаго совсѣмъ иную цѣль. Эти результаты сами становились цѣлями и снова давали массу неожиданныхъ результатовъ, и т. д., и т. д. Такъ, напр., вначалѣ, человѣчество выполняетъ какое-нибудь дѣйствіе ради религіозныхъ цѣлей, умиловленія боговъ; эти дѣйствія производятъ рядъ привычекъ, воспитывающихъ всевозможныя неожиданныя чувства, которыя сами становятся источникомъ дѣятельности. Дюркгеймъ справедливо замѣчаетъ, что эта точка зрѣнія является какъ бы своего рода дарвинизмомъ, но только въ области психической и общественной, и притомъ отличается отъ дарвинизма тѣмъ, что импульсъ здѣсь лежитъ въ развивающихся субъективныхъ потребностяхъ человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, дарвинизмъ учитъ, что случайно возникавшія измѣ-

ненія въ животныхъ могли укрѣпляться и развиваться подобромъ, при господствѣ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ условий, для которыхъ эти замѣненія были пригодны. Здѣсь также нарастаютъ безчисленные массы новыхъ цѣлей или мотивовъ для дѣятельности, какъ естественный результатъ извѣстныхъ первичныхъ цѣлей; понятно, что не все результаты становятся одинаково предметомъ желаній и мотивовъ, а тѣ, которые наиболѣе приспособлены къ человѣческому существу. Только этимъ можно объяснить повсемѣстное господство одинаковыхъ понятій, обычаевъ, права и пр. Кромѣ этой основной идеи, не менѣе интересны и тѣ совершенно оригинальные взгляды, которые вносятся Вундтомъ въ отдѣльные вопросы; укажемъ, на примѣръ, на его разграниченіе въ миеологіи трехъ основныхъ элементовъ: 1) познавательнаго, замѣнявшаго первобытному человѣку науку, т. е. объясненія явленій; 2) собственно религіознаго, состоящаго въ идеальномъ представленіи наилучшей жизни, мыслимой въ ту или иную эпоху, и, наконецъ, 3) нравственной, контролирующей поведение людей. Эта послѣдняя область, въ свою очередь, дифференцируется, переходя изъ области религіознаго контроля въ область контроля путемъ обычаевъ, затѣмъ права, приличій и формъ отношеній, и, наконецъ, развитіемъ чувствъ и формъ чело-вѣчности.

Въ этомъ бѣгломъ отчетѣ мы, конечно, не можемъ разсмотрѣть и даже вкратцѣ упомянуть многихъ другихъ замѣчательныхъ сторонъ этого произведенія, которое едва-ли не составитъ эпохи въ наукѣ о нравственности.

Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. П. Вик-торова. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 50 к. (Изданіе К. Т. Солдатенкова). Москва, 1887 г.

Книга эта, если авторъ доведетъ ее до конца, обѣщаетъ быть огромнымъ и важнымъ вкладомъ въ науку о чело-вѣкѣ. Первый выпускъ посвященъ изслѣдованію фізіологической основы такъ называемаго душевнаго настроенія. Авторъ разсматриваетъ зависимость настроенія отъ кровообращенія и пита-нія головнаго мозга (корковаго вещества). Идея этой зависимости принадлежитъ извѣстному ученому Мейнерту, но авторъ развиваетъ ее совершенно оригинально, а въ слѣдующихъ выпускахъ обѣщаетъ поставить этотъ вопросъ на такую почву, которая дѣлаетъ его сочиненіе въ высшей степени замѣчательнымъ. Настроеніе есть одинъ изъ важнѣйшихъ и величайшихъ факторовъ всей нашей дѣятельности: оно вліяетъ на теченіе нашихъ

мыслей, чувствъ, воли, дѣятельности. Определить, поэтому, даже только физиологическія условія и причины нашихъ настроеній, значить дать намъ могучее орудіе для господства надъ собственною личностію. Но авторъ общаетъ больше: въ первомъ выпускѣ онъ разсмотрѣлъ зависимость настроенія и его физиологической основы (кровообращенія въ коркѣ) отъ суточного теченія физиологическихъ процессовъ, а также въ зависимости отъ возраста, темперамента влеченій или потребностей; во второмъ выпускѣ онъ общаетъ изслѣдовать условія настроенія во внѣшней средѣ, какъ физической, такъ и общественной. Но особенно интересенъ будетъ 4-й выпускъ о типахъ индивидуальности общественныхъ настроеній, и пятый—о болѣзняхъ настроенія.

Первый выпускъ показываетъ обширную начитанность и эрудицію автора въ области физиологіи, психологіи, психіатріи; въ этой послѣдней области онъ кажется иногда специалистомъ-врачемъ, пользовавшимся не только теоретическимъ, книжнымъ, но и живымъ клиническимъ матеріаломъ.

Подобныя работы такъ рѣдки у насъ на Руси, что заслуживаютъ горячей поддержки со стороны общества. Желаемъ автору наибольшаго успѣха, какой только возможенъ въ нашемъ обществѣ, весьма равнодушномъ къ интересамъ науки. При этомъ не можемъ не пожелать также для слѣдующихъ выпусковъ, чтобы авторъ меньше задавался чисто-словесными спорами съ лицами, думающими иначе, чѣмъ онъ. Такъ, онъ, повидному, придавалъ огромную важность своему опредѣленію характера и темперамента, какъ явленій не только не одинаковыхъ, но даже оппозиционныхъ другъ другу. Его замѣчанія весьма важны въ этомъ пунктѣ; различіе, указываемое имъ, имѣетъ огромное значеніе, во дѣло въ томъ, что можно было указать на это различіе врожденныхъ и приобретенныхъ свойствъ личности, не гоняясь вовсе за тѣмъ, чтобы первые называть словомъ «темпераментъ», а вторые «характеръ». Дѣло не въ названіи, которое можно даже придумать самому, да это было бы и лучше, ибо это совсѣмъ новое подраздѣленіе. Языкъ народа труднѣе передѣлывать, чѣмъ что-либо иное, поэтому-то не слѣдуетъ новыя понятія владывать въ старыя слова, значеніе которыхъ совершенно смутно. Это поведетъ только къ массѣ недоразумѣній и безтолковыхъ возраженій о «словахъ».

Евреи въ Россіи. К. Вольскаго. Цѣна 1 р. 50 к. С.-Петербургъ, 1887 г. (Переводъ съ французскаго). Вопросъ о евреяхъ —

вопросъ въ высшей степени жгучій для современнаго европейскаго общества. Причины необыкновенной напряженности этого вопроса выяснятся, конечно, не въ нашу эпоху. Интересъ къ еврейскому вопросу выросъ въ XIX вѣкѣ, конечно, не на той почвѣ, на какой онъ волновалъ умы въ средніе вѣка: прежде дѣло шло о религіозной розни и предразсудкахъ европейскихъ массъ, теперь же европейская вѣротерпимость оставляетъ эту сторону безъ вниманія, и если касается ея, то въ ея отношеніи къ общественному вліянію ея на евреевъ, т.-е. къ тому настроенію ихъ дѣятельности и вліянію на европейскую жизнь, которыя собственно и лежатъ въ основѣ всѣхъ страховъ и всѣхъ возбужденій относительно этой націи. Въ виду этого, разбирая еврейскій вопросъ, каждый, берущійся за это дѣло, обязанъ всесторонне его изслѣдовать, не останавливаясь на одной только сторонѣ. Напримѣръ, религіозныя предписанія сами по себѣ и одни не могутъ давать ключа къ объясненію характера и дѣятельности націи. Какъ бы ни былъ замкнутъ народъ въ самомъ себѣ, по живя столѣтія въ средѣ другихъ, онъ не могъ не подвергнуться вліянію ихъ идей, культуры, учреждений и пр. Книга Вольскаго интересна, какъ сборникъ матеріаловъ, касающихся одной стороны еврейскаго вопроса, ихъ тайныхъ кооперацій, кагала и обрядово-религіозныхъ предписаній. Но какъ бы ни былъ интересенъ этотъ матеріалъ, показывающій, напримѣръ, что у евреевъ якобы существуетъ аристократія и весьма униженное, глубоко-презираемое плебейство, тѣмъ не менѣе, этотъ матеріалъ не даетъ даже права заключать ни о всеобщемъ существованіи среди евреевъ всѣхъ этихъ явленій, ни даже о существованіи ихъ вообще. Какъ и въ каждомъ народѣ, предписанія древнихъ книгъ, какъ мы уже сказали, не доказываютъ ничего; свидетельства двухъ-трехъ ренегатовъ еврейства—тоже, ибо въ каждомъ народѣ могутъ быть группы, держащіяся самыхъ различныхъ взглядовъ. Какая, напримѣръ, разница между нашими скопцами и штундистами. Во всякомъ случаѣ, такія книги ни на волюсь не подвигаютъ рѣшенія вопроса по существу, а возбуждаютъ между тѣмъ, значительное раздраженіе.

Критико-библіографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ (отъ начала русской образованности до нашихъ дней). С. Венгерова.

Выпуски 4, 5, 6. Цѣна каждаго выпуска 35 к., съ пер. 40 к. При подпискѣ на 10 выпусковъ, цѣна 2 р. 50 к., съ пер. 3 р. За все изданіе (120 вып.) по подпискѣ 20 съ пер. 22 р. Последніе

выпуски заняты Аксаковыми и, прежде всего, довольно большая статья посвящена Александру Аксакову, известному (впрочемъ, болѣе за границей, чѣмъ въ Россіи) по своимъ работамъ и по журналу на нѣмецкомъ языкѣ, посвященнымъ спиритизму. Аксаковъ понимаетъ подъ медиумизмомъ опредѣленную группу явленій, свидѣтельствующихъ о существованіи въ человѣкѣ такихъ способностей его природы, вслѣдствіе которыхъ его психическая дѣятельность не ограничивается предѣломъ его тѣла, но можетъ воспринимать впечатлѣнія, какъ психическія, такъ и физическія, безъ обычнаго посредства внѣшнихъ чувствъ, и въ свою очередь можетъ воздѣйствовать не только психически, но и физически (на предметы внѣшняго міра) безъ того же посредства тѣлесныхъ органовъ. Александръ — родной племянникъ Сергѣя Тимоѣевича Аксакова, автора знаменитой «Семейной хроники». За тѣмъ почти весь 4-й выпускъ и часть 5-го посвящена Сергѣю Тимоѣевичу; вторая половина 5-го выпуска — сыну его, знаменитому Константину Сергѣевичу. Обрисовкѣ удивительной, чудно-чистой и симпатичной личности этого человѣка г. Венгеровъ посвящаетъ нѣсколько теплыхъ страницъ. 6-й выпускъ посвященъ библіографіи и критическому обзору его сочиненій.

Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ и мыслитель. Вл. Штейна. Томъ первый. Ц. 2 р. 50 к. С.-Петербургъ, 1887 г. Съ какою любовью и съ какою подробностью составлена эта книга, доказывается уже тѣмъ, что одинъ только 1-й томъ занялъ 553 стр. Такія біографіи являются рѣдко, и нельзя не принести автору глубокой благодарности отъ лица всей русской публики, интересующейся личностью знаменитаго философа-пессимиста. 1-й томъ охватываетъ періодъ съ 1788 по 1831 годъ. Нѣсколько страницъ посвящено предкамъ Шопенгауэра и, между тѣмъ, передается, какъ одинъ изъ нихъ принималъ у себя на хуторѣ, близъ Данцига, Петра Великаго. Какое отношеніе имѣетъ это къ философу-шотомку — трудно догадаться. Вѣроятно, этотъ случай рассказанъ просто à propos, но его какъ-то странно видѣть на первыхъ страницахъ серьезной работы, и особенно странно въ біографіи такого мыслителя, какъ Шопенгауэръ.

Золото и кредитный рубль. В. Ярмонкина. Второе изданіе. С.-Петербургъ. Ц. 70 коп. Авторъ этой брошюры большой шутникъ и комикъ: на 167 страницахъ онъ изложилъ цѣлый планъ, какъ осчастливить человѣчество и спасти его отъ всѣхъ экономическихъ бѣдствій нашей эпохи торговыхъ и промышленныхъ кризисовъ, перепроизводства и проч. Средство до того просто,

что авторъ самъ съ изумленіемъ сравниваетъ свое открытіе съ открытіемъ Галилея и великаго Гете: стоитъ только правительству выпустить бумажныхъ денегъ, но не просто выпустить, какъ теперь, а устроить склады для всякихъ товаровъ и получать на эти бумажки товары, а потомъ продавать ихъ. Отъ этого, по мнѣнію автора, выйдетъ изъ употребленія серебро и золото, и тогда уже не будетъ причины въ недостаткѣ денегъ для промышленности, не будетъ и лишнихъ людей, ибо всѣ найдутъ работу. Золото и серебро пойдутъ на полезныя и пріятныя вещи, отчего произойдетъ одно только удовольствіе. Не будетъ перепроизводства, не будетъ промышленныхъ кризисовъ, уплатятся долги иностраннымъ государствамъ, которымъ правительство будетъ продавать товары на золото. Покупать и продавать товары правительство будетъ по биржевой цѣнѣ: если на одномъ товарѣ прогоритъ, на другомъ выгоритъ, поясняетъ авторъ... Интересно, что эту выжимку издала банкирская контора Блокка, знаменитаго продавца выигрышныхъ билетовъ въ разсрочку.

КНИГИ, ПОЛУЧЕННЫЯ РЕДАКЦІЕЙ.

(Съ краткими отзывами или содержаніемъ).

«Вѣстникъ опытной физики и элементарной математики». Выходитъ брошюрами въ 1¹/₂ листа, по 12 номеровъ въ учебное полугодіе. Цѣна за годъ 6 р., за полгода 3 р. III семестр. № 1. С о д е р ж а н і е. Отъ редакціи.—По поводу солнечнаго затмѣнія. III.—О предсказываніи затмѣній.—Элементарное доказательство одной теоремы о равновѣсїи матеріальной прямой. А. Зотова.—Научная хроника: Солнечное затмѣніе 7-го августа. Тепловой телефонъ передатчикъ (Форбестъ) Бхм. Вліяніе магнетизма на термоэлектричество висмута (Гримальди) Бхм. Фосфоресценція сѣрнистаго кальція (Беккерель) Бхм. Землетрясенія. Бури. Градина съ камнемъ. Электрогефестъ Бенардоса. Г. Гельбакъ. Электрическій маятникъ (Карпенть). Морской телеграфъ (Эдиссона). Новые карманные часы. Воздухоочиститель для мельницъ (Комерфорда). Автоматическій кранъ для газовыхъ рожковъ. Химическая дорожная бумага. «Физика на экзаменахъ» (Н. Гезехуса) III. «Справочная книжка фотографа» (В. Срезневскаго) Н. Загайкевича. Отчетъ о присланныхъ въ редакцію книгахъ. Разныя извѣстія.—Смѣсь: Ариетическое магическое кольцо. Табличка путевыхъ мѣръ, и др. Корреспонденція изъ г. Вѣрнаго И. Сапунова. Темы № 1 и 2.

Задачи №№ 161—168. Рѣшенія задачъ №№ 70, 100, 104 и 112.

«Нижегородскій сборникъ». Изданіе нижегородскаго статистическаго комитета подъ редакцію А. С. Гацискаго. Т. VII
Цѣна 1 р. 50 к.

«Люди нижегородскаго поволжья». Его же. Цѣна 60 к. Содержаніе. Предисловіе. А. Д. Улыбышевъ.—Ф. П. Переплетчиковъ.—Л. П. Косицкая.—А. В. Ступинъ.—Е. К. Огородниковъ. Приложенія: Къ біографіи Ф. П. Переплетчикова.—Нижегородскій синодикъ за 1886 годъ (М. Б. Прутченко, А. А. Одинцовъ и Н. И. Русиновъ).—Объявленія.

Наслѣдственность въ нервныхъ болѣзняхъ. Д-ра А. М. Докмана, приватъ-доцента казанскаго университета. Казань.

Весьма интересная лекція.

Современный взглядъ на санитарное значеніе домовъ терминности. Д. Д. Ахшарумова. Полтава.

Предметъ, избранный авторомъ, крайне важенъ и разработанъ имъ съ глубокимъ интересомъ.

Публичныя лекціи и рѣчи. И. Тарасовъ. Содержаніе. I) Исправленіе малолѣтнихъ преступниковъ. II) Въ защиту малолѣтнихъ преступниковъ. III) Полицейскій арестъ. IV) Железнодорожная политика. V) Исторія и финансы. VI) Иванъ Посошковъ. VII) Крестьянскіе земельные банки. VIII) Кредитъ и бумажныя деньги. IX) Сельское хозяйство въ Бельгіи и в. г. Люксамбургскомъ. X) Объ уваженіи къ женщинамъ. XI) Образованіе женщинъ. XII) Вѣра и знаніе. XIII) Ө. М. Достоевскій. XIV) Смерть Пушкина.

Дѣтская гимнастика. Руководство для родителей, учителей и дѣтскихъ садовницъ. К. Г. Шильдбахъ. Переводъ съ нѣмецкаго врача А. Шабановой. Цѣна 75 к., съ перес. 1 р. 10 к.

Весьма важная и необходимая для родителей и воспитателей книга.

ОТВѢТЫ И ЗАЯВЛЕНІЯ РЕДАКЦИИ.

Баршава. Г—ю Б—сонъ. Ваша статья «Значеніе точности въ экспериментальной наукѣ» не подходит къ требованіямъ редакціи.

Учительниця Ольга Ивановна Зиминой. Сообщите вашъ точный адресъ, по которому слѣдуетъ высылать журналъ, такъ какъ при подпискѣ вы написали только въ «с. Иваново», и потому журналъ не высылается.

ОПЕЧАТКА.

Въ июльской книжкѣ «Рус. Бог.», въ статьѣ «Этюды по разнымъ вопросамъ общей зоологій», на страницѣ 53, 4 строка снизу, напечатано: «въ средніе вѣка»; слѣдуетъ читать: «въ пресніе вѣка».

АМЕРИКАНКА.

Полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки бѣлья въ обыкновенной комнатной водѣ. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 руб., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Веніамину Ильичу Шлемензону, въ Одессу.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ.

Прошу васъ выслать мнѣ за прилагаемые 10 руб. еще двѣ „Американки“, которыя дѣйствительно оказались пригодными для мытья бѣлья не только въ семейномъ быту, но даже въ ротахъ нижнимъ чинамъ, что предоставляю вамъ отъ меня опубликовать. 13 мая 1886 г. Адресъ: Командиру 3 роты 52 резервнаго баталіона, капитану Рогозинскому, въ городъ Грайворонъ, Курской губ.

Подлинный отзывъ хранится при дѣлахъ редакціи газеты „Свѣтъ“.

Фабричное клеймо на снарядѣ:

В. Шлемензонъ — Симферополь.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

«ПОСРЕДНИКЪ»

(оптовая и иногородная продажа картинъ и книгъ для народнаго чтенія) ПЕРЕВЕДЕНЪ на Мойку, д. № 12, кв. 25.

зовать наклонность наблюдать и отыскивать вѣшніе признаки чужихъ чувствованій. Душа, одаренная способностью сочувствія, пристально наблюдаетъ людей; это наблюдение направляется привычнымъ и сильнымъ интересомъ къ людямъ; б) далѣе, мы не можемъ сочувствовать чужому горю, если сами не испытали горя и не можемъ припомнить нашего опыта. Для того, чтобы дѣлать чужое горе, надо понимать выраженіе его, а это требуетъ припоминанія собственныхъ горестей; в) съ этимъ воспоминаніемъ о личныхъ горестяхъ и радостяхъ должно соединяться сочувственное воображеніе, готовность поставить себя на мѣсто другаго и реализовать положенія и чувствованія, во многихъ отношеніяхъ отличныя отъ тѣхъ, которыя мы испытали сами.

Этотъ общій перечень главныхъ условій симпатіи поможетъ намъ понять, почему дѣти вообще лишены этого чувства. Имъ не достааетъ интереса къ людямъ, который побудилъ бы ихъ внимательнѣе наблюдать людей, и эмоціональнаго опыта, необходимаго для толкованія вѣшнихъ признаковъ чувствованія. Въ большинствѣ случаевъ, горести и радости взрослыхъ представляютъ для ребенка закрытую книгу. Сверхъ того, въ раннемъ возрастѣ симпатія исключается, или, по крайней мѣрѣ, значительно суживается преобладаніемъ себялюбивыхъ интересовъ и занятій и антисоціальными чувствованіями. Побужденія антипатіи, торжества, общественныхъ предрасудковъ, задерживаютъ проявленія жалости, тогда какъ зависть подавляетъ импульсъ радоваться чужой радости.

Зародышъ соціальныхъ чувствованій проявляется очень рано. Ребенокъ, по второму мѣсяцу, уже улыбается своей кормилицѣ,— фактъ, заставляющій предполагать въ немъ существованіе инстинкта общительности. Подражательное отраженіе выраженного чувствованія, на примѣръ, когда ребенокъ опускаетъ углы рта при видѣ слезъ своей кормилицы, проявляется на восьмомъ мѣсяцѣ жизни (Дарвинъ). Болѣе глубокая и болѣе интеллигентная симпатія проявляется на второмъ году въ видѣ жалости въ простымъ формамъ страданія, каковы: голодъ, холодъ и т. д.— формамъ, доступнымъ пониманію ребенка. Одними изъ первыхъ предметовъ дѣтской симпатіи являются животныя. Ребенку легко понять физическія нужды и физическое удовлетвореніе, изъ которыхъ складается животная жизнь. Отсюда отчасти то очарованіе, которое представляютъ для дѣтей рассказы о животныхъ ¹⁾. Изъ

¹⁾ Я видѣлъ, какъ ребенокъ 21-го мѣсяца отъ рожу заливался слезами при видѣ дохлой собаки, которую вытащили изъ пруда.

людей естественно первыми приобретаютъ симпатію ребенка тѣ, кто связанъ съ нимъ узами любви и повседневнаго сообщества. Сочувствіе къ постороннимъ людямъ развивается гораздо позднѣе; кругъ симпатіи постепенно расширяется, исходя изъ круга семьи, какъ изъ центра. Область симпатіи ограничивается запасомъ знанія и способностью воображенія ребенка. Поэтому, культура расширяетъ область симпатіи, и обратно—интересъ къ людямъ, порождаемый симпатіей, является однимъ изъ величайшихъ мотивовъ изученія человѣческой жизни и опыта, представляемыхъ біографіями, исторіей и т. д.

Примѣненія симпатіи. Сила симпатіи справедливо считается однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ воспитательныхъ двигателей. Она необходима, какъ вспомогательное средство для интеллектуальнаго развитія и еще болѣе, какъ средство нравственнаго развитія.

Какъ стимулъ ученія, симпатія представляетъ огромную силу. Первымъ условіемъ здѣсь является установленіе связи симпатіи между наставникомъ и воспитанниками. Въ этомъ наставникъ долженъ взять на себя инициативу, выказывая симпатію ребенку. Онъ можетъ войти въ положеніе ребенка, но не можетъ ожидать, чтобы ребенокъ понялъ его чувствованія. Возбудить такую взаимную привязанность въ дѣтяхъ очень трудно, потому что они лишены пониманія, необходимаго для того, чтобы оцѣнить, какъ много дѣлается для нихъ тѣми, кто о нихъ печется, и склонны приписывать недостатку доброты со стороны воспитателя тѣ дисциплинарныя ограниченія, къ которымъ ему приходится прибѣгать. Какъ замѣчаетъ миссъ Эджевортъ, «благодарность есть одна изъ самыхъ вѣрныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ позднѣйшихъ наградъ, которой могутъ ожидать отъ своихъ питомцевъ наставники и родители». Очевидно, что наставникъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи меньше средствъ, чѣмъ имѣютъ ихъ родители, для завоеванія горячей привязанности ребенка. Тѣмъ не менѣе, онъ можетъ многое сдѣлать. Въ школѣ ребенокъ встрѣчаетъ много трудностей. Ученье не всегда пріятно, въ особенности въ началѣ; этимъ можетъ воспользоваться наставникъ. Чѣмъ тѣснѣе будутъ его отношенія къ ученикамъ, чѣмъ съ большею добротой и терпѣніемъ будетъ онъ дѣлать дѣтскія затрудненія, тѣмъ больше благодарности возбудитъ онъ въ душѣ ребенка. Строгость преподавателя и охранителя дисциплины легко можетъ быть смягчаема при случаѣ дѣятельнымъ участіемъ въ дѣтскихъ занятіяхъ.

Такимъ образомъ, постоянно доказывая ребенку свою дружбу,

наставникъ можетъ современемъ завоевать его отвѣтную симпатію и развить въ немъ уваженіе къ себѣ. Обезпечить за собой дѣтскую симпатію въ высшей степени важно для успѣха преподаванія. Желаніе быть пріятнымъ представляетъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ двигателей интеллектуальной дѣятельности. Ребенокъ, искренно привязанный къ своему наставнику, будетъ, частью вслѣдствіе бессознательнаго подчиненія или подражанія, частью вслѣдствіе дѣятельнаго желанія понять и раздѣлить чувствованія того, кого онъ любитъ, — постепенно перенимать его душевный складъ и поддаваться вліянію его энтузіазма. Я зналъ мальчиковъ, жадно принимавшихся за изученіе скучнаго предмета подъ вліяніемъ сильной привязанности къ своему наставнику.

Этому вліянію симпатіи между наставникомъ и воспитанниками едва-ли уступаетъ вліяніе симпатіи между самими воспитанниками. Ребенокъ, попавшій въ классъ, въ которомъ есть живой интересъ къ ученію, непремѣнно заразится преобладающимъ тономъ класса. Общество живыхъ, трудолюбивыхъ товарищей представляетъ могущественный стимулъ для каждаго ребенка. Этотъ стимулъ является важнымъ ингредиентомъ воспитательнаго вліянія совместнаго обученія многихъ дѣтей. Тамъ, гдѣ связь между воспитанниками становится все тѣснѣе, и рождается привязанность, является новая цѣнная сила, способствующая развитію интеллектуальной дѣятельности. Не одинъ юный интеллектъ становится живѣе и острѣе подъ живительнымъ вліяніемъ симпатическаго соприкосновенія съ болѣе развитою и сильною душой.

Представляя, такимъ образомъ, большую цѣнность, какъ вспомогательная сила для интеллектуальнаго развиванія, симпатія является еще болѣе жизненнымъ элементомъ въ развиваніи нравственности. Любовь къ родителямъ или наставнику служитъ сильнѣйшею охраной противъ дурныхъ поступковъ. Причинить огорченіе тѣмъ, кого онъ любитъ, доставляетъ сильнѣйшее страданіе любящему ребенку. Вліяніе высоконравственнаго характера дѣйствуетъ черезъ посредство желанія симпатіи. Ребенокъ подражаетъ человѣку, котораго онъ любитъ и почитаетъ, и старается быть на него похожимъ, потому что хочетъ заслужить его сочувствіе. Кромѣ того, какъ мы сейчасъ увидимъ, симпатія вообще представляетъ важный элементъ хорошихъ нравственныхъ наклонностей. Развѣтѣ въ дѣтяхъ чувства симпатіи и подавленія себялюбивыхъ и анти-соціальныхъ чувствованій является главною задачею моральнаго воспитанія.

Развитіе симпатіи въ дѣтяхъ требуетъ особеннаго вниманія.

Семья представляет болѣе широкое поле, чѣмъ школа, для полнаго проявленія симпатіи въ дѣятельной добротѣ и взаимной помощи. Родители должны остерегаться потворства чувству чело-вѣколюбія, если оно не сопровождается соразмѣрною готовностью придти на помощь страданію. Поэтому, чувство жалости слѣдуетъ вызывать вначалѣ не столько трогательными разсказами, сколько живыми примѣрами страданія, дающими просторъ для приложенія доброжелательной дѣятельности. Слишкомъ легко усвоить вѣщныя признаки добраго чувствованія, лишеныя истиннаго духа милосердія, и воспитатель долженъ скорѣе подавлять, чѣмъ поощрять въ дѣтяхъ такъ называемыя сценическія слезы.

Симпатическія чувствованія и чувство чело-вѣколюбія, представляющее ихъ высшій продуктъ, должны быть развиваемы въ связи съ тѣми предметами изученія, которые касаются чело-вѣческой жизни и ея произведеній, и въ особенности въ связи съ исторіей и литературой. Ясное пониманіе и вѣрная оцѣнка идей, цѣлей и побужденій, какъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, такъ и обществъ, требуетъ извѣстнаго упражненія симпатическаго во-ображенія. Поэтому, изученіе чело-вѣческихъ дѣйствій, какими они являются на страницахъ исторіи, и мыслей и чувствъ великихъ умовъ, какими они сохранились въ литературѣ, является сред-ствомъ развитія чувства симпатіи. И цѣлью воспитателя въ этомъ случаѣ должно быть расширеніе объема симпатій воспитанника и развитіе въ немъ болѣе глубокаго и тонкаго пониманія общихъ и въ то же время безконечно разнообразныхъ опытовъ и чувствованій чело-вѣчества.

Глава XVIII.

Абстрактныя чувства.

Въ настоящей главѣ мы будемъ говорить о третьемъ и высшимъ порядкѣ эмоций, объ абстрактныхъ чувствахъ. Полное развитіе этихъ чувствъ принадлежитъ періоду отрочества и зрѣлости; но зародыши ихъ проявляются и въ раннемъ возрастѣ, и развитіе и усиленіе этихъ зародышей представляетъ важную часть воспитанія.

а) **Интеллектуальное чувство.** Первымъ изъ абстрактныхъ чувствъ является то, которое связано спеціально съ интеллектуальною культурой, а именно интеллектуальное чувство ¹⁾. Оно обнимаетъ собою различныя чувствованія, развивающіяся совместно съ преслѣдованіемъ и достиженіемъ разнаго рода знанія. Объ этихъ чувствахъ обыкновенно говорится, какъ о наслажденіяхъ знаніемъ; развиваясь въ прочную форму привязанности, они образуютъ любовь къ истинѣ. По отношенію къ волѣ, какъ къ стимулу или силѣ, побуждающей къ дѣйствіямъ, они извѣстны подъ именемъ любознательности или желанія знать.

Чувство невѣдѣнія и удивленія. Вообще говорятъ, что желаніе знать возникаетъ изъ чувства невѣдѣнія или недоумѣнія передъ неизвѣстнымъ. Само по себѣ это тягостное чувство. Ребенокъ, который узнаетъ, напримѣръ, изъ разговора окружающихъ, что есть вещи, о которыхъ онъ ничего не знаетъ или знаетъ очень мало, въ ту минуту ощущаетъ недовольство.

То же чувство неудовлетворенія возникаетъ нѣсколько иначе въ присутствіи всего новаго, страннаго и затрудняющаго. Напримѣръ, ребенокъ въ первый разъ видитъ радугу. Прежде всего его поражаетъ красота и новизна явленія. Онъ ощущаетъ родъ пріят-

¹⁾ Идейное чувство у Н. Я. Грота.

наго возбужденія, которое мы называемъ удивленіемъ. Дѣтская душа можетъ остановиться на этомъ, удовольствовавшись возбуждающимъ дѣйствиемъ чудеснаго. Это и случается съ дѣтьми и юношами, которые отличаются эмоциональною природою и у которыхъ любовь къ чудесному особенно сильна. Поэтому, въ своей наиболѣе сильной и опьяняющей формѣ чувство удивленія противоположно желанію знать и научной любознательности. Но когда оно не вполне овладѣло душою, то самая странность явления возбуждаетъ въ ней стремленіе къ изслѣдованію. Такъ, ребенокъ спрашиваетъ, что такое радуга и откуда она взялась. Другими словами, изъ чувства удивленія развивается импульсъ любознательности.

Наслажденіе приобрѣтеніемъ знанія. Хотя, такимъ образомъ, любовь къ знанію возникаетъ изъ тягостнаго чувствованія, изъ чувства невѣдѣнія или недоумѣнія, она въ значительной мѣрѣ поддерживается пріятными чувствованіями, сопровождающими достиженіе знанія. Какъ было сказано выше, всякое интеллектуальное упражненіе,—если оно не доводится до степени усталости,—пріятно. Каждый родъ интеллектуальной дѣятельности сопровождается соответствующимъ ему удовлетвореніемъ. Такъ, упражненіе наблюдательности приноситъ съ собою наслажденіе дѣятельностью внѣшнихъ чувствъ, т.-е. красками и движеніемъ. Упражненіе каждаго изъ двухъ великихъ интеллектуальныхъ отправленій — различенія и уподобленія, сопровождается особаго рода удовлетвореніемъ. Мы находимъ удовольствіе въ отыскиваніи противоположностей и тончайшихъ различій между предметами. Съ другой стороны, соединеніе несходныхъ предметовъ какимъ-нибудь звѣномъ подобія даетъ намъ другую, еще болѣе живую форму удовлетворенія. Въ уподобленіи, а черезъ уподобленіе и въ объединеніи предметовъ, считавшихся до тѣхъ поръ несходными и разъединенными, заключается радостное возбужденіе неожиданностью и новизной и особенно пріятное чувство интеллектуальнаго движенія и силы. У дѣтей восприимчивость къ этому чувству часто обнаруживается въ томъ взглядѣ восторженнаго удивленія, какимъ сопровождается у нихъ открытіе какого-нибудь дѣйствительнаго или воображаемаго сходства между предметами 1).

1) Восторгъ, который испытываетъ душа, открывая новыя тождества, проявляется ясно въ томъ очарованіи, какое имѣютъ для насъ поэтическія уподобленія.

Полное наслаждение интеллектуальною дѣятельностью мы видимъ въ тѣхъ болѣе продолжительныхъ процессахъ, гдѣ душа тщательно доискивается какого-нибудь новаго факта или истины. Пассивное принятіе новаго знанія, даже если ему предшествовали страданія невѣдѣнія или недоумѣнія, даетъ мало наслажденія въ сравненіи съ активнымъ, самостоятельнымъ отыскиваніемъ знанія. Мальчикъ, вырабатывающій геометрическую проблему безъ посторонней помощи, получаетъ несравненно больше удовлетворенія, нежели мальчикъ, которому даютъ готовое рѣшеніе проблемы. Въ первомъ случаѣ пробуждается полная дѣятельность души; цѣпи идей быстро проходятъ передъ нею, и ощущается пылъ интеллектуальнаго возбужденія. Кромѣ того, является удовольствіе въ преслѣдованіи цѣли, наслажденіе интеллектуальною погоней или охотой. Умѣренное количество трудностей и замедленій только возбуждаетъ интеллектуальныя силы до высшаго напряженія и черезъ это усиливаетъ наслажденіе. Въ концѣ концовъ, является радостное чувство успѣшнаго преодоленія трудностей и торжества.

Наконецъ, какъ было указано выше, овладѣваніе и обладаніе знаніемъ сопровождается пріятнымъ сознаніемъ расширенія и развитія интеллекта. Душа учащагося чувствуетъ, что обогатилась новымъ приобрѣтеніемъ и что это прибрѣтеніе есть источникъ личной силы; оно уменьшило для ищущаго знаній область невѣдомаго и темнаго и подкрѣпило его довѣріе къ себѣ въ его отношеніяхъ къ вѣшнему міру. Во многихъ случаяхъ также новое прибрѣтеніе помогаетъ душѣ тверже удерживать прежнія прибрѣтенія. Такъ, открытіе новой общей истины освѣщаетъ факты, бывшіе раньше темными, и соединяетъ многіе разрозненные обрывки знанія однимъ связующимъ принципомъ. И, какъ послѣдній результатъ, новыя умственные прибрѣтенія даютъ учащемуся пріятное чувство его возрастающей практической силы. Высшее назначеніе всякаго знанія это—руководить дѣйствіями, и увеличеніе чувства могущества, сопровождающее возрастаніе знанія, обуславливается нѣкоторою реализаціей въ воображеніи многихъ практическихъ приложеній знанія.

Развитіе интеллектуальныхъ чувствъ: дѣтская любознательность. Наслажденіе изученіемъ чего-нибудь и расширеніемъ объема знанія, которое мы только что анализировали, является результатомъ продолжительнаго процесса развитія. Любовь къ истинѣ ради истины, добровольный трудъ преслѣдованія ея во всѣхъ направленіяхъ есть рѣдкій даръ даже у взрослыхъ. Тѣмъ не ме-

нѣе, зародышъ этого чувства проявляется у дѣтей самымъ отчетливымъ образомъ.

Самое положеніе ребенка въ новой для него обстановкѣ дѣлаетъ его въ высшей степени воспріимчивымъ къ вліянію чувства удивленія и любознательности. Окружающіе его предметы и процессы новы для него и привлекаютъ его вниманіе. У него не вошло еще въ привычку равнодушіе ко всему обычному; узкій обиходъ повседневной жизни еще не ограничилъ его интеллектуальнаго интереса къ окружающему міру. Отсюда тотъ фактъ, знакомый всѣмъ родителямъ, что дѣти такъ часто задаютъ странные, неожиданные вопросы о вещахъ, не имѣющихъ повидимому, никакого отношенія къ ихъ личнымъ интересамъ.

Большая доля такой, порождаемой удивленіемъ, любознательности, безъ сомнѣнія, въ значительной мѣрѣ скоропреходяща и мимолетна. Чувство невѣднія не достигло полной степени возбужденія, и желаніе знать не поддерживается опредѣленнымъ и достаточнымъ интересомъ къ опредѣленному предмету. Отсюда другой, также извѣстный родителямъ по опыту, фактъ, что, не успѣваетъ юный вопрошающій получить отвѣтъ на свой вопросъ, какъ уже утомляется предметомъ и переходитъ къ новымъ областямъ изслѣдованія.

Истинное чувство любознательности, достаточное для поддержанія продолжительнаго акта вниманія, должно подкрѣпляться какимъ-нибудь специальнымъ интересомъ. Какъ было указано выше, интеллектуальный интересъ естественно возникаетъ изъ другихъ родовъ интереса (личнаго, практическаго, эстетическаго). Личный опытъ и преобладающія чувствованія и вкусы ребенка опредѣляютъ направленія его любознательности и желанія изучать окружающее. У ребенка нѣтъ или очень мало любви къ абстрактному знанію; но у него есть зародышъ любви къ различнымъ отдѣламъ или направленіямъ знанія. Такъ по замѣчанію г-жи Неккеръ, любовь ребенка къ красивымъ предметамъ, въ особенности къ цвѣтамъ, раковинамъ и птицамъ, образуетъ истинный базисъ любознательности къ фактамъ естественной исторіи. Точно такъ же любовь къ чудесному, къ приключеніямъ и зародыши социальнаго чувства и симпатіи составляютъ естественную поддержку интеллектуальнаго интереса къ человѣческимъ дѣйствіямъ и къ исторіи.

Высшія степени развитія интеллектуальнаго чувства. Такимъ образомъ, дѣтская любознательность и любовь къ знанію стремятся съ самаго начала кристаллизоваться въ опредѣленные фор-

ны, которые мы называемъ специальными и интеллектуальными интересами ребенка. Направленіе этихъ интересовъ опредѣляется частью врожденными вкусами, частью особыми условиями жизни. То, что ребенокъ видитъ постоянно, то, что тѣсно связано съ его повседневнымъ домашнимъ опытомъ, естественно представляетъ ядро, вокругъ котораго группируются прочные интеллектуальные интересы. Такъ, сынъ фермера естественно заинтересовывается лошадьми, сборомъ хлѣба, и т. п. Многое также является слѣдствіемъ вліянія примѣра и безсознательной симпатіи. Отдѣлы знанія, особенно цѣнимые отцомъ или наставникомъ, обыкновенно больше всего заинтересовываютъ ребенка.

Развитіе интеллектуальнаго чувства можно прослѣдить въ двухъ направленіяхъ: а) въ усиленіи интереса къ извѣстнымъ, опредѣленнымъ отдѣламъ знанія, на примѣръ, къ естественнымъ наукамъ, къ языкамъ, и б) въ расширеніи вообще интеллектуальнаго интереса, въ развитіи общей безпристрастной любознательности. Эти два направленія интеллектуальнаго развитія до извѣстной степени различаются между собой и даже противоположны другъ другу. Углубленіе въ специальные отрасли изслѣдованія губительно для общаго духа любознательности.

Развивая въ ребенкѣ интеллектуальныя чувствованія и интересы, воспитатель долженъ слѣдовать естественному порядку. Напрасно было бы искать вначалѣ живой и господствующей жажды знанія, ибо такое чувство, за исключеніемъ немногихъ высокоодаренныхъ дѣтей, у которыхъ оно развивается рано, есть продуктъ медленнаго процесса развитія. Дѣти не способны реализовать все наслажденіе интеллектуальною дѣятельностью и вначалѣ не умѣютъ цѣнить ея огромной практической полезности. Поэтому слѣдуетъ прибѣгать къ побочнымъ вспомогательнымъ средствамъ; въ этомъ случаѣ слѣдуетъ пользоваться принципомъ ассоціаціи и развивать извѣстную любовь къ интеллектуальнымъ занятіямъ, дѣлая по возможности пріятнымъ все, что имъ сопутствуетъ. Пріятный голосъ и обращеніе преподавателя могутъ въ значительной мѣрѣ пріохотить учащихся къ предмету, къ которому они раньше относились равнодушно.

Въ то же время легко впасть въ другую крайность, слишкомъ много полагаясь на внѣшній интересъ, на интересъ ассоціаціи. Наша новѣйшая система школьныхъ состязаній, съ ея механизмомъ экзаменовъ, опубликованія списковъ экзаменуемыхъ и т. д., легко возбуждаетъ въ учащихся ту мысль, что цѣнность

ученія совершенно относительно и зависитъ отъ вѣшнихъ условий.

Воспитатель долженъ съ самаго начала стараться возбудить въ учащемся любовь къ знанію ради знанія и желаніе достигнуть истины. Достиженіе этой цѣли обеспечивается до извѣстной степени вліяніемъ примѣра и симпатіи. Можно принять за правило, что преподаватель, обнаруживающій неподдѣльный живой интересъ къ преподаваемымъ имъ предметамъ, будетъ заинтересовывать своихъ учениковъ. Кроме того, воспитатель долженъ какъ можно больше пользоваться самопроизвольнымъ импульсомъ дѣтской любознательности, стараясь прослѣдить направленія этой любознательности, и такимъ образомъ, узнать, какимъ способомъ онъ можетъ лучше всего укрѣпить интересъ и стремленіе къ изслѣдованію въ этихъ опредѣленныхъ направленіяхъ. Въ дополненіе къ этому, онъ долженъ стараться сохранить въ ребенкѣ нѣкоторую долю широкой свободной любознательности первыхъ годовъ жизни и воспитать въ немъ стремленіе къ наблюденію и изслѣдованію предметовъ вообще.

в. Эстетическое чувство. Второе изъ трехъ чувствъ, которое намъ предстоитъ рассмотреть здѣсь, извѣстно подъ именемъ эстетической эмоціи, а также подъ именемъ наслажденія прекраснымъ, или вкуса. Это чувство обнимаетъ собою множество различныхъ пріятныхъ чувствованій, а именно чувствованій вызываемыхъ всѣмъ красивымъ, изящнымъ, гармоничнымъ или величественнымъ въ предметахъ природы или произведеніяхъ искусства. Этимъ наслажденіямъ соотвѣтствуютъ непріятныя чувствованія, возбуждаемыя всѣмъ безобразнымъ, нестройнымъ и т. д.

Чувство наслажденія является спутникомъ впечатлѣній, производимыхъ на душу вѣшними предметами, черезъ посредство одного изъ двухъ высшихъ чувствъ — зрѣнія или слуха, въ особенности зрѣнія. Наслажденіе возникаетъ непосредственно изъ воспріятія или признанія какой-нибудь пріятной черты или свойства предмета, какъ-то: яркости цвѣта, чистоты тона, симметричности храма.

Эстетическія наслажденія занимаютъ высокое мѣсто въ ряду нашихъ удовольствій. Отъ низшихъ, чувственныхъ, напримѣръ, вкусовыхъ наслажденій, они отличаются своею утонченностью или чистотой. Они образуютъ, такъ сказать, излишекъ надъ повседневнымъ удовлетвореніемъ, которое мы испытываемъ въ необходимомъ жизненномъ обиходѣ. Наслажденіе прекраснымъ ни-

сколько не зависит от сознания полезности предмета. Таким образом, развивание и удовлетворение эстетических чувствований близко аналогично дѣтской игрѣ—дѣятельности, которой ребенокъ предается ради нея самой. Наконецъ, наслажденія, которыя мы испытываемъ, рассматривая прекрасныя виды природы или произведенія искусства, являются въ высокой степени социальными наслажденіями. Множество людей можетъ сообща наслаждаться прекрасною картиною или музыкальною пьесой. И въ этомъ случаѣ наслажденіе значительно усиливается обмѣномъ сочувственныхъ впечатлѣній¹⁾.

Элементы эстетическаго наслажденія. Наслажденія, возникающія изъ созерцанія прекраснаго предмета, будетъ-ли это предметъ природы, или искусства, бываютъ различныхъ родовъ и разныхъ степеней достоинства, соотвѣтственно тому мѣсту, какое занимаетъ въ ряду душевныхъ способностей способность, дѣйствующая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. 1) Простейшій видъ такихъ наслажденій есть чувственное наслажденіе, вытекающее изъ полнаго возбужденія участвующаго въ данномъ случаѣ органа чувствъ. Наслажденіе яркимъ свѣтомъ и цвѣтомъ, изящнымъ изгибомъ и чистымъ музыкальнымъ тономъ можетъ служить примѣромъ проявленія такого чувственнаго элемента. 2) Болѣе высокая степень эстетическаго удовольствія сопряжена съ сознательною душевною дѣятельностью въ отыскиваніи привлекательныхъ отношеній между чувственными матеріалами и въ особенности въ комбинированіи множества привлекательныхъ частныхъ въ одно прекрасное цѣлое. Этотъ процессъ требуетъ упражненія способности воспріятія. Этотъ элементъ эстетическаго наслажденія реализуется въ оцѣнкѣ отношеній контраста и гармоніи цвѣтовъ, красотъ формъ пространства, или формъ, какъ онѣ представляются глазу, съ симметрией и пропорціональностью включительно; красотъ формъ времени, или пріятной для слуха группировки звуковъ въ послѣдовательности, группировки, обнимающей собою ритмъ, размѣръ, а также и тѣ сочетанія музыкальныхъ тоновъ, которыя мы называемъ напѣвомъ или мелодіей. 3) Кромѣ этихъ презентативныхъ элементовъ, наслажденіе прекраснымъ заключаетъ въ себѣ и репрезентативныя элементы. Послѣдніе обнимаютъ собою наслажденіе возбуждаемыми ассоціа-

¹⁾ О социальномъ характерѣ этого эстетическаго чувствованія свидѣлствуютъ инстинктивное стремленіе ребенка обращать вниманіе матери на то, что кажется ему красивымъ.

ціями и наслажденія воображенія. Большая доля прелести для насъ предметовъ природы, какъ-то: придорожнаго цвѣтка, журчащаго ручья, разваливъ замка, зависитъ отъ того, что мы ассоціируемъ эти предметы съ тѣмъ, что намъ кажется привлекательнымъ, трогательнымъ или величественнымъ.

Наконецъ, наслажденіе произведеніемъ искусства въ значительной мѣрѣ зависитъ отъ того, насколько мы признаемъ вѣрность этого произведенія правдѣ и жизни. Подражательныя искусства, въ особенности живопись, драматическое искусство и поэзія, стараются представить какую-нибудь сторону природы или человѣческой жизни посредствомъ художественнаго подобія, и наслажденіе, которое они намъ даютъ, вытекаетъ отчасти изъ признанія нами вѣрности этого подобія. Здѣсь эстетическое наслажденіе связано съ чисто-интеллектуальнымъ удовольствіемъ познанія истины.

Эстетическое сужденіе: вкусъ. Выраженія «чувство прекраснаго», «воспріятіе красоты» или «признаніе красоты» мы вообще употребляемъ безразлично. Это показываетъ, что въ этомъ случаѣ элементъ чувствованія тѣсно связанъ съ интеллектуальнымъ процессомъ. Первая оцѣнка въ широкой мѣрѣ эмоциональна. Т.-е. мы говоримъ, что предметъ красивъ, потому что созерцаніе его доставляетъ намъ удовольствіе. Это можетъ быть названо автоматическимъ или безсознательнымъ эстетическимъ сужденіемъ. Сознательное или интеллигентное сужденіе, кромѣ такого безсознательнаго сужденія, заключаетъ въ себѣ процессъ сравненія одного предмета съ другимъ, признаніе извѣстныхъ сторонъ предметовъ, каковы: чистота красокъ или изящество формъ,—какъ специфическаго источника наслажденія.

Мѣрило вкуса. Неопредѣленность области вкуса вошла въ разговорку. Отдѣльные индивидуумы и общества далеко расходятся въ своихъ эстетическихъ предпочтеніяхъ. Однако, среди этихъ различій проглядываетъ извѣстное единообразіе, и можно прослѣдить законы вкуса. Такіе законы даютъ мѣрило, съ помощью котораго каждый индивидуумъ можетъ регулировать свои рѣшенія и судить правильно. Мѣрило вкуса создается слѣдующимъ образомъ: прежде всего, мы замѣчаемъ то, что одобряли лучшіе судьи всѣхъ временъ, и затѣмъ дополняемъ это размышленіемъ объ истинной природѣ красоты и искусства.

Мы можемъ сказать, что вкусъ неправиленъ, когда онъ одобряетъ то, что осуждаетъ нормальная человѣческая природа, на примѣръ, явно нестройное сочетаніе звуковъ или красокъ. Отъ

простой правильности или здравости вкуса мы должны отличать утонченность вкуса или тонкость различения. Последнее качество отвечает той степени, какой достигла культура этой способности. Простыя эстетическія предпочтенія ребенка могутъ быть правильны или хорошаго вкуса, хотя съ точки зрѣнія взрослого имъ можетъ не доставать утонченности или тонкости различенія.

Развитіе эстетической способности. Въ своей высшей и болѣе утонченной формѣ, чувство красоты есть позднее приобрѣтеніе и предполагаетъ высокую степень интеллектуальной и эмоціо-нальной культуры. Въ началѣ жизни не существуетъ яснаго отдѣленія истинно прекраснаго отъ того, что просто нравится индивидууму. Какъ въ исторіи расы, такъ и въ исторіи индивидуума, чувство красоты медленно выдѣляется изъ сознанія удовольствія вообще и освобождается отъ чувства того, что лично полезно и пріятно индивидууму.

Порядокъ развитія эстетическаго чувства въ главныхъ своихъ чертахъ отвѣчаетъ тремъ степенямъ наслажденія, о которыхъ упоминалось выше. Первый грубый опытъ наслажденія красотой младенецъ получаетъ отъ какаго-нибудь новаго и восхищающаго его чувственнаго впечатлѣнія, какъ-то: отъ игры солнечнаго свѣта на стѣнѣ, яркой окраски тюльпана, пріятныхъ звуковъ птичьяго пѣнія и т. д. Интеллектуальная оцѣнка формы (симметріи и пропорціональности) предполагаетъ развитіе способности наблюдать и сравнивать, и потому приходитъ позднеѣ. Вначалѣ дѣти чувствуютъ прелесть той или другой частности въ отдѣльности, но неспособны схватить отношеній многихъ частей и соединить ихъ въ одно прекрасное цѣлое⁴⁾. Наконецъ, наслажденіе возбужденіемъ ассоціаціей и идейнымъ значеніемъ предметовъ возможно только тогда, когда накопился опытъ и развилась репрезентативная способность. Ребенокъ не чувствуетъ пафоса разрушеннаго замка или величественности горной вершины, потому что опытъ и мысль еще не облекли для него эти предметы многочисленными и богатыми ассоціаціями.

Хотя, такимъ образомъ, мы намѣчаемъ въ общихъ чертахъ три стадіи эстетическаго наслажденія, указывая на чувственную стадію, какъ на первую, и т. д., однако, мы должны помнить, что всѣ три стороны эстетической способности развиваются

⁴⁾ Вслѣдствіе этого, какъ замѣчаетъ г-жа Неккеръ, у ребенка нѣтъ чувства общей живописной прелести ландшафта. Однако, чувство формъ времени или ритма развивается очень рано.

совмѣстно. Въ каждой изъ нихъ существуетъ постепенный переходъ отъ грубаго наслажденія къ утонченному, отъ простаго къ сложному. Такъ, вначалѣ маленькій ребенокъ находитъ наслажденіе только въ самыхъ поразительныхъ и яркихъ чувственныхъ эффектахъ свѣта и звука; затѣмъ, по мѣрѣ развитія его способности различенія, онъ начинаетъ распознавать менѣе рѣзкіе оттѣнки красоты, какъ-то: спокойную красоту мягкаго колорита, прелесть чистоты красокъ и т. д. Точно такъ же развивается въ утонченности и его оцѣнка сочетаній красокъ и звуковъ и отношеній формъ, какъ пространства, такъ и времени. Наконецъ, по мѣрѣ расширенія его опыта и знаній, значеніе для него предметовъ и возбуждаемыя ими ассоціаціи становятся богаче. Дѣтенокъ приобретаетъ болѣе глубокую прелесть для души по мѣрѣ того, какъ она начинаетъ понимать тонкость его строенія, задумывается надъ его короткою, хрупкою жизнью и облекаетъ его множествомъ счастливыхъ ассоціацій ранняго дѣтства и нравственнымъ и религиознымъ значеніями.

Развиваясь, такимъ образомъ, съ пассивной стороны или со стороны оцѣнки, эстетическая способность заявляетъ о себѣ и съ активной стороны, или со стороны побужденія къ творчеству. Это побужденіе, имѣющее тройной корень, въ любви къ дѣятельности, въ подражаніи природѣ и въ выраженіи или воплощеніи внутренней идеи—представляетъ одинъ изъ самыхъ раннихъ инстинктовъ расы и проявляется очень рано въ жизни индивидуума. Уже на первомъ году жизни дѣти обнаруживаютъ зародышъ художественнаго творчества. Они увлекаются игрой разныхъ ролей¹⁾, своими маленькими ручками они стараются придать извѣстный видъ или расположеніе предметамъ. Какъ было замѣчено выше, дѣтская игра есть своего рода наивное, бессознательное произведеніе искусства. По мѣрѣ развитія вкуса ребенка и его способности приводить въ исполненіе задуманное, онъ получаетъ все больше и больше наслажденія отъ произведенія такихъ художественныхъ эффектовъ. Съ другой стороны, упражненіе творческихъ побужденій существенно усиливаетъ и расширяетъ интересъ въ созерцанію произведеній искусства вообще.

Далѣе, по мѣрѣ того, какъ усиливается и расширяется эстетическій опытъ ребенка или знакомство его съ прекраснымъ въ

¹⁾ Дарвинъ говоритъ, что его сынъ тринадцати мѣсяцевъ отъ роду обнаруживалъ «намеки на драматическое искусство»: онъ притворялся, что сердится, и билъ отца ради пріятной развязки,—подълау.

природѣ и искусствѣ, его способность сужденія становится тверже и компетентнѣе. Съ самаго начала ребенокъ болѣе или менѣе сознательно создаетъ себѣ мѣрило эстетической оцѣнки. Эта оцѣнка будетъ отчасти результатомъ его индивидуальных вкусовъ и предпочтеній, ибо каждый ребенокъ стремится поставить свои вкусы закономъ для другихъ, но въ главномъ она будетъ отражать внѣшній авторитетъ, подъ вліяніемъ котораго растетъ ребенокъ, т.-е. художественные образцы, въ видѣ картинъ, одежды и т. п., постоянно его окружающіе, и ходячія положенія его родителей, наставниковъ и т. д. Но по мѣрѣ развитія его вкусовъ, расширенія художественнаго опыта и знанія и усиленія способности размышлять, это первое временное мѣрило вкуса будетъ постепенно совершенствоваться, и съ приобрѣтеніемъ ребенкомъ болѣе глубокаго пониманія истинныхъ и общепризнанныхъ основаній эстетическаго и художественнаго достоинства, будетъ возрастать ясность и точность его сужденія.

Воспитаніе вкуса. Какъ было замѣчено выше, воспитаніе чувствованій достигаетъ высшей своей точки въ развитіи вкуса. Важное воспитательное значеніе эстетической культуры зависитъ отъ того факта, что, утончая чувствованія, освобождая ихъ отъ личныхъ пристрастій и связывая ихъ съ предметами общаго воспріятія, она значительно расширяетъ и возвышаетъ источники дѣтскаго счастья.

Развитіе вкуса требуетъ внѣшнихъ условій. Между этими условіями воспитаніе играетъ важную роль. Соціальная обстановка оказываетъ могущественное вліяніе на развитіе вкуса, по крайней мѣрѣ, въ раннемъ возрастѣ. Какъ было указано выше, ребенокъ выводитъ свои мнѣнія о томъ, что красиво или некрасиво, изъ того, что видитъ и что одобряютъ или не одобряютъ окружающіе. Поэтому, посредствомъ контролированія художественной обстановки ребенка и прямаго обученія воспитатель можетъ многое сдѣлать для образованія его незрѣлаго вкуса.

Во-первыхъ, такъ какъ эстетическая способность, подобно другимъ способностямъ, развивается упражненіемъ надъ подходящимъ матеріаломъ, то очень важно окружить ребенка съ самаго начала красивыми, привлекательными и изящными вещами. Развивая вкусъ ребенка, какъ и другія его способности, мы должны помнить, что первыя впечатлѣнія производятъ самое продолжительное дѣйствіе. Основанія любви къ картинамъ природы должны закладываться въ раннемъ возрастѣ приведеніемъ юной души въ возможно большее соприкосновеніе съ впечатлѣ-

ніями природы, красокъ земли, воды и неба и разнообразныхъ привлекательныхъ звуковъ—шумящаго потока, лѣса и живыхъ существъ. Только такая ранняя близость къ природѣ создаетъ наиболѣе цѣнные эстетическія ассоціаціи.

Во вторыхъ, мать или вообще воспитатель можетъ многое сдѣлать, направляя вниманіе ребенка на все прекрасное въ его естественной обстановкѣ, указывая ему на тѣ стороны предметовъ, которые ласкаютъ глазъ и душу и, такимъ образомъ, упражняя его эстетическую способность. Развиваніе чувственной стороны этой способности представляетъ само по себѣ значительную работу. Всѣ мы склонны пропускать безъ вниманія точный характеръ чувственныхъ впечатлѣній, болѣе тонкія частности свѣта и тѣни, цвѣта и очертаній предметовъ вслѣдствіе высшаго интереса, возбуждаемаго въ насъ этими предметами, а именно, интереса къ самимъ предметамъ, ихъ употребленію и т. д. Глядя на стволъ дерева или на старую стѣну, обросшіе мхомъ и цвѣтами, ребенокъ склоненъ пропускать эти мало замѣтныя частности, удивляясь высотѣ стѣны или дерева и рассчитывая, можетъ ли онъ вскарабкаться на нихъ. Для того, чтобы видѣть въ точности то, что находится передъ глазами, нужны: особенный интересъ къ чувственнымъ впечатлѣніямъ и привычка къ пристальному вниманію; поэтому, развивая эстетическую способность, воспитатель долженъ стараться развить тотъ тонкій и рѣдко встрѣчающійся родъ наблюдательности, для котораго нѣтъ ничего слишкомъ обыкновеннаго или незначущаго. Воспитатель можетъ многое сдѣлать также, направляя вниманіе ребенка на красивыя формы предметовъ, на благородную симметричность горъ, на разнообразныя излучины рѣки, на строгую правильность кристалловъ и на изящную пропорціональность живыхъ формъ. Онъ не долженъ упускать изъ виду и третьей стороны эстетическаго наслажденія: посредствомъ упражненія воображенія и мыслительныхъ способностей ребенка, такъ же какъ и посредствомъ прямого обученія, онъ долженъ возбуждать въ немъ по отношенію къ каждому предмету тѣ богатые и поэтическія ассоціаціи, которыя придаютъ предметамъ въ нашихъ глазахъ столько поэтической цѣнности.

Развиваясь въ созерцаніи красотъ природы, вкусъ ребенка долженъ быть развиваемъ также постояннымъ соприсношеніемъ съ изящными искусствами. Для этого домашняя обстановка ребенка, одежда и т. д. должна быть такова, чтобы могла пробуждать въ немъ первое чувство изящнаго и гармоничнаго. Мать,

которая обладает тонким вкусом и заботится о томъ, чтобы все, какъ въ ея домѣ, такъ и въ собственной ея вѣнности, было привлекательно и гармонично, можетъ оказать въ высшей степени важное вліяніе на развитіе въ ребенкѣ зарождающагося чувства прекраснаго и дать первое направленіе его мѣрилу вкуса. Мало того, слѣдуетъ съ самаго начала воспитывать въ ребенкѣ любовь къ изящнымъ искусствамъ. Первые дѣтскія книги съ картинками должны быть художественны для того, чтобы съ самаго начала дѣтская душа знакоилась и привыкала къ тому, что жизненно и изящно въ искусствѣ. Развитіе музыкальнаго и литературнаго вкуса предполагаетъ специальное развиваніе посредствомъ лучшихъ произведеній этихъ искусствъ.

Для того, чтобы быть полнымъ, художественное развиваніе должно вызывать къ дѣятельности творческія побужденія ребенка, отчасти потому, что всякое художественное творчество представляетъ источникъ чистаго и возвышеннаго наслажденія, какъ для самаго творца, такъ и для другихъ; отчасти потому, что нѣкоторое знакомство съ элементарными процессами художественнаго творчества необходимо для глубокаго пониманія прекраснаго.

При развиваніи эстетической способности нужна большая осторожность для того, чтобы не ускорить процесса естественнаго и нормальнаго роста. Дѣти, которымъ даютъ готовое, слишкомъ утонченное мѣрило красоты, склонны притворяться, что находятъ прекраснымъ то, къ чему въ дѣйствительности совершенно равнодушны. Мы должны остерегаться, чтобы не навязать ребенку нашего болѣе высокаго мѣрила прекраснаго. Слѣдуетъ не только позволять дѣтямъ, но даже поощрять ихъ наслаждаться простыми эстетическими впечатлѣніями, свойственными ихъ возрасту, какъ-то: прелестью и рѣзкими контрастами яркихъ красокъ, простыми симметричными формами и т. д. Нужна большая осторожность, чтобы не довести вкусъ ребенка до чрезмѣрной утонченности, не убить въ немъ здоровыхъ инстинктивныхъ чувствованій и, такимъ образомъ, не ссузить область его наслажденій.

Что касается упражненія эстетическаго сужденія, то слѣдуетъ поощрять дѣтей быть естественными и высказывать свои мнѣнія самостоятельно. Наставникъ никогда не долженъ забывать крупныхъ индивидуальныхъ различій воспріимчивости и вкуса и долженъ давать законный просторъ независимому размышленію и сужденію. Вкусъ есть такая область, которая съ наибольшою безопасностью допускаетъ свободу мнѣній и влѣдствіе этого представляетъ въ раннемъ возрастѣ лучшее поле для упражне-

нія индивидуальнаго сужденія. Съ другой стороны, не слѣдуетъ допускать развитія въ ребенкѣ чрезмѣрной самоувѣренности, настойчивости и нетерпимости къ чувствамъ другихъ, но, объяснивъ ему все разнообразіе человѣческихъ вкусовъ, слѣдуетъ заставить его относиться съ достоюжною скромностью къ своимъ индивидуальнымъ предпочтеніямъ.

Развиваніе эстетическаго чувства можетъ войти почти въ каждый отдѣлъ воспитанія. Съ одной стороны, оно тѣсно связано съ интеллектуальнымъ развиваніемъ. Чувство изящнаго можетъ быть развиваемо до извѣстной степени въ связи съ такими прозаическими, повидимому, упражненіями, какъ обученіе чтенію и письму; такимъ образомъ, этимъ занятіямъ сообщается извѣстный художественный интересъ. Обученіе родному языку посредствомъ устныхъ пересказовъ и письменныхъ сочиненій представляетъ болѣе широкое поле для упражненія эстетическаго чувства въ возрастающей любви къ риторическимъ эффектамъ и литературному слогу. Многія отрасли изученія могутъ развивать эстетическія чувствованія и обязаны этому обстоятельству значительною долей своего интереса. Это въ высшей степени вѣрно относительно изученія классиковъ и вообще литературы, которая, какъ было указано выше, упражняетъ воображеніе специально съ его эстетической стороны. Способъ преподаванія физической географіи долженъ быть таковъ, чтобы онъ возбуждалъ чувство живописнаго и величественнаго въ природѣ, а преподаваніе исторіи должно вызывать сочувственное пониманіе живописныхъ оттѣнковъ человѣческой жизни и опыта, и восхищеніе всѣмъ великимъ и благороднымъ въ человѣческихъ поступкахъ и характерѣ. Даже болѣе абстрактныя науки, каковы геометрія и естественныя науки, могутъ быть обращены въ средства для пробужденія и усиленія чувства прекраснаго, не только по отношенію къ матеріальнымъ предметамъ, (какъ-то: правильности и симметричности геометрическихъ фигуръ, красотъ формъ и цвѣта минераловъ, растений и животныхъ), но и по отношенію къ идеямъ и ихъ логической связи.

Съ другой стороны, развиваніе эстетическаго чувства соприсоединяется съ развиваніемъ нравственности. Принятіе и проведеніе на практикѣ, въ способѣ одѣваться, въ рѣчи и вообще въ обращеніи того, что пріятно эстетическимъ чувствамъ другихъ лицъ—есть вопросъ настолько важный въ социальномъ смыслѣ, что онъ справедливо считается однимъ изъ нравственныхъ обязательствъ низшей степени. Отсюда та важность, какую при-

даютъ, въ раннемъ періодѣ развиванія, развитію естественности и умѣстности въ поведеніи, движеніяхъ и рѣчи, чистотѣ одежды и т. д. и правиламъ учтивости.

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что при развиваніи эстетической способности нужно слѣдовать естественному порядку развитія этой способности. Такъ, очевидно, что пѣніе мелодій или пѣніе въ униссонъ должно предшествовать пѣнію музыкальных партій, которое предполагаетъ развитіе чувства музыкальной гармоніи. Равнымъ образомъ, нѣкоторое упражненіе въ употребленіи красокъ должно бы предшествовать упражненіямъ въ рисованіи.

с. **Этическое или нравственное чувство.** Теперь мы перейдемъ къ послѣдному изъ трехъ абстрактныхъ чувствъ, извѣстному подъ именемъ этического или нравственного чувства. Обыкновенно объ этомъ чувствѣ говорятъ подъ разными названіями, каковы: чувство нравственной обязанности или долга, чувство уваженія къ законамъ нравственности, чувство нравственного одобренія и неодобренія, любовь къ добродѣтели.

Нравственное чувство имѣетъ своимъ предметомъ человѣческіе поступки и обосновывающія ихъ побужденія и свойства. Оно вызывается воспріятіемъ поступковъ, которые мы обыкновенно различаемъ, какъ хорошіе и дурные, и въ болѣе узкомъ смыслѣ, какъ справедливые и несправедливые, и размышленіемъ объ этихъ поступкахъ. Эти поступки могутъ принадлежать намъ самимъ или другимъ лицамъ. Мы одобряемъ справедливое какъ въ себѣ, такъ и въ другихъ. Справедливый поступокъ можетъ быть опредѣленъ пока какъ такой, который согласуется съ законами нравственности.

Существенный ингредиентъ нравственного чувства есть чувство обязанности или долга. Одобряя поступокъ какъ справедливый, мы чувствуемъ, что онъ связываетъ насъ, что мы несвободны совершить его или не совершить, какъ бываемъ свободны относительно безразличныхъ поступковъ. Мы признаемъ свою подвластность авторитету, находящемуся внѣ насъ.

Въ высшемъ смыслѣ нравственное чувство есть чувство социальное. Чувство долга находится въ связи съ социальными отношеніями индивидуума. Первымъ сознаніемъ обязанности у ребенка является признаніе надъ собою чужаго авторитета, а высшая форма нравственного чувства основана на сочувственной реализаціи чужихъ интересовъ и требованій и на признаніи первенства общаго блага надъ личными интересами.

Нравственное чувство принимаетъ одну изъ двухъ несходныхъ формъ, смотря по тому, принадлежитъ-ли намъ самимъ или другому лицу одобряемый или неодобряемый нами поступокъ. Въ первомъ случаѣ мы испытываемъ пріятное сознание исполненія связывавшей насъ обязанности, или тягостное чувство нарушенія этой обязанности. Въ своей вполне развитой формѣ совѣсти, чувства угрызения, и т. д. это чувство подразумеваетъ ясное размышленіе о своемъ «я», о данной ему возможности дѣйствовать и объ его отвѣтственности. Во второмъ же случаѣ это чувство не имѣетъ прямого отношенія къ своему «я». Осуждая чужой поступокъ, какъ несправедливый, мы не реализуемъ нашей собственной подчиненности законамъ нравственности, но скорѣе утверждаемъ ихъ авторитетъ надъ другимъ лицомъ.

Хотя чувство нравственнаго одобренія и неодобренія представляется однимъ и тѣмъ же въ своихъ существенныхъ ингредиентахъ, оно принимаетъ различныя формы соотвѣтственно тому или другому характеру поступка, являющагося его предметомъ, и специальнымъ ассоціациямъ и чувствованіямъ, которыя оно вызываетъ. Такъ, чувство, съ которымъ мы осуждаемъ ложь, заключаетъ въ себѣ отчетливо интеллектуальный ингредиентъ—насъ непріятно поражаетъ противорѣчіе; въ чувствѣ, съ которымъ мы обвиняемъ человѣка въ поступкѣ безсмысленной жестокости, заключается ингредиентъ гнѣва, и т. д.

Наконецъ, существуетъ важное различіе между простымъ одобреніемъ исполненнаго долга и болѣе теплымъ чувствомъ одобренія или похвалы, которое мы испытываемъ при видѣ добродѣтельнаго поступка, т.-е. такого, который явно превышаетъ границы долга. Последнее чувство заключаетъ въ себѣ эстетическій элементъ, а именно, восхищеніе рѣдкимъ и возвышеннымъ. Когда дѣло идетъ о нашихъ собственныхъ поступкахъ, это различіе обнаруживается въ видѣ контраста между простымъ самоудовлетвореніемъ и чувствомъ личной заслуги и достоинства.

Эти различныя формы нравственнаго чувства могутъ существовать совмѣстно въ одномъ и томъ же индивидуумѣ и отличаться весьма неравною силой. Мальчикъ можетъ имѣть живое отвращеніе къ жестокости, и въ то же время ему можетъ не доставать чувства правды или правдивости. Такія индивидуальныя различія указываютъ на различіе въ характерѣ этихъ чувствованій, такъ же, какъ и на тотъ фактъ, что направленіе нравственнаго чувства и предметы или идеи, съ которыми оно сое-

дивяется, опредѣляется въ широкой мѣрѣ внѣшними вліяніями и воспитаніемъ.

Нравственное чувство и нравственное сужденіе. Въ нравственномъ чувствѣ, какъ и въ эстетическомъ, эмоциональный элементъ связавъ съ интеллектуальнымъ процессомъ въ собственномъ смыслѣ. Совѣсть заключаетъ въ себѣ не только способность чувствовать извѣстнымъ образомъ, но и способность распознавать въ поступкахъ присутствіе извѣстныхъ качествъ (правоты, справедливости, и т. д.), или судить о томъ, что поступокъ имѣетъ извѣстный нравственный характеръ. Безъ сомнѣнія, нѣкоторая доля интеллектуального различія должна сопровождать каждое нравственное чувство и предшествовать ему. Мы только тогда можемъ испытывать нравственное отвращеніе къ низкому или жестокому поступку, когда различаемъ до извѣстной степени характеръ этого поступка. Однако, въ пныхъ случаяхъ сужденіе бываетъ очень смутно. Такъ, мы можемъ сильно чувствовать несправедливость поступка, и въ то же время быть совершенно не въ состояніи сказать, въ чемъ заключается несправедливость. Въ противоположность такой слѣпой формѣ нравственнаго сужденія существуетъ сознательная форма, въ которой чувство контролируется размышленіемъ. Полное упражненіе нравственнаго чувства требуетъ коопераціи чувства и интеллектуальной способности сужденія.

Мѣрило нравственности. Сужденія людей о томъ, что справедливо и что несправедливо, не вполнѣ одинаковы. Въ разныхъ обществахъ, и въ одномъ и томъ же обществѣ въ разное время, мы находимъ различныя мѣрила нравственности. Ложь, самоубійство, и т. д. оцѣниваются различно разными націями; тѣ же различія обнаруживаются и въ менѣ крупныхъ обществахъ. Ходячія идеи и чувства одной школы о низкомъ, безчестномъ, и т. д. могутъ значительно отличаться отъ идей и чувствованій, царствующихъ въ другой школѣ. Какъ только образовалась какая-нибудь община, мы видимъ въ ней стремленіе къ принятію спеціальнаго мѣстнаго мѣрила справедливаго и похвальнаго.

Эти узкія мѣрила нравственности должны быть исправляемы сравненіемъ одной системы съ другою. Отыскивая то, что онѣ имѣютъ общаго, и размышляя о высшихъ и лучшихъ человѣческихъ интересахъ, моралистъ стремится создать идеально-совершенныя нравственныя положенія, которыя могли бы служить всеобщимъ и окончательнымъ мѣриломъ справедливаго и несправедливаго.

Развитіе нравственнаго чувства. Много спорили о томъ, врожденно-ли и инстинктивно-ли нравственное чувство, или оно есть результатъ опыта и воспитанія. По всей вѣроятности, справедливо отчасти какъ первое, такъ и второе. Съ раннаго дѣтства ребенокъ обнаруживаетъ наклонность подчиняться чужому авторитету, и есть вѣроятіе, что нравственный инстинктъ является унаслѣдованнымъ результатомъ соціальнаго опыта и нравственнаго развитія многихъ поколѣній предковъ. Однако, какъ бы ни была велика сила врожденной наклонности, безспорно, что внѣшнія вліянія и воспитаніе играютъ большую роль въ опредѣленіи силы и спеціальной формы нравственнаго чувства. Теперь мы должны прослѣдить послѣдовательныя фазы развитія этого чувства.

Сознаніе нравственной обязанности возникаетъ, прежде всего, изъ того, общаго всѣмъ дѣтямъ опыта, который они получаютъ, начиная жизнь подъ властью родителей. Нежеланіе ребенка поступать дурно есть, главнымъ образомъ, эгоистическое чувство отвращенія, или страха наказанія. На основаніи принципа ассоціаціи, или «перенесенія», отвращеніе къ послѣдствіямъ извѣстныхъ поступковъ можетъ вызвать извѣстную степень отвращенія къ самымъ поступкамъ. Такое дѣйствіе принципа перенесенія значительно усиливаетъ врожденную наклонность подчиняться авторитету.

Когда начинаютъ дѣйствовать силы привязанности и симпатіи, этотъ грубый зародышъ нравственнаго чувства вступаетъ въ слѣдующую стадію развитія. Любящій ребенокъ, видя, что его непослушаніе и дурное поведеніе огорчаютъ и оскорбляютъ его мать или отца, будетъ воздерживаться отъ дурныхъ поступковъ. Мало того, побужденія симпатіи заставятъ ребенка цѣнить то, что цѣнятъ люди, которыхъ онъ любитъ и уважаетъ. Такимъ образомъ, любовь и уваженіе къ отцу естественно вызовутъ въ немъ любовь и уваженіе къ тому закону нравственности, который отецъ его представляетъ собою, который онъ до извѣстной степени воплощаетъ въ себѣ и который заставляетъ ребенка принимать.

Однако, даже теперь любовь къ справедливому еще не обратилась у ребенка въ любовь къ существеннымъ свойствамъ нравственной справедливости: она все еще является слѣпымъ уваженіемъ къ тому, что предписываютъ ему извѣстныя, любимыя и уважаемыя имъ лица. Для того, чтобы такое слѣпое сочувствен-

ное уваженіе обратилось въ сознательную оцѣнку, нуженъ другой родъ опыта.

Начиная жизнь въ средѣ людей, ребенокъ скоро находитъ, что ихъ поступки дѣйствуютъ на него различнымъ образомъ. Такъ, другой ребенокъ отнимаетъ у него игрушку или бьетъ его; онъ страдаетъ, испытываетъ чувство гнѣва и желаніе отомстить. Или, наоборотъ, другой ребенокъ поступаетъ съ нимъ великодушно, отдаетъ ему свои игрушки, и т. д.—это увеличиваетъ его счастье и располагаетъ его къ благодарности. Такими путями ребенокъ постепенно пріобрѣтаетъ опытъ того дѣйствія, какое имѣютъ на его благосостояніе хорошіе и дурные поступки окружающихъ. Съ пріобрѣтеніемъ этого опыта его пониманіе смысла нравственныхъ различій становится яснѣе; справедливое и несправедливое пріобрѣтаетъ для него извѣстное значеніе по отношенію къ его личному благосостоянію. Теперь онъ не стоитъ больше въ положеніи лишь безсознательнаго подчиненія авторитету: онъ начинаетъ до извѣстной степени сознательно одобрять этотъ авторитетъ, помогая укрѣпленію его, называя «гадкимъ» чело­вѣка, поступающаго себялюбиво, «добрымъ» того, кто поступаетъ хорошо.

Дальнѣйшій опытъ и размышленіе указываютъ ребенку на обоюдность и взаимную зависимость справедливыхъ поступковъ, на то, что честность, справедливость и доброта поступковъ окружающихъ относительно его самого зависятъ отъ того, чтобы самъ онъ точно такъ же поступалъ относительно ихъ. Такимъ образомъ онъ пріучается придавать новую важность совершенію имъ самимъ извѣстныхъ справедливыхъ поступковъ: онъ чувствуетъ себя вынужденнымъ поступать справедливо, на­примѣръ, говорить правду, не только потому, что хочется избѣжать порицанія родителей, но и потому, что онъ начинаетъ понимать ту сѣть взаимной зависимости, которая соединяетъ каждого индивидуальнаго члена человѣческой общины съ его сотоварищами.

Но даже и теперь нашъ юный ученикъ нравственности еще не достигъ настоящаго и абсолютнаго отвращенія къ несправедливому, какъ таковому. Для того, чтобы онъ могъ чувствовать это отвращеніе, въ немъ должны развиваться болѣе высокія симпатическія чувствованія.

Для выясненія вліянія такой высшей симпатіи предположимъ, что А страдаетъ отъ гнѣвныхъ вспышекъ или жадныхъ наклонностей В; онъ видитъ, что С и D страдаютъ отъ нихъ точно такъ же. Если его симпатическіе импульсы достаточно сильны,

онъ сможетъ, при помощи собственныхъ однородныхъ страданій, поставить себя на мѣсто обиженнаго и почувствовать ихъ обиду, какъ свою собственную. Вначалѣ онъ будетъ сочувствовать только близкимъ людямъ, представляющимъ предметъ его особенной привязанности, на примѣръ, матери и сестрѣ. Отсюда то важное нравственное значеніе семейныхъ отношеній и горячихъ личныхъ привязанностей, какъ дающихъ первый толчекъ развитію привычной симпатіи къ людямъ и вниманія къ ихъ интересамъ и требованіямъ. Но по мѣрѣ расширенія симпатій ребенка, его негодованіе противъ дурныхъ поступковъ будетъ принимать болѣе обширный объемъ и обхватывать все болѣе и болѣе широкій кругъ его ближнихъ. Такимъ путемъ онъ придетъ къ отпращиванію болѣе высокаго нравственнаго назначенія безкорыстнаго зрителя чужаго поведенія и безпристрастнаго представителя и покровителя нравственнаго закона.

Развитіе самосужденія совѣсти. Высшимъ результатомъ привычки сочувственнаго негодованія противъ несправедливости является безкорыстное отвращеніе къ несправедливости, совершенной самимъ индивидуумомъ. Положимъ, что ребенокъ обижаетъ другого или вслѣдствіе минутнаго гнѣва, или по легкомыслію. Какъ только становится онъ въ состояніи размышлять, его привычка симпатіи предъявляетъ свои права и заставляетъ его страдать за обиженнаго. Онъ ставитъ себя на мѣсто ребенка, которому причинилъ зло, и съ его точки зрѣнія оглядывается на себя, на совершившаго зло, съ новымъ чувствомъ самоосужденія. Наоборотъ, выполнивъ свой долгъ относительно другого, или оказавъ ему добрую услугу, онъ испытываетъ неподдѣльное удовольствіе, реализируя воображеніемъ чувствованія того, кто получилъ эту услугу, и оглядываясь на свой поступокъ съ чувствомъ внутренняго довольства и одобренія.

Когда эта стадія нравственнаго прогресса достигнута, ребенокъ отождествляетъ себя съ закономъ нравственности новымъ и болѣе тѣснымъ способомъ. Теперь онъ поступаетъ справедливо уже не потому, что такъ предписываетъ внѣшній авторитетъ, и не потому, что онъ видитъ, что поступать справедливо до извѣстной степени въ его интересахъ. Развитіе безкорыстныхъ чувствованій связало въ немъ внутреннее страданіе, боль самоосужденія и угрызенія, съ сознаніемъ несправедливаго поступка; и эта боль, будучи непосредственнымъ и непремѣннымъ результатомъ такого поступка, дѣйствуетъ, какъ постоянная и безошибочная санкція.

Болѣ высокое развитіе нравственнаго чувства требуетъ не только усиленія и обостренія чувствованій, но и значительнаго развитія интеллекта. Для того, чтобы распознавать тончайшія различія между справедливымъ и несправедливымъ, необходимо участіе тонкихъ интеллектуальныхъ процессовъ. Быстрота и вѣрность нравственнаго пониманія являются позднимъ результатомъ широкаго опыта и продолжительнаго, и систематическаго упражненія нравственнаго чувства, какъ съ эмоціональной, такъ и съ интеллектуальной его сторонъ.

Развиваніе нравственнаго чувства. Такъ какъ нравственное чувство стоитъ въ особенно близкомъ отношеніи къ волѣ, то практическая задача упражненія и развитія этого чувства тѣсно связана съ воспитаніемъ воли и образованіемъ характера. Мы не дошли еще до изслѣдованія этой болѣ широкой задачи, но теперь мы можемъ уже изслѣдовать лучшіе способы развиванія нравственнаго чувства, разсматриваемаго помимо его вліянія, какъ силы, побуждающей къ дѣйствию, а лишь какъ продуктъ эмоцій и интеллекта.

Такъ какъ авторитетъ родителей и наставника является виѣшнимъ двигателемъ, который прежде всѣхъ другихъ воздѣйствуетъ на развитіе зародыша нравственнаго чувства, то тѣмъ очевиднѣе, что дѣло развиванія нравственнаго чувства и сужденія представляетъ выдающуюся черту въ планѣ равнаго воспитанія. Это относится въ особенности къ характеру домашней дисциплины, которая представляетъ первичный факторъ въ опредѣленіи начала развитія дѣтскаго чувства долга. Для того, чтобы какая бы то ни было дисциплинарная система могла оказать благотворное нравственное вліяніе и подвинуть впередъ нравственное развитіе, она должна быть хороша и дѣйствительна. Въ чемъ заключаются требованія хорошей системы дисциплины, мы разсмотримъ впоследствии. Здѣсь достаточно будетъ сказать, что устанавливаемая ею правила должны быть абсолютны и всеобщы, и должны вводиться послѣдовательно, хотя и съ большимъ вниманіемъ къ обстоятельствамъ и индивидуальнымъ различіямъ. Только такимъ путемъ можно заставить ребенка смотрѣть на приказанія и запрещенія его родителей или наставника, какъ на представляющія и выражающія постоянный и неизмѣнный законъ нравственности, вполне безпристрастный въ своемъ одобреніи и неодобреніи.

Дѣйствіе всякой системы дисциплины въ воспитаніи и усиленіи нравственнаго чувства и сужденія будетъ зависѣть отъ

пылкости или хладнокровія, съ которыми она примѣняется. Съ одной стороны, извѣстная доля спокойствія необходима для законнаго примѣненія дисциплины, и родители или наставникъ, увлеченные сильнымъ чувствомъ, не способны къ нравственному контролю. Поэтому, всякое мелочное личное чувство, какъ-то: мстительность, чувство торжества и т. д., должно быть строго исключено.

Съ другой стороны, въ примѣненіяхъ дисциплины воспитатель нравственности не долженъ являться въ видѣ холодной, безличной отвлеченности. Онъ долженъ представлять священный и строго безпристрастный законъ нравственности, но, представляя его, онъ долженъ дѣйствовать какъ живая личность, способная глубоко страдать при видѣ несправедливыхъ поступковъ. Поступая такимъ образомъ, онъ можетъ воспитать въ ребенкѣ любовь къ справедливому, привлекая на свою сторону его горячія чувствованія любви и уваженія къ конкретной личности. Надо заставить ребенка почувствовать, какъ низко лгать и обижать слабыхъ и беспомощныхъ, прежде всего видомъ огорченія, которое такіе поступки причиняютъ любимымъ имъ родителямъ или наставнику. Точно такъ же онъ долженъ почувствовать все благородство великодушія и самопожертвованія, видя удовольствіе, которое эти поступки приносятъ его воспитателю.

Едва-ли нужно прибавлять, что видѣреніе нравственности при посредствѣ горячаго сочувственнаго отраженія на ребенкѣ чувствованій воспитателя предполагаетъ дѣйствіе такой нравственной атмосферы, которая окружаетъ хорошую личность. Ребенокъ только тогда вполне воплотитъ то отвращеніе ко лжи, какое видитъ у своихъ родителей или наставниковъ, когда начинаетъ смотрѣть на нихъ самихъ, какъ на совершенное воплощеніе правды. Воспитатель нравственности долженъ являться во всѣхъ своихъ поступкахъ послѣдовательнымъ почитателемъ законовъ нравственности.

Для того, чтобы развить нравственное чувство въ самостоятельный способъ чувствовать и судить, необходимо привычное упражненіе симпатическихъ чувствованій такъ же, какъ и способности сужденія. Здѣсь воспитатель можетъ многое сдѣлать, направляя вниманіе ребенка на послѣдствія его поступковъ. Онъ долженъ выяснять ему вредныя послѣдствія его дурныхъ поступковъ и благотворныя—хорошихъ, и привлекать его чувствованія на сторону послѣднихъ. Мало того: онъ долженъ заставлять ребенка сравнивать поступки для того, чтобы тотъ могъ вывести

общія основанія и принципы справедливаго и несправедливаго, а также научить его различать сходные поступки при различныхъ условіяхъ для того, что бы онъ сталъ способенъ произносить нравственное сужденіе разумно и съ разборомъ.

Первыя стадіи такъ называемаго нравственнаго воспитанія должны состоять въ значительной мѣрѣ въ томъ, чтобы представлять дѣтской душѣ примѣры долга и добродѣтели для упражненія какъ нравственнаго чувства, такъ и нравственнаго сужденія ребенка. Узкая сфера его наблюденій должна быть пополняема страницами исторіи и эпоса, которыя развернуть передъ нимъ болѣе широкое разнообразіе нравственныхъ поступковъ и поднять уровень его повседневнаго опыта. Такое расширеніе нравственнаго горизонта необходимо, какъ для того, чтобы расширить и сдѣлать болѣе утонченнымъ чувство долга, такъ и для того, чтобы придать болѣе глубины и точности значенію нравственныхъ терминовъ. Оно побуждаетъ душу къ образованію идейной концепціи того, что хорошо и похвально.

Опредѣленіе точныхъ отношеній интеллектуальной культуры къ нравственной представляетъ задачу, надъ которою задумывались люди со временъ Сократа. Съ одной стороны, какъ было замѣчено выше, развитіе интеллекта существенно важно для развитія яснаго и тонко различающаго нравственнаго чувства; съ другой стороны, можно упражнять интеллектъ въ обращеніи съ формальными подраздѣленіями нравственности и въ то же время не вызвать нравственнаго чувства къ полной жизненной дѣятельности.

Это практическое затрудненіе встаетъ съ особенною силой, когда мы переходимъ къ болѣе позднимъ стадіямъ воспитанія нравственности. Полное проведеніе процесса обогащенія нравственнаго пониманія естественно ведетъ къ болѣе или менѣе систематическому изложенію идей и истинъ этики. Просвѣщенная совѣсть есть такая, которой начали открываться глубочайшія основанія долга, и которая приблизилась къ полному и гармоничному идеалу совершенства съ помощью систематическаго обзора и согласованія различныхъ отдѣловъ человѣческаго долга и соотвѣствующихъ направленій добродѣтели и совершенства. Когда ребенокъ достигнетъ извѣстной точки нравственнаго процесса, является потребность въ нѣкоторомъ систематическомъ изложеніи этики. Но воспитатель долженъ очень заботиться о томъ, чтобы такое догматическое преподаваніе только дополняло собою, а не замѣняло развиванія нравственнаго чувства, какъ

съ его эмоціональной, такъ и интеллектуальной стороны; для этого онъ долженъ представлять ребенку живые конкретныя примѣры нравственныхъ истинъ. Оторванное отъ жизни, нравственное чувство можетъ выродиться въ мертвое, формальное упражненіе логической способности и памяти.

Какъ мы видѣли, нравственное чувство ребенка воспитывается отчасти подъ вліяніемъ товарищества. Окружить ребенка товарищами не только необходимо для его собственного благополучія, но и представляетъ условіе развитія и усиленія въ немъ нравственныхъ чувствованій, каковы: чувство справедливости, чувство чести и т. д. Болѣе широкое товарищество школы имѣетъ важное нравственное назначеніе знакомить дѣтскую душу съ тою идеей, что законы нравственности налагаются не индивидуальной волей, но обществомъ. Мѣрило хорошаго поведенія, устанавливаемое и вводимое такою общиной, всевластно въ опредѣленіи перваго направленія нравственнаго сужденія.

А разъ это такъ, то очевидно, что воспитатель нравственности долженъ стараться контролировать и руководить общественнымъ мнѣніемъ школы. Для этого онъ долженъ стараться противождать подавляющему вліянію большинства и побуждать дѣтей къ независимому размышленію о нравственности.

Глава XIX.

Воля: произвольныя движенія.

Прослѣдивъ въ главныхъ чертахъ ходъ эмоциональнаго развитія, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнiю развитія третьей стороны или фазы души, а именно активной ея стороны или воли.

Определеніе воли. Въ наукѣ о душѣ терминъ «воля» употребляется въ обширномъ смыслѣ, какъ обнимающій собою всѣ наши сознательныя поступки или дѣйствія, будутъ-ли это внѣшнія, тѣлесныя дѣйствія, какъ-то: ходьба, рѣчь, или внутреннія, душевныя, какъ то: сосредоточеніе мысли, разсужденіе и т. п. Въ болѣе узкомъ и строгомъ смыслѣ терминъ «воля» покрываетъ собою только тѣ дѣйствія, которыя сопровождаются яснымъ сознательнымъ намѣреніемъ. Такъ, когда мы отражаемъ рукой ударъ, это будетъ актъ воли или произвольное дѣйствіе; но когда мы мигаемъ вслѣдствіе того, что къ нашимъ глазамъ неожиданно поднесли какой-нибудь предметъ, то считается, что мы дѣйствуемъ произвольно, потому-что въ этомъ случаѣ, хотя мы и сознаемъ свое движеніе, мы не имѣемъ отчетливаго намѣренія про-извести его.

Отношеніе воли къ знанію и чувствованію. Какъ было указано въ одной изъ предъидущихъ главъ, между волей и двумя другими главными видами душевныхъ проявленій есть нѣкоторая противоположность. Такъ, когда мы что-нибудь дѣлаемъ, наше активное состояніе противоположно спокойному и сравнительно пассивному душевному состоянію размышленія. Человѣкъ съ энергической дѣятельностью обыкновенно противопоставляется людямъ чистаго размышленія. Точно такъ же не совмѣстимо съ дѣятельностью и сильное эмоциональное возбужденіе, и человѣкъ съ

сильною волей отличается, между прочимъ, тѣмъ, что умѣетъ контролировать свои эмоціи.

Въ то же время волевая дѣятельность всегда заключаетъ въ себѣ элементы знанія и чувствованія. Сила, побуждающая волю къ дѣйствию, къ достиженію цѣли или желаемаго предмета, есть реализація или удовлетвореніе какого-нибудь чувствованія (напримѣръ, честолюбія или чувства долга). Мы не можемъ дѣйствовать съ какою-нибудь цѣлью, не зная чего-нибудь объ отношеніи между выполняемымъ нами дѣйствиемъ и результатомъ, къ которому мы стремимся. И такъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ чувствованіе именно даетъ стимулъ или силу хотѣнію, а интеллектъ руководитъ или освѣщаетъ эту силу.

Основаніе хотѣнія: желаніе. Когда мальчикъ дѣйствуетъ съ какимъ-нибудь намѣреніемъ, положимъ, заслужить благосклонность своего наставника, онъ желаетъ чего-нибудь, а именно: реализаціи идеи или представленія чего-нибудь пріятнаго. Желаніе есть основной факторъ этого процесса. Оно можетъ быть опредѣлено только какъ выступаніе души въ активное побужденіе или движеніе къ реализаціи (т.-е. осуществленію) идеи или представленія чего-нибудь пріятнаго.

Кромѣ такого положительнаго движенія тяготѣнія къ тому, что намъ кажется пріятнымъ, существуетъ отрицательное движеніе оттапливанія отъ того, что намъ кажется непріятнымъ, напримѣръ, отъ тягостнаго унижительнаго опыта наказанія. Эта отрицательная форма желанія называется отвращеніемъ.

Будучи активнымъ душевнымъ явленіемъ, желаніе предполагаетъ, какъ необходимыя условія своего существованія, эмоціо-нальный и интеллектуальный элементы. Мы желаемъ не того, что для насъ безразлично, но только того, что даетъ намъ удовлетвореніе. Наши разнообразныя опыты наслажденія и страданія образуютъ столько же разнообразныхъ источниковъ желанія и отвращенія. Однако, для того, чтобы мы могли пожелать новой реализаціи какого-нибудь пріятнаго опыта, необходимо, чтобы наша душа возстановила и вообразила этотъ опытъ съ извѣстною степенью отчетливости. Здѣсь выступаетъ на видъ интеллектуальный элементъ, т.-е. представленіе. Такимъ образомъ, сила желанія зависитъ отъ двухъ элементовъ: 1) отъ объема опыта, и 2) отъ степени отчетливости, съ которою этотъ опытъ востанавливается въ воображеніи. Обыкновенно школьникъ гораздо сильнѣе желаетъ продолжительной вакаціи, нежели простаго воскресенья. Но часто всѣ мы неспособны желать даже большихъ

удовольствій, потому-что не можемъ представить ихъ себѣ съ достаточною живостью. Это относится ко всѣмъ отдаленнымъ ожиданіямъ, по сравненію ихъ съ болѣе близкими. Дѣти не умѣютъ сильно желать отдаленныхъ удовольствій, напримѣръ, заслужить награду, потому-что они слабы на счетъ будущаго и не могутъ вообразить отдаленнаго наслажденія отчетливо и надолго. Близкое дѣйствуетъ на всѣхъ насъ, въ особенности на дѣтей, несравненно сильнѣе, чѣмъ отдаленное, какъ положительною своею стороною—притяженіемъ, такъ и отрицательной—отталкиваніемъ.

Желаніе и дѣятельность. Желаніе есть, прежде всего, состояніе чувствованія, чувство потребности и жажды. Въ то же время оно тѣсно связано съ состояніемъ активнаго усилія. Когда ребенокъ желаетъ чего-нибудь, онъ чувствуетъ, что ему надо что-то сдѣлать, приложить свои активныя силы къ достиженію желаемаго.

Этотъ активный выходъ состоянія желанія мѣняется сообразно обстоятельствамъ. Въ иныхъ случаяхъ онъ несравненно слабѣе и менѣе выдержанъ, нежели въ другихъ. Нерѣдко ребенокъ чувствуетъ сильное желаніе получить что-нибудь, напримѣръ, игрушку или книгу, и все-таки не расположенъ сдѣлать сколько-нибудь значительное усиліе для достиженія желаемаго. Мы не всегда одинаково расположены къ дѣятельности. Въ раздражительномъ, лѣтливомъ состояніи духа ребенокъ способенъ длить состояніе желанія до тѣхъ поръ, пока оно не сдѣлается въ высшей степени мучительнымъ и тягостнымъ. Отсутствие душевной и тѣлесной бодрости неблагоприятно для дѣятельности. И обратно, тамъ, гдѣ есть на лицо здоровая энергія и сильное предрасположеніе къ дѣятельности, желаніе тотчасъ переходитъ въ дѣйствіе.

Изъ этого мы можемъ видѣть, въ чемъ заключается естественный базисъ активной, энергической воли. Прежде всего, онъ заключается въ пылкости или напряженности желанія. А такъ какъ желаніе тѣснѣйшимъ образомъ связано съ чувствованіемъ, то ясно, что пылкость желанія идетъ объ руку съ живостью или напряженностью чувствованія. Такимъ образомъ, сильная эмоциональная восприимчивость является предшествующимъ условіемъ энергической дѣятельности. Но одного чувствованія для нея недостаточно. Многія дѣти отличаются сильными чувствованіями, но не имѣютъ соотвѣтствующей степени активной силы. Кромѣ чувствованія, необходима сильная склонность къ дѣятельности или то, что мы обозначаемъ спеціальнымъ названіемъ «активнаго темперамента». И такъ, естественное основаніе энергической воли заключается въ могущественныхъ активныхъ побужденіяхъ, под-

держиваемыхъ сильными чувствованіями. Условія болѣе высокихъ проявленій дѣятельности въ спокойномъ разумномъ хотѣніи будутъ выяснены ниже.

Желаніе и хотѣніе. Хотя простое желаніе чего-нибудь и побужденіе стремиться къ достиженію желаемого представляютъ основной факторъ хотѣнія, однако, сами по себѣ они не могутъ развиваться до полной волевой дѣятельности. Для того, чтобы активное побужденіе могло направиться къ опредѣленной дѣятельности, нуженъ другой элементъ.

Этимъ новымъ факторомъ является идея или представленіе какого-нибудь опредѣленнаго дѣйствія, которое мы различаемъ, какъ средство къ достиженію предмета или цѣли нашего желанія. Когда, напримѣръ, ребенокъ желаетъ поиграть игрушкой и идетъ къ шкафу, въ которомъ она лежитъ, или желаетъ сдѣлать пріятный сюрпризъ своей матери и съ этою цѣлью приготовляетъ для нея какую-нибудь хорошенькую работу, мы видимъ выборъ и принятіе опредѣленнаго направленія дѣятельности, которое, по мнѣнію ребенка, должно привести къ желаемому результату. Это произвольный актъ въ полномъ смыслѣ. Ребенокъ дѣлаетъ опредѣленную вещь для опредѣленной цѣли. Такое приспособленіе средствъ къ цѣлямъ требуетъ дальнѣйшаго опыта, который показываетъ ребенку, что его усилія имѣютъ опредѣленное отношеніе къ опредѣленнымъ результатамъ, какъ условія, вызывающія эти результаты, или какъ средства достиженія ихъ.

Развитіе хотѣнія. Разобравъ, такимъ образомъ, въ общихъ чертахъ процессъ воли, мы постараемся прослѣдить главныя стадіи его развитія.

Развитіе хотѣнія слѣдуетъ тому же порядку, что и развитіе знанія и чувствованія; оно идетъ отъ простаго къ сложному и отъ презентативнаго къ репрезентативному. Дѣйствія маленькаго ребенка, напримѣръ, когда ояъ подноситъ что-нибудь ко рту, представляютъ сравнительно простыя движенія, направленныя къ предстоящимъ наслажденіямъ, или такимъ, которыя ояъ можетъ немедленно реализовать. Дѣйствія взрослаго, напримѣръ, писаніе письма, приготовленіе къ экзамену и т. п., суть сложныя цѣпи движеній и требуютъ усиленія репрезентативной способности, а именно умѣнья вообразать отдаленныя цѣли. Или выразимъ это нѣсколько иначе: вначалѣ дѣйствія возбуждаются извѣстныя, отвѣчаютъ предстоящимъ чувственнымъ впечатлѣніямъ (напримѣръ, виду пищи), но чѣмъ дальше, тѣмъ они все больше и больше

начинаютъ возникать изнутри, т.-е. вызываются внутренними процессами воображенія и размышленія.

Факторъ инстинкта въ хотѣніи. Развитие воли, подобно развитію интеллекта и чувствованія, подразумеваетъ существованіе извѣстныхъ врожденныхъ наклонностей. Каждый ребенокъ надѣленъ съ самаго рожденія множествомъ инстинктивныхъ стремленій, образующихъ естественный базисъ его хотѣнія. Изъ этихъ стремленій самымъ важнымъ является общее всѣмъ стремленіе искать пріятнаго и избѣгать непріятнаго. Оно представляетъ крупный первоначальный источникъ произвольной дѣятельности. Кромѣ этого общаго стремленія, существуютъ спеціальныя инстинктивныя стремленія къ опредѣленнымъ направленіямъ дѣятельности. Такъ, есть желанія или побужденія, вытекающія изъ тѣлесныхъ нуждъ. Весьма вѣроятно также, какъ мы видѣли, что каждый индивидуумъ имѣетъ инстинктивную наклонность проявлять свои силы, платить обидой за обиду, искать одобренія людей и т. д. Повидимому, всѣ главныя направленія человѣческой дѣятельности предзнаменуются болѣе или менѣе отчетливо инстинктивными побужденіями, обнаруживающимися съ первыхъ лѣтъ жизни.

Дѣйствіе опыта и упражненія. Съ другой стороны, опытъ и упражненіе необходимы для развитія инстинктивныхъ зачатковъ хотѣнія. Опытъ нуженъ ребенку для того, чтобы онъ могъ получить опредѣленные идеи о томъ, что хорошо и пріятно. Даже желаніе пищи,—наиболѣе рѣзко обозначенный видъ инстинктивныхъ побужденій,—становится отчетливымъ только тогда, когда удовольствіе удовлетворенія аппетита было испытано и можетъ быть восстановлено въ памяти. И во многихъ случаяхъ, какъ было указано выше, опытъ является точкой отправленія желанія. Такимъ образомъ, напримѣръ, ребенокъ начинаетъ искать удовольствія въ разказахъ, въ сочувствіи и т. д. Будучи необходимымъ для того, чтобы показать ребенку, что для него желательно, опытъ тѣмъ болѣе необходимъ для того, чтобы научить его осуществлять или реализовать его желанія. Вся работа направленія дѣйствій, приспособленія средствъ къ цѣлямъ—есть результатъ приобрѣтенія познаній изъ опыта.

Наконецъ, упражненіе волевыхъ способностей въ какомъ бы то ни было направленіи есть вѣрное средство усиленія ихъ въ этомъ направленіи. Такъ, если мы заставляемъ дѣйствовать наши произвольныя мышцы, онѣ приобрѣтаютъ легкость и совершенство движеній, вслѣдствіе продолжительной и систематической практики. То же и съ болѣе высокими нравственными дѣйствіями, отно-

сящимися къ области самоконтролированія. Тотъ общій законъ душевнаго развитія, что «упражненіе (если оно цѣлесообразно по формѣ и количеству) усиливаетъ способность», приложимъ и къ области хотѣнія.

Приступая къ изслѣдованію развитія воли, мы начнемъ съ простѣйшей формы внѣшнихъ дѣйствій, а именно съ движеній тѣла. Отъ нихъ мы перейдемъ къ другимъ, болѣе сложнымъ формамъ, въ которыхъ отчетливѣе выступаетъ внутренній элементъ размышленія и свободнаго выбора. Виѣсть съ этими высшими формами внѣшнихъ дѣйствій мы можемъ рассмотреть и тѣ чисто внутреннія проявленія воли, которыя мы называемъ контролированіемъ мыслей и чувствованій.

Начальныя движенія. Вначалѣ ребенокъ ничего не знаетъ ни о своихъ тѣлесныхъ органахъ, ни о своей способности къ движенію, ни объ отношеніи своихъ движеній къ удовлетворенію его нуждъ. До всего этого ему приходится доходить опытомъ.

Хотя ребенокъ отличается отъ молодыхъ животныхъ своею беспомощностью, однако, онъ надѣленъ врожденными и инстинктивными стремленіями двигать своими членами, и стремленія эти имѣютъ важное значеніе для развитія произвольныхъ движеній. Онѣ передаются отъ отца къ сыну черезъ посредство опредѣленнаго структурнаго устройства нервной системы.

Изъ этихъ стремленій первымъ является стремленіе къ рефлективнымъ движеніямъ, или движеніямъ безцѣльнаго и сравнительно бессознательнаго характера, отвѣчающимъ на чувственныя возбужденія. Нѣкоторыя изъ рефлективныхъ движеній, напримѣръ, сжиманіе пальцевъ вокругъ небольшого предмета, если его положить на ладонь, появляются вскорѣ послѣ рожденія. Другія, напримѣръ, миганіе, когда къ глазамъ внезапно подносятъ какой-нибудь предметъ, приходятъ позднеѣ.

Слѣдующими по степени важности движеніями послѣ рефлективныхъ являются инстинктивныя движенія. Инстинктивныя движенія сложнѣе рефлективныхъ и больше приближаются къ произвольнымъ движеніямъ тѣмъ, что сопровождаются чувствованіемъ и смутною формой желанія или стремленія. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, сосаніе, необходимы для поддержанія жизни ребенка и потому совершенны или почти совершенны съ самаго начала. Другія, напримѣръ, дѣтское пѣніе, надуваніе губъ и т. п., приходятъ позднеѣ.

Кромѣ этихъ болѣе опредѣленныхъ зачатковъ движеній, ребенокъ обнаруживаетъ при извѣстныхъ условіяхъ стремленіе къ

другимъ многочисленнымъ и разнообразнымъ движеніямъ. Такъ, послѣ того, какъ сонъ поддерѣпитъ двигательные органы младенца, онъ самопроизвольно двигаетъ своими членами. Такія движенія были названы самопроизвольными или случайными. Они считаются результатомъ накопленія и избытка нервной энергіи въ двигательныхъ органахъ (центрахъ движенія и т. д.).

Наконецъ, слѣдуетъ замѣтить, что всякое чувствованіе стремится проявить себя въ движеніи. Состоянія удовольствія и страданія вызываютъ прежде всего болѣе или менѣе общее возбужденіе органовъ движенія.

Переходъ къ произвольнымъ движеніямъ. Съ помощью различныхъ видовъ бессознательныхъ движеній, въ особенности послѣдней группы, ребенокъ узнаетъ свои силы и то, къ какимъ результатамъ приводитъ ихъ употребленіе.

Для того, чтобы понять это, предположимъ, что передъ глазами младенца держать яркій предметъ. Ему нравится яркій цвѣтъ, и чувство удовольствія выражается у него различными движеніями. Положимъ, что однимъ изъ этихъ движеній будетъ то, что онъ протянетъ руку къ предмету; рука коснется предмета и овладѣетъ имъ. Послѣ нѣсколькихъ повтореній, этотъ результатъ запечатлѣется въ душѣ ребенка. Онъ научится отличать (посредствомъ мышечнаго чувства) это движеніе отъ другихъ движеній и ассоціировать или соединить его съ чувствомъ удовольствія брать въ руки и держать предметъ. Когда эта стадія достигнута, движеніе превращается въ произвольное. Желая взять предметъ, который ему подносятъ, ребенокъ протягиваетъ руку съ опредѣленнымъ намѣреніемъ удовлетворить своему желанію.

И такъ, произвольное движеніе есть произведеніе многихъ попытокъ и опыта. По своей врожденной душевной организаціи ребенокъ склоненъ желать и искать того, что ему пріятно и служить къ его благополучію, и избѣгать того, что непріятно и вредно. Но этимъ побужденіемъ долженъ руководить опытъ. А этотъ опытъ дается примитивными наклонностями и побужденіями къ движенію, о которыхъ только-что говорилось.

Дѣйствіе упражненія. Вполнѣ совершенное [выполненіе какого бы то ни было произвольнаго движенія есть результатъ постепеннаго процесса изученія и совершенствованія. Движеніе должно быть повторено много разъ, прежде чѣмъ станетъ настолько опредѣленнымъ, чтобы ребенокъ могъ выполнять его легко и быстро. Кромѣ того, повторенія движенія необходимы для того, чтобы укрѣпить въ душѣ ребенка ассоціацію между средствами

и цѣлями такъ, чтобы желаніе достигнуть извѣстной цѣли мгновенно внушало ему надлежащее дѣйствіе.

Обладаніе немногими простыми движеніями подготавливаетъ путь къ пріобрѣтенію новыхъ и болѣе трудныхъ движеній. Ребенокъ научился, напримѣръ, протягивать руки къ предмету, находящемуся прямо передъ нимъ. Случается новое положеніе. Сидя на полу, ребенокъ роняетъ игрушку. Благодаря предшествующему опыту, у него есть смутная идея того, что нужно сдѣлать для того, чтобы достать игрушку. Рядомъ попытокъ онъ мало по малу видоизмѣняетъ старое движеніе и приспособляетъ его къ новымъ условіямъ.

Посредствомъ такого прогрессивнаго расширенія объема движеній, ребенокъ постоянно выучивается разъединять движенія и комбинировать ихъ въ новыя соединенія. Первые попытки выполнить какое-нибудь очень тонкое движеніе или группу движеній, напримѣръ, движеній, необходимыхъ при письмѣ, требуютъ сдерживанія общаго или распространеннаго импульса движенія, проявляющагося въ неловкихъ движеніяхъ головы, языка, ногъ и т. д. ⁴⁾.

При изученіи специальныхъ видовъ движеній пальцевъ, напримѣръ, при игрѣ на фортепiano, приходится побуждать привычку къ врожденнымъ или пріобрѣтеннымъ ассоціямъ движеній. Съ другой стороны, всякій прогрессъ въ движеніяхъ требуетъ творчества. Ребенокъ выучивается комбинировать новыми способами движенія, которыми онъ уже овладѣлъ въ отдѣльности. Такъ, когда онъ учится писать, онъ долженъ держать перо извѣстнымъ образомъ и въ то же время выполнять необходимыя движенія. Обученіе военнымъ приемамъ требуетъ комбинаціи мышечныхъ движеній головы, рукъ и т. д.

Подражаніе. Терминъ «подражаніе» употребляется обыкновенно въ смыслѣ перениманія отъ другихъ движеній, чувствованій или какихъ-нибудь особенностей мысли. Въ наукѣ о душѣ онъ прилагается специально къ дѣйствіямъ. Подъ подражательнымъ движеніемъ подразумѣвается такое, которое вызывается прямымъ путемъ, видомъ движенія, выполненнаго кѣмъ-нибудь другимъ. Такъ, когда ребенокъ надуваетъ губы при видѣ чьихъ-нибудь надутыхъ губъ, это будетъ съ его стороны подражательнымъ дѣйствіемъ.

Подражательное повтореніе подмѣченнаго чужаго движенія

⁴⁾ Этотъ примѣръ относится къ контролированію или сдерживанію побужденій, о которомъ мы будемъ говорить полнѣе въ слѣдующей главѣ.

подразумѣваетъ ассоціацію между видомъ движенія и его выпол-
неніемъ. Первые подражательныя дѣйствія, напримѣръ, надуваніе
губъ, появляются на четвертомъ мѣсяцѣ жизни ¹⁾; это заста-
вляетъ предполагать, что участвующія въ этихъ движеніяхъ
ассоціаціи до извѣстной степени наследственны. Однако, стрем-
леніе подражать чужимъ движеніямъ, жестамъ и т. д. становится
замѣтнымъ къ концу перваго года и въ самой сильной своей формѣ
выражается только на второмъ году. Изъ этого явствуетъ, что
для развитія этой способности необходимъ индивидуальный
опытъ. Быстрота подражанія основана на извѣстномъ количествѣ
мышечнаго опыта въ движеніяхъ членовъ и вниманія къ соот-
вѣтствующимъ зрительнымъ впечатлѣніямъ, къ перемѣнамъ по-
ложеній движущагося органа.

Сильное проявленіе импульса подражанія въ раннемъ дѣтствѣ
связано, повидимому, съ возрастающею легкостью выполненія
движеній тѣла и съ чувствомъ наслажденія, сопровождающимъ
приведеніе органовъ въ движеніе. Разъ чье-нибудь чужое движе-
ніе внушило ребенку идею опредѣленнаго дѣйствія, его само-
произвольное побужденіе къ дѣятельности пользуется этою идеей.
Примѣромъ этой стороны подражанія можетъ служить зарази-
тельный характеръ шумной игры.

Позднѣе такое импульсивное и бессознательное подражаніе
стремится стать болѣе сознательнымъ и строго-произвольнымъ
процессомъ. Шести-или восьми-лѣтній ребенокъ подражаетъ чу-
жимъ дѣйствіямъ подъ влияніемъ сознательнаго желанія сдѣлать
то, что дѣлаютъ другіе. При этомъ побудительный мотивъ бы-
ваетъ не всегда одинъ и тотъ же. Когда мальчикъ подражаетъ
ловкимъ штукамъ другого мальчика, его побуждаетъ къ этому
желаніе показать свои силы и доказать свое равенство или пре-
восходство надъ другимъ. Въ другихъ случаяхъ импульсъ подра-
жанія возникаетъ скорѣе изъ социальныхъ чувствованій привя-
занности и восхищенія къмъ-нибудь, стоящимъ выше самого ре-
бенка, напримѣръ, его родителями или наставникомъ.

Изъ этого мы можемъ видѣть тѣсную связь между подража-
ніемъ и симпатіей. Последняя, какъ мы видѣли, возникаетъ изъ
заразительнаго распространенія вѣтшихъ тѣлесныхъ проявленій,

¹⁾ Профессоръ Прейеръ говоритъ, что одинъ ребенокъ на четвертомъ
мѣсяцѣ надувалъ губы, когда надувалъ губы его отецъ. Это согласуется съ
сообщеніемъ Дарвина, что его сынъ, 4-хъ мѣсяцевъ отъ роду, подражалъ
звукамъ.

т.-е. характерныхъ движеній, въ которыхъ выражается это чувствованіе. И обратно, когда развились импульсы симпатіи, они побуждаютъ ребенка къ болѣе осмысленному подражанію дѣйствіямъ тѣхъ, кто представляетъ для него предметъ привязанности.

До сихъ поръ мы предполагали, что подражательное движеніе есть простое воспроизведеніе какого-нибудь дѣйствія, которое было приобрѣтено раньше независимымъ путемъ, какъ, напримѣръ, когда ребенокъ открываетъ ротъ, повторяя такое же чужое движеніе. Но область подражанія гораздо шире. Ребенокъ подражаетъ новымъ формамъ движенія. Такъ, младенецъ выучивается махать рукой въ отвѣтъ на то же движеніе своей матери. Такая, болѣе высокая и конструктивная форма подражанія предполагаетъ извѣстное количество моторнаго опыта, приобрѣтеннаго подъ давленіемъ личныхъ нуждъ и желаній. Ребенокъ не могъ бы научиться махать рукой, повинуясь чужому движенію, если бы не приобрѣлъ уже извѣстнаго запаса опыта двигать руками другими способами.

Первымъ усиліямъ къ вокальному подражанію, къ повторенію словъ, произносимыхъ окружающими, точно такъ же предшествуетъ извѣстное количество самопроизвольнаго или возбуждаемаго чувствованіемъ упражненія органа.

Наклонность ребенка подражать окружающимъ представляетъ важное вспомогательное средство для развитія его воли. Съ самаго ранняго возраста она содѣйствуетъ силѣ личныхъ желаній ребенка и, такимъ образомъ, значительно сокращаетъ процессъ приобрѣтенія полезныхъ движеній,—процессъ, который иначе ребенку пришлось бы пройти. Такъ, ребенокъ, находящійся въ обществѣ дѣтей, которыя только-что научились ходить, выучивается ходить несравненно быстрѣе, нежели ребенокъ, не имѣющій передъ глазами такого примѣра. Примѣръ учитъ ребенка множеству новыхъ видовъ движенія и этимъ самымъ значительно расширяетъ область его дѣятельности. Поразительный примѣръ этого мы видимъ въ быстромъ перениманіи отъ другихъ дѣтей и взрослыхъ жестовъ, группировки вокальныхъ звуковъ и видоизмѣненій ударенія тона, и т. д.,—перениманіи, которое часто замѣчается къ концу третьяго года.

По силѣ импульса подражанія, дѣти очень разнятся другъ отъ друга. Это зависитъ отчасти отъ первыхъ степеней энергіи активныхъ органовъ. Энергичный ребенокъ болѣе расположенъ перенимать движенія окружающихъ, чѣмъ слабый и вялый ре-

бенюкъ. Многое зависитъ также отъ степени вниманія къ видимымъ проявленіямъ движеній, выполняемыхъ какъ самимъ ребенкомъ, такъ и другими лицами. Наконецъ, сила импульса подражанія много мѣняется съ темпераментомъ. Есть дѣти, очень склонны подпадать вліянію примѣра, полагаться на авторитетъ окружающихъ и слѣдовать за ними. Это особенно подражательныя натуры. Другія же, съ болѣе независимымъ и самостоятельнымъ душевнымъ складомъ, умѣютъ открывать собственные способы дѣйствій. Такія натуры вообще несравненно меньше подпадаютъ подъ вліяніе примѣра и импульса подражанія.

Возбужденіе движенія приказаніемъ. Мы должны рассмотреть здѣсь еще одинъ видъ внѣшняго возбужденія движенія, а именно, возбужденіе движенія словесными знаками—словами приказанія. Подобно силѣ подражанія, сила приказанія требуетъ социальной обстановки и воздѣйствія на индивидуума другихъ человѣческихъ существъ. Возбужденіе движенія приказаніемъ отличается отъ подражанія тѣмъ, что предполагаетъ опредѣленное namѣреніе со стороны родителей или другого, облеченнаго авторитетомъ лица, вызвать извѣстное движеніе. Ассоціація между приказаніемъ сидѣть прямо и соответствующимъ ему актомъ, въ противоположность ассоціаціи между видомъ дѣйствія и собственнымъ выполненіемъ того же дѣйствія, есть искусственная ассоціація, которая создается силой дисциплины и воспитанія. Это дѣйствіе авторитета и дисциплины представляетъ важный факторъ въ развитіи умѣнья ребенка управлять своими тѣлесными органами. Выработанная терминологія, съ помощью которой мы обозначаемъ двигательные органы и ихъ различныя движенія, даетъ возможность воспитателю специфировать и изолировать опредѣленнымъ и точнымъ образомъ требуемое мышечное дѣйствіе.

Внутреннее управленіе движеніями. Во всѣхъ формахъ движенія, которыя разсматривались до сихъ поръ, дѣйствіе служитъ отвѣтомъ на внѣшнія впечатлѣнія. Ребенокъ достигаетъ болѣе высокой стадіи движеній, когда его движенія начинаютъ отдѣляться отъ внѣшнихъ впечатлѣній и являются результатомъ процесса воображенія, какъ, на примѣръ, когда ребенокъ думаетъ о своемъ любимцѣ животномъ, котораго надо покормить, или о цвѣтахъ, которыя надо полить, и производитъ соответственныя движенія. Такимъ образомъ, движенія начинаютъ возбуждаться или возникать изнутри и становятся произведеніемъ внутренняго «я» ребенка, его мыслей и желаній.

Отъ умѣнья выполнять опредѣленные движенія, когда является желаніе достигнуть опредѣленнаго результата, ребенокъ дѣлаетъ новый шагъ впередъ и пріобрѣтаетъ способность двигать своими тѣлесными органами, когда ему этого хочется, независимо отъ желанія достигнуть спеціальнаго результата. Эта болѣе высокая стадія развитія движеній подразумеваетъ еще большую степень легкости въ выполненіи различныхъ повторяющихся формъ тѣлесныхъ движеній и соразмѣрной готовности выполнять ихъ. Когда ребенокъ достигъ этой точки развитія, можно считать, что онъ достигъ полнаго внутренняго управленія своими тѣлесными органами. Съ этихъ поръ они являются орудіями его воли въ новомъ и высшемъ смыслѣ, отвѣчая и повинаясь его внутреннимъ желаніямъ и намѣреніямъ. Только тогда, когда онъ получитъ такую возможность дѣйствовать по своей волѣ своими различными активными органами, въ особенности руками, кистями рукъ, пальцами и голосовыми органами, будетъ онъ въ состояніи перейти легко и быстро къ новымъ и болѣе сложнымъ формамъ дѣйствій.

Прогрессъ ребенка въ послѣдовательномъ пріобрѣтеніи умѣнья управлять двигательными (мышечными) органами зависитъ какъ отъ его врожденныхъ способностей и наклонностей, такъ и отъ окружающихъ его вліяній. Занявшись пока первымъ или внутренними условіями этого прогресса, мы укажемъ наиболѣе важныя изъ нихъ. Необходимы: а) сильная мышечная система съ соответственной готовностью дѣйствовать, дѣлать опыты и настойчиво преслѣдовать рядъ попытокъ; б) извѣстная тонкость различенія мышечныхъ органовъ, благоприятствующая точному выполненію различныхъ движеній, и в) тѣсно связанная съ послѣднимъ условіемъ способность запоминать движенія, которая служитъ для ассоціаціи этихъ движеній, какъ между собою, такъ и съ пассивными чувственными впечатлѣніями, и, такимъ образомъ, обезпечиваетъ воспроизведеніе движеній.

Въ этихъ природнымъ способностямъ надо прибавить сильный интересъ къ мышечной дѣятельности и пристальное и твердое сосредоточеніе души на различныхъ формахъ движенія. Интересъ можетъ возникнуть изъ наслажденія мышечною дѣятельностью. Но пріобрѣтеніе умѣнья выполнять болѣе трудныя мышечныя движенія требуетъ другихъ побужденій, какъ-то: стремленія къ могуществу (см. ранѣе, стр. 277), честолюбія и т. д. Важное значеніе твердаго сосредоточенія души для прогресса мышечной дѣятельности служить лишнимъ доказательствомъ той

общей истины, что всякое приобретение познаний, всякое душевное развитие есть результатъ усилія, и что быстрота этого развитія зависитъ отъ степени напряженности и непрерывности усилія.

Приобрѣтеніе широкаго и совершеннаго управленія тѣлесными органами требуетъ развитія воли во многихъ отношеніяхъ. Какъ было замѣчено выше, всѣ высшія дѣйствія, съ самыми сложными процессами нравственнаго поведенія включительно, выполняются посредствомъ разнаго рода движеній. Такимъ образомъ, управленіе двигательными органами по необходимости предшествуетъ болѣе высокимъ родамъ дѣятельности. Мало того: самый процессъ приобретенія умѣнья управлять движеніями требуетъ упражненія въ зачаточной формѣ высшихъ волевыхъ способностей, въ особенности настойчивости въ усиліяхъ и попыткахъ, твердости въ преодолѣніи трудностей и практическаго пониманія въ сравненіи альтернативъ и выборѣ. Тотъ, кто наблюдаетъ за маленькимъ ребенкомъ, когда онъ пробуетъ разныя комбинаціи движеній рукъ, стараясь, напримѣръ, поднять или повернуть тяжелый и громоздкій предметъ, можетъ видѣть, какъ въ этой ранней и грубой формѣ мышечной дѣятельности уже начинаютъ проглядывать атрибуты высшей волевой дѣятельности.

Движеніе и привычка. Терминъ «привычка» прилагается обыкновенно къ какому-нибудь повторяющемуся виду душевныхъ процессовъ, какъ, напримѣръ, когда мы говоримъ о какой-нибудь «привычкѣ мысли». Въ болѣе узкомъ и ограниченномъ смыслѣ онъ прилагается къ принципу или вліянію, дѣйствующему въ области волевой дѣятельности. Мы дѣлаемъ что-нибудь по привычкѣ, когда, вслѣдствіе многихъ повтореній, выполняемъ дѣйствіе, почти не сознавая въ себѣ намѣренія произвести именно эту форму дѣйствія. Такимъ образомъ, дѣйствіе, ставшее привычнымъ, получаетъ отчасти механической или автоматической характеръ, и становится похожимъ на рефлективные и инстинктивные дѣйствія. Поэтому, такія привычныя дѣйствія мы называемъ обыкновенно «инстинктивными».

Какъ мы видѣли, каждое движеніе становится легче вслѣдствіе частыхъ повтореній. Остается известная «наклонность» выполнять движеніе при каждомъ возбужденіи и независимо отъ сильнаго желанія. Эта наклонность подразумеваетъ не только психологическій фактъ—большую готовность выполнять определенное дѣйствіе—но и физиологическій фактъ, а именно, измѣненіе участвующихъ въ движеніи нервныхъ строеній. Такая, являю-

щаяся слѣдствіемъ повторенія и практики, установившаяся наклонность или стремленіе дѣйствовать опредѣленнымъ образомъ въ отвѣтъ на самый слабый стимулъ представляетъ одинъ изъ ингредиентов того, что мы называемъ привычкой.

Вторымъ элементомъ, входящимъ въ составъ привычки, является тѣсная ассоціація между опредѣленнымъ движеніемъ и извѣстными внѣшними обстоятельствами и впечатлѣніями. Когда, на примѣръ, человекъ, ложась въ постель, вынимаетъ свои часы и заводитъ ихъ, по «силѣ привычки», то внѣшнія обстоятельства, на примѣръ, видъ часовъ, мгновенно возбуждаютъ связанную съ ними ассоціацію и заставляютъ его открыть часы, и т. д., безъ всякаго участія отчетливаго, сознательнаго намѣренія. Такая твердая связь между дѣйствіемъ и присутствіемъ извѣстныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ имѣетъ своимъ органическимъ основаніемъ координацію участвующихъ въ дѣйствіи нервныхъ центровъ. Она представляетъ высшій результатъ повторяющагося ассоцірованія и скрѣпленія въ одно недѣлимое цѣлое смежныхъ душевныхъ элементовъ.

Когда нѣсколько движеній связаны своею одновременностью или послѣдовательностью, то частое повтореніе комбинаціи этихъ движеній скрѣпляетъ отдѣльные звенья, такъ-что одно движеніе вызываетъ за собою остальные, безъ всякаго участія особаго и отчетливаго произвольнаго побужденія. Такъ, если мальчикъ твердо заучилъ стихотвореніе, онъ механически сопровождаетъ извѣстныя слова подходящими жестами. Точно такъ же полусознательно выполняетъ онъ рядъ движеній, которыя ему приходится часто повторять, на примѣръ, движенія, необходимыя при ходьбѣ, плаваніи, танцахъ, и т. д.

Сила привычки. Привычки, подобно смежнымъ ассоціаціямъ идей, бываютъ весьма различныхъ степеней силы. Степень совершенства привычки измѣряется быстротой и несомнѣнностью активнаго отвѣта на стимулъ. Такъ, отвѣтъ солдата на команду «механически совершененъ» тогда, когда слѣдуетъ за нею немедленно и непремѣнно. Сила привычки можетъ быть измѣрена и другимъ способомъ. Изъ вышеприведеннаго объясненія механизма привычки слѣдуетъ, что привычка есть наклонность къ специальному дѣйствію, фізіологически лучше организованному, чѣмъ другіе виды дѣйствій, сопровождаемые яснымъ сознаніемъ. Поэтому, силу привычки можно измѣрить трудностью контролировать и измѣнить привычку, и степенью непріятнаго чувства, сопровождающаго всякое противодѣйствіе ей.

Главныя условія, необходимыя для образованія твердой или совершенной привычки, суть слѣдующія: 1) достаточная побудительная сила, которая могла бы вызвать требуемое усиліе. Усиліемъ сосредоточенія, воля должна вполне овладѣть дѣйствіемъ, прежде чѣмъ передать его своему подначальному — привычкѣ; 2) продолжительное повтореніе дѣйствія въ связи съ соответствующими обстоятельствами. Повтореніе есть великое средство направить движеніе по руслу привычки; 3) непрерывность выполнения дѣйствія при одинаковыхъ условіяхъ. Важность непрерывнаго выполненія дѣйствія извѣстна всемъ родителямъ и воспитателямъ. Вполнѣ твердая ассоціація, вызывающая мгновенное выполненіе движенія безъ участія размысленія, можетъ быть достигнута только вполнѣ установившеюся и однообразною практикой.

Къ этому надо прибавить, что привычка развивается гораздо легче въ раннемъ, пластическомъ періодѣ жизни, нежели позднѣе. Въ болѣе поздніе годы нужны болѣе продолжительный процессъ пріобрѣтенія и большее количество повтореній для того, чтобы установить дѣйствіе въ опредѣленномъ направленіи. Кроме того, такъ какъ привычные виды движеній, пріобрѣтенные въ раннемъ возрастѣ, подобно первымъ впечатлѣніямъ, являются самыми продолжительными, вслѣдствіе чего отъ нихъ трудно отдѣлаться, то образованію хорошихъ привычекъ въ болѣе позднемъ возрастѣ мѣшаетъ упорство противоположныхъ раннихъ привычекъ. Ребенокъ, который рано пріобрѣлъ неудобную манеру сидѣть или другія неприятыя привычки, особенно затрудняетъ воспитателя. Движенія стремятся складываться по старымъ способамъ, и нужно много тяжелыхъ усилій, чтобы сдерживать это стремленіе.

Прочность и пластичность движеній. На столько крупная часть нашей жизни является повтореніемъ однихъ и тѣхъ же обстоятельствъ и однихъ и тѣхъ же нуждъ, что принципъ привычки проявляетъ свое вліяніе во всѣхъ направленіяхъ нашей дѣятельности. Такъ, дѣйствія, въ которыхъ выражаются наши заботы о своемъ тѣлѣ, наше поведеніе относительно другихъ лицъ, и т. д., управляются именно этимъ принципомъ. Такимъ образомъ, экономизируется нервная энергія, и душевныя силы освобождаются для другого дѣла. Тамъ, гдѣ часто повторяются однѣ и тѣ же обстоятельства и вызываютъ одинаковые способы дѣйствій, содѣйствіе принципа привычки представляетъ явную выгоду.

Въ то же время человѣческая жизнь отличается отъ животной жизни большею сложностью и измѣнчивостью. Ребенокъ не

бываетъ надѣленъ отъ рожденія запасомъ «инстинктовъ», какимъ бываютъ надѣлены животныя. Развитие, какъ было указано выше, заключается въ процессѣ послѣдовательныхъ измѣненій, выражающемся въ лучшемъ приспособленіи къ вѣшнимъ условіямъ. И такъ, хотя образование привычекъ представляетъ важную часть развитія, оно не представляетъ всего развитія. Прочность въ определенныхъ направленіяхъ дѣйствій не должна исключать пластичности и измѣчивости въ другихъ направленіяхъ. Полное и абсолютное господство привычки отмѣчаетъ остановку развитія.

Развиваніе воли и упражненіе активныхъ органовъ. Какъ было замѣчено выше, руководство окружающихъ сильно помогаетъ приобрѣтенію ребенкомъ способности управлять своими тѣлесными органами и выполнять различныя движенія. Контроль родителей надъ дѣйствіями ребенка начинается съ упражненія его въ употребленіи его мышцъ. Развиваніе мышцъ принадлежитъ отчасти такъ называемому физическому воспитанію. Хорошо извѣстное дѣйствіе упражненія мышцъ на усиленіе общаго кровообращенія и на поддержаніе теплоты тѣла дѣлаетъ это упражненіе очень важнымъ для воспитателя въ смыслѣ поддержанія здоровья его питомца. Видное мѣсто, отводимое общему развитію мышечной системы дѣтскими садами, съ принятыми въ нихъ упражненіями, гимнастикой и такъ сильно поощряемыми играми на воздухѣ, указываетъ на признаніе зависимости общаго здоровья и душевной силы отъ развитія мышцъ. Къ этому надо прибавить, что въ болѣе выработанныхъ своихъ формахъ, требующихъ спеціальной практики и искусства, упражненіе мышцъ производится для того, чтобы достигнуть спеціальнаго физическаго совершенства, а именно, силы и ловкости.

Въ то же время упражненіе активныхъ органовъ входитъ до извѣстной степени въ интеллектуальное воспитаніе. Это относится въ особенности къ развиванію руки и голоса. Обученіе дѣтей отчетливому произношенію, чтенію и письму, обыкновенно считается частью интеллектуальнаго развиванія. Очевидно, что эти дѣйствія въ значительной мѣрѣ служатъ цѣлямъ знанія, и дѣйствительно необходимы для того, чтобы получать и давать знанія. Въ болѣе спеціальныхъ направленіяхъ, на примѣръ, при обученіи рисованію, развиваніе активныхъ органовъ имѣетъ цѣлью развитіе какого-нибудь вида полезной и технической ловкости.

Между тѣмъ, какъ упражненіе активныхъ органовъ въ спеціальныхъ направленіяхъ относится или къ физическому, или къ интеллектуальному развитію, упражненіе ихъ въ выполненіи

обыкновенныхъ дѣйствій повседневной жизни правильнѣе будетъ отнести къ развиванію нравственности. Какъ мы видѣли, развитіе воли начинается съ приобрѣтенія способности управлять органами движенія. Въ движеніяхъ впервые проявляются ясная цѣль и намѣреніе. Всякая приобрѣтенная практика, какова бы ни была первоначальная цѣль ея приобрѣтенія, является до извѣстной степени усиленіемъ волевой способности.

Помогая развитію воли въ раннемъ возрастѣ, воспитатель долженъ помнить, что дѣти по природѣ наклонны къ дѣятельности, и что своими самостоятельными занятіями и играми они доказываютъ свою способность дѣлать настоящіе успѣхи безъ всякаго прямого контроля родителей или наставника. Маленькому ребенку должна быть съ самаго начала предоставлена полная возможность свободно упражнять его активные органы, съ присоединеніемъ лишь общаго надзора и немногихъ необходимыхъ ограниченій. Дѣтская и мѣсто для игръ на воздухѣ должны быть снабжены такими предметами, которые вызывали бы движенія какъ рукъ, такъ и всего тѣла. Важная роль, которую играетъ подражаніе въ развитіи произвольныхъ движеній, указываетъ на выгоду товарищества въ такихъ раннихъ занятіяхъ. На ребенка дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, когда онъ видитъ, что другіе дѣлаютъ что-нибудь новое. Кромѣ того, во всѣхъ общихъ гармоническихъ движеніяхъ, каковы движенія многихъ общественныхъ игръ и упражненія дѣтскихъ садовъ, является новый пріятный стимулъ въ видѣ чувства симпатіи, взаимопомощи и гармоническаго приспособленія.

Спеціальное дѣло воспитателя въ такомъ первоначальномъ развиваніи воли начинается съ того, что онъ показываетъ ребенку, какъ надо дѣлать разныя вещи. Это требуетъ большого пониманія. Лучше, чтобы дѣти, по возможности, сами добивались, какъ сдѣлать то или другое, такъ точно, какъ лучше, чтобы они самостоятельно отрывали факты или истины. Нѣтъ ничего гибельнѣе для развитія воли, какъ лѣнь, которая боится всякаго усилія, попытки и опыта. Поэтому, воспитатель, который постоянно вмешивается въ дѣтскую игру, желая научить дѣтей лучшимъ способамъ дѣйствій, упускаетъ изъ виду одно изъ самыхъ важныхъ условій развитія, а именно, самодѣятельность.

Съ возрастомъ ребенка его дѣйствія должны все болѣе и болѣе подчиняться контролю воспитателя. Когда ребенокъ малъ, дѣло родителей учить его правильно сидѣть за столомъ, держать извѣстнымъ образомъ ложку, отчетливо произносить слова, и т. д.

Позднѣ къ этимъ домашнимъ наставленіямъ присоединяется болѣе систематическое школьное развиваніе. Въ тѣлесныхъ упражненіяхъ дѣтскихъ садовъ, въ упражненіи руки при обученіи рисованію, письму и т. д., и въ упражненіи голосовыхъ органовъ при чтеніи и пѣніи, дѣло наставника развивать мышцы ребенка въ различныхъ направленіяхъ систематической конструктивной дѣятельности.

Цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться во всѣхъ такихъ упражненіяхъ, это приучить ребенка къ возможно лучшему употребленію и управленію его органами движенія. Идеально совершенное дѣйствіе есть такое, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ данной цѣли и въ то же время не сопряжено съ ненужною тратой силъ. Поэтому, воспитатель долженъ стараться достигнуть, во-первыхъ, цѣлесообразности и полноты даже въ такихъ, повидимому, ничтожныхъ дѣйствіяхъ, какъ вѣшанье шляпы. Во-вторыхъ, онъ долженъ стараться исправить всякую неловкость въ употребленіи двигательныхъ органовъ и развить легкую точность движеній, которая есть въ одно и то же время и экономія силы, и источникъ тагъ называемой граціи движеній.

Для приобрѣтенія такого совершенства тѣлесныхъ органовъ необходимо выполненіе многихъ условій. Прежде всего, воспитатель долженъ тщательно обдумать то, чего онъ добивается. Задача не должна превышать ни мышечной силы ребенка, ни степени достигнутой имъ тонкости различенія. Наставникъ долженъ помнить, что движенія, сдѣлавшіяся для насъ легкими и естественными, благодаря продолжительной практикѣ, бывають вначалѣ очень трудны. Онъ долженъ постоянно имѣть въ виду необходимость постепенности и давать усвершенствоваться элементарнымъ движеніямъ прежде, чѣмъ переходить къ сложнымъ группамъ движеній.

Это не значить, чтобы не слѣдовало заставлять ребенка дѣлать серьезныя усилія. Упражненіе развиваетъ волю лишь по стольку, поскольку вызываетъ такія усилія. Дѣтская лѣнь и отвращеніе отъ продолжительнаго сосредоточенія души на одномъ движеніи или рядѣ движеній, должны быть преодоляемы. Для этого, кромѣ простаго наслажденія дѣятельностью, часто приходится обращаться и къ другимъ побужденіямъ. Желанія ребенка достигнуть успѣха, сдѣлать то, что дѣлають дѣти, стоящія впереди него, и желанія нравиться достаточно для того, чтобы возбудить первоначальное усиліе.

Наконецъ, воспитатель долженъ помнить, что всякое вполнѣ

совершенное дѣйствіе есть привычка, и что выполнение его зависитъ отъ выполненія общихъ условій образованія привычекъ. Умѣренная твердость съ самаго начала, сопровождаемая ровною настойчивостью въ требованіяхъ повторенія дѣйствія при соответствующихъ условіяхъ,—вотъ о чемъ онъ долженъ особенно заботиться. Тамъ, гдѣ выполнены эти первоначальныя условія, воспитатель можетъ довѣрить окончательный результатъ своему драгоценному союзнику—принципу привычки, который неминуемо превращаетъ часто повторяющіяся дѣйствія въ прочныя и «естественныя».

Примѣромъ тщательной постепенности работы соответственно способностямъ можетъ служить способъ подражательныхъ движеній, какимъ учатъ говорить глухо-нѣмыхъ. Учитель начинаетъ съ движеній внѣшнихъ частей тѣла, которыя ребенокъ можетъ ясно видѣть и тогда, когда выполняетъ ихъ самъ, и которыя, вслѣдствіе этого, легче перенимаетъ. Только послѣ извѣстной практики подражательной способности въ этой простой формѣ, рискуетъ учитель перейти къ болѣе тонкимъ и скрытымъ движеніямъ органовъ произношенія,—движеніямъ, которыми не можетъ руководить зрѣніе, и которыя должны быть заучены съ помощью осязанія.

Глава XX.

Нравственныя дѣйствія: характеръ.

Прослѣдивъ въ предыдущей главѣ путь, которымъ ребенокъ приобретаетъ способность управлять своими двигательными органами, мы можемъ перейти къ разсмотрѣнію высшихъ ступеней развитія воли, на которыхъ дѣйствія становятся болѣе сознательными и стремятся не къ удовлетворенію желаній, способныхъ къ медленной реализаціи, а къ инымъ результатамъ.

Для того, чтобы понять, какъ возникаетъ этотъ болѣе рациональный типъ дѣйствій, мы должны прослѣдить воздѣйствіе на его возникновеніе двухъ вліяній: а) вліяніе развивающагося интеллекта ребенка и б) вліяніе болѣе полного и широкаго развитія его чувствованій и желаній.

а) Вліяніе развитія интеллекта. Ранній типъ дѣйствій, который представляется движеніями тѣла, имѣетъ въ виду немедленный результатъ. Маленькій ребенокъ не можетъ стремиться къ отдаленному удовлетворенію, напримѣръ, къ удовольствію получить награду въ далекомъ будущемъ. Это потому, что его репрезентативная способность слаба и что онъ не можетъ твердо представить себѣ отдаленнаго удовольствія, или различить его связь со своимъ настоящимъ дѣйствіемъ. Эту способность даетъ развитіе интеллекта. Ребенокъ узнаетъ мало по малу, что его дѣйствія имѣютъ отдаленныя послѣдствія, напримѣръ, что актъ сегодняшняго непослушанія ведетъ за собой лишеніе на завтра.

Такое развитіе знанія и репрезентативной способности проявляется различными путями: а) такъ, ребенокъ начинаетъ стремиться къ достиженію второстепенныхъ цѣлей, т.-е. такихъ вещей, которыя, не будучи цѣнными сами по себѣ, представляютъ средство достигнуть желаемаго. Такимъ образомъ, приобретаетъ онъ

привычку повиноваться своимъ родителямъ и наставникамъ, откладывая удовольствія на будущее время и т. п.; б) дальнѣйшимъ результатомъ развитія интеллекта является то, что ребенокъ приучается стремиться къ такъ называемымъ прочнымъ интересамъ или цѣлямъ, каковы: здоровье, знаніе и любовь и уваженіе окружающихъ. Онъ открываетъ, что чрезмѣрная слабость и потворство своимъ желаніямъ не только приносятъ неудобства въ настоящемъ, но могутъ помѣшать ему сдѣлаться сильнымъ и въ будущемъ; что пренебреженіе сегодняшними уроками оставляетъ прочный слѣдъ, дѣлая его менѣе интеллигентнымъ, чѣмъ онъ могъ бы быть, и т. д. Другими словами, онъ признаетъ тотъ фактъ, что существуютъ прочныя формы добра, которыя могутъ быть достигнуты только продолжительною и послѣдовательною дѣятельностью.

б) Вліяніе развитія чувствованій. Далѣе, волевая дѣятельность ребенка развивается посредствомъ расширенія области его желаній. Это расширеніе происходитъ до извѣстной степени съ помощью развитія второстепенныхъ желаній, т.-е. желанія такихъ вещей, какъ здоровье, собственность и добрая слава, которыхъ вначалѣ ребенокъ добивался только какъ средствъ. Желаніе мальчика имѣть деньги возникаетъ, прежде всего, изъ того, что онъ представляетъ себѣ тѣ удовольствія, которыя онъ могъ бы получить за деньги. Но, будучи преслѣдуемы, какъ средства къ наслажденію, такія вещи приобрѣтаютъ мало по малу самостоятельную цѣнность.

Однако, главнымъ двигателемъ въ расширеніи области желаній является развитіе новыхъ чувствованій. Какъ было указано выше, инстинктивные зародыши желаній должны дополняться опытами удовольствія и страданія, и по мѣрѣ развитія эмоціональной природы, рождаются новые виды желаній. Такъ, въ раннимъ побужденіямъ дѣтства, къ стремленію удовлетворять тѣлеснымъ нуждамъ, чувственнымъ удовольствіямъ, наслажденію дѣятельностью, присоединяются наслажденіе состязаніемъ, любовь къ одобренію, желаніе нравиться и т. д. И наконецъ, возникаютъ, какъ новыя пружины дѣйствій, любовь къ знанію и чувство долга. Эти послѣдовательныя ступени развитія чувствованій даютъ новые мотивы и возбуждаютъ дѣйствія въ большомъ количествѣ направленій.

Сложныя дѣйствія. Необходимымъ результатомъ такого развитія интеллекта и расширенія чувствованій и желаній является большая сложность дѣйствій со стороны импульсовъ или побужденій.

дений, которые даютъ имъ начало. Въмѣсто того, чтобы быть послѣдствіемъ только одного желанія, дѣйствіе становится произведеніемъ множества желаній. Эта сложность побужденій можетъ принимать одну изъ двухъ формъ: а) форму взаимнаго содѣйствія и б) форму взаимнаго противодѣйствія побужденій.

а) Подъ взаимнымъ содѣйствіемъ побужденій подразумѣвается соединеніе двухъ или болѣе желаній, возбуждающихъ дѣйствіе въ одномъ и томъ же направленіи. Такъ, ребенокъ можетъ про- извести какое-нибудь дѣйствіе частью для того, чтобы получить личное удовлетвореніе, частью для того, чтобы угодить своимъ родителямъ или наставнику. Сильное стремленіе къ дѣятельности и связанная съ нимъ любовь къ упражненію активныхъ способностей часто приводятъ къ выполненію дѣйствій подъ вліяніемъ двойнаго импульса.

б) Гораздо важнѣе тотъ случай соединенія побужденій, когда они противодѣйствуютъ другъ другу. Здѣсь два или болѣе желаній толкаютъ дѣйствіе по разнымъ направленіямъ. Такъ, ребенку можетъ хотѣться попробовать запрещеннаго удовольствія, и въ то же время его можетъ удерживать страхъ наказанія. Или же его могутъ притягивать два несовмѣстимыя направленія дѣятельности, напримѣръ, игра и урокъ.

Обсужденіе и выборъ. Такое противодѣйствіе побужденій даетъ случай для новаго и болѣе высокаго проявленія воли. Возникшее въ душѣ представленіе двухъ альтернативъ вызываетъ предварительный процессъ размышленія и выбора.

Для того, чтобы процессъ этотъ могъ быть выполненъ, необходимо, прежде всего, серьезное проявленіе или усиліе воли, чтобы сдержатъ или ограничить побужденіе къ дѣйствію. Размышленіе о томъ, желательна-ли получить извѣстное удовлетвореніе цѣной наказанія, или о томъ, которая изъ двухъ привлекательныхъ цѣлей дороже, подразумѣваетъ, что душа преодолѣла въ данную минуту стремленіе извѣстнаго импульса выразиться во внѣшнемъ дѣйствіи.

Когда этотъ первый шагъ сдѣланъ, душѣ остается представить себѣ каждую цѣль отчетливо и твердо и сравнить ихъ между собой. Здѣсь выступаетъ на сцену нравственное сужденіе; оно сравниваетъ и измѣряетъ обѣ цѣли съ точки зрѣнія ихъ цѣнности и того отношенія, какое онѣ имѣютъ къ счастью индивидуума.

Результатомъ этого процесса обсужденія будетъ рѣшеніе въ пользу того, что душа найдетъ болѣе достойнымъ и желатель-

нымъ. Это называется актомъ выбора. Этотъ актъ обуславливается различіемъ одной вещи, какъ лучшей по сравненію ея съ другою.

Такое умѣнье сдерживать побужденія и обсуждать свои дѣйствія характеризуетъ вполне развитую и просвѣщенную волю. Приобрѣтеніе его идетъ медленно, и въ первые годы жизни только начинается. Дѣтямъ съ ихъ сильною наклонностью къ дѣятельности трудно откладывать рѣшенія. Тамъ, гдѣ происходитъ столкновение побужденій, они не въ состояніи усмирить буйство столкнувшихся желаній. Поэтому, мы часто видимъ, что борьба разрѣшается тѣмъ, что болѣе сильное побужденіе беретъ верхъ, или что ребенокъ въ безсильномъ отчаяніи отказывается отъ рѣшенія задачи.

Для приобрѣтенія этой способности (сдерживать побужденія и обсуждать дѣйствія) нуженъ извѣстный опытъ вреда торопливыхъ дѣйствій и способность удерживать и вызывать въ памяти этотъ опытъ. Наклонность обсуждать предполагаетъ, что ребенокъ боится поступить опрометчиво. Нѣкоторые дѣти особенно памятливы на вредъ торопливыхъ поступковъ и потому приобрѣтаютъ эту осмотрительность гораздо скорѣе, чѣмъ другія. Во-вторыхъ, необходимо упражнять и развивать практическое пониманіе ребенка для того, чтобы ему становилось все легче и легче сравнивать поступки и судить объ ихъ разумности и справедливости.

Рѣшимость и настойчивость. Дальнѣйшимъ результатомъ такого болѣе высокаго развитія воли является такъ называемая рѣшимость. Этотъ терминъ обозначаетъ установившееся рѣшеніе сдѣлать что-нибудь—рѣшеніе, предшествующее моменту выполненія дѣйствія. Образование рѣшимости требуетъ предварительнаго размышленія, а слѣдовательно, и болѣе выработанной подготовки къ дѣйствію. Такъ, ребенокъ, который рѣшается сказать своей матери, что онъ разбилъ какую-нибудь вещь, долженъ быть способенъ заглянуть впередъ и отчетливо представить себѣ рядъ обстоятельствъ: свою всгрѣчу съ матерью, ея вопросы ему и т. д.

Всѣ наиболѣе трудные и продолжительные процессы дѣятельности обуславливаются рѣшимостью. Настойчивое преслѣдованіе цѣли длиннымъ рядомъ средствъ требуетъ твердаго усвоенія предмета желанія и установившагося рѣшенія получить этотъ предметъ.

Между тѣмъ, какъ способность обсуждать и выбирать придаетъ нашимъ дѣйствіямъ разсудительность, настойчивость въ рѣшеніяхъ придаетъ имъ твердость или постоянство. Дѣтямъ вообще не достаетъ такой твердости, такъ точно, какъ не достаетъ устой-

чивости и постоянства сужденія. Дѣтскія рѣшенія вообще опредѣляются обстоятельствами данной минуты и забавнымъ образомъ мѣняются съ минутными вліяніями. Будучи «слаба относительно будущаго», дѣтская душа не способна объять того поля душевнаго зрѣнія, которымъ обусловливается дальновидная рѣшимость.

Весьма важно отличать твердость намѣренія и постоянство воли отъ простаго упрямства. Ясно, что твердость заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю независимости, готовность противупологать наше индивидуальное рѣшеніе настояніямъ окружающихъ и ставить его выше этихъ убѣжденій. Въ то же время волевая рѣшимость, какъ и сужденіе, можетъ заключать въ себѣ излишекъ независимости, заставляющей человѣка беземысленно отвергать чужіе совѣты и убѣжденія. Такой излишекъ независимости называется своеволіемъ, или упрямствомъ. Упрямство должно быть отличаемо отъ настоящей твердости воли, опирающейся на спокойную и просвѣтленную увѣренность; главная его поддержка это — самоувѣренность и недоувѣріе къ другимъ. Это можно сказать о большинствѣ случаевъ дѣтскаго упрямства, хотя весьма вѣроятно, что нерѣдко сопротивленіе дѣтей убѣжденію и авторитету является результатомъ искренней дѣтской увѣренности въ здравости собственнаго рѣшенія.

Самоконтролированіе. Упражненіе способностей размышленія и разумнаго выбора приводитъ къ такъ называемому самоконтролированію. Подъ самоконтролированіемъ подразумѣвается способность сдерживать и подавлять болѣе раннія и низменныя побужденія и подчинять ихъ преслѣдованію болѣе высокихъ и достойныхъ цѣлей. Самоконтролированіе требуетъ развитія болѣе высокихъ побужденій, — болѣе высокихъ, какъ по порядку развитія, такъ и по ихъ этической цѣнности, — и господства этихъ побужденій надъ низшими волевыми силами. Далѣе, оно требуетъ развитія практическаго пониманія и способности обдуманно предпочитать болѣе достойное удовлетвореніе менѣе достойному.

Стадіи самоконтролированія. Развитие способности самоконтролированія можно прослѣдить черезъ цѣлый рядъ восходящихъ степеней.

Простѣйшей и самой ранней его формой будетъ та, когда индивидуумъ отказывается отъ удовольствія настоящей минуты или такого, которое онъ можетъ получить немедленно, ради другого большаго удовольствія, или чтобы избѣжать болѣе крупной непріятности въ будущемъ. Примѣромъ этой формы самоконтролированія можетъ служить усиліе лѣниваго, наслаждающагося

своею лѣнью ребенка, приняться за заданное ему дѣло и усиліе жаднаго ребенка отказаться отъ удовольствія съѣсть лакомство сейчасъ, ради удовольствія съѣсть его завтра.

Ребенокъ достигаетъ болѣе высокой стадіи самоконтролированія тогда, когда интеллектъ его усваиваетъ идею прочныхъ цѣлей, какъ-то: идею физической силы, знанія, доброй славы. Съ этихъ поръ подчиненіе отдѣльныхъ мимолетныхъ побужденій прочнымъ интересамъ приводитъ область его дѣйствій въ болѣе совершенную систему. Такъ, склонность къ непослушанію въ данную минуту контролируется желаніемъ пріобрѣсти прочную привязанность и доброе мнѣніе родителей или наставника.

Еще болѣе высокая степень координаціи желаній и упорядоченія первоначальнаго хаоса побужденій достигается тогда, когда ребенокъ становится способенъ сравнивать между собою свои различные интересы и различать ихъ относительную цѣнность, какъ составныхъ частей его счастья въ цѣломъ. Когда ребенокъ достигнетъ этой точки развитія, то свои побужденія добиваться популярности, интеллектуальнаго превосходства и т. п. онъ будетъ контролировать болѣе высокимъ принципомъ дѣятельности, а именно, достиженіемъ личнаго благосостоянія.

Послѣдней и завершающей стадіей процесса подчиненія побужденій принципу, является подчиненіе личныхъ интересовъ общему благу. Ребенку не свойственно стремиться къ счастью другихъ. Это стремленіе должно быть выработано постепенно. Готовность ставить свое собственное счастье ниже требованій другихъ лицъ предполагаетъ развитіе соціальныхъ чувствованій и нравственнаго чувства.

б) Контролированіе чувствованій. Въ дополненіе къ контролю надъ побужденіями и поступками, самоконтролированіе обнимаетъ собою управленіе и регулированіе и другихъ душевныхъ силъ.

Первая изъ этихъ силъ есть чувствованіе. Какъ мы видѣли, чувствованія находятъ непосредственный выходъ въ физическихъ дѣйствіяхъ и между прочимъ въ произвольныхъ движеніяхъ мышцъ: лицевыхъ, ручныхъ и т. д. Такимъ образомъ, контролированіе чувствованій уподобляется до извѣстной степени контролированію побужденій. Первое, что долженъ сдѣлать ребенокъ для того, чтобы сдержатъ силу гнѣвной вспышки—это удержатъ или подавить ея внѣшнія проявленія, какъ-то: крикъ, размахиваніе руками. Сверхъ того, такъ какъ чувствованія тѣсно связаны со своими тѣлесными проявленіями, то ясно, что задерживая внѣшнее дѣйствіе, мы до нѣкоторой степени смягчаемъ самое

чувствованіе. Усиливаясь подавить ви́шніе признаки огорченія, ребенокъ можетъ ослабить горечь самого чувства.

Какого будетъ точное послѣдствіе обузданія ви́шнихъ проявленій чувствованія въ каждомъ данномъ случаѣ — будетъ зависеть отчасти отъ силы чувствованія. Если эмоція, — положимъ, эмоція гнѣва, — очень глубока, то подавленіе ея ви́шнихъ признаковъ мало поможетъ потушить самое чувство. Душа будетъ предаваться про себя мрачной страсти, легѣя мысль объ ея удовольствореніи. Послѣдствія такого ви́шняго самообузданія будутъ мѣняться также съ темпераментомъ индивидуума. Дѣти, у которыхъ чувство медленно разгорается и медленно погасаетъ, особенно склонны таить въ душѣ тлѣющую страсть. Отсюда необходимость какого-нибудь добавочнаго средства для обузданія чувствованій. Объ этомъ мы будемъ сейчасъ говорить.

Надежащее контролированіе чувствованій имѣетъ высокое нравственное значеніе. Такъ называемая благовоспитанность обусловливается извѣстнымъ количествомъ эмоціональнаго самообузданія. Болѣе высокое нравственное качество — внимательность къ людямъ — требуетъ болѣе широкаго и бдительнаго самоконтролированія, а именно, подавленія всякаго чувствованія, которое оскорбляетъ другого. Далѣе, нравственное качество терпѣнія обусловливается способностью сдерживать проявленія страданія, сохранять видимое спокойствіе, когда страданіе волнуетъ душу.

Приобрѣтеніе способности контролировать чувствованія — процессъ трудный и медленный. Дѣтскія чувствованія отличаются сильною напряженностью и тѣмъ, что вполне овладѣваютъ душою. Поэтому, нужно серьезное усиліе, чтобы сдержать проявленіе страсти. Слѣдуетъ помнить также, что мотивы, побуждающіе къ такому усилію самоконтролированія, какъ-то: вниманіе къ собственнымъ удобствамъ и чувство пристойнаго и справедливаго, — развиваются поздно. Тѣмъ не менѣе необходимо съ самаго ранняго дѣтства упражнять дѣтей въ болѣе легкихъ задачахъ самоконтролированія. Какъ указываетъ Перецъ, 15-ти мѣсячнаго ребенка можно заставить перестать плакать, заговоривъ съ нимъ громкимъ голосомъ.

Контролированіе мыслей. Другая крупная область, требующая волевого контроля и регулированія, — это область интеллектуальныхъ процессовъ. Какъ было указано выше, безъ такого контроля вниманіе ребенка отвлекается въ разныя стороны предстоящими въ данную минуту ви́шними возбужденіями, и ходъ мыслей предѣляется силами ассоціаціи. Контролировать мысли — значить

сдерживать эти силы и противодействовать имъ съ цѣлью направить вниманіе по какому-нибудь спеціальному пути.

Такое контролированіе интеллектуальныхъ стремленій требуетъ особаго усилія воли. Первые попытки ребенка оторвать душу отъ всѣхъ развлекающихъ ее впечатлѣній и сосредоточить ее рѣшительнымъ усиліемъ воли на какомъ-нибудь предметѣ—выражаются въ сопровождающихъ ихъ тѣлесныхъ дѣйствіяхъ: въ наморщиваніи бровей, въ безпокойныхъ движеніяхъ, указывающихъ на присутствіе тяжелаго усилія. Для того, чтобы такое усиліе было сдѣлано, нужна сильная побудительная причина, напримѣръ, боязнь стыда или желаніе приобрести знаніе. Чѣмъ сильнѣйшее усиліе требуется, тѣмъ могущественнѣе должна быть побудительная сила.

Говоря о развитіи интеллекта, мы подразумѣвали существованіе такого контроля воли надъ интеллектуальными силами. Такъ, тщательное и плодотворное наблюденіе предполагаетъ способность сосредоточивать вниманіе на одномъ предметѣ на опредѣленное время и сопротивляться естественному стремленію души переходить съ одного предмета на другой. Далѣе, заучиванье или запоминаніе чего-нибудь такъ же, какъ и стараніе припомнить выученное, требуетъ участія воли въ формѣ намѣреннаго сосредоточенія души на опредѣленномъ предметѣ или группѣ идей. Наконецъ, процессы конструктивнаго воображенія и процессы абстракціи и разсужденія требуютъ еще болѣе высокой формы этой способности отвлекать вниманіе отъ того, что его интересуетъ, и сопротивляться силѣ возбужденій.

Связь между различными формами самоконтролированія. Разбирая такимъ образомъ контролированіе побужденій, чувствованій и мыслей порознь, мы должны помнить, что всѣ эти душевные процессы тѣсно связаны между собою. Въ болѣе строгомъ смыслѣ можно сказать, что контролированіе чувствованій обуславливается контролированіемъ мыслей, а контролированіе побужденій и дѣйствій—контролированіемъ чувствованій и мыслей.

1) Какъ было замѣчено, каждая эмоція возникаетъ, а слѣдовательно и зависитъ отъ нѣкаго рода интеллектуальной дѣятельности, напримѣръ, эмоція страха—отъ вида чего-нибудь страшнаго, эмоція гнѣва—отъ воспоминавія обиды. Поэтому контролированіе мыслей есть одно изъ средствъ контролированія чувствованій. Только-что было указано, что, сдерживая сопровождающія чувствованіе внѣшнія движенія, мы далеко не исполнѣе подавляемъ самое чувствованіе. Единственный дѣйствительный

способъ подѣйствовать на силу чувствованія и преодолѣть его,— это отвлечь мысли отъ возбуждающей его причины и направить ихъ на что-нибудь постороннее, не относящееся къ нему. Ребенку только тогда удастся вполнѣ подавить чувство досады или обманутаго ожиданія, когда усилимъ воли онъ направитъ свои мысли въ другую сторону. Начальное развиваніе нравственности въ этомъ направленіи должно стремиться подавлять чувствованіе посредствомъ отвлеченія души отъ возбуждающей чувствованіе причины ¹⁾).

2) Далѣе, такъ какъ дѣйствіе обусловливается чувствованіемъ и мыслью, то полное контролированіе активныхъ побужденій обнимаетъ собою контролированіе чувствованій и мыслей. Такъ, душа только тогда вполнѣ превозмогаетъ побужденіе совершить злой поступокъ, когда ей удалось подавить чувство гнѣва, изъ котораго оно возникло, и изгнать воспоминаніе объ обидѣ, вызвавшей это чувство. Отсюда то важное значеніе, какое придаютъ моралисты контролированію желаній и мыслей «сердца».

Привычка и поведеніе. Принципъ привычки, примѣненіе котораго къ области произвольныхъ движеній было уже нами разсмотрѣно, одинаково царитъ и въ области высшихъ нравственныхъ дѣйствій или поведенія. Вышеописанные процессы обсужденія и контролированія достигаютъ лишь болѣе совершенной формы, когда законъ привычки придастъ имъ устойчивость.

Словомъ «привычка» обозначается тотъ основной фактъ, что всѣ дѣйствія съ повтореніемъ совершенствуются. Какъ движенія тѣла, вначалѣ шаткія, нерѣшительныя и требующія усилій, становятся, благодаря повторенію, вѣрными, твердыми и ловкими, такъ и высшія проявленія воли въ обуздываніи побужденій и въ процессѣ обсужденія совершенствуются вслѣдствіе постоянного упражненія.

Вначалѣ, когда какое-нибудь дѣйствіе ребенка задерживается опасеніемъ дурныхъ послѣдствій, борьба побужденій осиливаетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ къ рѣшенію. Но разъ сдѣлавъ серьезное усиліе, чтобы выйти изъ состоянія борьбы и рѣшиться дѣйствовать согласно разсудку, онъ дѣлаетъ важный шагъ впередъ въ нравственномъ развитіи. При слѣдующемъ случаѣ столкновенія побужденій размышленіе и рѣшеніе будутъ для него

¹⁾ Д-ръ Сякорскій приводитъ любопытный отчетъ о томъ, какъ онъ приучалъ маленькаго ребенка переносить голодъ, занимая его подробностями приготовленія пищи.

легче. Пылкость импульса будетъ до известной степени обуздана. Каждое новое упражненіе волевой способности дѣлаетъ менѣе трудными остановку, размышленіе и окончательное спокойное рѣшеніе. Весь процессъ начинаетъ идти глаже и требуетъ все меньше и меньше усилія, пока, наконецъ, размышленіе и обдуманый выборъ не станутъ легкими и естественными.

Нравственные привычки. Тотъ же принципъ привычки ведетъ къ дальнѣйшимъ и еще болѣе поразительнымъ результатамъ въ области нравственныхъ дѣйствій. Подчиненіе низшихъ побужденій высшимъ, требующее вначалѣ тяжелаго усилія, остановки и размышленія, становится съ повтореніемъ все менѣе труднымъ и утомительнымъ. Такъ, каждый актъ обузданія жадности размышленіемъ объ ея дурныхъ послѣдствіяхъ или себялюбивой наклонности ради блага другихъ лицъ стремится утвердить эти дѣйствія въ опредѣленныхъ направленіяхъ. Другими словами, болѣе высокая нравственная сила отвоевываетъ себѣ все больше мѣста, какъ господствующая наклонность, и встрѣчаетъ все менѣе и менѣе сопротивленія. Результатомъ этого процесса развитія является вполне нравственная или добродѣтельная привычка, подразумевающая твердое стремленіе къ опредѣленнымъ видамъ блага, напримѣръ, здоровья, и въ болѣе интеллигентной своей формѣ добровольное принятіе общаго принципа или правила поведенія, какъ-то: «Повинуйся законамъ сохраненія здоровья».

При этомъ должны быть выполнены вышеуказанныя условія образованія привычекъ. Первоначальное усиліе должно быть обеспечено силой побудительной причины, достаточной для того, чтобы мы могли преодолѣть трудность дѣйствія и нерасположеніе къ тому, что для насъ скучно. Далѣе, первое успѣшное выполненіе дѣйствія должно быть повторяемо постоянно и непрерывно до тѣхъ поръ, пока принципъ привычки не закрѣпитъ нравственнаго приобрѣтенія. Для этого на раннихъ стадіяхъ своего развитія воля не должна быть подвергаема слишкомъ сильнымъ искушеніямъ.

Характеръ. Терминъ «характеръ» часто примѣняется слишкомъ широко для обозначенія индивидуальныхъ душевныхъ особенностей, какъ интеллектуальныхъ, такъ и моральныхъ, и какъ проявляющихся со дня рожденія, въ видѣ рѣзко обозначенныхъ врожденныхъ наклонностей, такъ и приходящихъ позднѣе, въ видѣ результатовъ опыта и воспитанія. Въ болѣе узкомъ смыслѣ онъ обозначаетъ приобрѣтенные результаты упражненія индивидуаль-

ной воли, каковы: пониманіе, глубина взглядовъ, независимость и твердость воли.

Такъ какъ нравственныя приобрѣтенія, а именно хорошія наклонности и привычки, представляютъ самый цѣнный результатъ такого упражненія воли, то въ сочиненіяхъ по этикѣ и педагогикѣ терминъ «характеръ» сталъ употребляться для спеціальнаго обозначенія хорошихъ или добродѣтельныхъ направленій чувствованій и воли ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ человекъ съ характеромъ есть человекъ, про котораго можно сказать, что въ общемъ онъ будетъ рѣшать и дѣйствовать разумно и справедливо.

Такой нравственный или добродѣтельный характеръ есть результатъ различныхъ формъ самоконтролированія, доведенныхъ до степени вполне установившихся привычекъ. Такъ, вполне совершенный нравственный характеръ подразумеваетъ сложившіяся привычки, обуславливающія разумное преслѣдованіе индивидуальнаго блага, какъ-то: трудолюбіе, любовь къ порядку, умѣренность, привычный контроль надъ чувствованіями или сдержанность и твердое контролированіе мыслей, обуславливающее разсудительность. Онъ подразумеваетъ также привычки, необходимыя для совершеннаго выполненія человѣческаго долга, какъ-то: послушаніе, учтивость, правдивость, справедливость и благотворительность.

Вообще говорится, что нравственный характеръ есть сумма привычекъ, въ родѣ того, какъ мы намѣтили здѣсь въ общихъ чертахъ. Такое опредѣленіе нравственнаго характера очень важно, такъ какъ оно выдвигаетъ на видъ его существенный ингредиентъ — твердость наклонностей въ надлежащихъ направленіяхъ. Въ то же время не слѣдуетъ думать, что совершенный характеръ проявляется въ привычномъ и полу-механическомъ преслѣдованіи множества разбѣдиненныхъ цѣлей, или видовъ добра. Самоконтролированіе стремится, какъ мы видѣли, координировать и приводить ко взаимной гармоніи различныя желанія и цѣли подчиняя ихъ какой-нибудь одной высшей цѣли или идеалу добра; и совершенный характеръ подразумеваетъ наклонность размышлять и обсуждать рѣшенія тамъ, гдѣ того требуютъ обстоятельства, напримѣръ, гдѣ происходитъ важущееся столкновеніе различныхъ видовъ долга,—для того, чтобы опредѣлить, какой изъ видовъ

¹⁾ Слово «character» значить характеръ и нравственность, или честность. Man of character—честный, нравственный человекъ. По русски слово «характеръ» не имѣетъ этого втораго значенія. Перев.

добра достойаѣе и гдѣ лежитъ въ дѣйствительности путь долга ¹⁾.

Внѣшнее контролирование воли. До сихъ поръ мы предполагали, что дѣтская воля развивается самопроизвольно, безъ всякаго прямого контроля и руководства извнѣ. Очевидно, однако, что способность размышлять и нравственныя привычки приобрѣтаются въ значительной мѣрѣ при содѣйствіи другихъ лицъ, въ особенности тѣхъ, которыя имѣютъ власть надъ ребенкомъ. Какъ мы видѣли при обзорѣ развитія нравственнаго чувства, вліяніе авторитета и нравственной дисциплины есть необходимое условіе образованія того чувства долга, господство котораго отмѣчаетъ высшую стадію самоконтролированія. Сверхъ того, простое наблюденіе дѣтской жизни покажетъ намъ, что поступки ребенка регулируются и опредѣляются въ значительной мѣрѣ желаніями и приказаніями окружающихъ. Мы признаемъ этотъ фактъ, когда говоримъ, что первая стадія въ развитіи нравственныхъ привычекъ это—приобрѣтеніе привычки послушанія.

Развивая дѣтскую волю, воспитатель нравственности дѣйствуетъ частью путемъ авторитетныхъ и повелительныхъ ограниченій, частью путемъ убѣжденій, совѣтовъ и просвѣщенія этой воли.

Авторитетъ и повиновеніе. Дѣйствіе и вліяніе нравственной дисциплины предполагаетъ существованіе какого-нибудь авторитета. Возможность дисциплины въ дѣтствѣ зависитъ отъ того факта, что родители или другіе пекущіеся о ребенкѣ лица облечены извѣстною властью руководить имъ. Подъ такую власть подразумѣвается власть отдавать приказанія и поддерживать или заставлять выполнять эти приказанія санкціей наказанія. Обладая такою властью, воспитатель можетъ требовать отъ ребенка выполненія извѣстныхъ дѣйствій, какъ-то: дѣйствій, обусловливающихъ прилежаніе, любовь къ порядку и т. д., такъ же, какъ запрещать другія дѣйствія, которыя онъ считаетъ нежелательными, напримѣръ, акты грубости и жестокости.

Хотя, такимъ образомъ, нравственная дисциплина основана на власти воспитателя принуждать къ повиновенію наказаніемъ, она должна быть тщательно различаема отъ внѣшняго принужденія. Физическое насиліе, къ которому прибѣгали рабовладѣльцы

¹⁾ «Добродѣтель никогда не можетъ стать суммой привычекъ, и вотъ по какой простой причинѣ: нѣтъ ни одной хорошей привычки, кромѣ привычки быть хоршимъ (т.-е. хорошо направленной воли), которая не могла бы столкнуться съ истиннымъ долгомъ на томъ или другомъ пунктѣ». (М—съ Брайентъ).

и безчеловѣчные родители, не есть, строго говоря, нравственная сила. Угрожая человѣку какимъ-нибудь сильнымъ и немедленнымъ физическимъ страданіемъ, мы вызываемъ въ его душѣ смятеніе ужаса, которое парализуетъ его волю. Слѣдствіемъ этого бываетъ механическая покорность, вызванная всепоглощающею силой страха, но это не будетъ сознательное и добровольное подчиненіе авторитету ¹⁾).

Точно такъ же нельзя сказать, чтобы между авторитетомъ и повиновеніемъ существовала какая-нибудь связь тамъ, гдѣ приказанія отдаются такимъ образомъ, что получающій приказаніе можетъ хладнокровно взвѣсить всѣ пріятныя и непріятныя стороны непослушанія такъ, какъ онъ могъ-бы взвѣсить пріятныя и непріятныя стороны совершенно частнаго и личнаго поступка. Въ такихъ случаяхъ воля несомнѣнно участвуетъ, дѣйствуя въ процессахъ обсужденія и выбора. Но дѣйствіе ея не будетъ нравственнымъ дѣйствіемъ въ строгомъ смыслѣ слова.

Истинное повиновеніе авторитету опирается на признаніе со стороны руководимаго какъ нравственнаго, такъ и физическаго превосходства руководителя. Только тамъ, гдѣ есть это чувствованіе, можетъ быть такъ называемый актъ самоконтролированія, т.-е. сознательное подчиненіе низшихъ побужденій высшему принципу дѣйствій. Такое состояніе самоподчиненія авторитету предполагаетъ, съ одной стороны положеніе и качества, которыя были бы способны вызвать уваженіе, съ другой — склонность почитать и преклоняться передъ умственнымъ и нравственнымъ совершенствомъ.

У маленькихъ дѣтей уваженіе къ авторитету частью инстинктивно, частью является результатомъ пониманія особаго отношенія зависимости ихъ отъ родителей или другихъ опекателей, частью представляетъ продуктъ повседневнаго опыта, доказывающаго ребенку доброту и разумность этихъ опекателей. Вліяніе привычки и specialнаго общенія съ опредѣленнымъ лицомъ на развитіе этого чувствованія доказывается тѣмъ извѣстнымъ каждому фактомъ, что ребенокъ, который всегда слушается своихъ родителей или няньки, выражаетъ самый яростный протестъ противъ всякихъ притязаній на власть надъ нимъ со стороны постороннихъ.

Хотя въ раннихъ своихъ формахъ уваженіе къ авторитету,

¹⁾ Смотри то, что говоритъ Локке о вліяніи тѣлесныхъ наказаній и «рабской дисциплины» на воспитаніе «рабскаго характера». — On education.

побуждающее ребенка къ повиновенію, является въ широкой мѣрѣ чувствованіемъ къ извѣстному лицу, однако, мало по малу оно развивается въ болѣе разумную оцѣнку нравственнаго назначенія руководителя, какъ представителя и оберегателя безличныхъ законовъ нравственности.

Цѣли и основанія руководства въ дѣтскомъ возрастѣ. Вообще признано, что дѣти должны повиноваться авторитету и власти. Невѣжество ребенка и неспособность его приходить къ правильнымъ рѣшеніямъ вызываютъ необходимость для него опредѣленныхъ правилъ, исходящихъ отъ лицъ, которыя о немъ пекутся. Одна изъ цѣлей такихъ правилъ это—предохранить ребенка отъ вредныхъ послѣдствій его невѣжества и недостатка предвидѣнія. Приказанія и запрещенія маленькимъ дѣтямъ, напримѣръ, запрещеніе играть со свѣчей и т. п., имѣютъ цѣлью предотвращеніе физическаго вреда. Что такіа запрещенія необходимы, признается всѣми. Всецѣло предоставить ребенка «дисциплинѣ послѣдствій», въ видѣ естественныхъ каръ за нарушеніе законовъ природы—опытъ слишкомъ опасный, на который не рѣшится ни одинъ любящій отецъ или мать. И даже позднѣе, когда ребенокъ становится старше, необходимо предостерегать его отъ многихъ видовъ физическаго вреда, напримѣръ, отъ вреда излишняго пристрастія къ удовольствіямъ стола.

Но введеніе ранней дисциплины имѣетъ другія цѣли и примѣненія. Цѣль ея, какъ нравственнаго развитія, это—направить дѣйствія ребенка на путь справедливости или добродѣтели и образовать въ немъ хорошія нравственныя привычки и характеръ.

Вѣроятно, всѣ согласятся въ необходимости какого-нибудь внѣшняго контроля дисциплины и ограниченій надъ дѣйствіями ребенка. Самый оптимистическій взглядъ на дѣтскую природу долженъ признать существованіе въ ней такихъ врожденныхъ импульсовъ (какъ, напримѣръ, жадность и скупость), которые нуждаются въ твердомъ обузданіи. Трудно также допустить, чтобы естественныя послѣдствія дурныхъ поступковъ, въ формѣ, напримѣръ, потери довѣрія родителей или лишенія ихъ общества, могли имѣть значеніе, какъ сила, удерживающая ребенка отъ такихъ поступковъ. И даже будь достаточно такихъ естественныхъ наказаній, чтобы удержать его отъ дурныхъ поступковъ, они не могли бы развить въ немъ истинно-нравственной наклонности поступать справедливо. Какъ было указано выше,—необходимый шагъ въ образованіи чувства долга, это—установить надъ ре-

бенкомъ твердую власть и дѣйствовать на него этою властью, заставить его почувствовать, что надъ его волей есть высшая воля, которой онъ долженъ повиноваться.

Можно смѣло утверждать, что повиновеніе въ томъ смыслѣ, какъ мы его опредѣлили, есть по своему существу нравственная привычка, представляющая главное достоинство дѣтства. Готовность подавлять личныя желанія изъ уваженія къ приказаніямъ, авторитетность которыхъ чувствуется ребенкомъ, можетъ быть достигнута только извѣстнымъ количествомъ усилія воли и размышленія объ истинной цѣнности вещей.

Тѣмъ не менѣе, думать, что повиновеніе личному авторитету представляетъ само по себѣ цѣль, есть общее и пагубное заблужденіе. Тотъ ингредиентъ дѣтскаго послушанія, который дѣлаетъ его нравственнымъ отправленіемъ, заключается въ смутномъ пониманіи ребенкомъ разумности и нравственной обязательности того, что отъ него требуютъ. Высшая цѣль нравственной дисциплины заключается въ томъ, чтобы усилить это чувство и перенести чувство подчиненности съ личности на законъ, который личность представляетъ собою и воплощаетъ. Только когда достигнута эта позднѣйшая высшая стадія повиновенія закону или принципу, можемъ мы сказать, что авторитетъ сдѣлалъ свое дѣло. Власть—это лѣса, отправляющіе необходимое временное назначеніе въ созиданіи самостоятельной привычки поступать справедливо.

Условія нравственной дисциплины. Подъ нравственною дисциплиной мы подразумѣваемъ систему нравственныхъ правилъ, надлежащимъ образомъ изложенныхъ, понятыхъ и приводимыхъ въ дѣйствіе. Первымъ условіемъ такой системы является введеніе общихъ требованій или правилъ поведения. Проявленіе власти въ запрещеніи отдѣльныхъ поступковъ не есть дисциплина. Мать, которая говоритъ ребенку: «не дѣлай этого», или награждаетъ тотъ или другой его поступокъ щелчкомъ или словами: «дрянной мальчишка», не выясняя, что именно въ проступкѣ запрещеннаго,—не можетъ быть названа нравственною руководительницей своего ребенка: она не направляетъ его нравственности. Направляетъ тотъ, кто даетъ общія правила, указывающія направляемому, какъ ему дѣйствовать въ каждомъ опредѣленномъ классѣ случаевъ.

Для того, чтобы правило было дѣйствительно, оно должно удовлетворять нѣсколькимъ главнымъ условіямъ: а) оно должно относиться къ такому дѣйствию, которое, какъ имѣетъ основаніе

разсчитывать руководитель, ребенокъ въ состояніи выполнить, и которое, какъ онъ увѣренъ, онъ можетъ заставить его выполнить. Такъ, по замѣчанію миссъ Эджвортъ, запрещенія, напримѣръ: «не трогай лампы», исполняются легче, нежели положительныя приказанія, напримѣръ: «встань!»²⁾); b) правило должно быть понятно. Если, напримѣръ, ребенку запрещаютъ сплетничать, не давая ясной идеи того, что это значить, то это не производитъ на него никакого нравственнаго дѣйствія; e) правило должно быть примѣняемо единообразно. Только въ такомъ случаѣ можетъ возникнуть необходимая сила ассоціаціи между проступкомъ и наказаніемъ. При существованіи уклоненій отъ правила, ребенокъ не чувствуетъ верховной авторитетности правила, какъ нравственнаго закона, и вслѣдствіе этого рѣшаетъ вопросъ: повиноваться-ли ему, или ослушаться—путемъ чисто практическаго разсчета. Всѣ эти условія существенно необходимы для образованія привычки полного, свободнаго отъ всякихъ колебаній повиновенія.

Какъ было указано выше, твердая нравственная привычка требуетъ твердаго приложенія достаточно сильнаго побужденія въ самомъ началѣ и постояннаго воспоминанія требуемаго. Поэтому важно отдавать приказанія какъ можно внушительнѣе и авторитетнѣе и слѣдить за тѣмъ, чтобы приказаніе ни въ какомъ случаѣ не нарушалось.

Такъ какъ пріобрѣтеніе привычки повиновенія правду есть дѣло времени, то въ высшей степени важно не навязывать слишкомъ много правилъ заразъ. «Я видѣлъ родителей,—говоритъ Локке,—которые такъ заваливали правилами своихъ дѣтей, что бѣдныя малютки не въ состояніи были запомнить и десятой ихъ доли, а не то что соблюдать ихъ».

Наказаніе. Какъ было замѣчено выше, авторитетъ и приказаніе предполагаютъ власть наказывать. Подъ наказаніемъ подразумѣвается преднамѣренное и обдуманное причиненіе какого-нибудь страданія лицомъ, облеченнымъ авторитетомъ, и страданія, какъ послѣдствія акта неповиновенія.

Изъ этого опредѣленія наказанія слѣдуетъ, что естественное послѣдствіе проступка, напримѣръ, паденіе, являющееся результатомъ запрещеннаго акта—лазанья по лѣстницѣ—не

²⁾ Г-жа Неккеръ думаетъ, что дѣти, легко покоряясь запрещеніямъ, склонны сопротивляться положительнымъ приказаніямъ, считая ихъ нечестнымъ послѣдствіемъ на свою свободу.

есть наказаніе. Точно такъ же не каждое страданіе, получаемое отъ лица, облеченнаго властью, будетъ наказаніемъ. Такъ, естественная потеря довѣрія и привязанности, сопровождающая открытіе лживости ребенка, не будетъ, строго говоря, наказаніемъ. Еще менѣе можно назвать наказаніемъ удовлетвореніе мстительной злобы за личную неприятность, вызванную непослушаніемъ ребенка. «Первое условіе надлежащаго дѣйствія наказанія,—говоритъ Уэтцъ,—это, чтобы оно понималось и чувствовалось ребенкомъ, какъ наказаніе».

Выше мы дали понятіе, что наказаніе, какъ дѣйствительность, или возможность, неизбѣжно входитъ въ каждую систему нравственной дисциплины. Наказаніе имѣетъ двѣ главныя цѣли: а) исправленіе и совершенствованіе самого преступника и б) наставленіе и пользу другимъ лицамъ путемъ примѣра и предостереженія. Эти цѣли выступаютъ не всегда равномерно. Наказанія, налагаемые судьей, разсчитаны главнымъ образомъ, на задерживающее вліяніе, которое они должны имѣть на другихъ. Для воспитателя же юношества первымъ и высшимъ соображеніемъ является исправленіе преступника. Въ семьѣ эта цѣль выступаетъ на первый планъ, хотя не совсѣмъ упускается изъ виду и дѣйствіе наказанія на другихъ. Въ школѣ же послѣднее соображеніе выступаетъ отчетливѣе, не дѣлаясь, впрочемъ, господствующимъ, какъ въ государствѣ. Въ то же время очевидно, что наказаніе, причиняя страданіе ребенку, есть само по себѣ зло. Поэтому, вообще признано, что оно можетъ быть оправдано только тогда, когда необходимость его вызывается осуществленіемъ цѣлей, ради которыхъ оно учреждено.

Виды вреда наказанія съ точки зрѣнія воспитателя многочисленны и серьезны. 1) Наказаніе есть страданіе и потому противорѣчитъ гуманнымъ цѣлямъ воспитанія. 2) Наказаніе легко отчуждаетъ воспитателя отъ воспитанника и дѣлаетъ послѣдняго нерасположеннымъ сочувствовать и содѣйствовать первому. 3) Дѣйствуя путемъ инстинктивнаго страха страданія, наказаніе не заключаетъ въ себѣ никакой другой побудительной силы. Такимъ образомъ, по своему дѣйствію оно неизмѣримо ниже побужденій удовольствія, каковы: желаніе нравиться и любовь къ ученью. Эти доводы противъ наказанія равно приложимы ко всѣмъ наказаніямъ. Къ этому нужно прибавить, что нѣкоторые виды наказаній легко могутъ вызвать дурныя нравственныя послѣдствія тѣмъ, что оскорбляютъ и унижаютъ ребенка.

Есть известные, определенные границы для применения наказаний. Такъ, къ наказанію не слѣдуетъ прибѣгать, когда ребенокъ не можетъ чего-нибудь сдѣлать по слабости воли. Цѣль наказанія, поскольку она касается исправленія преступника, — выработать новую нравственную силу, которая могла бы противодействовать врожденной склонности къ дурному; и если, вслѣдствіе слабости воли ребенка, наказаніе не выработываетъ этой силы, оно бесполезно, а слѣдовательно и жестоко. Такъ, наказывать сильно огорченнаго ребенка за то, что онъ не можетъ мгновенно подавить своихъ чувствъ — безчеловѣчно. Далѣе, проступокъ не подлежитъ наказанію, если онъ не заключаетъ въ себѣ явно дурнаго умысла. Поэтому, наказывать ребенка за то напримѣръ, что онъ разбилъ вещь по обыкновенной дѣтской неосторожности — безнравственно.

Соразмѣреніе наказаній. Нужно не только много вниманія для определенія случаевъ, подлежащихъ наказанію, нужна также большая обдуманность для того, чтобы правильно назначить размѣръ наказанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Здѣсь приходится принимать въ расчетъ множество соображеній. Такъ, поскольку наказаніе имѣетъ цѣлью предостереженіе другимъ, необходимо брать во вниманіе какъ степень зловредности проступка и нравственной порочности, на которую онъ указываетъ, такъ и степень скрытности проступка и вытекающую изъ нея трудность открытія его. Поскольку же цѣль наказанія заключается въ исправленіи самого виновнаго, оно должно опредѣляться тщательнымъ разсмотрѣніемъ обстоятельствъ дѣла, какъ увеличивающихъ, такъ и смягчающихъ вину, а также известными воспитателю чувствительностью и нравственнымъ характеромъ ребенка, для того, чтобы силы, приложенной къ исправленію его, было ровно столько, сколько нужно, но не больше ¹⁾).

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что воспитатель не можетъ, а если и можетъ, то только въ общихъ чертахъ, опредѣлить напередъ точные размѣры наказанія для каждаго даннаго класса проступковъ. Да это и не желательно. Напротивъ того, знаніе ребенкомъ напередъ точнаго количества страданія благопріятствовало бы той практически-благоразумной оцѣнкѣ непріятныхъ

¹⁾ Дятесъ отличаетъ проступки, совершенные изподтишка, съ цѣлью избѣжать наказанія, отъ проступковъ, заключающихъ въ себѣ открытый вызовъ, и соответственно этому различаетъ и способы обращенія съ тѣми и другими

сторонѣ наказанія, которой воспитатель долженъ особенно стараться не допускать.

Будучи, такимъ образомъ, необходимы для опредѣленія точныхъ размѣровъ наказанія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, сужденіе и глубокое пониманіе необходимы также и для опредѣленія наиболее цѣлесообразныхъ родовъ наказанія. Въ этомъ случаѣ важно выбирать такіе виды страданія, на которые, во-первыхъ, не вліяли бы или почти не вліяли бы индивидуальныя различія чувствительности, такъ что наказаніе могло бы быть равно справедливо примѣнено ко всѣмъ дѣтямъ, и которые, во-вторыхъ, легко поддавались бы количественной оцѣнкѣ и градуаціи, такъ что количество наказанія могло бы быть видоизмѣняемо сообразно съ обстоятельствами. Къ этимъ главнымъ соображеніямъ можно прибавить, что предпочтительны такіе виды наказаній, которые по своей природѣ соотвѣтствуютъ винѣ, или, какъ опредѣляетъ это Бентамъ, «характерныя» наказанія, напримѣръ, лишеніе свободы въ рекреаціонныя часы за прежнюю небрежность къ работѣ.

Награжденіе и поощреніе. Будучи видомъ страданія, наказаніе удерживаетъ отъ дѣятельности скорѣе, чѣмъ побуждаетъ къ ней. Даже тамъ, гдѣ оно примѣняется какъ стимулъ дѣятельности, какъ, напримѣръ, когда ребенка наказываютъ за то, что онъ не приготовилъ урока,—видно его подавляющее вліяніе. Маленькій преступникъ чувствуетъ себя вынужденнымъ къ прилежанію и вслѣдствіе этого не вкладываетъ души въ свою работу, выполняя ее неохотно. Сверхъ того, какъ видъ страданія, страхъ наказанія хотя и представляетъ несомнѣнно могущественный стимулъ, но имѣетъ лишь ограниченный объемъ. Какъ скоро сдѣлано заданное количество работы, давленіе стимула прекращается.

Въ нравственную дисциплину входитъ не только подавленіе импульсовъ посредствомъ задерживающихъ средствъ, но и возбужденіе къ дѣятельности положительными стимулами. Другими словами, она пользуется не однимъ только естественнымъ отвращеніемъ ребенка къ страданію, но и его одинаково естественнымъ и несравненно болѣе дѣйствительнымъ желаніемъ наслажденія. Тамъ, гдѣ можно, безъ сомнѣнія, хорошо, чтобы ребенокъ былъ трудолюбивъ, добръ и т. п. ради добраго мѣннія и любви окружающихъ. Но слабость у дѣтей соціальныхъ чувствованій дѣлаетъ необходимымъ на раннихъ стадіяхъ развиванія нравственности нѣкоторое количество искусственнаго возбужденія.

При примѣненіи наградъ нужна большая осторожность, чтобы

не задержать нравственнаго развитія ребенка. Прежде всего, нѣтъ ничего хуже, какъ упрасивать ребенка сдѣлать то, что слѣдуетъ потребовать, чтобъ онъ сдѣлалъ изъ чувства долга или, если нужно, изъ страха наказанія. Общать ребенку что-нибудь, напимѣръ, за то, чтобы онъ пересталъ плакать, или оказалъ бы правду— безнравственно.

Главное условіе нравственной дѣйствительности награды, это— чтобы она давалась за заслугу, т.-е., какъ результатъ акта добродѣтели, превышающаго то, чего можно по справедливости требовать, какъ обязательнаго. Такимъ образомъ, чѣмъ лучше выяснено ребенку, что награда есть признаніе дѣйствительно добродѣтельнаго акта, тѣмъ сильнѣе будетъ на него ея дѣйствіе. Изъ этого слѣдуетъ, что похвала, или осызаемая награда не должны казаться ребенку простымъ результатомъ личной привязанности и нѣжности со стороны награждающаго, но авторитетнымъ признаніемъ заслуги.

Изъ такого опредѣленія цѣли и назначенія наградъ слѣдуетъ, что награды не слѣдуетъ давать слишкомъ часто ¹⁾. Частая и щедрая раздача наградъ пагубна для ассоціаціи въ дѣтской душѣ награжденія съ истинною заслугой: она порождаетъ въ душѣ ребенка тотъ взглядъ, что онъ имѣетъ право на награду ²⁾.

Разсматриваемые со стороны нравственнаго дѣйствія, одни виды награжденія стоятъ выше другихъ. Подарки и матеріальныя награды, обращаясь къ низшимъ чувствованіямъ ребенка, имѣютъ вообще несравненно меньшую нравственную цѣнность, нежели похвала или одобреніе, удовлетворяющія болѣе высокимъ чувствованіямъ — любви къ одобренію и привязанности. Едва-ли нужно прибавлять, что, какъ и наказанія, награды должны быть соразмѣряемы со степенью заслуги и должны соответствовать, по возможности, природѣ добродѣтельнаго поступка.

Гдѣ, какъ въ школѣ, награды раздаются, какъ премія за успѣшное состязаніе съ другими въ умственныхъ занятіяхъ, ихъ нравственное дѣйствіе значительно суживается. Какъ было ука-

¹⁾ По замѣчанію Уэтца, награды въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ несравненно опаснѣе для нравственности, чѣмъ наказанія, ибо послѣднія самое болѣе опасное, что рождаетъ страхъ зла, тогда какъ первыя замѣняютъ мотивы долга положительнымъ стимуломъ желанія наслажденія.

²⁾ Уэтцъ говоритъ, что иногда хорошо наградить ребенка неожиданно, но не слѣдуетъ допускать, чтобы онъ заранѣе рассчитывалъ на опредѣленную награду.

зано выше, импульсъ соперничества заключаетъ въ себѣ анти-соціальный элементъ, и пылкое соревнованіе 'изъ за награды имѣетъ скорѣе вредное, чѣмъ благотворное дѣйствіе на нравственный характеръ.

Такъ какъ нравственное дѣйствіе награды зависитъ отъ того, чтобы она была признана плодомъ проявленія добродѣтели, то школьныя награды имѣютъ такое дѣйствіе только тогда, когда раздаются не на основаніи абсолютныхъ знаній, которыя опредѣляются въ значительной мѣрѣ природнымъ превосходствомъ, а на основаніи индивидуальнаго прогресса. Дать награду способному мальчику не будетъ, строго говоря, актомъ нравственной дисциплины. Напротивъ того, наградить мальчика за особенное стараніе—подойдетъ подъ эту категорію, такъ какъ въ этомъ случаѣ въ интеллектуальной дѣятельности отчетливо виденъ нравственный элементъ.

Развитіе свободной воли. Какъ было указано выше, цѣль дисциплины создать независимыя добродѣтельныя привычки. Поэтому, наказанія и награды всегда должны быть примѣняемы бережливо и только, какъ временное средство для укрѣпленія хорошихъ привычекъ. По мѣрѣ того, какъ ребенокъ растетъ и становится въ состояніи понимать внутреннюю разумность налагаемыхъ на него правилъ, къ нему слѣдуетъ обращаться, какъ къ свободному дѣятелю, способному выбирать лучшее. Такимъ образомъ, нравственная дисциплина можетъ быть обращена въ средство развитія способности обдуманнаго размышленія и выбора, самоконтролированія и нравственнаго характера.

Родители и наставники должны остерегаться излишняго надзора и контроля надъ дѣйствіями ребенка. Способность разумнаго выбора лучшаго упражняется только тогда, когда ребенку предоставляется съ самаго начала нѣкоторое поле для свободной дѣятельности. Область самопроизвольной дѣтской дѣятельности или игры должна быть уважаема. И по мѣрѣ расширенія его интеллекта, его слѣдуетъ побуждать и поощрять къ размышленію о томъ, что лучше всего для его пользы и счастья. Внѣшній контроль легко можетъ быть доведенъ до излишества, не только благодаря преувеличенному взгляду на назначеніе дисциплины, но и благодаря той жаднѣ вліять и направлять чужія дѣйствія, которая бываетъ послѣдствіемъ родительской нѣжности и слабости. Кромѣ вліянія воспитателя, образованіе характера требуетъ и другихъ вліяній: столкновенія индивидуума съ внѣшними обстоятельствами и уроковъ опыта. Ученіе Руссо, Спенсера и другихъ, указываю-

щее на необходимость рано знакомить ребенка, посредством личного соприкосновения и опыта, съ законами матеріальнаго и соціальнаго міра, образуетъ цѣнную часть теоріи воспитанія нравственности. Ошибочно давать даже совѣты въ тѣхъ случаяхъ, когда можно смѣло предоставить ребенку самостоятельно дойти до признанія глупости или разумности того или другого способа дѣйствій. Какъ въ области интеллекта, такъ и въ области нравственности, упражненіе способностей ребенка бываетъ, безспорно, гораздо дѣйствительнѣе тогда, когда онъ открываетъ истину самостоятельно, нежели тогда, когда ему ее просто указываютъ.

Домашняя и школьная дисциплина. Семью можно назвать дѣтскимъ садомъ нравственнаго характера. Если воля и нравственный характеръ не успѣли воспитаться и укрѣпиться въ семьѣ, то пересаженные въ болѣе холодную обстановку школьной жизни они не пойдутъ далеко. Въ семьѣ вся жизнь ребенка проходитъ нѣкоторымъ образомъ на глазахъ у воспитателя. Мало того: сильная и тѣсная привязанность, возникающая между родителями и ребенкомъ, придаетъ исключительный характеръ домашней дисциплинѣ. Съ одной стороны, мать относится къ своей задачѣ заботливо, какъ не можетъ относиться къ ней наставникъ, и несравненно болѣе его какъ способна, такъ и расположена изучать ея нравственныя особенности. Съ другой стороны—дѣтское чувство зависимости, благодарности и любви представляетъ большую силу, побуждающую ребенка къ послушанію съ самаго ранняго дѣтства. Слѣдовательно, если основы характера должны быть заложены, онѣ должны быть заложены въ семьѣ. Сверхъ того, семейныя отношенія вызываютъ къ дѣятельности и упражняютъ въ нравственныя привычки, не только болѣе грубыя, каковы послушаніе, правдивость, справедливость, но и самыя тонкія, каковы доброта и самопожертвованіе.

Въ сравненіи съ домашнею дисциплиной, школьная дисциплина имѣетъ весьма ограниченное нравственное дѣйствіе. Въ сущности, непосредственную цѣль школьной дисциплины составляетъ вовсе не развиваніе нравственности, но скорѣе веденіе специальныхъ школьныхъ занятій, а именно преподаванія. Косвеннымъ образомъ школьный контроль неизбѣжно служитъ воспитанію нравственности, развивая привычку къ послушанію, любовь къ порядку, трудолюбіе, почтительность и т. д. И наставникъ долженъ пользоваться всею, что въ его власти, для того, чтобы развить волю и образовать характеръ своихъ воспитанниковъ. Предѣлы его власти очевидны. Первое, что ограничиваетъ власть

учителя, это ограниченная часть жизни ребенка, находящаяся подъ его контролемъ. Школьные занятія являются чѣмъ-то въ родѣ искусственнаго дополненія къ естественной жизни ребенка и представляютъ лишь незначительный просторъ для проявленія индивидуальных чувствованій и побужденій. Кромѣ того, такъ какъ наставникъ имѣетъ дѣло со множествомъ дѣтей, то ему неизбежно будетъ недоставать помощи тѣхъ нравственныхъ силъ тѣсной индивидуальной симпатіи и сильной личной привязанности, которыя играютъ такую важную роль въ домашней дисциплинѣ.

Впрочемъ, эти недостатки до извѣстной степени выкупаются присутствіемъ въ школѣ новаго двигателя, а именно —общественнаго мнѣнія. Мы уже разсматривали вліяніе общественнаго мнѣнія на образованіе и укрѣпленіе развивающагося нравственнаго чувства индивидуума. Къ этому теперь нужно прибавить, что общественное мнѣніе школы, если оно направлено какъ слѣдуетъ и служить для поддержанія нравственности, представляетъ могущественный факторъ въ образованіи характера. Давленіе массы единодушнаго чувства и вліяніе обычая, проявляющееся въ широкихъ размѣрахъ, необходимы въ дѣтствѣ для того, чтобы дополнить дѣло дисциплины родителей и опекуновъ. На средняго ребенка царство обычая и закона въ публичной школѣ имѣетъ возбуждающее и укрѣпляющее дѣйствіе. Оно развиваетъ и укрѣпляетъ въ немъ уваженіе къ закону, чувство чести и мужественную увѣренность въ себѣ. Это вліяніе становится вреднымъ лишь тогда, когда порождаетъ превратную идею долга и ложное чувство чести, или когда, выступая за надлежащіе предѣлы и становясь чрезмѣрнымъ и неограниченнымъ, стремится подавить личность.

Конецъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е
К Ъ
О С Н О В Н Ы М Ъ Н А Ч А Л А М Ъ П С И Х О Л О Г І И .

	СТР.
Предисловіе издателя	1
Глава I. Психологія и воспитаніе	3
» II. Объемъ и методъ психологіи	15
» III. Душа и тѣло	23
» IV. Познавательная способность, чувствованіе и воля	33
» V. Душевное развитіе	42
» VI. Вниманіе	60
» VII. Органы чувствъ	78
» VIII. Вы́шнія чувства: наблюденіе предметовъ	98
» IX. Душевное воспроизведеніе: память	119
» X. Память	137
» XI. Конструктивное (творческое) воображеніе	157
» XII. Абстракція и концепція	180
» XIII. Абстракція и концепція (прод.)	195
» XIV. Сужденіе и рассужденіе	214
» XV. Сужденіе и рассужденіе (прод.)	232
» XVI. Чувствованія: природа чувствованій	248
» XVII. Эгоистическія и социальныя чувствованія	270
» XVIII. Абстрактныя чувства	293
» XIX. Воля: произвольныя движенія	317
» XX. Нравственный дѣйствія: характеръ	335

Превосходя всѣхъ своихъ предшественниковъ развитіемъ эстетическаго чувства и литературныхъ способностей, онъ первый ясно отличаетъ слабыя стороны морали разума, указавъ на то, что въ морали прежде всего является нравственное чувство, а потому его нельзя вывести изъ размышленій о полезныхъ или вредныхъ послѣдствіяхъ поступка. Эта врожденность и непосредственность убѣждаютъ его въ томъ, что нравственность покоится на аффектахъ и побужденіяхъ, которыя имѣютъ свой источникъ въ природной организаціи чловѣка и только впоследствии могутъ сдѣлаться предметомъ размышленія, которое потомъ уже доставляетъ ихъ въ видѣ нравственныхъ сужденій. По мнѣнію Шефбюри, такихъ врожденныхъ чувствъ бываетъ три вида: 1) социальныя, которыя направлены къ благу общества; чтобы выразить особенно тѣсное ихъ отношеніе съ чловѣческой природой, онъ называетъ ихъ названіемъ, которое легко можетъ ввести въ недоразумѣніе, а именно названіемъ «естественныхъ наклонностей»; 2) эгоистическія, которыя имѣютъ цѣлью только личное счастье, и 3) такія, которыя не служатъ ни личному, ни общему благу и которыя онъ называетъ поэтому «нестественными аффектами»: сюда относятся ненависть, гнѣвъ и вообще страсти. Нравственность, по его мнѣнію, заключается въ правильномъ соотношеніи между аффектами социальными и эгоистическими—, и въ отсутствіи такихъ, которыя не служатъ ни личному, ни общему благу³⁾.

Такимъ образомъ, Шефбюри возвращается къ основнымъ положеніямъ этики Аристотеля: нравственность для него состоитъ въ умѣренности, и—гармоніи чувствъ. Только способ опредѣленія этой умѣренности у него иной: добродѣтель находится, по его мнѣнію, не въ серединѣ между двумя противоположными пороками, но какъ разъ въ серединѣ между побужденіями, направленными къ общему благу, и—личному. Утверждая за социальными наклонностями такую же врожденность, какъ и за эгоистическими, онъ сходится съ Кумберлендомъ и становится въ полное разногласіе съ Гоббсомъ и съ Локкомъ. Въ особенности его оптимистическій взглядъ на чловѣческую природу противоположенъ взгляду Гоббса. Чловѣкъ относится первоначально не съ

³⁾ An Inquiry conc. virtue and merit. Нѣмецкій переводъ въ соч. графа Шефбюри. Т. 2. кн. II. Срав. также Gizuski, филозофія Шесфбюра, Лейпцигъ и Гейдельбергъ, 1876., стр. 73.

жестокостью и неприязнью къ своимъ ближнимъ, но миролюбиво и челоѡлюбиво. Но это зерно челоѡлюбія, какъ думаетъ Шефсбюри, не является непосредственно открытымъ, требуетъ развитія и способно къ совершенствованію ¹⁾.

И нравственнымъ воспитаніемъ достигается именно то, что оно помогаетъ нашему внутреннему просвѣтлѣнію относительно нашего собственнаго существа. Въ этомъ смыслѣ нравственность, хотя она коренится въ самой природѣ нашей, все-таки есть искусство, и тѣмъ самымъ она становится еще болѣе родственною прекрасному, которому она близка уже и по одному тому, что, какъ и послѣднее, подчиняется понятіямъ мѣры и гармоніи. Кромѣ того, нравственность родственна прекрасному и тѣмъ еще, что она непосредственно, сама собою даетъ удовлетвореніе. Поэтому, блаженство (*Glückseligkeit*) есть составная часть нравственности, а не только результатъ ея. Еще Локкъ не могъ отказаться отъ необходимости награды и наказанія, которыми должны будто бы сопровождаться повиновеніе и неповиновеніе нравственному закону. Противъ такого мнѣнія Шефсбюри рѣшительно возстаетъ: нравственность носить въ себѣ самой награду; она сопровождается величайшимъ внутреннимъ удовлетвореніемъ и не нуждается поэтому во внѣшнемъ мѣрилѣ, служа, напротивъ, сама масштабомъ въ дѣлѣ оцѣнки всѣхъ челоѡческихъ дѣйствій.

Это совершенно измѣняетъ отношеніе нравственности къ религіи. Въ то время, какъ интеллектуалисты и даже Локкъ, держась идеи откровенія, строятъ нравственность на религіи, Шефсбюри выражаетъ уваженіе къ самой религіи, главнымъ образомъ только за ея согласіе съ естественной нравственностью. Когда мы вѣримъ въ Бога, мы принимаемъ дѣйствительное существованіе предикатовъ добра и справедливости; поэтому, выводять снова эти самые предикаты изъ воли Божьей невозможно. Но, стремясь такъ энергично освободить этику изъ оковъ теологіи, Шефсбюри далекъ отъ того, чтобы умалять этическое значеніе религіи. Въ этомъ отношеніи онъ принимаетъ въ существенныхъ чертахъ точку зрѣнія Бэкона: истинная религіозность, т. е. вѣра въ такое божество, которое само есть первообразъ нравственнаго совершенства, способствуетъ нравственности, побуждая насъ стремиться подражать (*nachzustreben*) этому первообразу. Суевѣріе же и религіозный фанатизмъ, по мнѣнію Шефсбюри, являются, напротивъ, худшими врагами нравствен-

¹⁾ «Моралисты», философская рапсодія.

ности, чѣмъ атеизмъ: послѣдній держитъ себя, по крайней мѣрѣ, индифферентно, между тѣмъ, какъ первые разрушаютъ естественное чувство справедливаго и несправедливаго и порождаютъ безнравственныя наклонности ¹⁾).

Въ этихъ заключеніяхъ рѣзче всего выражается разница между воззрѣніями Шефсбюри съ одной стороны и—Локка съ интеллектуалистами съ другой. И они проповѣдовали внутреннее тождество нравственнаго съ истинно-религіознымъ; но для нихъ естественный нравственный законъ координируется религіозною заповѣдью; даже Локкъ признавалъ, что первый сильнѣе всего укрѣпляется второю. Раздѣленіе этихъ двухъ областей выполняетъ Шефсбюри, измѣняя ихъ соотношеніе: по его мнѣнію, нравственный законъ санкціонируется не тѣмъ, что онъ имѣетъ религіозное происхожденіе, а наоборотъ, религіозная заповѣдь получаетъ свое законное существованіе, какъ истинная, въ силу своего нравственнаго содержанія. Еще важнѣе шагъ, который онъ дѣлаетъ въ психологическомъ мотивированіи нравственности, совершенно устраняя здѣсь точку зрѣнія размысленія и утилитарности, изъ которой исходили всѣ его предшественники. Сужденіе о добрѣ и злѣ не предшествуетъ представленіямъ о нихъ, а напротивъ, слѣдуетъ за ними. Если, такимъ образомъ, естественный и нравственный законъ дѣйствуютъ въ насъ прежде всякаго размысленія, то содержаніе его (нравственнаго закона) можетъ заключаться только въ аффектъ или въ соотношеніи аффектовъ, а такъ какъ каждый нравственный поступокъ имѣетъ въ виду частью насъ самихъ, частью нашихъ ближнихъ, то этимъ отношеніемъ дается непосредственная гармонія между эгоистическими и социальными аффектами. Если нравственность въ психологическомъ отношеніи независима отъ размысленія, то цѣль ея не можетъ, по мнѣнію Шефсбюри, заключаться въ расчетахъ на награды и наказанія, точно также и польза нравственности можетъ имѣть значеніе какъ побочный ея результатъ, а не конечная и главная цѣль;—цѣлью же является скорѣе внутреннее блаженство, которое непосредственно связано съ нравственною жизнью.

Такимъ образомъ, Шефсбюри удерживаетъ за нравственностью автономію во всѣхъ отношеніяхъ. Нравственность автономна: 1) по отношенію къ религіи, которой она предписываетъ законы, вмѣсто того, чтобы получать ихъ отъ нея; 2) въ отношеніи сво-

¹⁾ О добродѣтели, кн. I, часть 3.

ихъ мотивовъ, такъ какъ нравственность является результатомъ не размышленія надъ внѣшними послѣдствіями поведенія или наблюденія надъ объективными человѣческими отношеніями, а продуктомъ самой организаціи человѣка и присущихъ ей аффектовъ; 3) она автономна и по отношенію къ своимъ цѣлямъ, такъ какъ послѣдними является не внѣшняя польза нашихъ поступковъ или награда, которая получитя за нихъ, но только внутреннее чувство блаженства, сопровождающее нравственный поступокъ.

Не смотря на преимущество этой теоріи, отдѣляющей нравственность отъ чуждыхъ ей мотивовъ и указывающей на преобладающее значеніе чувства и аффектовъ надъ размышленіемъ, она все-таки не могла удовлетворить своихъ современниковъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ ней особенно чувствителенъ тотъ пробѣлъ, что она недостаточна объяснила фактъ нравственной обязанности (или долга). Чѣмъ болѣе она стремилась доказать нравственность—какъ естественный результатъ человѣческой организаціи, тѣмъ больше ускользало отъ нея понятіе о долгѣ. Какъ прекрасное, съ которымъ нравственность поставлена была въ тѣсную связь, благодаря предполагаемой въ ней гармоніи аффектовъ, не заключаетъ въ себѣ обязательности дѣйствія, такъ и здѣсь эта гармонія дѣлаетъ понятнымъ развѣ только чувство удовлетворенія отъ нравственныхъ движеній, но не объясняетъ того глубокаго неудовлетворенія, едва-ли сравнимаго съ эстетическимъ неудовольствіемъ, неудовлетворенія, сопровождающаго сознаніе своей виновности. Оптимистическія мировоззрѣнія философовъ пояснили во всякомъ случаѣ только субъективное вліяніе добра, но не зла. Въ этомъ отношеніи Локкъ и интеллектуалисты, не смотря на недостаточность ихъ психологическихъ воззрѣній, все же болѣе удовлетворяли практическимъ требованіямъ, указывая на субъективно или объективно обязательный законъ, нарушеніе котораго необходимо влечетъ за собою внутреннія и внѣшнія карательныя слѣдствія. Эти обстоятельства отчасти объясняютъ, почему эта теорія нравственности не нашла въ свое и послѣдующее время соотвѣтствующаго ей важности сочувствія, и что именно здѣсь, въ Англіи, приобретаетъ господство теорія разсудочной нравственности, оспариваемая Шефсбюри съ помощью такихъ вѣсскихъ доводовъ.

Главную роль въ этомъ фактѣ играютъ, во всякомъ случаѣ, теологическіе интересы и, соотвѣтственно этимъ интересамъ, приобретающее теперь значеніе, разсудочное направленіе морали,

въ то же время теологически утилитарной. Эта теорія, насчитывающая въ Англіи съ Локка до настоящаго времени многочисленныхъ послѣдователей, получаетъ свое лучшее выраженіе въ концѣ XVIII вѣка въ моральной философіи Палея (Paley). Она опредѣляетъ нравственность съ точки зрѣнія эгоистическаго и разсудочнаго утилитаризма ¹⁾. Правда, по этой теоріи внѣшній характеръ нравственнаго поступка заключается въ томъ, что онъ направленъ не на личное земное счастье, но на благо ближнихъ, но внутренними ея мотивами являются, съ одной стороны, воля Бога, предписавшаго человѣку этотъ родъ поступковъ, съ другой—стремленіе получить вѣчное блаженство, обѣщанное въ награду тѣмъ, которые покорны волѣ Божіей. Такимъ образомъ, здѣсь нравственный законъ, является повелѣніемъ, даннымъ извнѣ, которое обязательно не столько своимъ собственнымъ содержаніемъ, сколько тѣмъ способомъ, которымъ онъ данъ отъ Бога, и какимъ приводится въ исполненіе. Выполненіе долга является здѣсь прежде всего актомъ разума, такъ какъ каждый благоразумный индивидъ предпочтетъ продолжительное блаженство преходящему. Эти моралисты категорически отрицаютъ, чтобы нравственный законъ, самъ по себѣ или при посредствѣ нравственнаго чувства, могъ направлять нравственную дѣятельность. Хотя человѣкъ, по ихъ мнѣнію, не такъ золъ, какъ полагаетъ св. Августинъ и слѣдующіе за нимъ христіанскіе этики, онъ, однако, эгоистиченъ, и поэтому можетъ быть побужденъ къ нравственной жизни только системой наградъ и наказаній въ загробной жизни, какъ это обѣщаетъ Евангеліе.

Интересно то, что въ этой теологически-утилитарной нравственности въ главныхъ чертахъ преобладаетъ тотъ же взглядъ на мотивы человѣческихъ поступковъ, какой проводитъ въ то же время Мандевиль, передовой боецъ этического материализма, въ своей извѣстной «Баснѣ о пчелахъ» ²⁾.

Болѣе глубокое психологическое объясненіе мотивовъ нравственности пытается дать одинъ изъ свѣтскихъ защитниковъ разсудочной морали, Давидъ Гартлей. Онъ опирается на принципъ ассоціаціи, и заслуга его состоитъ въ указаніи психологическаго значенія и вообще въ приложеніи этого принципа. Какъ Локкъ и

¹⁾ William Paley—Principles of moral and political philosophy London 1785.

²⁾ The fable of the bees or private pices public benefiits, появившаяся въ первый разъ въ Лондонѣ, въ 1714 г., изданное затѣмъ много разъ съ комментаріями автора.

другіе утилитаристы, онъ исходилъ изъ того предположенія, что эгоизмъ есть первоначальный мотивъ человѣческихъ поступковъ, но затѣмъ онъ стремится показать, что этотъ мотивъ можетъ быть мало по малу исключенъ, благодаря тому, что путемъ ассоціаціи субъективно пріятныя чувства тѣсно связываются съ предметами, которые вызываютъ ихъ, такъ что эти предметы, въ концѣ концовъ, возбуждаютъ удовольствіе и безъ эгоистическихъ интересовъ. Въ то время, какъ постепенно вырабатывается убѣжденіе, что чѣмъ меньше заинтересовано (въ поступкѣ) личное «я», тѣмъ меньше чувство удовольствія нарушается сопутствующими неприятностями,—эгоистическія побужденія постепенно побѣждаются не эгоистическими. Истинная же сущность нравственности заключается для него въ служеніи Богу и ближнимъ. Требуя отъ этой жертвы безкорыстія, онъ остается свободнымъ отъ эгоизма обыкновенной утилитарной нравственности, а признавая значеніе за чувствомъ, Гартлей приближается къ эмоціональной этикѣ.

а) Давидъ Юмъ и шотландская система нравственности, основанная на чувствѣ (Gefühls-moral).

Еще Шефбюри приписывалъ происхожденіе нравственности извѣстнымъ аффектамъ. Но его выводы по этому предмету оставляли, однако, еще многого желать. Онъ не достаточно доказалъ, что нравственность заключается въ равновѣсіи эгоистическихъ и социальныхъ аффектовъ; въ особенности сомнительной казалась слишкомъ смѣло проведенная аналогія между эстетическимъ и этическимъ.

Въ этомъ смыслѣ и стремится первый защитникъ шотландской морали чувства, Францискъ Гутчесонъ, измѣнить и исправить нѣсколько возрѣнія своихъ предшественниковъ¹⁾. По его мнѣнію, нравственность не можетъ заключаться въ простой гармоніи эгоистическихъ и социальныхъ побужденій; этому противорѣчитъ безусловный перевѣсъ, который принадлежитъ въ нашихъ моральныхъ сужденіяхъ симпатіи надъ всеми эгоистическими побужденіями. Наше одобреніе вызываетъ не поступокъ, вытекающій изъ гармоніи различныхъ аффектовъ, но побѣда чистой безкорыстной любви надъ всеми побужденіями воли. Поэтому, единственными добродѣтелями суть кротость и доброта; личное совершенство имѣетъ лишь тогда цѣну, когда оно, въ

¹⁾ Philosophia moralis, lib. I. cap. I, § 9—13, cap. II, § 5—12, cap. V.

силу этихъ добродѣтелей, посвящается Богу и ближнимъ. Эта побѣда безкорыстныхъ побужденій можетъ осуществляться черезъ посредство особаго одобряющаго чувства (Billigung) которое связано съ каждымъ человѣколюбивымъ побужденіемъ. Это чувство имѣетъ въ основаніи своемъ не соображеніе о полезности какого-либо поступка, не Божіе повелѣніе, не познаніе истинности извѣстныхъ положеній,—это есть врожденное чувство или особаго рода инстинктъ, который можетъ различаться у разныхъ людей различною степенью развитія. Разумъ имѣетъ для нравственности не главное значеніе, какъ полагаютъ разсудочная мораль, а второстепенное, поскольку онъ учитъ насъ отличать нравственно-цѣнные наслажденія отъ безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи, и облегчаетъ познаніе нравственнаго порядка вещей и, поддерживающія этотъ порядокъ, могущество и благодѣтельность Бога. Эта мысль служить въ то же время мѣриломъ для отношенія религіи къ нравственной жизни. Главное достоинство религіи заключается для Гутчесона въ безконечныхъ нравственныхъ качествахъ, которыми мы приписываемъ Богу. Поэтому, онъ приписываетъ религіи несравненно большее нравственное значеніе, чѣмъ его предшественникъ. Внѣшній культъ, по его мнѣнію, вытекаетъ изъ стремленія къ служенію Богу обща, и слѣдовательно основывается на общественной натурѣ чловѣка, изъ которой и возникаютъ всѣ доброжелательныя склонности.

Признавая за дѣятельностью разума вообще второстепенное значеніе въ области нравственнаго, Гутчесонъ довелъ направленіе морали чувства до его кульминаціонной точки. Но рядомъ съ этимъ онъ впалъ въ односторонность, которая потребовала поправки. Направленіе это было одностороннимъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, въ томъ, что оно полагало нравственное чувство только въ одномъ благожеланіи, поэтому личныя качества чловѣка оцѣнивало только съ точки зрѣнія одной лишь этой нравственной цѣнности; а затѣмъ и потому, что оно предполагало нравственное побужденіе не только въ чувствованіяхъ, но также въ одобреніи и неодобреніи, которые все-таки полагаютъ извѣстное сравненіе и обсужденіе для того, чтобы этотъ аффектъ одержалъ верхъ.

Не считая добродѣтелью одно только доброжелательство, Давидъ Юмъ, какъ и Шефсбюри, полагаетъ, что нравственность заключается въ гармоническомъ сочетаніи качествъ между которыми должно признать рядомъ съ социальными индивидуальныя, полезныя самому обладателю ихъ и, наконецъ, еще,

особыя, выгодныя одновременно и индивиду, и его ближнимъ. Юмъ требуетъ для понятія нравственности благопріятнаго развитія всѣхъ этихъ сторонъ человѣческой природы. А такъ какъ онѣ имѣютъ естественныя основанія, то Юмъ оспариваетъ тѣхъ этиковъ, которые видятъ критеріумъ для опредѣленія нравственнаго характера извѣстныхъ поступковъ въ свободной волѣ (*Freiwilligkeit*), опредѣляющей ихъ. Даже болѣе: по его мнѣнію, поступокъ ничего не теряетъ въ своемъ достоинствѣ, если онъ вытекаетъ съ внутреннею необходимостью изъ естественнаго строя характера. Но если Юмъ допускаетъ совпаденіе въ этомъ отношеніи нравственности съ естественностью, то онъ все-таки признаетъ одну существенную разницу между нравственными чувствами и другими естественными чувствами. Она заключается въ томъ, что наши нравственные аффекты доступны возбужденію не только скоропреходящимъ наслажденіемъ моментальнаго субъективнаго интереса, какъ чувственные аффекты, но что они пріобрѣтаютъ совершенно объективный, безкорыстный характеръ, когда мы испытываемъ нравственное удовольствіе отъ поступковъ, которые не только не приносятъ лично намъ ни малѣйшей пользы, но иногда даже влекутъ вредъ, или же, когда мы удивляемся нравственному величію лицъ, давно отошедшихъ въ прошлое. Юмъ называетъ это общее всѣмъ уваженіе къ нравственнымъ достоинствамъ и поступкамъ—*с и м п а т і е й*. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ сочиненій «О природѣ челоѣка» онъ даетъ этому чувству объясненіе, напоминающее теорію ассоціацій Гартля.

По его мнѣнію, первоначально наши чувствованія должны возбуждаться,—и при моральныхъ впечатлѣніяхъ,—сильнѣе ближайшимъ, чѣмъ отдаленнымъ. Но путемъ опыта мы постепенно пріучаемъ наши чувства или, по крайней мѣрѣ, наши сужденія относительной цѣнности сужденія основаннаго на чувствѣ,—освободиться отъ вліянія близости или отдаленности возбужденій, и тогда, наоборотъ, обыкновенно, благодаря дѣйствию, оказываемому на наше воображеніе степенью удаленія, наше удивленіе возрастаетъ— вмѣстѣ съ отдаленностью во времени личностей и поступковъ, о которыхъ мы судимъ. Это чувство симпатіи, испытываемое нами къ поступкамъ, которые насъ вообще даже и не касаются, имѣетъ, однако, по мнѣнію Юма, эгоистическое происхожденіе. Ибо мы не будемъ чувствовать симпатіи къ добродѣтели, если мы хотя мысленно не поставимъ себя на мѣсто тѣхъ, которымъ приноситъ пользу добродѣтельный поступокъ. Такимъ образомъ, симпатія Юма значительно отличается отъ того чувства благожеланія, ко-

торое Гутчесонъ положилъ въ основаніе своей теоріи нравственности. Последнее совершенно неэгоистично, между тѣмъ, какъ первая ведетъ свое происхожденіе отъ эгоизма; но въ конечной цѣли они оба сходятся: оба требуютъ безкорыстныхъ нравственныхъ сужденій и поступковъ.

Во всѣхъ этихъ заключеніяхъ Юмъ стоитъ въ существенныхъ чертахъ на почвѣ морали чувства. Отчасти онъ развиваетъ одностороннее понятіе о нравственности Гутчесона; частью же онъ пытается дать болѣе глубокое психологическое объясненіе чувству нравственнаго одобренія и неодобренія. Но это объясненіе имѣетъ одинъ недостатокъ: не признавая никакой принципиальной разницы между нравственными и другими естественными аффектами, оно не разъясняетъ достаточно происхожденія нравственныхъ нормъ, имѣющихъ абсолютно обязательную силу, не разъясняетъ разницы въ той возвышенной оцѣнкѣ, которая, вслѣдствіе этого, возникаетъ между нравственностью и всѣми другими сторонами жизни. Этотъ недостатокъ не могъ совершенно ускользнуть отъ столь тонкаго наблюдателя, какъ Юмъ, и, конечно, можно думать, что это-то побудило его для дополненія своей теоріи присоединить къ ней существенные элементы прежней этики, основанной на размышленіи такъ, что его воззрѣнія въ общемъ занимаютъ среднее мѣсто между моралью чувства Шефсбюри и шотландской школы, и моралью разума Локка и утилитаристовъ.

Между тѣмъ какъ всѣ нравственные сужденія основываются, по Юму, на симпатіи, а поэтому косвеннымъ образомъ и на эгоизмѣ, существуетъ одно нравственное качество, которое является совершенно неэгоистическимъ, и поэтому не можетъ быть выведено изъ чувства симпатіи, это—справедливость. Поскольку мы находимся подъ вліяніемъ естественныхъ чувствъ, мы пристрастны къ самимъ себѣ и, слѣдовательно, несправедливы къ другимъ. Въ этомъ ничего не можетъ измѣнить и симпатія, такъ какъ и для нея «я» есть центръ, къ которому тяготеютъ, въ концѣ концовъ, всѣ чувства и сужденія. Другое дѣло относительно справедливости. Поэтому, полагаетъ Юмъ, она не можетъ быть причислена къ природнымъ добродѣтелямъ; она не врожденное качество, не покоится на непосредственномъ чувствѣ, но предполагаетъ разсудокъ и соображеніе. И въ этихъ предѣлахъ она есть созданіе искусства, что, однако, не должно значить, что ея развитіе могло бы и не случиться; наоборотъ, она также необходимо, какъ развитіе остальныхъ нравственныхъ качествъ. Но между тѣмъ, какъ послѣднія вытекаютъ изъ

первоначальной природы человека, справедливость можно назвать известнаго рода приобретением, которое может осуществиться лишь на почвѣ той оцѣнки отношеній, въ которыхъ находится человекъ къ другимъ людямъ, а именно съ точки зрѣнія принадлежащей имъ и ему собственности. Слѣдующее происхожденіе справедливости предполагаетъ не только различныя эмпирическія условія, но и размышленіе о нихъ. Она можетъ явиться только изъ того соображенія, что мы можемъ больше выиграть отъ ограниченія своихъ эгоистическихъ побужденій чѣмъ отъ полной ихъ разнузданности. Такимъ образомъ, чувство справедливости является поправкой естественному стремленію, причѣмъ, однако, и чувство справедливости имѣетъ своимъ конечнымъ источникомъ эгоизмъ. Такая поправка, полагаетъ Юмъ, должна была съ самаго начала вызывать работу мышленія противъ естественныхъ побужденій, а поэтому, конечно, является совершенною фикціей предположеніе такого состоянія природы, когда господствовали одни естественныя стремленія, т.-е., какъ состояніе первоначальной борьбы всѣхъ со всѣми, такъ и, наоборотъ,—золотаго вѣка ²⁾). Такія фикціи могли имѣть известную цѣну только какъ умственные эксперименты, причѣмъ допущеніе эгоистическаго естественнаго состоянія дѣлало бы для насъ нагляднымъ невозможность даже самаго короткаго существованія его и, наоборотъ, предположеніе золотаго вѣка убѣждало бы насъ въ томъ, что если бы каждый человекъ былъ одушевленъ благожеланіемъ ко всѣмъ остальнымъ, или если бы природа щедро заботилась о всѣхъ человѣческихъ потребностяхъ, то добродѣтель справедливости была бы совсѣмъ лишнею.

Къ тому, чтобы вывести справедливость изъ умѣряющаго вліянія размышленія на аффекты, Юма привела, очевидно, идея о происхожденіи положительнаго права. Считая его вмѣстѣ съ современниками созданиемъ въ основѣ своей вполне произвольнымъ и построеннымъ по заранѣе обдуманному плану, онъ наведенъ былъ на мысль разсматривать и то нравственное качество, на которомъ заждется юридическое знаніе, т.-е. справедливость, какъ нѣкотораго рода изобрѣтеніе. Но такъ какъ въ этической системѣ Юма справедливость занимаетъ первое мѣсто среди всѣхъ другихъ добродѣтелей, то на практикѣ вліяніе рефлексіи (размышленія) приобретаетъ перевѣсъ надъ моралью чувства, изъ котораго исходилъ Юмъ. Къ религіи Юмъ также отно-

2) Inquiry, Sect. III, P. I.

сится болѣе скептически, чѣмъ Гутчесонъ. Отношеніе его къ ней, поскольку оно выражается въ «діалогахъ объ естественной религіи», кажется въ существенныхъ чертахъ бэконовскимъ: суревѣрная религія хуже отсутствія всякой религіи. Но онъ идетъ еще дальше.

Въ этихъ воззрѣніяхъ Юмъ заходитъ такъ же далеко, какъ любой изъ англійскихъ свободныхъ мыслителей XVIII вѣка. Но отъ большинства изъ нихъ его отличаетъ болѣе глубокое и всеобъемлющее обоснованіе, которое онъ даетъ своей этикѣ, освобожденной отъ религіознаго элемента. Однако, та рефлексіонная точка зрѣнія, которую онъ всецѣло противопоставляетъ религіозной точкѣ зрѣнія, носитъ въ себѣ и нѣкоторыя противорѣчія. Его попытка объяснить факты нравственной жизни гармоничнымъ вліяніемъ другъ на друга различныхъ нравственныхъ аффектовъ перевертывается съ сомнѣніемъ въ томъ, возможно ли такое безкорыстное чувство какъ справедливость на эгоистической почвѣ человѣческихъ чувственныхъ побужденій, и это сомнѣніе побуждаетъ его дополнить свою аффективную теорію введеніемъ разсудочной рефлексіи, которая исходитъ, главнымъ образомъ, изъ эгоистической точки зрѣнія. Отсюда не только понятіе справедливости суживается, благодаря своему ограниченію отношеніями собственности, но даже и самое понятіе собственности суживается въ эгоистическомъ смыслѣ, такъ какъ Юмъ только частную собственность считалъ истинною собственностью, и для этого вводитъ, напримѣръ, фикцію: потокъ, текущій черезъ государство, но принадлежащій не государству, а идущій каждому отдѣльному гражданину въ собственность въ строго опредѣленной части. Никто не можетъ видѣть дальше горизонта своей эпохи. Именно въ такихъ отдѣльныхъ случаяхъ оказывается, какъ сильно горизонтъ этики Юма былъ подвліяніемъ того индивидуалистическаго направленія мысли XVIII вѣка, которое являлось опредѣляющимъ для всякой моральной системы этого времени. Но внѣ этого, замѣченные противорѣчія въ юмовской моральной философіи могли вызвать возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, ближайшій преемникъ Юма, Адамъ Смитъ стремится устранить это несогласіе, причемъ онъ возвращается къ воззрѣніямъ Гутчесона, которыя развиваетъ, однако, въ связи съ изысканіями Юма.

Адамъ Смитъ извѣстенъ въ исторіи науки гораздо болѣе своимъ политико-экономическимъ трудомъ «Богатство народовъ», нежели своею «Теоріей нравственныхъ чувствъ». Едва-ли можно

было догадаться на основаніи перваго сочиненія, на какой точкѣ зрѣнія будетъ стоять авторъ его во второмъ своемъ трудѣ. Какъ политико-экономъ, Смитъ полагаетъ главный основной мотивъ человѣческихъ поступковъ въ благоразумномъ расчетѣ, вытекающемъ изъ эгоистическихъ интересовъ; какъ философъ-моралистъ, онъ основываетъ всю свою теорію на чувствахъ, среди которыхъ онъ признаетъ высшее достоинство за неэгоистическими. Также безпристрастенъ онъ и въ обзорѣ различныхъ системъ морали, которымъ онъ заключаетъ свое сочиненіе: за каждымъ воззрѣніемъ, какъ тѣмъ, которое выводитъ нравственность изъ рефлексіи, такъ и за тѣмъ, которое выводитъ ее изъ себялюбія, онъ признаетъ (конечно только отчасти) извѣстную долю истины ¹⁾.

Разсудочная этика (*Reflexionsethik*) справедлива, по его мнѣнію, преимущественно тогда, когда обсужденіе нравственныхъ поступковъ въ дѣйствительности есть дѣло рефлексіи; но она дѣлаетъ ту ошибку, что это обсужденіе явленій, являющагося позднее, возводитъ на степень ихъ причины. Далѣе, хотя себялюбіе и является факторомъ нравственнаго дѣйствованія, но не исключительнымъ; самосознаніе, какъ допускаетъ Смитъ вмѣстѣ съ Юмомъ, проявляется скорѣе въ формѣ чувства симпатіи всюду, гдѣ возникаетъ вопросъ о нравственныхъ сужденіяхъ. Но понятіе объ этомъ чувствѣ было у Смита гораздо шире и глубже, нежели у его предшественниковъ. Юмъ обратилъ вниманіе только на объективную сторону симпатіи ²⁾. По его словамъ, мы чувствуемъ симпатію къ нравственнымъ поступкамъ (даже если они и не касаются насъ), благодаря тому, что ставимъ себя на мѣсто того, кому приносится польза этимъ поступкомъ. Вслѣдствіе этого, въ Юмову теорію, не смотря на ея эмоціональную основу, естественно привзошла утилитаристическая тенденція. Смитъ же дополняетъ понятіе симпатіи, присоединяя сюда и субъективную сторону. Мы чувствуемъ симпатію къ нравственному поступку не только потому, что мыслимъ себя на мѣстѣ его объекта (т.-е. того лица, для котораго дѣйствіе полезно), но и потому, что ставимъ себя на мѣсто субъекта его, т.-е. души того, кто совершаетъ. То же самое удовлетвореніе, которое чувствуетъ отъ своего собственнаго дѣйствія онъ, ощущаемъ вмѣстѣ съ нимъ мы, и, такимъ образомъ, получаемъ общій масштабъ

¹⁾ *Theory of moral sentiments*, явившаяся впервые въ 1759 г. Нѣмецкій переводъ по 3 изд., Брауншвейгъ, 1770 г., часть VI, глава III.

²⁾ А. а. О. Часть II, гл. II и слѣд.

нравственности, который мы создаемъ изъ собственнаго непосредственнаго сознанія. Это измѣненіе въ объясненіи понятія симпатіи, какъ бы маловажнымъ оно ни казалось на первый взглядъ, имѣеть, однако, весьма сильное вліяніе на понятіе нравственной дѣятельности. Если у Юма исключительно внѣшній результатъ служилъ мѣриломъ поступка (такъ какъ только на основаніи его измѣрялась польза, которую получалъ другой отъ этого поступка), то у Смита центръ тяжести обсужденія лежитъ въ намѣреніи или побужденіи (*Gesinnung*). Ибо поступокъ другого, для того, чтобы вызвать въ насъ чувство симпатіи, долженъ пробудить въ насъ представленіе о томъ, что онъ вытекаетъ изъ нравственнаго побужденія. Поэтому, нравственный характеръ поступка покоится не на внѣшнемъ результатѣ, а на мотивѣ, изъ котораго этотъ поступокъ вытекаетъ. Однако, этимъ не отнимается еще совершенно значеніе у принципозъ пользы (*Nützlichkeitsmaxime*), а лишь приписывается имъ второстепенная роль. Правда, сами по себѣ они ничего не даютъ для нравственнаго настроенія, но, тѣмъ не менѣе, поддѣрпляютъ мотивы, вытекающіе изъ симпатіи, и при обсужденіи ихъ усиливаютъ производимое ими благопріятное впечатлѣніе. То-есть на ряду съ субъективнымъ чувствомъ симпатіи Смитъ признаетъ значеніе и за объективнымъ; онъ только старается опредѣлить его строго-психологически. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мы ставимъ себя уже не на мѣсто субъекта, т.-е. души совершающаго поступокъ, но на мѣсто объекта, которымъ является душа того, на кого направленъ поступокъ; соотвѣтственно этому, чувство симпатіи можетъ быть лишь отраженіемъ того чувства, которое возбуждаетъ въ каждомъ направленный на него поступокъ. Но поступки другихъ лицъ вызываютъ въ насъ благодарность, если мы чувствуемъ себя обязанными, или, напротивъ, чувство мести, если мы чувствуемъ себя оскорбленными. Объективное чувство симпатіи можно назвать поэтому также и чувствомъ возмездія, поскольку мы въ немъ мысленно соединимъ моменты благодарности и мести. Въ этомъ болѣе глубокомъ понятіи симпатіи заключается дальнѣйшій важный шагъ Смита сравнительно съ Юмомъ. Послѣдній не могъ вывести изъ естественнаго нравственнаго чувства одного изъ самыхъ значительныхъ этическихъ мотивовъ, и потому положилъ его начало въ рефлексіи: мы говоримъ о мотивѣ—справедливости. Смитъ указываетъ въ чувствѣ возмездія эмоциональный корень справедливости. Послѣднее есть лишь обобщенное чувство возмездія, и,

такимъ образомъ, становится также точно основнымъ, на ряду съ такъ называемыми естественными добродѣтелями Юма. При образованіи объективнаго права получаютъ полный просторъ обсужденіе и личное мнѣніе, но это право не считается здѣсь всецѣло результатомъ произвола, какъ принималъ это Юмъ, слѣдуя въ этомъ случаѣ по стопамъ Локка.

Только благодаря тому, что справедливость вытекаетъ изъ чувства, какъ это доказываетъ Смитъ, становится понятнымъ различіе по достоинству нравственнаго отъ прочихъ областей человѣческаго интереса, съ которыми оно такъ часто смѣшивается, напримѣръ, отъ полезнаго, приличнаго, разумнаго ¹⁾. Юмъ, у котораго нравственное въ отношеніи къ основнѣ чувствъ совпадало съ естественнымъ, а въ отношеніи къ справедливости (какъ добавленію)—съ разумнымъ полезнымъ, не могъ дать никакого объясненія этому различію по достоинству. Смитъ замѣчаетъ, что и чувство возмездія, если бы оно, подобно чувственнымъ аффектамъ и другимъ чувствамъ, оставалось въ индивидуальныхъ границахъ, никогда не могло бы достигъ такого господствующаго положенія. Но его отличаетъ то обстоятельство, что оно путемъ симпатіи сейчасъ же переносится на другихъ лицъ, и что всякій имѣетъ сознаніе объ этой переносимости. Каждый совершающій извѣстный поступокъ знаетъ, что послѣдній вызываетъ чувство возмездія не только въ томъ, на кого направленъ поступокъ, но, благодаря объективной симпатіи, и во всѣхъ другихъ; а это чувство, благодаря уже субъективной симпатіи, не столько относится къ результату поступка, сколько къ его мотиву. Въ сознаніи этой переносимости чувства возмездія заключается совѣсть, которая, такимъ образомъ, имѣетъ свой источникъ въ обществѣ, такъ же, какъ и основывающаяся на ней нравственная оцѣнка ²⁾. За религіей Смитъ, въ отличіе отъ Юма, признаетъ большое этическое значеніе, потому что она является самымъ существеннымъ средствомъ для того, чтобы придать всеобщимъ нравственнымъ заповѣдямъ большее значеніе и служить для подкрѣпленія естественнаго чувства обязанности. Даже въ самыхъ несовершенныхъ языческихъ религіяхъ не отсутствуетъ это моральное значеніе, такъ какъ онѣ, не смотря на грубое представленіе о богахъ, видятъ въ послѣднихъ исполнителей нравственнаго закона ³⁾.

¹⁾ А. а. О. С. 202 и слѣд.

²⁾ Тамъ же, ч. III, стр. 261 и слѣд.

³⁾ Тамъ же, отд. III, стр. 311 и слѣд.

Въ Адамѣ Смитѣ болѣе старое развитіе англійской нравственной философіи достигло своего заключенія и въ то же время своего высшаго пунета. Начатый Юмомъ психологическій анализъ нравственнаго онъ, съ удивительнымъ, по тогдашнему состоянію психологіи, мастерствомъ, довелъ до конца и освободилъ отъ инородныхъ составныхъ частей разсудочной морали, съ чѣмъ не могъ справиться Юмъ. Въ этомъ психологическомъ направленіи заключается сколько его сила, столько же и слабая сторона. Какъ бы ни былъ тонокъ его анализъ нравственныхъ мотивовъ и какую бы прекрасную услугу ни оказало ему въ этомъ отношеніи его открытіе субъективнаго чувства симпатіи, но введеніе послѣдняго все-таки оставляетъ за собой пробѣлъ, который былъ менѣе замѣтенъ у Юма, благодаря его выводу справедливости изъ рефлексіи. Если мы чувствуемъ симпатію къ побужденію (*Gesinnung*) добродѣтельнаго поступка, благодаря тому, что ощущаемъ удовлетвореніе для собственнаго нравственнаго побужденія или настроенія, то этимъ все-таки не дается еще отчета относительно послѣдняго основанія этого удовлетворенія. Ссылка на непосредственное чувство не отвѣчаетъ на вопросъ, а только отодвигаетъ его, ибо вопросъ идетъ о томъ, какіе мотивы имѣетъ это чувство. Если Смитъ въ качествѣ такихъ мотивовъ выставляетъ любовь къ честному и благородному, стремленіе къ великому и исполненному достоинства характеру, то это—кругъ (въ доказательствѣ), ибо остается еще установить, въ чемъ состоятъ представленія честнаго, благороднаго и т. д., и въ силу какихъ вѣдшихъ и внутреннихъ условій они могутъ возникнуть въ насъ. И съ психологической стороны Смитъ не напалъ на самое внутреннее зерно этического вопроса. Его анализъ превосходенъ, если мы предположимъ, что нравственные представленія уже даны; но въ своей исторіи возникновенія они остаются для насъ темными, если не считать того вліянія утилитарныхъ расчетовъ, которое самъ Смитъ ясно признаетъ лишь второстепеннымъ. Къ этой недостаточности изслѣдованія нужно присоединить и то, что психологическій вопросъ не единственный. Какъ ни старался Смитъ выяснитъ различіе нравственныхъ сужденій отъ другихъ, но ему не удалось представить главнаго основанія этого различія въ достоинствѣ поступковъ нравственныхъ отъ всѣхъ другихъ, а именно нормативнаго характера «этического».

Между тѣмъ, какъ, такимъ образомъ психологическое изслѣдованіе въ рукахъ самыхъ выдающихся представителей его, Гертля;

(Hartley), Юма и Смита, оказалось недостаточнымъ для обоснованія этики, въ качествѣ дополняющаго выступило другое направление этического умозрѣнія, которое полагало центръ тяжести для понятія о нравственномъ въ нормативномъ его характерѣ, и для большаго уясненія его обратилось къ метафизическому обоснованію этики. Прежде чѣмъ перейти къ этому развитію. стоящему въ совершенной противоположности съ эмпирическою моральною философіей англичавъ, познакомимся съ однимъ изъ отпрысковъ послѣдней, именно съ этикой французскаго просвѣщенія XVIII столѣтія.

е) Этика французскаго матеріализма.

Хотя на мировоззрѣніе французскихъ философовъ этого времени оказывали существенное вліяніе и національныя метафизическія традиціи, и матеріалистическая атомистика Гассенди, и натурфилософія Декарта, и, кромѣ того, политическое и социальное состояніе до-революціоннаго вѣка,—тѣмъ не менѣе этика ихъ ближе всего примыкаетъ къ этикѣ англійскихъ философовъ-моралистовъ, именно Локка и его утилитаристическихъ послѣдователей. Главнымъ представителемъ этой этики французскаго просвѣщенія является Гельвецій ¹⁾.

Мысли его въ нѣсколько измѣненномъ видѣ можно встрѣтить и у другихъ представителей того же направленія. Хотя онъ не можетъ назваться остроумнымъ и послѣдовательнымъ мыслителемъ, точно такъ же, какъ и тонкимъ психологическимъ изслѣдователемъ, тѣмъ не менѣе, безъ всякаго сомнѣнія, является самымъ выдающимся изъ французскихъ этиковъ того времени. Онъ строже и систематичнѣе своего предшественника, de-la-Mettrie, и его сочиненія обработаны съ большею логикой, нежели сочиненія энциклопедистовъ или «Система природы» (Гольбах). Изъ послѣдователей Локка онъ примыкаетъ ближе всего къ Мандевиллю (см. выше). Но отъ этого послѣдняго отличается практическимъ идеализмомъ, который вообще свойственъ французскому матеріализму, какъ и его противникамъ. Эти философы считали себя носителями новаго развитія міра. Ихъ краснорѣчіе направляется не только противъ тяжести извращенныхъ социальныхъ установленій, но и противъ ярма предрасудковъ и суевѣрій, которые, по ихъ мнѣнію, томятъ человѣчество. Они начертали

¹⁾ De l'esprit, Paris 1758. De l'homme, de ses facultes intellectuelles et de son education. Oeuvr. posth. Londres 1773.

